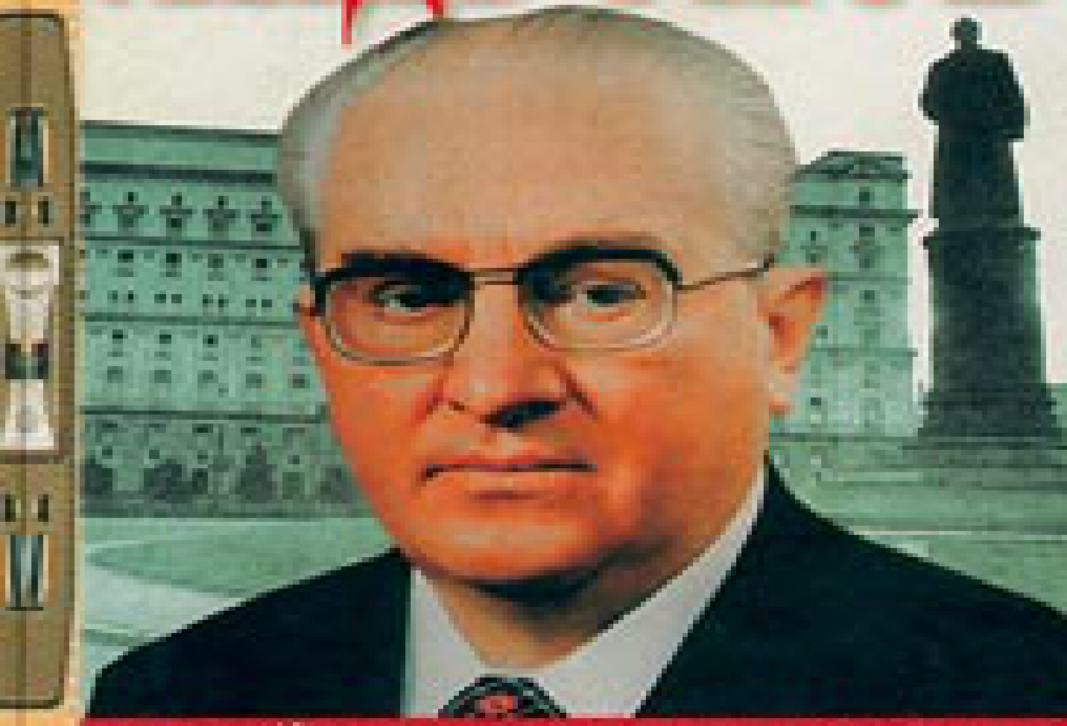
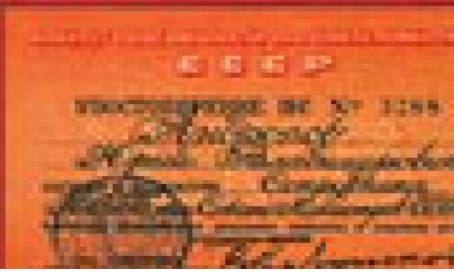
ДОСЬЕ БЕЗ РЕТУШИ

Сергей СЕМАНОВ

АНДРОПОВ



7 ТАЙН ГЕНСЕКА С ЛУБЯНКИ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сведения о жизни Юрия Андропова автору этой книги приходилось собирать с великим трудом. Ведь во всей мировой истории Андропов является одним из самых потаенных политических деятелей. Какие тайны скрываются за фигурой генсека с Лубянки? Почему и как глава КГБ стал лидером Советской страны после смерти Леонида Брежнева? Историк Сергей Семанов решил всмотреться в жизненный путь загадочного генсека и оценить его личные качества.

Микроскопический партийно-комсомольский работник в глухой российской провинции, Юрий Владимирович Андропов к исходу жизни неожиданно для всех взлетел на самую-самую кремлевскую высь. Но к этим заветным высям он целенаправленно и терпеливо стремился всю жизнь. Молча, тайно, не имея соратников, а только потаенных соучастников, столь же двуликих, как и он сам, он взлетел наконец на кремлевские небеса. Видимо, во всей мировой истории Андропов стал и останется самым потаенным главой тайной политической полиции! Он всячески укреплял коммунистический строй – и потихоньку подтачивал его. Сажал «диссидентов» в психушки – и одновременно создавал им будущую политическую карьеру. Боролся с буржуазным Западом – и в душе обожал западный образ жизни. Наконец, скрыл от всех свою первую семью и двоих детей, судьба которых – брошенных отцом – сложилась крайне тяжело.

Таков был этот потаенный деятель, неразгаданный и по сию пору.

- Сергей Семанов
  - КРАТКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ К ДОЛГОМУ РАССКАЗУ
  - Тайна первая
  - Тайна вторая
  - Тайна третья
  - Тайна четвертая
  - Тайна пятая
  - Тайна шестая
  - Тайна седьмая и последняя
  - ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ
    -
    - Документ № 1
    - Документ № 2
    - Документ № 3

        - Документ № 4
        - Документ № 5
        - Документ № 6
        - Документ № 7
        - Документ № 8
        - Документ № 9
        - Документ № 10
        - Документ № 11
        - Документ № 12
        - Документ № 13
    - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

Сергей Семанов
Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки

КРАТКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ К ДОЛГОМУ РАССКАЗУ

Мы приступаем к обстоятельному и сугубо объективному жизнеописанию и долгой деятельности небезызвестного в нашей истории Юрия Владимировича Андропова.

Человек в полном смысле без роду без племени, ибо то и другое он всю жизнь тщательно скрывал или даже нарочито искажал. Микроскопический партийно-комсомольский работник в глухой российской провинции, он к исходу жизни неожиданно для всех взлетел на самую-самую кремлевскую высь. Но к этим заветным высям он целенаправленно и терпеливо стремился всю жизнь. А цель была – тайная, среди множества других его тайн, больших и малых.

По мистике случайных цифровых совпадений он ровно 15 лет управлял политической полицией всемирной Советской империи, а на склоне жизни ровно 15 месяцев правил уже всей этой империей.

Сведения о его жизни собирать приходится с великим трудом. В отличие от своих предшественников Хрущева и Брежнева болтать о себе он не любил, мемуаров не составлял. Молча, тайно, не имея соратников, а только потаенных соучастников, столь же двуликих, как и он сам, он вознесся наконец на кремлевские небеса. В подземном мире лубянского ведомства водилось немало личностей честолюбивых и сильных, но никому ничего подобного добиться не удалось. А он сумел…

Видимо, во всей мировой истории Андропов стал и останется самым потаенным главой тайной политической полиции! Знаменитейший Фуше, сперва якобинский террорист, а потом обер-палач императора Наполеона, был куда более ясным и открытым. Ведь его переход из революционеров в контрреволюционеры ни для кого тайны не составлял, он и сам этого не скрывал никогда.

Наше отечество тоже имело в своем прошлом выдающихся мастеров политического сыска, в особенности в советскую эпоху. Да, придерживали кое-что в глубокой тайне от своих начальников и сотоварищей Дзержинский, Ягода и особенно Берия, не без этого. Но ведь не из Белой же армии перешли они в армию Красную, да и веру в идеалы коммунизма сомнению не подвергали. Вот Берию перед казнью объявили «империалистическим шпионом». Но это доказывает только неизбывную глупость Хрущева, его тогдашнего победителя. Нет,

при Сталине империалистические шпионы (без кавычек) в Кремле не сидели, появились они там много позднее…

Совсем иным оказался Юрий Владимирович. Он всячески укреплял коммунистический строй – и потихоньку подтачивал его. Сажал «диссидентов» в психушки – и одновременно создавал им будущую политическую карьеру. Боролся с буржуазным Западом – и в душе обожал западный образ жизни. Сам отчасти еврей по происхождению, он тщательно скрывал свое естество – и высылал советских евреев, лишая их паспорта и гражданства, на «историческую родину». Наконец, скрыл от всех свою первую семью и двоих детей, судьба которых – брошенных отцом – сложилась крайне тяжело.

Таков был этот потаенный деятель, не разгаданный и по сию пору. Расшифровкам его политической и личной тайнописи мы и посвятили настоящую книгу.

В нашей и зарубежной литературе об Андропове говорят, а точнее – сплетничают, очень много. Причина проста: интерес к этой загадочной личности в обществе весьма велик, подлинных же сведений о его жизни и деятельности, тем более документов, пока немного. Спрос рождает предложение, а нравы нашего книжно-газетного рынка печально очевидны.

За примерами далеко ходить не надо. Вот только один, зато самый свежий, а по своей бесцеремонности прямо-таки поразительный даже для нашего разнузданного времени. Газета «Совершенно секретно» не так давно поместила очередную «сенсацию». Материал называется, как принято в этом печатном органе, броско, крикливо: «Операция «Голгофа». Секретный план перестройки». Статья, с цитатами из так называемых «дневников» и «документов», имеет авторскую подпись: Михаил Любимов. Он представляется ответственным сотрудником КГБ, близким к Андропову, но рассказы его (а следовательно, и цитаты) имеют необычное жанровое определение, за долгую литературную жизнь я такого не слыхал: «Из мемуар-романа». Странно…

Термин «мемуары» имеет в науке точное определение: «Повествование в форме записок от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был». Ну, а что такое «роман», пояснять никому не нужно. Отставной полковник КГБ Любимов для пенсионных забав попытался совместить несовместимое: описание «реальных событий» с «художественным» вымыслом.

Из этой смеси кислого с пресным нельзя извлечь ничего достоверного. Андропов представлен в виде какого-то мистического злодея, плохой пародии на известного Великого инквизитора. Разбираться тут нечего. Мы привели этот образчик,

как, пожалуй, самый крайний случай мифотворчества по поводу Андропова. Подобных примеров множество: одни байки сменяются другими.

Нет слов, Юрий Владимирович Андропов заслуживает самого пристального внимания. Поскольку подлинного фактического материала пока немного, то всякому автору, берущемуся за эту тему, требуется строжайшая объективность. Этого мы и будем строго придерживаться, отметая все слухи и сплетни, как бы они ни были соблазнительны для иных авторов, да и читателей.

Мне довелось стать объектом действий андроповских подчиненных, моя скромная персона сделалась даже предметом его личного внимания. Об этом есть свидетельства и документы, их мы и будем строго придерживаться. Как и во всем остальном в этом документальном историческом повествовании.

* * *

…19 декабря 1981 года весь советский народ и все «прогрессивное человечество» отмечали знаменательную дату – семидесятипятилетие Леонида Ильича Брежнева. В тот же день «Правда», множество иных наших и зарубежных газет опубликовали один и тот же парадный фотоснимок. При Брежневе, как и при византийских императорах, внешнему ритуалу придавалось огромное значение, тем паче что его легко можно было запечатлеть на пленку и тиражировать на сотни миллионов телезрителей и читателей всей планеты. Присмотримся же к этой истинно исторической фотографии.

В кадре тридцать восемь персон, одиннадцать восседают на одинаковых креслах, в центре, естественно, юбиляр, а рядом удостоились той же чести Тихонов, Суслов, Громыко, и Черненко, а также вожди шести «соцстран»: Кадар, Чаушеску, Живков, Гусак, Хонеккер и скромный монгол Цеденбал, Отсутствие руководителя «братской Польши» Ярузельского не случайно: недавно он совершил в своей стране военно-политический переворот и был по сему случаю «невыездным» (прекрасный аппаратный термин!). Все прочие советские члены Политбюро и секретари ЦК стояли, причем в довольно произвольном порядке. Интересующий нас Андропов разместился во втором ряду четвертым справа, довольно-таки далеко от Брежнева. Все мы тогда обратили внимание, что на таком параде публично присутствовали ближайшие помощники Генсека А. Александров и Г. Цуканов, а из полутора десятков заведующих отделами ЦК чести удостоился

лишь один – Л. Замятин (кстати, его отдел был занят исключительно так называемой «внешнеполитической пропагандой» – совершенно бессмысленное дело в рамках отлаженной цековской бюрократии; но «зав» был любимчиком Брежнева, ибо главной задачей нового отдела, созданного три года назад, было именно восхваление Леонида Ильича в зарубежных средствах массовой информации).

По-своему это фото производит грустное впечатление – уж больно несчастливая судьба ожидала вскоре почти всех этих людей. Одни скончались тихо-мирно (Брежнев, Суслов, Устинов, Черненко, сам Андропов), иным досталась худшая судьба: покончил с собой узбекский вождь Рашидов, с позором ушли в отставку Кунаев и Гусак, Чаушеску убили вместе с супругой, насиделись в тюрьме Живков и Хонеккер… Да что вспоминать!

Отчасти «падёж» (просим прощения за грубоватое слово) кремлевского ареопага был естественным: в миг торжественного фото всем членам советского Политбюро было на круг 989 лет, прямо-таки Авраамов возраст! «Лидировал» зам Брежнева по Верховному Совету В. Кузнецов (ровно восемьдесят недавно миновало), а Андропову было «только» шестьдесят семь, «молодой», при среднем возрасте своих коллег в семьдесят шесть с половиной лет.

Весь сознательный советский народ, все прогрессивное, а уж тем паче – не совсем прогрессивное человечество крутили головами, глядя на фото. Кто же? Кто станет наследником дряхлого до жалости Брежнева? О, вопрос был сложный!

Значит, гадали все, но, как выяснилось, мало оказалось угадавших. Конечно, имя Андропова в предстоящих кремлевских пасьянсах называлось многими, у нас и за рубежом.

Во-первых, здоров (таким он и выглядел, даже с тяжестями тренировался; по этому поводу, мне рассказывали, у него целый набор гирь имелся в служебном кабинете; многие подхалимы на Лубянке пытались ему даже подражать и обзавелись собственными гирями, но вряд ли кто из них знал, что шеф КГБ уже поражен опаснейшим недугом).

Во-вторых, относительно молод.

В-третьих, ни он, ни его семья ничем порочным не были скомпрометированы. (Это верно. Я хорошо знал его сына и дочь от второго брака. Теперь, много лет спустя, могу с уверенностью сказать, что они были люди положительные, и это отличало их от многих иных представителей кремлевской поросли; Игорь Юрьевич, служивший в 70-х в МИДе, любил, правда, подзашибить, но в России это грех невеликий.)

Но последнее – четвертое – это уже был и плюс, и минус

Андропова, как смотреть.

Пятнадцать долгих лет провел он на посту главы политической полиции в СССР. Этих «органов» люди боялись, что хорошо всем известно, поэтому популярность лубянских руководителей была очень низкой, и не только у рядовых граждан, но и в партаппарате, вооруженных силах. Политическое руководство СССР тоже опасалось своих свирепых охранников, справедливо видя в них возможных соперников по дележу власти. Например, при Ленине всемогущий, по видимости, Дзержинский не входил в Политбюро, кандидатом в него он стал только в июне 1924 года с подачи Сталина – тот использовал «Железного Феликса» в борьбе со своими соперниками.

Дзержинский вскоре умер, а потом Сталин менял шефов Лубянки простейшим способом – казнил их. Берия, казалось, имел все возможности взять власть в 1953-м, но товарищи по Политбюро его дружно скинули и тоже казнили. Шелепин возглавлял КГБ недолго (1958—1961), но оставил в верхушке аппарата множество своих преданных соратников из комсомола, включая прямого наследника Семичастного. Хотел ли Шелепин «со товарищи» взять власть, или ему это приписали, но факт бесспорен: не взял он власти, был унизительно устранен во второстепенное ведомство.

Брежнев и его ближайшее окружение в ПБ держали Андропова под контролем (об этом позже), но главное – в партии уже сложилась традиция: из партаппарата путь в «органы» был обычен, но обратно… Как сказать… Во всяком случае, Генеральные секретари с Лубянки в Кремль еще не приходили. И даже первые секретари обкомов и союзные министры тоже.

Итак, за Андроповым стояла огромная сила, она же служила ему определенным препятствием в репутации партийной верхушки. Да, конечно, он никак не походил на Дзержинского, Ягоду или Берию, но все же, все же…

Теоретически возможности для силового решения в свою пользу у Андропова имелись. Во-первых, Девятое управление КГБ (в просторечии – «девятка»). Это самое малочисленное, пожалуй, подразделение Лубянки занималось делом весьма пикантным – охраной высшей партийно-государственной верхушки и членов их семей. «Охрана» еще со сталинских времен понималась весьма широко: не только возле учреждений, жилищ и госдач (своих, то есть лично принадлежащих, тогда этому слою лиц иметь не полагалось), но и во время любого рода поездок и передвижений. Вся обслуга тоже подбиралась и подчинялась «девятке», включая лечение, питание и отдых. Обычная и специальная связь также находилась в ведении «органов», ими опекалась. Итак, КГБ был не

только верным сторожем, но и доброй нянькой своих вождей.

Верность… Доброта… Это могло обернуться по-разному. Не станем уже поминать о сталинских временах, но и Хрущева изолировала от рычагов управления та же «девятка». На отдыхе в Пицунде… Были еще Вооруженные силы, мощь которых неизмеримо превосходила все боевые возможности КГБ. Но… с 1918 по 1991 год, от Троцкого – Дзержинского до Горбачева – Крючкова армия была стреножена теми же «органами» очень цепко. Во всех армиях мира, начиная с египетских фараонов, существовали службы контрразведки, то есть борьбы с проникновением агентуры противника в свои ряды. Единственное исключение – Великая Советская армия. Она своей контрразведки не имела. Ее место занимали так называемые «особые отделы» (начиная с полка и выше), которые подчинялись отнюдь не армейскому командованию, а Третьему управлению КГБ (ЧК, ГПУ и т.д.). Оно, естественно, наблюдало не только за вражеской агентурой, но и следило за своим непосредственным командованием. Нелепо, унизительно для Вооруженных сил, но было именно так. В этом сказалась паническая боязнь «бонапартизма», о чем задумывался Ленин еще до Октября. А Сталин, учтя некие помыслы Тухачевского, этот порядок сохранил.

Однако надо помнить и другое: за всеми этими и не названными здесь силовыми и административными структурами властно стояла Партия, то есть партаппарат, контролировавший все, включая самые деликатные подразделения КГБ. В ЦК имелся Административный отдел, контролировавший армию, МВД, прокуратуру и те же органы госбезопасности. В коллегии КГБ СССР имелся свой парторг, назначаемый ЦК, как правило, из бывших сотрудников Адмотдела. Так строились эти взаимоотношения вплоть до далекого провинциального города или района.

В этих условиях решиться на попытку переворота мог только авантюрист; Андропов к такому типу никак не относился: он обладал большой выдержкой, волей и осмотрительностью.

Однако после смерти Брежнева глава непопулярного ведомства все же преемником его стал. Почему, как? Для этого надо всмотреться в служебный путь Юрия Владимировича и попытаться оценить его личные качества, тому способствовавшие. Его пристрастия и привязанности, весьма характерные. Его вкусы. Его национальное происхождение, наконец.

Тайна первая
ПРОИСХОЖДЕНИЕ

«Темно и скромно происхождение нашего героя… Жизнь при начале взглянула на него как-то кисловато, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: ни друга, ни товарища в детстве! Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето, отец, больной человек…».

Гоголь, Гоголь, великий русский писатель, он предвидел в судьбе родины, кажется, все, включая появление на свет божий Андропова Юрия Владимировича.

Да, происхождение его «темно», это уж точнее не скажешь. Присмотримся к биографиям советских вождей – Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева. Там с их «происхождением» все совершенно ясно и бесспорно: где родились, каковы семьи и окружение, национальность, детство – с самых нежных времен. Известно, подробно описано, никаких сомнений не вызывало и не вызывает. А тут совсем иной случай.

Прежде всего, ни в одном из существующих до сей поры справочных изданий ничего не сказано об именах и возрасте родителей, братьях и сестрах (если такие были). В справочнике 1974 года говорится: «Родился в семье служащего-железнодорожника», в энциклопедическом справочнике за 1981 год вообще ничего о том не сказано, и только в газетах от 13 ноября 1982 года приведены кое-какие подробности: «Родился в семье железнодорожника на станции Нагутская Ставропольского края». И все. О матери вообще слова нет.

Весьма сомнительным в биографии Андропова является вопрос о его национальности. Вообще-то подобной темы советские официальные издания с давних пор и вплоть до нынешних старались избегать. Дело повелось еще с 20-х годов, когда многие «пламенные революционеры» по разным причинам любили псевдонимы, а рассуждать о своем национальном происхождении, напротив, не любили.

Так вот, в энциклопедиях и прочих справочниках о национальности Андропова ничего вообще не говорится. Есть одно исключение – биографии членов Верховного Совета в 1974 году; там о нем сказано кратко: «русский». Впрочем, тот же источник причисляет к русским Александрова-Агентова, Арбатова, Замятина, Иноземцева и т.д. по алфавиту.

Но вот в «Правде» появляется первая официальная биография Андропова в качестве Генсека. Помню, всех поразило тогда: его

национальность никак не была обозначена. Никак. Это было неожиданно, ибо не только партийные верхи, но и космонавты без этой анкетной приметы перед народом еще не выступали. Ясно и то, что без ведома самого новоиспеченного Генсека такое было бы невозможно.

С тех пор болтают разное, причисляют его и к грекам, и к евреям, и к северокавказцам, но это пока одни сплетни. Только узнав о его родителях и родне, можно будет что-то определенное установить. Но это – не сегодня и вряд ли даже завтра. А пока ограничимся лишь тем, что есть в наличии.

Итак, документальных данных бесспорного характера о национальном происхождении Андропова до сих пор не имеется. А что есть? Только разного рода более или менее достоверные предположения. Одним из первых высказался профессиональный диссидент и упорный интернационалист Рой Медведев. В 1993 году он заявил весьма уклончиво: «Будущий генсек рано потерял родителей; его отец умер, когда Юрий был еще маленьким ребенком. Мать снова вышла замуж, но ненадолго пережила первого мужа. Она была учительницей, и после ее смерти Юрий жил и воспитывался в семье отчима. Учился он в семилетней школе города Моздока» и т.д. Как видно, интернационалист Рой о национальности своего героя вообще не счел нужным упомянуть. Какая, мол, разница, товарищи…

Впрочем, через шесть лет Медведев снова вернулся к этому сюжету. В другой своей книге, гораздо более широкой по привлеченному материалу, ему пришлось откликнуться и на другие точки зрения. «В статьях авторов «русского направления» можно найти немало спекуляций относительно чистоты родословной Юрия Андропова. У него находили следы армянского, греческого и, конечно же, еврейского происхождения. «Происхождение Андропова темно, – пишет Сергей Семанов. – … Только узнав о его родителях и родне, можно будет что-то определенное установить. Но это – не сегодня и вряд ли даже завтра». Но молодые люди 20—30-х годов, как и лидеры страны и партии, мало думали о своих ближних и дальних национальных корнях, тем более на Северном Кавказе. На первом месте в Советском государстве стоял социальный статус, у Юрия Андропова он был по тем временам безупречен».

Нет, наводит тут тень на плетень интернационалист Медведев! В двадцатых годах, когда в правящей советской верхушке царила открытая русофобия, с «национальными корнями» очень даже считались. Евреев на властных сферах было тогда чрезвычайно много, но часто они брали русские фамилии и даже записывались русскими, а заикаться об этом вслух, тем паче

– задавать уточняющие вопросы почиталось делом идейно порочным.

Медведеву вторил другой крупный интернационалист, но уже русского происхождения, отставной генерал-политработник Д. Волкогонов, известный «кающийся коммунист». В 1995-м он писал: «На Западе многие писали, в частности А. Авторханов, что у Андропова мать – еврейка. То, что в нормальном обществе никогда и никого не интересует, в СССР приобретало некий зловещий и магический смысл». Странно. Ни чукчи, ни чеченцы, как и чуваши, черкесы и многие бесчисленные народы, никогда не скрывают своей национальности, напротив, охотно говорят о том, но вот о еврейском происхождении кого-либо толковать в «нормальном обществе» нельзя…

Заметим, что оба интернационалиста напрочь уходят от вопроса о национальности Андропова. Ну, назвали бы его русским или греком, кем угодно еще. Нет и нет. А ведь лукавили оба автора, знали они истинное происхождение своего героя, иначе не петляли бы так в общих словах.

Впрочем, знали об этом, как говорится, «все, кому положено». Мне рассказывали под запись отставные чекисты в немалых чинах, что на Лубянке истинную национальность своего шефа ведали доподлинно и меж собой о том не стеснялись даже говорить (не на партсобраниях, конечно). Знали и столичные журналисты, и писатели, и идеологические столичные верхи.

Впрочем, осведомленность о происхождении Андропова имелась и в провинции, даже весьма отдаленной. Один из ближайших сподвижников М. Горбачева рассказывал, когда оба они находились уже в глубокой и не очень почтенной отставке: «Однажды Горбачев сказал: «А что Андропов сделал для страны? Думаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересажавшего в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают»». (В.И. Болдин. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 135).

Ну, ясно, о какой именно «половине крови» намекал Горбачев, о той самой, о которой в «нормальном обществе» говорить не положено…

Как теперь достоверно известно, сам Андропов об этих разговорах на свой счет был вполне осведомлен. Однажды он поделился этим с главным кремлевским лекарем, небезызвестным в свое время Евгением Чазовым. Вот что тот рассказал в 1995 году в позднейших воспоминаниях. «Недавно мои люди, – говорил Андропов, тогда еще глава КГБ, – вышли в Ростове на одного человека, который ездил по Северному Кавказу – местам, где я

родился и где жили мои родители, и собирал о них сведения. Мою мать, сироту, младенцем взял к себе в дом богатый еврей. Так даже на этом хотели сыграть, что я скрываю свое истинное происхождение».

Если все это так невинно, то почему Андропов, внимательно следивший за общественным мнением и очень серьезно к нему относившийся, не принял никаких мер, чтобы эти неприятные для него разговоры прекратить? Ну, хотя бы сообщить то, что он сказал Чазову? Ведь помимо публикации в «Правде», существовало множество способов косвенного распространения нужной информации. Уж кто-кто, а глава советской политической спецслужбы не мог не ведать, как это в подобных случаях делается. И не только в нашей стране.

Мог, но не сделал даже намека. Побоялся открыто коснуться этого острого в условиях нашей страны вопроса. Предпочел скрыть свое истинное национальное происхождение. И это лучшее доказательство того, что он был кровно связан с еврейством. Это доказывается (то есть подтверждается) его неретушированными фотографиями, где семитские черты проглядывают порой весьма явно. А еще – кругом его приближенных, причем именно тех, которых он подбирал сам, а не тех, которых ему так или иначе навязывали. Об этом будет подробно рассказано позже.

О национальном происхождении Андропова успел высказаться уже на исходе 2000 года оригинальный русский писатель и публицист Вадим Кожинов. Возражая одному провинциальному изданию, где Андропов без обиняков называется «евреем», Кожинов писал:

«Действительно еврейский тип лица был у Андропова, что казалось странным, ибо тот сделал карьеру в 1951 году (был переведен из Карелии в Москву, в ЦК партии), когда имели место гонения и ограничения в отношении евреев. Но в 1993 году я беседовал с бывшим заместителем председателя КГБ Андропова, Ф.Д. Бобковым, и он сообщил мне, что, как в конце концов выяснилось, мать Андропова родилась в еврейской семье, но еще в раннем детстве осиротела и была удочерена русской семьей, по всем документам являлась русской и, возможно, даже не знала о своем этническом происхождении.

В бытность председателем КГБ Андропов по существу «разгромил» движение «правозащитников», в котором господствующую роль играли евреи, стремившиеся выехать из СССР. Наконец, даже если считать, что он тайно проводил какую-то «еврейскую» линию, ему довелось править страной немногим более года и к тому же в крайне болезненном состоянии, и он

едва ли мог существенно повлиять на ход событий».

Суждение такого авторитетного человека, как покойный ныне Кожинов, в любом случае заслуживает внимания, почему мы его и приводим. Однако нельзя не отметить, что словам многократно изменчивого генерала Бобкова доверять нельзя, да еще по такому щекотливому вопросу, как национальное происхождение его бывшего шефа. Ну, а сокрытая «тайна рождения» – это напоминает романы Виктора Гюго или некоторых его современников-романтиков. На исходе XX века к этим сюжетам следует относиться осторожнее…

А в завершение скажем, что многие решительные высказывания на этот счет в нынешней печати требуют осторожного подхода. Например, публицист А. Игнатьев прямо написал, что Андропов – еврей, а его подлинная фамилия – Либерман. И в этом он не одинок, есть другие авторы статей и брошюр, они называют самые разные фамилии еврейского происхождения, приводят всевозможные слухи на этот счет. В этой пестрой картине общее лишь одно – отсутствие документальных подтверждений.

Та же недоговоренность и неясность имеется вокруг детства Юрия Андропова. Мать его вроде осталась сиротой и кем-то была удочерена. Но кем, когда, до сих пор ничего достоверного не обнаружено. Сам он рано остался без отца, мать вторично вышла замуж, но вскоре тоже скончалась, оставив Юру круглым сиротой. Заметим, что это уже было время войн и революций, а на Северном Кавказе классовые и военные столкновения противоборствующих сторон отличались особенным ожесточением, а вооруженные стычки продолжались аж до 1922 года. Время куда как неблагоприятное для счастливого детства. А тут еще раннее сиротство…

О семье отчима (если Юрий в этой семье действительно жил) не известно ровным счетом ничего. О школе тоже, но одно можно утверждать точно: учиться маленький Юрий начал уже в советское время в начале двадцатых годов. Время это для школьного обучения было до крайности неблагоприятным, старая гимназическая система была беспощадно порушена, а новая еще не сложилась, а главное – подвергалась многочисленным псевдоновациям, многие из которых, были, если говорить мягко, дурными и даже вредными. Ясно, что в детстве доброго воспитания и обучения мальчик Юра получить не мог, даже если отличался бы способностями. Впрочем, и об этом точно не известно пока ничего.

Итак, можно подвести определенные итоги самого раннего периода в жизни будущего Генсека. Он вырос в тяжелой

нравственной и социальной обстановке, это касалось и семьи, и окружавшей его действительности. Известно, что дети, выросшие в сиротской доле, очень часто становятся замкнутыми и скрытными – в противоположность тому, как дети счастливых или добрых семей вырастают жизнерадостными и общительными. Бесспорно, что эти качества Андропов сохранил до конца своей долгой жизни. Впрочем, для главы политической спецслужбы это, видимо, оказалось качеством небесполезным. Для него самого, во всяком случае…

И еще. Природная скрытность его характера была усилена необходимостью скрывать свое неясное, а скорее всего – еврейское происхождение. Почему так было, не надо объяснять, исходя из условий советской действительности от тридцатых и вплоть до семидесятых годов. На словах эту сторону своей природы Андропов тщательно скрывал, но в личных отношениях и пристрастиях она проявлялась, о чем в своем месте.

Станция (полустанок) Нагутская мною обнаружена в самом-самом подробном железнодорожном справочнике, это на полпути между Минеральными Водами и Невинномысской; местность там сухая, пустынная, хотя движение по дороге весьма напряженное. Видимо, на такой станции Андропов-старший мог быть только каким-нибудь мелким служащим, а детство Юры проведено в домике с маленькими окнами…

Дальше с ним что-то случилось. Очень рано, не получив образования или специальности, ушел из дома на заработки. Было это в том самом тридцатом году, когда по всей стране рушились судьбы огромного множества людей. (И опять угадал Гоголь: «Отец, больной человек…») Сперва работал в сравнительно недалеком от родных мест Моздоке (один из справочников уточняет: «рабочий телеграфа»), затем какое-то время – матрос на Волге. (Почему там, а не на близком Каспии или Азовско-Донском бассейне? Знать, что-то уводило его от родных мест…)

Осел двадцатилетний Андропов в крепком верхневолжском городе Рыбинске (население в ту пору – около ста пятидесяти тысяч), здесь был, однако, крупный речной порт. Юрий поступил в техникум водного транспорта и окончил его (когда, как – неизвестно; на мой запрос в местный архив кратко ответили, что документы данного фонда не сохранились; почему уж так – неясно, ибо в сорок первом году немцы к этим местам даже не подходили).

…Некоторые мемуаристы рассказывали, что Андропов уже в зрелые годы часто вспоминал своего боцмана с волжского судна, который учил его, молодого: «Жизнь, Юра, как мокрая палуба. И

чтобы на ней не поскользнуться, передвигайся не спеша. И обязательно каждый раз выбирай место, куда поставить ногу!» Не знаем, чему научился Андропов у своих педагогов в техникуме, но боцманский урок он усвоил твердо. И следовал ему всю жизнь. С ранней юности он стал заниматься общественной работой, достоверных сведений о том, впрочем, мало. Вступил в комсомол (когда, где – неизвестно). И все это тихо и не спеша.

По окончании техникума Андропов получил назначение в Рыбинскую судоверфь, которая тогда быстро развивалось, как и все народное хозяйство Советского Союза. И тут произошло, как теперь выражаются, «знаковое явление»: молодой специалист под днищем строившихся судов не корпел, а сразу стал освобожденным секретарем комсомольской организации. То есть маленьким, мельчайшим, но «ответственным работником». И в этой ипостаси ему довелось провести всю свою жизнь – ни судов он не водил, ни стройками не руководил, ни даже вражеских шпионов не ловил. Только руководил.

Для всякого руководящего деятеля немаловажное значение имеет его семья, облик и судьба близких, это как бы дополнительная характеристика его самого, порой довольно выразительная. Когда Андропов взлетел в кремлевские верхи, а потом и вошел во всесильное Политбюро, о его семье стало кое-что известно. Разумеется, строгая советская этика не допускала тут подробных описаний и суждений, даже публиковать такое было почти невозможно, однако основные черты тут знали, в общем-то, все. Ну, кто уж очень желал…

Так вот, все знали, что у Андропова есть сын и дочь, а жена нигде не показывается и вроде бы нездорова. Но и тут оказалась тайна, причем в масштабах отдельного человека весьма серьезная. В своей первой книге об Андропове мне удалось опубликовать весьма любопытные сведения, это было впервые. Воспроизведем их теперь, ибо шесть лет назад такие новости стали весьма неожиданными, но лишь недавно получены тут точные подробности.

«О жизни молодого Андропова в Рыбинске мы знаем одну лишь достоверную подробность. Писатель Аркадий Савеличев, родившийся и выросший в тех же примерно краях, рассказал мне осенью 1983 года: его тетка Нина была первой женой Андропова, жили они в одной комнате рабочего общежития, имели сына и дочь, он уже стал комсомольским работником; когда его позже перевели в Петрозаводск, они с Ниной расстались, а там он вновь женился на учительнице; судьба детей неизвестна. (Ну, о тех детях Андропова писали в «желтой» прессе первых дней перестройки, судьба их сложилась не очень удачно, отец вроде бы

о них не заботился, но это опять-таки сплетни.)».

Так было сказано в нашей книге «Юрий Владимирович. Зарисовки из тени», написанной и изданной в 1995 году. Через несколько лет появились новые достоверные публикации, где картина жизни первой семьи Андропова и двух его старших детей уточнялась и дополнялась доподлинными подробностями. Наилучшую публикацию на этот счет журналистки Юлии Жбановой мы воспроизводим ниже с некоторыми сокращениями за счет общих мест, столь характерных для газетной публицистики («Слово», 10 июня 1999, № 43, Москва).

«…Родители жили в Ленинграде. Мать Володи – Нина Ивановна Енгалычева училась в институте. Готовилась стать следователем. И когда ее мужа Юрия Андропова направили в Карелию секретарем ЦК комсомола, за ним не последовала.

Двое детей – трехлетняя дочка Евгения и годовалый Володя – остались с ней.

В Карелии тем временем назревали серьезные события. Финляндия вынашивала экспансионистские планы в отношении Карельского полуострова. ЦК ВЛКСМ прислал депешу, где говорилось о необходимости создавать группы диверсантов для работы в тылу врага. Среди них были и девушки. Одна из них – Таня, Татьяна Филипповна, невысокого росточка девушка – будущий диверсант – запала молодому секретарю ЦК в душу. Он смертельно боялся потерять ее. Все чаще стал отстранять ее от опасной работы: засылки в тыл врага. Вскоре она стала его второй женой. Первая, Нина Ивановна, уже работала следователем, когда до нее дошли слухи о переменах в личной жизни мужа. Она собралась было «сигнализировать» об этом начальству. Но тут последовал развод. Нина Ивановна вскоре уехала с детьми на родину в Ярославль, где вторично вышла замуж,

…В молдавском городе Тирасполе случай свел меня с Марией, невесткой Ю.В. Андропова. Здесь я и услышала рассказ о жизни ее семьи. А пачка писем от Татьяны Филипповны из Москвы дополнили трагическую судьбу старшего сына председателя КГБ – Юрия Владимировича Андропова.

Владимир прилетел в Кишинев впервые осенью 1962 года. Ему шел двадцать третий год. А за плечами уже давили две судимости: первая по малолетству условно, вторая с отсрочкой приговора. И незаконченное среднее образование. С таким «багажом» найти работу самому было очень трудно. В те времена Ю.В. Андропов был лишь заведующим отделом ЦК КПСС. Фигура на партийном небосклоне не знаковая. И Володя Андропов стал работать механиком-наладчиком в конструкторском бюро Тираспольской швейной фабрики. Со своей будущей женой

Марией там и познакомился.

На свадьбу приехало много Машиных родственников. Со стороны жениха не было никого. Молодожены сняли квартиру. А когда родилась дочка Евгения, им дали в общежитии комнату. Она имела одно «удобство» – маленькая кухонька, закуток. Жизнь молодых Андроповых шла своим чередом. Володя учился и работал. Мария растила малышку и нежно любила мужа. Он впервые почувствовал, что нужен семье.

В 1967 году Юрий Владимирович Андропов стал председателем Комитета госбезопасности. По этому случаю Владимир ездил навестить отца. Он его по-мужски любил и очень в нем нуждался. Советам отца следовал всегда беспрекословно уже потому, что рано лишился отцовской заботы. Однако вернулся из Москвы через два дня. Мария не спрашивала ни о чем. Ей было и так понятно.

К тому времени Владимир успел уже закончить в Киеве четырехмесячные курсы механиков-наладчиков. Но была мечта – заочно получить высшее образование. Сын не просил отца зачислить его в вуз «по блату». Он готовился сам сдавать экзамены. И Андропов-старший предложил ему два решения: «Может быть, тебе стоит потратить один год и закончить в вечерней школе 10-й класс, и тогда ты будешь иметь настоящий аттестат. Это один вариант. Может быть и другой. Я узнал, что в Кишиневе есть электротехнический техникум. В него принимают после 8-го класса. Справку об окончании 8-го класса ты, конечно, легко мог бы получить в Ярославле».

В конце письма, чтобы как-то загладить свое нежелание помочь сыну, а может, оправдать себя, он пишет назидание: «В Москве я постеснялся спросить тебя относительно того: готов ли ты к экзаменам для поступления в институт, а ведь это вопрос – не последний. Думаю, что для экзаменов в техникум знаний у тебя хватит».

Едва ли это утешило его первенца Владимира, которому явно не повезло с родителями. Так, наверное, рассудит читатель. И будет не прав. Из того же письма; «Очень сожалею, что не смог помочь тебе, но ты должен понять, что если я так пишу, значит, по-иному ничего сделать нельзя». Пожалуй, с этим можно согласиться. Партийная иерархия, в особенности высших этажей власти, рождала крайности. Либо – всевластие и цинизм, либо – аскетизм и жертвенность. Личные чувства тщательно приходилось скрывать.

…Беспризорное Володино детство стало давать о себе знать. Все чаще его здоровье подвергалось опасности рецидивов. И однажды «скорая» увезла Владимира Андропова в Бендеры. Там 4

июня 1975 года он скончался в городской больнице. Ему было 35 лет.

Юрий Владимирович послал бывшей жене телеграмму: «Похороны Владимира в Бендерах 5 июня». Мать Володи, Нина Ивановна, в тот момент разводилась с очередным мужем и была занята имущественной тяжбой. Это дело ей показалось важнее проводов сына в последний путь. Юрий Владимирович тоже не смог присутствовать на похоронах своего старшего сына. На кладбище в Бендерах он никогда не приезжал…

…Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович скончался, и его невестка Мария, тогда уже вдова, вылетела с дочерью в Москву. Ни на миг она не сомневалась, что это ее дочерний долг. В квартиру на проспекте Кутузова их не впустили. У подъезда дома перехватили и отвезли в гостиницу, где размещали родственников покойного.

На похоронах она пробыла всего несколько часов. Ее удивило, что их то выставляют из помещения, где стоял гроб, то снова приглашают войти в зал. Секрет оказался прост и циничен: когда в одну дверь входили члены правительства, родственников уже выводили через другую. Мария Андропова сочла это для себя оскорбительным. Вечером того же дня улетела домой. Благо последний долг высокопоставленному родственнику она отдала…

Мария продолжает жить в Тирасполе. Она вторично вышла замуж. Фамилию оставила прежнюю – Андропова».

Что ж, характеристика Андропова Юрия Владимировича выстраивается тут не оценками, а достоверными сведениями, картина в итоге получается весьма выразительной. Ну ладно, с женой первой расстались, бывает. Но брошенные без заботы дети… Это уж по любым меркам понятно как выглядит. И время было страшное, и сам ведь не бедствовал отнюдь. Хладнокровно переступил через собственных ребятишек карьеры ради, тут другой оценки быть не может.

Ладно, постараемся быть объективными. У молодых мужчин порой слабо развито чувство отцовства, случается в таких случаях всякое. Но повзрослев, приобретя от своего и чужого опыта житейскую мудрость, грехи юности множество мужчин так или иначе пытаются исправить, смягчить хотя бы. А тут? Ледяным холодом веет от доброжелательных советов по поводу вечерней школы или техникума. И эта трусоватая, по сути тайная переписка с несчастным сыном… И нежелание встреч с ним… Да, скрытен, холоден и бессердечен был тогдашний глава госбезопасности в жизни личной. А о его «общественной жизни» расскажем позже.

Мы нарочно задержались на этом сюжете, доведя его до

конца, чтобы более к нему не возвращаться. Выразительность данного эпизода только выигрывает. Следим далее за карьерой нашего героя.

На комсомольском поприще молодой Андропов делает стремительную карьеру. Работник он был, безусловно, дельный и трудолюбивый, но успехи-то служебные определялись тогда, к сожалению, иными причинами. Кровавая чистка в партийном аппарате второй половины тридцатых годов создала множество руководящих «вакантных» мест. Вот почему тех, кто был помоложе и никак не мог быть причислен к деятелям оппозиции, в ту пору возносил стремительный восходящий поток, хотя заслуги этих новых выдвиженцев, да и способности их порой оказывались весьма скромными. Вот Брежнев: в 35-м он лишь рядовой инженер в провинциальном Днепродзержинске, а уже в 39-м, стремительно передвигаясь по опустевшим руководящим креслам, делается секретарем Днепропетровского обкома, одного из крупнейших во всем СССР.

Буквально так же подскочили в те годы будущие коллеги Брежнева по Кремлю: Суслов в 39-м – первый секретарь Ставропольского крайкома, Кириленко примерно в ту же пору – второй в Запорожском обкоме и т.д. (а им и сорока не было…). Подобных случаев тогда – без числа и счета.

Здесь необходимо дать хотя бы самую общую оценку произошедшей тогда «великой чистке» в Советском Союзе. Слово «чистка» может восприниматься двояко, даже противоположно: с одной стороны – кровавая расправа с вроде бы невиновными людьми, с другой – очищение от накопившейся во время революции скверны. Истина, как часто бывает, лежит где-то посередине. Да, страна очистилась от скверны в лице революционеров-космополитов, но это стоило немалых жертв всего народа. Жертвы эти, заметим, сильно преувеличивались наследниками «пламенных революционеров».

Во время чисток впервые в истории большевистской партии возник пресловутый «еврейский вопрос». Дело в том, что среди троцкистско-зиновьевских присных преобладание евреев было уж слишком очевидным. Осмотрительный Сталин не преминул сделать по этому поводу оговорку: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры». Среди исключенных тогда из партии деятелей пестрели имена: Ауссем, Гессен, Гордон, Гертик, Гуральский, Дробнис, Зорин, Касперский, Командир, Левин, Лезолол, Лилина, Натансон, Паульсон, Рейнгольд, Равич, Роцкан, Рафаил, Смидовер, Устимчик, Шрайбер и далее до бесконечности. И эти люди занимали в ту пору видные посты в партии! Шло

явное освобождение правящей партии российских большевиков от космополитов, Россию презиравших.

Чтобы разделаться с оппозиционерами, Сталин решил судить самых главных из них (из тех, что были в пределах досягаемости) в открытых процессах. Назовем здесь только главные из них. 19–22 августа 1936 года состоялся второй процесс над Зиновьевым и Каменевым, но теперь они были объединены с троцкистами – процесс прошел под наименованием «троцкистско-зиновьевского блока», и главные из обвиняемых, как и все последующие, получили «высшую меру наказания»… были приговорены к расстрелу. Затем в январе 1937 года последовал суд над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, в марте 1938 года открылся процесс «правых», среди которых Бухарин, Рыков, Крестинский, Раковский… Свершилось возмездие – на скамье подсудимых оказался обер-палач Ягода (Гершель Иегуда).

Устранение верхушки правящего слоя страны, знаменитой «старой гвардии» большевиков, приходится оценивать по особому счету: все эти троцкие-бронштейны, зиновьевы-аппельбаумы, каменевы-розенфельды, ягоды-иегуды и прочие (имя им легион) заслужили то, что получили. Можно подумать, что не совсем понятен выбор упомянутых фамилий. Но все дело в том, что мы не выбирали фамилий, выбора у нас практически не было: в ходе революции и гражданской войны весь бывший русский правящий слой был уничтожен, безжалостно и бестрепетно, а место его заняли люди, которые по своему этническому происхождению никакого отношения к русским как к нации не имели и только в целях осторожности иногда брали псевдонимы, звучащие по-русски.

Можно бы написать по данному сюжету обширное исследование, сокрушительное по своей убедительности и неопровержимости, дающее основание утверждать: почти вся правящая верхушка, партийная, государственная, хозяйственная, репрессивная и интеллектуальная, вплоть до середины 30-х годов состояла из лиц одного и того же этнического происхождения. Ограничимся, по недостатку места, лишь одним примером.

В 1934 году было завершено строительство Беломорско-Балтийского канала. Строили его сотни тысяч заключенных и гибли там тысячами, а книгу о канале написали «советские писатели». Ограничимся лишь теми фамилиями, которые не вызывают сомнений: Л. Авербах, А. Берзинь, Е. Габрилович, Н. Гарнич, Г. Гаузнер, С. Гехт, С. Диковский, К. Зелинский, В. Катаев, М. Козаков, Д. Мирский, Л. Никулин, В. Перцов, Л. Славин, К. Финн, З. Хацревин, В. Шкловский, А. Эрлих, Б. Ясенский. Итак, несчастные люди «вкалывали» и гибли, а «творческая

интеллигенция» зарабатывала на их мучениях и страданиях.

Дальше – больше. Когда канал был достроен, то 4 августа 1934 года «наиболее отличившиеся работники» получили ордена Ленина. Вот они: 1) Ягода (Иегуда) Генрих Григорьевич – зам. председателя ОГПУ; 2) Коган Лазарь Иосифович – начальник Беломорстроя; 3) Берман Матвей Давыдович – начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ; 4) Фирин Семен Григорьевич – начальник Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря и зам. начальника Главного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ; 5) Рапопорт Яков Давыдович – зам. начальника Беломорстроя; 6) Френкель Нафталий Аронович – пом. начальника Беломорстроя; 7) Вержбицкий Константин Андреевич – зам. главного инженера строительства.

Повторяем: мы не выбирали фамилий, именно в таком порядке они опубликованы в книге о канале, вышедшей тогда же, в 1934 году.

На протяжении двадцати предыдущих лет, когда правили в огромной стране и делали в ней что заблагорассудится, они не думали о русском народе, нисколько не жалели тех, кем правили и с кем расправлялись. Именно они, начиная с 1917 года, насаждали тот устрашающий режим, репрессивный аппарат, жертвами которого теперь стали. Двадцать лет подряд они сами или руками своих подчиненных уничтожали сотни тысяч и миллионы людей и ни разу, хотя бы на словах, не помыслили, не усомнились, что имеют право так поступать. Они наслаждались властью и благами, им предоставленными. Так что же, жалеть их, когда вдруг они стали пожинать посеянное? Ведь троцкие-бронштейны, зиновьевы-аппельбаумы, каменевы-розенфельды, ягоды-иегуды и т.д. и т.п. всегда были ВРАГАМИ РУССКОГО НАРОДА!

Право же, можно ли сожалеть о судьбе того же Тухачевского, «военного гения», потерпевшего, кстати, немедленно сокрушительное поражение, как только в августе 1920 года он столкнулся с мало-мальским сопротивлением в Польше во время авантюристической попытки по приказу Ленина и Троцкого «перенести революцию» в мировое пространство? За что его жалеть? Уж не за ту ли расправу над восставшими тамбовскими мужиками в 1921 году? Ведь надо же знать, что взращенный Троцким «гений» Тухачевский, например, намеревался применить против восставших ядовитые газы, оставшиеся после Первой мировой войны, намеревался сделать это против своего же народа, и не использованы эти газы были только потому, что выяснилось: газы могли уничтожить не только мужиков, их жен и

детей, прятавшихся от карателей в тамбовских лесах, но и скот – коров и лошадей, а скотина эта для «красного маршала» была несравнимо дороже восставших русских крестьян.

И далее, полтора десятка лет, продолжалась вакханалия. Никто из «старых большевиков» не протестовал, когда репрессивный аппарат, ими же созданный, был обрушен на простых крестьян в годы коллективизации. Примеров можно привести сколько угодно. Так не вернее ли будет сказать, что верхушка «старых большевиков» была настоящим врагом русского народа? Ибо невольно приходит на память евангельская истина – «каждому да воздастся по делам его», а Сталин, разумеется, плоть от плоти и кровь от крови когорты «старых большевиков», для них самих оказался не чем иным, как Бичом Божиим!

Конечно, при истреблении «старых большевиков» (и здесь мы не можем ни в малейшей степени оправдать Сталина) погибло очень много простых русских людей. Но не правильнее ли будет сказать, что и гибель их – результат предыдущего двадцатилетнего правления этой же самой «старой гвардии»?

Мы не можем дать точных цифр о людях, пострадавших от репрессий в 30-х годах, точно так же, как не смогли сделать этого и все исследователи, наши и зарубежные, но многие из них все же претендуют на точные цифры – и безосновательно. Во всяком случае (и это не подлежит сомнению) цифра не может не оставить у любого читателя ощущения ужаса, ибо речь идет о миллионах, многих миллионах наших сограждан. Р. Конквест, наиболее обстоятельный и заслуживающий доверия западный исследователь, полагает, что в 1937—1938 годах только по политическим делам было арестовано шесть миллионов человек, а «законно» ликвидированных исчисляет в семьсот тысяч. Заключенных в лагерях Конквест на конец 1939 года определяет в восемь миллионов человек.

А вот настоящие, не мнимые историки, работающие с официальными источниками, ссылающиеся на архивные документы, приводят другие цифры – и они резко отличаются от зарубежных. На 1 марта 1940 года общий контингент заключенных в ГУЛАГе составлял 1 668 200 человек (Военно-исторический журнал. 1991, № 1.С. 19), то есть в пять раз меньше того, что пытается нам внушить Конквест, и среди заключенных только 28,7% были осуждены за контрреволюционную деятельность. Уместно напомнить, что в современной прессе о количестве заключенных в недавнее время, в 1995 году, сообщается, что их насчитывается около миллиона. И это в России 1995 года, когда Россия резко уменьшилась в размерах и когда весьма большое число лиц, безусловно заслуживающих

тюремного заключения, разгуливает на свободе!

Или еще одна цифра, обнародованная нашими историками совсем недавно: «Число жертв политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в 10 (в десять!) раз меньше, чем приводимые современными публицистами и исследователями» (Военно-исторический журнал. 1993, № 1. С. 59).

Отметим также и национальную сторону тех событий, хотя то была далеко не главная их сторона. Среди партийно-чекистской верхушки к началу тридцатых годов скопилось непропорционально большое число латышей, поляков, евреев и представителей иных национальных групп. Они были устранены наряду с некоторым числом русских, грузин, армян и т.д. Но на освободившиеся должности назначались в основном представители именно коренных народов, в особенности славянских. Пригодилась тогда Юре Андропову предусмотрительная забота о своей русской национальности!

Он был неглуп и очень осмотрителен. И хоть не получил гуманитарного образования, но знал, что русскую историю уже начали преподавать не по русофобским учебникам Покровского. Не мог не видеть, что на экраны страны вышли патриотические кинофильмы об Александре Невском, Петре Первом, Минине и Пожарском, что поношения русской культуры как «отсталой» кончились. И наконец, он замечал, с каким ликованием встречает эти перемены весь народ. И он сделал соответствующие выводы. Надолго.

В восходящий кадровый поток попал и скромный тогда комсомольский работник Андропов, ибо после расстрела Генерального секретаря ВЛКСМ А. Косарева (1939, февраль) чистка руководящих кадров молодежной организации приняла характер какой-то кровавой вакханалии. И вот в 1938-м, еще не будучи членом партии, он назначается («избирается») первым секретарем комсомола крупной промышленной Ярославской области. Уже находясь на этом посту, он в следующем году вступает в ВКП(б). (Опять-таки никаких архивных подробностей о его данной службе добыть не удалось, да вряд ли интересно было бы: делал, как все тогда, и говорил, что все.)

Удачливых карьеристов в ту пору накопилось много, но когда все «освободившиеся» места были заняты, а к исходу тридцатых чистка наконец прекратилась, дальнейшее продвижение зависело уже от личного везения; чаще всего от того, с кем из больших деятелей сведет судьба. Тут Андропову повезло, хотя по сей день тоже окружено тайной. Попробуем разгадать.

После Финской войны 1939—1940 годов Сталин решил из

далеко идущих политических планов создать мифическую Карело-Финскую ССР, полноправную, так сказать, союзную республику. Ну, карелы в том пространстве жили в некотором числе, а насчет финнов бытовал тогда популярный анекдот: «А сколько финнов проживает в Карело-Финской республике? Да двое, отвечали, Финкельштейн и фининспектор, но и те, кажется, оба в одном лице…».

Законы советской бюрократической системы были непреклонны: раз «союзная», значит, полагались свои ЦК, Совнарком (Совмин) и все такое прочее. Разумеется, и комсомол. Нужно было «подобрать кадры». На должность партийного начальника выдвинули известного деятеля Коминтерна Отто Куусинена (одного из немногих подлинных там финнов), а вожаком комсомола перевели из Ярославля Юрия Андропова. В номенклатурном смысле это было существенное повышение – из «области» в «союзную республику» (то, что хозяйственный потенциал Ярославщины был куда выше, никакого значения не имело).

Не успел Андропов толком и оглядеться на новом месте, как началась война. Столицу новоявленной республики финны с помощью немцев взяли уже в октябре 41-го. Куусинен с многочисленным своим аппаратом осел в глубоком тылу. Делать им было нечего, но штат работников строго сохранялся. Считается, что Андропов в военные годы участвовал в руководстве партизанским движением в Карелии, но никаких подробностей на этот счет имеющиеся источники не содержат. (Любопытно: когда во время недолгого пребывания Андропова Генсеком некоторые литературные холуи, подзаработавшие на выпекании «Малой земли», бросились было сочинять о «карельских партизанах», сам герой отнесся к этим затеям сугубо отрицательно.)

И тут, уже в зрелые годы, проявил Андропов присущую ему осторожность! В лесистой и болотистой Карелии партизанское движение было довольно сильным, но занимались этим совсем не партийные органы и уж тем паче не комсомольские (напомним, Андропов по должности тогда – секретарь карельского комсомола, он даже военной формы не носил). А диверсии в тылу финнов готовили и проводили военные, но главным образом – органы НКВД. Какова тут была личная роль карельского комсорга, до сих пор ничего не известно, скорее всего никакой. Ясно, что Юрию Владимировичу совершенно не хотелось копаний в этой своей не самой яркой странице биографии. Брежнев на Малой земле хоть под огнем бывал и даже тонул в море на подбитом катере, это документально установлено. А Андропов?

Ранений не имел, боевых наград тоже, только под конец войны получил Красное Знамя. Но не за подвиги в окопах и атаках…

И еще последний раз вспомним мистическое пророчество Гоголя: «Ни друга, ни товарища…» Необычайно замкнут всю жизнь был Андропов, а оттого и неизбежно одинок. Например, сколько приятелей было у широкого душой Брежнева! И по учебе, и по работе в разных сферах, и по службе в армии! (Маршал К.С. Москаленко, с которым мне довелось вести неоднократные и довольно откровенные беседы, рассказывал, что в самом конце войны, командуя 4-м Украинским фронтом, он недолгое время был начальником Брежнева; впоследствии положение их стало вроде бы совсем разным, но Генсек не забыл своего старого Маршала и постоянно оказывал ему знаки внимания.)

Не то Андропов. Нет никаких данных, чтобы у него были с кем-то отношения помимо деловых. Судя по осторожным намекам детей, так же замкнуто жила и его семья. После кончины Андропова стало известно, что он всю жизнь писал стихи, но никому не показывал их. Характерная черта: если пожилой уже человек сочиняет стихи сугубо «для себя», то это верный признак душевного одиночества.

…В июне 44-го наши войска освободили Петрозаводск. Вслед за Куусиненом в полуразрушенный город возвратился и Андропов, уже вместе с семьей, женой и сыном Игорем, родившимся в минувшем году; дочь Ирина появилась через три года.

Солдат спит, а служба идет. За три года пребывания вдали от фронта Андропов в чиновном отношении «вырос»: по возвращении в столицу разоренной республики он уже делается секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году – вторым секретарем всей республики. Это был уже высокий в номенклатурном смысле пост. О каких-либо особых успехах Андропова в ту пору неизвестно, да и вряд ли они были, служил как все. Однако в 1951 году он получил вожделенное назначение всех провинциальных честолюбцев – в Москву, в аппарат ЦК, сперва инспектором, а вскоре становится уже заведующим подотделом по международным вопросам.

Совершенно очевидно, что без помощи Куусинена такого рывка ему бы не сделать. Присмотримся к его покровителю Отто Вильгельмовичу. Родился он в Русской Финляндии в конце 1881 года, отец был, видимо, не бедным, сын получил прекрасное образование: окончил гимназию, а потом Гельсингфорсский университет. В 1905-м получил звание магистра философии, знал иностранные языки – немецкий, шведский. В Финляндскую социал-демократическую партию вступил в 1904-м, принадлежал

к ее левому крылу, был редактором ряда партийных изданий, участвовал в конгрессах II Интернационала, встречался с Лениным-эмигрантом.

Тут надо коснуться одной деликатной темы; осмелимся сделать одно предположение, оно, однако, кажется нам довольно обоснованным. Западные социалисты времен II Интернационала зачастую примыкали к масонам, а нередко и становились непосредственными членами лож (речь идет, понятно, о руководящем ядре). Весьма сильно было развито политическое масонство в скандинавских странах, особенно в Швеции, причем характер его здесь отличался резкой антироссийской направленностью. Финляндия как бывшая многовековая колония Швеции находилась под сильным влиянием бывшей метрополии, верхние слои населения даже говорили по-шведски.

Быть у моря и ног не замочить? Мог ли молодой финский интеллигент, левый социалист избегнуть облучения со стороны соседних «братьев»? Это трудно предположить.

Далее. Куусинен был делегатом I конгресса Коминтерна в Москве в 1919-м, вместе с другими единодушно избрал своим председателем Г. Зиновьева. В Коминтерне Куусинен занимал весьма высокое положение, с 1921 по 1939 год он был членом его исполкома. Известно, что, несмотря на решение II конгресса Коминтерна (в котором Куусинен не участвовал) о запрещении членам компартий вступать в масонские ложи, связь некоторых деятелей со старыми «братьями» как-то и в чем-то поддерживалась. Теперь то здесь, то там появляются некоторые достоверные сообщения на этот счет.

Вот одно из них, в высшей степени выразительное, хотя тщательно запрятанное в болтливых словесах общего назначения. Свидетель известный… Арбатов-старший, вековечный советник Брежнева, одно из немногих доверенных людей Андропова. Он из числа тех, кто потаенно, исподтишка готовил пресловутую «перестройку», завершившуюся обвалом «реформ» (теперь Арбатов-младший продолжает папины начинания в гниловатом «Яблоке»). Так Георгий Аркадьевич-старший оставил свидетельство про Куусинена в 1991-м, когда он и его сподвижники находись в «головокружении от успехов». И рассказал, чего «премудрым» не надо бы болтать.

«О.В. Куусинен, – писал Арбатов, – был прекрасным учителем. Вопреки возрасту, это был человек со свежей памятью, открытым для нового умом, тогда очень непривычными для нас гибкостью мысли, готовностью к смелому поиску. Ну а кроме того, он думал. Честно скажу, я впервые познакомился с человеком, о котором можно было без натяжек сказать: это человек, который все время

думает… То, что Куусинен думал, в общении ощущалось почти физически: ты чувствовал, что за каждым словом собеседника стоит работающая, все время проверяемая и шлифуемая мысль, что каждый твой вопрос, твою реплику человек серьезно обдумывает, взвешивает, оценивает. Тем, кто понял это, говорить, работать с Отто Вильгельмовичем было поначалу хотя и интересно, но сложно, несмотря на его – тоже тогда для начальства очень непривычные – простоту, доступность, демократизм. Ибо ты всегда был в напряжении, начеку, остерегался непродуманных слов. Потом почти все мы, видимо поняв, что лучше, чем мы есть, мы показаться «старику» (так его все называли за глаза) не сможем, начали себя вести естественно. Но при этом все становились хоть чуточку умнее – в присутствии сильного интеллекта, взаимодействуя с ним, сам невольно мобилизуешь свои резервы и возможности…

И еще одно открытие, которое ожидало каждого, кто работал с Куусиненом, – новое представление о политике, новое для нас, чьи умы были замусорены и притуплены долгими годами сталинизма. В общении с этим человеком открывалось понимание политики как сложного творческого процесса, сочетающего ясное представление о цели с постоянно выверяемым поиском методов и средств, стратегию с тактикой, науку с искусством (поясняя последнее, Куусинен как-то поразительно точно заметил: «В политике важно не только знать, но и уметь»). Словом, то, о чем раньше мы иногда читали, но либо не воспринимали, либо воспринимали как теоретическую абстракцию, в разговорах с Отто Вильгельмовичем обретало плоть.

Куусинен был живым носителем очень хороших, но ставших для нас к тому времени ужасно далекими традиций европейского рабочего движения, ранней «левой» социал-демократии, зрелого ленинизма, лучших периодов Коминтерна (в частности, его VII конгресса). Добавьте ко всему этому высокую культуру (помимо всего другого он писал стихи, сочинял музыку, немало времени отдавал литературоведению)».

Присмотримся к сдержанным оценкам тайного советника. Опустим многословные комплименты, тем паче что о литературных и музыкальных достижениях финского коммуниста ничего не известно. Главное тут, что он был продолжателем традиций «зрелого ленинизма» и «лучших периодов Коминтерна». Что это означает в переводе с иврита «премудрых» на простой русский язык «профанов»? Да это тоска Арбатова и присных по двадцатым – началу тридцатых годов, когда в Советской России свирепствовала шайка «интернационалистов» (включая Куусинена), крушившая русскую корневую культуру и религию,

уничтожавшая физически ее носителей. То есть то же самое, что в откровенной форме произошло в годы пресловутых «реформ».

Вот почему с таким восторгом глядели на престарелого финского революционера-разрушителя Арбатов и его коллеги, окружавшие тогда сумрачного и молчаливого Андропова. То-то все они сперва тайно, а потом явно так не любили негуманного Сталина, который весь этот мир разрушителей-революционеров обрушил на их же головы.

…В 1974—1975 годах мне довелось работать по издательским вопросам с помощником Суслова, известным всей руководящей Москве Владимиром Васильевичем Воронцовым. Был он уже сильно дряхл и немножко стал «сдавать», рассказывал порой такое, что совсем не положено знать скромному литератору. Он говорил, что во время составления, в хрущевское всевластие, Программы партии Куусинен, тогда секретарь ЦК, хотел вообще выбросить положение о рабочем классе как руководящей силе общества. Суслов был с Хрущевым уже в плохих отношениях, но через Б. Пономарева (тоже Секретаря ЦК) добился этот тезис в программе оставить. И Воронцов передал мне реплику шефа по сему поводу: «Куусинен как был социал-демократом, так и остался». Добавим, что как ранее, так и теперь социал-демократы имеют с масонскими кругами куда больше общего, чем коммунисты, даже самые либеральные из них.

Вернемся в Петрозаводск, в самое начало пятидесятых годов, в завершающий период тамошней карьеры Андропова. И тут опять тайна, о которой он при жизни не проронил вслух ни слова. Речь идет о пресловутом «ленинградском деле», одной из самых мрачных и темных историй позднесталинского времени. После смерти патриотического деятеля партии А. Жданова его соперники Л. Берия, Г. Маленков и Н. Хрущев смогли опорочить в глазах сильно одряхлевшего И. Сталина ждановских соратников, занимавших высокие посты в руководстве страны. Дело завершилось казнями ряда крупных деятелей и массовыми чистками. Именно тогда было выметено из окружения Сталина русско-патриотическое крыло.

Отметим лишь, что «ленинградское дело» сопровождалось не только массовыми репрессиями в Ленинграде, волны террора прошли и по всем районам Северо-Запада. В начале января 1950 года в Петрозаводск прибыла комиссия из ЦК ВКП(б), а с ними вместе также группа московских чекистов. Первым секретарем ЦК Карелии был с 1938 года Геннадий Николаевич Куприянов, в Петрозаводск он был направлен из Ленинграда по рекомендации А.А. Жданова. В годы Отечественной войны Куприянов был прямым начальником Андропова по партизанскому штабу, а

также членом Военного совета Карельского фронта. В конце войны бригадному комиссару Куприянову было присвоено звание генерал-майора. Андропов относился к Куприянову с большим уважением, у них не было никаких споров и столкновений.

Но… преданность Андропова своему начальнику не выдержала первого же испытания. Он, как и ряд других его коллег, «дал материал» (то есть политические обвинения) по начавшемуся в Петрозаводске «делу Куприянова». 24—25 января состоялся пленум ЦК Карело-Финской республики, где Андропов обвинил своего шефа во всех смертных грехах, да еще покаялся, что своевременно его не разоблачил… Куприянова вскоре арестовали, дали 25 лет, но потом выпустили, хотя в номенклатуру обратно не вернули.

Не станем сгущать тут краски – Андропов поступил, как очень многие в те пору. Важно другое. По прошествии многих лет, когда наступили уже совсем другие времена, он никогда не повинился в совершенном низком поступке, не помог участникам грязного «дела», родным и близким их. Его холодная жестокость и всепоглощающее честолюбие в полной мере проявились тут. И та же скрытность.

Давний покровитель Андропова Куусинен работал в ту пору в ЦК, занимаясь международными делами, взаимоотношениями с «братскими партиями». Видимо, именно с этой помощью в том же 1950 году Андропова переводят в Москву, он получил в аппарате ЦК низовую должность – инспектора (инструктора), ему поручено было заниматься делами Северо-Запада СССР. Подробности о его работе на том посту неизвестны, да и не вызывают интереса, обычная бюрократическая рутина, исполнение вышестоящих указаний, никакой инициативы на таких должностях проявлять и не полагалось.

После кончины И. Сталина в марте 1953 года в высших этажах партийного руководства начались большие перемены. Вскоре они коснулись и рядовых служащих – освобождалось немало вакантных мест. Коснулись перемены и Андропова, весной 1953-го он вдруг переводится на работу в Министерство иностранных дел. Почему так случилось, сам ли он того добился (вряд ли), помог ли опять ему Куусинен, случайно ли перемещение произошло в суете послесталинских перемен (скорее всего), точно мы этого, по-видимому, никогда уже не узнаем.

МИД – и в нашей стране, и в других – есть очень консервативное учреждение, по службе там продвигаются медленно, однако у совершенно неопытного Андропова имелось одно важное преимущество: он пришел туда из «партийных

инстанций», как тогда выражались, причем из высшего их звена – ЦК КПСС. Служил Андропов в 4-м европейском отделе, наблюдавшем за восточноевропейскими странами.

Смерть Сталина вызвала в «братских социалистических странах» брожения. Они усиливались нерешительной и противоречивой политикой кремлевского руководства, среди которого в ту пору разгорелась ожесточенная борьба за власть. Прежде всего покачнулся авторитет восточноевропейских вождей, которые были назначенцами Сталина или Берии. Обострение обстановки там вышло из высших кабинетов на улицы и площади. Первый такой случай произошел в Восточной Германии 17 июня 1953 года, когда на демонстрантов в Берлине и некоторых иных городах двинулись советские танки. Стихийные выступления эти удалось подавить быстро. Но это был далеко не конец начавшимся потрясениям.

Главные тревожные события еще предстояли.

…В истории Советского государства постоянны случаи, когда партийных деятелей отправляли за рубеж на должность послов: иногда это была чуть прикрытая отставка или даже ссылка, иногда повышение. В 1954-м, когда Андропова отправили послом в Венгрию, это был явно второй случай.

В ту пору еще не сложилось протокольного канона, чтобы наш посол в «соцстране» был бы обязательно членом ЦК, да и зависимость этих «стран новой демократии», как их тогда именовали, была от Москвы полная, но… быть полномочным представителем в «братской стране» это и почетно, и ответственно.

Конечно, Андропов слишком мало поработал в МИДе, чтобы приобрести в той высококвалифицированной среде должный авторитет. Однако вожделенную для всех мидовских чиновников должность «чрезвычайного и полномочного посла» он вдруг получил. Потом, уже после кончины Андропова, его присные распускали слухи, что и образован был, и начитан, и даже языки знал. Все это льстивые выдумки, никаких языков он не знал и никакого образования всерьез не получил.

И нет никаких сомнений, что и в этом исключительно важном для него назначении помог ему тот же Куусинен, который уже не первый год вел в ЦК вопросы международного комдвижения.

Венгрия той поры еще далеко не оправилась от военной разрухи, но с сорок девятого года с превеликим напряжением строила социализм. Диктатором страны был жестокий Ракоши, еврей по происхождению, ставленник и холоп Берии. Шли массовые аресты и казни по политическим мотивам. Советского посла это мало беспокоило, он не такого насмотрелся у себя на

родине. Главное – Ракоши и его присные были послушными исполнителями воли Кремля.

Но наступал кризис, умер Сталин, а затем на XX съезде Хрущев прогремел своим истеричным антисталинским докладом, чем потряс весь коммунистический мир. В Венгрии события развивались острее, чем в других «соцстранах». В июне 1956 года Ракоши был отстранен от руководства и уехал, как и все ему подобные «товарищи по несчастью», доживать век в Россию.

К власти пришел Имре Надь, давний соперник Ракоши. Многие до сих пор чтят его как «либерала» и «реформатора», но все не так тут просто. Бывший австро-венгерский военнопленный в России, он в гражданскую войну служил в отрядах красных интернационалистов, весьма свирепо расправлявшихся с противниками большевистской власти. Есть твердые данные, что он принимал участие в расстреле царской семьи в Екатеринбурге, потом был связан с НКВД и повинен в гибели некоторых венгерских коммунистов-эмигрантов. Люди с такой биографией, как правило, чрезвычайно неуравновешенны и склонны к авантюризму (из сексотов – в реформаторы!). Надь круто переложил руль и попытался выйти из-под влияния Москвы. Вот в этих-то сложных обстоятельствах Андропов на глазах всего мира показал, что он не чиновник, а политик, причем крупный.

История венгерского мятежа 1956 года и роль в его подавлении лично Андропова хорошо известны как на Западе, так и у нас: в нашей стране переведено несколько обстоятельных работ авторов из Венгрии, в самые последние годы появились на русском языке (полностью или в отрывках) работы авторов западных. Все дружно сходятся во мнении: роль советского посла в Будапеште была исключительно велика в данном исходе событий.

Из всех эпизодов жизни Андропова этот является единственным хорошо и подробно известным в России (уже после его смерти Янош Кадар добавил для русского телезрителя ряд подробностей). Вот почему мы не станем детально излагать данный сюжет, отметим лишь характерные черты андроповского поведения, а также политические последствия событий.

Имре Надь был назначен премьер-министром рано утром 24 октября. Он по авантюристическому складу натуры окружил себя такими же честолюбивыми выскочками. Он получил открытую поддержку от Иосипа Броз Тито и главы венгерской католической церкви кардинала Миндсенти, а тайную – от западных спецслужб. Уже накануне в Будапеште начался антикоммунистический шабаш, основной лозунг мятежников – «Русские, домой!» Пролилась первая кровь.

В эти напряженные дни Андропов неоднократно встречался с Надем, его целью было добиться падения напряженности в стране, уверить венгерское руководство, что Москва не применит силу. Ему удалось добиться доверия подозрительного Надя. Одновременно он слал в Москву, прямо в ЦК, депешу за депешей, где как раз настаивал на обратном – немедленном введении наших войск.

В конце октября дважды побывали в Будапеште Суслов и Микоян. Хотя по партийному стажу и времени пребывания в Политбюро Микоян был старше Суслова (и возрастом тоже), но главный голос тут был не за Анастасом: тот первый начал в СССР антисталинскую кампанию и, естественно, нес ответственность за такой поворот событий. Суслов Андропова хорошо знал как своего сотрудника и доверял ему. Жесткая линия Андропова была поддержана Сусловым, она и восторжествовала на Политбюро к исходу октября.

Вечером 1 ноября советские танковые колонны в нескольких местах перешли венгерскую границу и двинулись на Будапешт. На другой день утром Надь вызвал Андропова, потребовал объяснения. Тот клялся, что это лишь тактические передвижения, все, мол, будет тихо-мирно. Андропову нужно было выиграть время, причем счет шел уже на часы, чтобы за спиной Надя подготовить другое, просоветское, венгерское правительство.

Глава его был выбран Андроповым исключительно удачно: Янош Кадар, коренной венгр, рабочий, подпольщик в годы фашизма, подвергся репрессиям со стороны Ракоши, три года отсидел в тюрьме, только что реабилитирован, молод – 44 года! Лучше для московского ставленника придумать трудно! Главное же, что Андропов в это напряженное время не только нашел нужного человека, но и сумел убедить его в единственно правильном действии – свергать Надя силой, чтобы спасти социализм в Венгрии. Кадар оказался не только верным союзником, но и твердым, решительным руководителем.

Свидетельствуют, что Андропов в эти дни почти не спал, не брился и даже был небрежно одет, чего с ним в бытность на руководящих постах не случалось ни раньше, ни позже. Но главное было сделано – обеспечена внешняя хотя бы «законность» свержения Надя. Остальное было, как говорится, делом техники. «Техника» не заставила себя ждать: утром 4 ноября советские войска заняли Будапешт. Надь укрылся в югославском посольстве, а кардинал Миндсенти – в американском. Главным двигателем этой победы был, безусловно, Юрий Владимирович. Это понимали всюду, в том числе и в Кремле.

Коварство Андропова было отработано в Будапеште и потом

очень помогло ему в дальнейшей карьере. Полковник Копачи, начальник будапештской полиции и сторонник Надя, позже рассказывал: «Андропов производил впечатление сторонника реформ. Он часто улыбался, у него всегда находились льстивые слова для реформаторов, и нам трудно было уразуметь, действовал ли он только согласно инструкциям или по личному почину».

Копачи понял (с некоторым опозданием), был ли Андропов сторонником реформ, когда тот прямо в советском посольстве пообещал полковнику ввести его в правительство Кадара, но советская бронемашина доставила его прямо в тюрьму, где он просидел семь лет. До конца жизни запомнил незадачливый Копачи, как, провожая его, Андропов улыбался и приветливо махал рукой…

* * *

«Трагические события в Венгрии, – свидетельствовал позже Георгий Арбатов, – наложили очень глубокий отпечаток на Андропова, оказавшегося в их эпицентре. Понимал он их как вооруженную контрреволюцию – это я знаю от него самого. Вместе с тем он, я уверен, лучше других видел, что распад существующей власти, размах и накал массового недовольства имели в своей основе не только и не столько то, что официально объявлялось главными причинами (заговор контрреволюционеров и происки из-за рубежа), сколько некоторые реалии самой венгерской действительности. В частности связанные с тем, что сталинские извращения, появившиеся на свет у нас, были пересажены на венгерскую почву и приняли там крайне уродливую форму. Свою роль сыграли и экономические проблемы, включая неравноправное положение Венгрии в торгово-экономических отношениях с Советским Союзом. Повлияли на Андропова, наверное, его личные впечатления. К нему стекалась информация о безжалостных расправах над коммунистами, партийными работниками и государственными служащими. Вокруг посольства шла стрельба. Обстреляли как-то при выезде и машину Андропова. Нервное потрясение стало причиной серьезной, на всю жизнь, болезни его жены. Все это, вместе взятое, содействовало, как мне кажется, становлению определенного психологического комплекса. Те, кто знал Андропова, называли позже этот комплекс «венгерским», имея в виду крайне настороженное отношение к нарастанию внутренних

трудностей в социалистических странах и, это уже мое мнение, готовность чересчур быстро принимать самые радикальные меры, чтобы справиться с кризисом. Хотя надо сказать, что в отличие от многих других наших деятелей причины такого рода кризисов он оценивал отнюдь не примитивно».

Любопытное свидетельство, исходящее к тому же от близкого к Андропову человека. Тут характерны слова о «сталинских извращениях» – не любил, очень не любил начинающий политик великодержавную политику Сталина, хоть до конца дней скрывал это, напрочь скрывал. Но боялся он также и «радикальных мер» по реформированию социализма – разумная осторожность, которой наследники Андропова пренебрегли. Крутых перемен осторожный этот политик опасался.

И еще одно обстоятельство, имевшее для Андропова долгое и благоприятное следствие. Между ним и Яношем Кадаром возникли близкие отношения, далеко выходившие за официальные рамки в подобных случаях. А Кадар в шестидесятые и семидесятые годы стал самым авторитетным для Москвы деятелем среди всех руководителей соцстран. И это давало Андропову дополнительные козыри, хотя и не самые главные в его далеко идущих планах.

Для иллюстрации и чтобы завершить этот сюжет приведем личное письмо Андропова Кадару, отправленное уже в последние годы их обоих, оно весьма выразительно и пояснений не требует:

> «Уважаемый товарищ Кадар!
>
> От имени моих товарищей по Политбюро и от себя лично рад пригласить Вас с Марией Тимофеевной провести в этом году в Советском Союзе свой отпуск или часть его в удобное для Вас время.
>
> Если Вы сможете воспользоваться нашим приглашением, Вам будет предоставлена возможность отдохнуть в любом районе страны, посетить при желании интересующие Вас республики и города…
>
> *С товарищеским приветом 26 мая 1983 г. Ю. Андропов».*

Наконец, последнее, сугубо семейное. Жена Андропова в Будапеште серьезно заболела. Ее вылечили с применением сильнодействующих медикаментозных средств. Это сделало ее нервной и болезненной. На домашней обстановке в семье Андроповых это сказывалось самым печальным образом.

Природная замкнутость его от этого могла только возрасти и стать второй натурой.

Наша книга не может быть без личного отношения к Андропову, о чем уже заявлено. Волнения в Венгрии у многих молодых людей Советского Союза вызвали сочувственное отношение. Сколько таких было в общем и относительном выражении, никто сейчас определить не может, хотя бы приблизительно. По моим личным впечатлениям, их в Москве и Ленинграде было весьма немало. Тогда же чуть не стал автор этой книги клиентом ведомства, которым вскоре стал руководить Юрий Владимирович.

…В мае 1957 года в Ленинграде на квартире моего приятеля Георгия Бена собралась группа молодых людей 22—23 лет, все выпускники гуманитарных факультетов. Были среди них А. Голиков и Б. Пустынцев, вскоре ставшие главными фигурантами политического процесса. Поздно вечером мать хозяина выпроводила шумную компанию из тесной квартиры. Кто-то предложил зайти к нему и продолжить разговор. Я туда почему-то не пошел. А там стали обсуждать «программу» будущей организации и т.п. Утром кто-то из собравшихся забеспокоился, сказал отцу, а тот направил его прямехонько в «органы»…

Случай меня спас, а ведь был я тогда комсомольским работником, мне бы круто пришлось. На процессе ребятам дали огромные сроки, по 6, по 8 и 10 лет, а всего лишь за то, что разбросали они в студенческом общежитии несколько листовок.

Как теперь все это можно оценить? Разумеется, венгерский кровавый бунт следовало подавить быстро и решительно, что и было сделано, наши войска еще умели воевать тогда, а генералы – ими командовать. Но дальше-то должны были воспоследовать политические выводы и решения. А их сделано не было. И Андропов, как теперь известно, ничего от себя не предложил. Ясно, что надо было переходить от марксистского космополитизма к государственно-национальной политике. Но пресловутый «либерал» Хрущев был к тому неспособен. Опасную болезнь загнали вглубь.

Тайна вторая
ВОСХОЖДЕНИЕ

В Будапеште Андропову уже нечего было делать: тут все было в порядке, а опыт его мог пригодиться в Центре. Вполне логично, что уже через год он возвращается в аппарат ЦК и получает высокую должность – заведующий отделом, который «вел» все социалистические страны. На XXII съезде его избирают членом ЦК (октябрь 1961-го). Это был знак высокого доверия: не все завотделами являлись в ту пору даже кандидатами в члены ЦК. Важно отметить также, что Андропов оказался в силовом поле Суслова, а не Хрущева, – судьба ли так решила или это был его собственный выбор, но в карьерном смысле Юрию Владимировичу опять крупно повезло.

Отметим для сегодняшнего читателя: заведующий любым отделом Центрального комитета партии – их было в послесталинское время около двадцати или в разное время чуть больше – это не только огромная власть, но и исключительно высокая должность в партийно-советской служебной лестнице. Вот Андропов, от него зависели «подбор и расстановка кадров», как тогда выражались, во всех социалистических странах, от Северной Кореи до Восточной Германии. Конечно, высшие «кадры» утверждали на Политбюро, так, но «готовил вопросы» именно отдел, то есть, по сути, лично Андропов. Не нужно и пояснять, какой реальной властью он обладал. Отметим попутно, что хотя послы в соцстранах были гораздо более на виду и здесь, и, в особенности, там, но Андропов был куда выше их по значению.

В последние годы читатели, особенно кто помоложе, под впечатлением публикаций цековских расстриг, перековавшихся в «демократы», превратно представляют недавнюю действительную картину советских верхов. Нет, тогдашняя бюрократическая машина работала очень четко и только по газете «Правда» казалась однообразной и неразличимой во всех ее многочисленных подразделениях. На самом деле было не так, точнее уж – не совсем так. Излюбленной шуткой в аппарате ЦК была такая: «У нас система однопартийная, но многоподъездная»…

В шутке крылось немало правды, только вот напечатать это в газете «Правда» было бы никак невозможно! Действительно, каждый отдел ЦК имел, так сказать, свой собственный «характер». Например, в хрущевские и брежневские времена самым мрачным

был отдел пропаганды – понятно, там приходилось отстаивать обветшалые марксистские догмы, в которые даже его сотрудники, люди в большинстве своем образованные и совсем не глупые, не верили. Напротив, отдел науки был более либеральным, ибо находился «в обратной связи» с учеными-естественниками, которые были куда свободомысленнее своих гуманитарных коллег. Но самыми либеральными были в международных отделах, ибо им приходилось общаться с западными деятелями, пусть и коммунистического толка, которые хоть и полностью зависели материально от Москвы, но либеральничали – ради своего электората.

Секретарем ЦК по международным делам был с 29 июня 1957 года Куусинен: нет сомнений, что именно он выдвинул Андропова на этот весьма значимый пост. Пользуясь высокой поддержкой, тот подобрал в свой отдел кадры более чем либеральные. Многие из них потом стали довольно известны, некоторые оставили в последние годы мемуары, в которых высказываются весьма откровенно о себе, а о своем бывшем начальнике – в особенности. Таким образом, у нас тут есть возможность составить полную и достоверную картину.

«Первая моя встреча с Юрием Владимировичем Андроповым, – писал в своих воспоминаниях Федор Бурлацкий, – состоялась в начале 1960 года. Был он тогда одним из заведующих в одном из многих отделов ЦК. И я почти ничего не слышал о нем до того, как стал редактировать его статью в журнале «Коммунист». Он пожелал встретиться со мною непосредственно… Он уже тогда носил очки, но это не мешало разглядеть его большие голубые глаза, которые проницательно и твердо смотрели на собеседника. Огромный лоб, большой внушительный нос, толстые губы, его раздвоенный подбородок, наконец, руки, которые он любил держать на столе, поигрывая переплетенными пальцами, – словом, вся его большая и массивная фигура с первого взгляда внушала доверие и симпатию. Он как-то сразу расположил меня к себе еще до того, как произнес первые слова.

– Вы работаете, как мне говорили, в международном отделе журнала? – раздался благозвучный голос.

– Да, я заместитель редактора отдела.

– Ну и как вы отнеслись бы к тому, чтобы поработать здесь у нас, вместе с нами? – неожиданно спросил он.

– Я не думал об этом, – сказал я… – Не уверен, что буду полезен в отделе. Я люблю писать…

– Ну, чего другого, а возможности писать у вас будет сверх головы. Мы, собственно, заинтересовались вами, поскольку нам

не хватает людей, которые могли бы хорошо писать и теоретически мыслить».

Данный мемуарист был слабеньким журналистом либерального окраса, он из числа тех «шестидесятников», которые дома на кухне бранили советскую власть, а в рабочее время – воспевали ее в своих никому не нужных статейках. И хоть носил Бурлацкий имя русское, все знакомые знали его истинное происхождение.

Теперь предоставим слово другому воспоминателю из ближнего окружения Андропова. Он родился в Баку и числился, так сказать, «лицом кавказской национальности», но многие подозревали, что истинная национальность его была несколько иная.

«Вот как состоялось наше знакомство, – писал Георгий Шахназаров. – Когда меня пригласили в большой светлый кабинет с окнами на Старую площадь, Юрий Владимирович вышел из-за стола, поздоровался и предложил сесть лицом к лицу в кресла. Его большие голубые глаза светились дружелюбием. В крупной, чуть полноватой фигуре ощущалась своеобразная «медвежья» элегантность… Он расспросил меня о работе журнала «Проблемы мира и социализма», поинтересовался семейными обстоятельствами, проявил заботу об устройстве быта и одобрительно отозвался о последней моей статье. Затем переменил тему, заговорил о том, что происходит у нас в искусстве, проявив неплохое знание предмета.

– Знаешь, – сказал Андропов (у него, как и у Горбачева, была манера почти сразу же переходить со всеми на «ты»), – я стараюсь просматривать «Октябрь», «Знамя», другие журналы, но все же главную пищу для ума нахожу в «Новом мире», он мне близок.

Поскольку наши вкусы совпали, мы с энтузиазмом продолжали развивать эту тему, обсуждая последние журнальные публикации… Мы живо беседовали, пока нас не прервал грозный телефонный звонок. Я говорю грозный, потому что он исходил из большого белого аппарата с гербом, который соединял секретаря ЦК непосредственно с «небесной канцелярией», то есть с Н.С. Хрущевым. И я стал свидетелем поразительного перевоплощения, какое, скажу честно, почти не доводилось наблюдать на сцене. Буквально на моих глазах этот живой, яркий, интересный человек преобразился в солдата, готового выполнять любой приказ командира. В голосе появились нотки покорности и послушания. Впрочем, подобные метаморфозы мне пришлось наблюдать позднее много раз. В Андропове непостижимым образом уживались два разных человека – русский интеллигент в нормальном значении этого понятия и чиновник, видящий

жизненное предназначение в служении партии. Я подчеркиваю: не делу коммунизма, не отвлеченным понятиям о благе народа, страны, государства, а именно партии как организации самодостаточной, не требующей для своего оправдания каких-то иных, более возвышенных целей».

Выразительная характеристика, ничего не скажешь! Отчетливо выражена «раздвоенность» Андропова – либерал для «своих» и послушный партисполнитель для высшего начальства. И это вовсе не пристрастие осведомленного мемуариста. Нет, таким «двойным» и скрытным Андропов был во все долгие лета своего неуклонного восхождения на верх, к самой-самой вершине. Это подтверждается всеми другими подобными свидетельствами. Всеми без исключения.

«Я был приглашен консультантом в отдел Ю.В. Андропова в мае 1964 года, – писал в своих воспоминаниях Георгий Арбатов. – Могу сказать, что собранная им группа консультантов была одним из самых выдающихся «оазисов» творческой мысли того времени… Очень существенным было то, что такую группу собрал вокруг себя секретарь ЦК КПСС. Он действительно испытывал в ней потребность, постоянно и много работал с консультантами. И работал, не только давая поручения. В сложных ситуациях (а их было много), да и вообще на завершающем этапе работы все «задействованные» в ней собирались у Андропова в кабинете, снимали пиджаки, он брал ручку – и начиналось коллективное творчество, часто очень интересное для участников и, как правило, плодотворное для дела. По ходу работы разгорались дискуссии, они нередко перебрасывались на другие, посторонние, но также всегда важные темы. Словом, если говорить академическим языком, работа превращалась в увлекательный теоретический и политический семинар. Очень интересный для нас, консультантов, и, я уверен, для Андропова, иначе он от такого метода работы просто отказался бы. И не только интересный, но и полезный… Андропов был умным, неординарным человеком, с которым было интересно работать. Он не имел систематического формального образования, но очень много читал, знал и в смысле эрудиции был, конечно, выше своих коллег по руководству. Кроме того, он был талантлив. И не только в политике. Например, Юрий Владимирович легко и, на мой непросвещенный взгляд, хорошо писал стихи, был музыкален, неплохо пел, играл на фортепьяно и гитаре. В ходе общения с консультантами он пополнял свои знания, и не только академические. Такая работа и общение служили для Андропова дополнительным источником информации, неортодоксальных оценок и мнений, то есть как раз того, чего нашим руководителям

больше всего и недоставало. Он все это в полной мере получал, тем более что с самого начала установил (и время от времени повторял) правило: «В этой комнате разговор начистоту, абсолютно открытый, никто своих мнений не скрывает. Другое дело… когда выходишь за дверь, тогда уж веди себя по общепризнанным правилам».

Этот завет Андропова своему близкому сотруднику особенно выразителен: за пределами кабинета свой «либерализм» придерживай… Куда уж откровеннее!

«Я очень быстро убедился, – свидетельствует Федор Бурлацкий, – что, какой бы ты ни принес текст, он все равно будет переписывать его с начала и до конца собственной рукой, пропуская каждое слово через себя. Все, что ему требовалось, – это добротный первичный материал, содержащий набор всех необходимых компонентов, как смысловых, так и словесных. После этого Андропов вызывал несколько человек к себе в кабинет, сажал нас за удлиненный стол, снимал пиджак, садился сам на председательское место и брал стило в руки. Он читал документ вслух, пробуя на зуб каждое слово, приглашая каждого из нас участвовать в редактировании, а точнее, в переписывании текста. Делалось это коллективно и довольно хаотично, как на аукционе. Каждый мог предложить свое слово, новую фразу или мысль. Ю.В. принимал или отвергал предложенное… Он любил интеллектуальную политическую работу. Ему просто нравилось участвовать самолично в писании речей и руководить процессом созревания политической мысли и слова. Кроме того, это были очень веселые застолья, хотя подавали там только традиционный чай с сушками или бутербродами. «Аристократы духа» (так называл нас Ю.В.) к концу вечерних бдений часто отвлекались на посторонние сюжеты: перебрасывались шутками, стихотворными эпиграммами, рисовали карикатуры. Ю.В. разрешал все это, но только до определенного предела. Когда это мешало ему, он обычно восклицал: «Работай сюда!» – и показывал на текст, переписываемый его большими, округлыми и отчетливыми буквами».

Несостоявшийся политик, писатель-неудачник Бурлацкий всегда был откровенно глуповат, не избежал он этой черты и здесь. Никакого отношения к «аристократии», тем паче духовной, он и его компания не имели даже отдаленно, все они были простыми советскими карьеристами, только с либерально-еврейским кукишем в кармане. А вот выражение Андропова «Работай сюда» есть чисто одесский жаргон. Остается только догадываться, где он мог его подцепить…

Однако самыми откровенными в этом ряду – до пошлого

цинизма – являются, безусловно, воспоминания Александра Бовина, который начал работать в отделе Андропова с 1963 года.

«Тогда еще продолжалась инерция XX съезда, – писал Бовин, – и Юрий Владимирович собирал вокруг себя сведущих людей.

Во время первой беседы с Андроповым произошел один любопытный эпизод. Тогда наши отношения с китайцами только начинали портиться. И полемика шла в завуалированной форме. Например, в «Коммунисте» появилась серия редакционных статей с рассуждениями, является ли вторая половина XX века эпохой революций и бурь или эпохой мирного сосуществования, возможен мирный переход к социализму или невозможен.

Андропов спрашивает:

– Вы читали статьи?

– Конечно.

– Как вы их находите?

А поскольку я никак их не «находил», то стал говорить об отсутствии логики, слабой аргументации и рыхлой композиции этих публикаций. Мой товарищ, сидевший рядом, наступил мне на ногу. И я умолк.

Оказывается, я устроил разнос переложенным для журнала речам Суслова, Пономарева и самого Андропова. Тем не менее на работу в ЦК меня взяли, и проработал я там девять лет…».

Никак не станем пояснять содержание этого отрывка, все тут предельно (или даже запредельно) откровенно. Но вот еще один свидетель – профессиональный «диссидент» Рой Медведев. Вместе с братом, биологом Жоресом, издал в 1971 году в США работу о советских психиатрических больницах («психушках»), где Жорес некоторое время содержался, а потом был выпущен под давлением «мировой общественности». Рой вспоминает, что эта их работа в Советском Союзе была опубликована в 1989 году в журнале «Искусство кино» в № 4—5. В нашей книге мы воздержались от описания ряда эпизодов, ибо это могло в то время повредить некоторым людям. Один из таких эпизодов следует рассказать в данной работе.

«Утром 31 мая я оповестил о случившемся не только своих друзей и знакомых из числа ученых и писателей, но и своих друзей, работавших в аппарате ЦК КПСС, – Георгия Шахназарова и Юрия Красина. Я уже побывал в Калуге, встречался с врачами, а мои друзья из числа старых большевиков – И.П. Гаврилов и Раиса Лерт встречались с Жоресом. Я подготовил письмо-протест на имя Брежнева и Косыгина, но Юрий Красин забраковал мой текст. «Оставь бумаги, – сказал он. – Мы сами напишем, как это здесь делается». Уже вечером этого же дня или в понедельник 1 июня

Александр Бовин, работавший тогда референтом Генерального секретаря, положил нужную бумагу на стол своего шефа и дал все необходимые комментарии. Брежнев с вниманием относился в начале 70-х к Бовину. Генсеку нравились тексты тех речей и докладов, которые готовил для него Бовин. Выслушав своего помощника, Брежнев сразу же связался с Андроповым. Вот как рассказывает об этом сам Бовин: «Брат Роя Медведева Жорес работал в биологическом институте, и в один прекрасный день его посадили в психушку. Ко мне обратились люди с просьбой помочь, и я пошел к Брежневу. Он меня принял. На столе у него стоял телефон с громкой связью, он тыкает кнопку, а трубку не берет, но все слышно. «Нажимает» Андропова и говорит: «Юра, что там у тебя с этим Медведевым?» А я сижу слушаю. Андропов: «Да это мои м…ки перестарались, но я уже дал команду, чтобы выпустили». Брежнев: «Ну хорошо, я как раз тебе поэтому и звоню».

Можно легко представить, в какой ужас пришли бы добропорядочные советские граждане, если бы вдруг узнали тогда, что «диссидент» Медведев, якобы «преследуемый советской властью», имеет возможность знать разговоры Брежнева с Андроповым! Да ни одному генералу ЦРУ подобное присниться не могло! А вот «антисоветчику» Рою это удалось… Так сказать, «двойная законность». И соответственно, двойное дно у некоторых участников переговоров.

Это далеко не единственный случай такого рода, ставший теперь известным. Баловнем Советского государства был маленький театр, возглавляемый режиссером Ю. Любимовым. То была официально дозволенная сцена для либеральной еврейской интеллигенции Москвы. Здесь им разрешалось вынимать кукиш из кармана и показывать его залу из шестисот мест. Ну, а потом, что главное, шуметь об этом в печати миллионными тиражами. И, разумеется, экспортировать на Запад.

Любимов и его присные постоянно жаловались на притеснения, режиссер, карьеры ради, даже на Запад благополучно выехал. Но на самом-то деле все обстояло совсем иначе. Рой Медведев рассказал:

«Так, например, через своих консультантов Ю.В. Андропов познакомился с работой популярного, но считавшегося едва ли не крамольным театра на Таганке. В одном из интервью главного режиссера этого театра спросили, правда ли, что Андропов в прошлом покровительствовал Любимову и его театру. Юрий Любимов ответил: «Нет, просто когда мне закрыли первый спектакль «Павшие и живые», то друзья устроили мне встречу с ним. Он был секретарем ЦК. Я с ним имел долгую беседу. Он

начал ее с того, что сказал: «Благодарю вас как отец». Я не понял, говорю: «За что, собственно?» – «А вы не приняли моих детей в театр». Оказывается, они очень хотели быть артистами, пришли ко мне. Мама с папой были в ужасе. Ребята были совсем молодые, действительно дети, и я сказал им, что все хотят в театр, но сперва надо кончить институт, а сейчас не надо… Они вернулись в слезах – жестокий дядя отказал, нам долго читал мораль… И за это он меня зауважал. Он сказал: «Мы с матерью не сумели их отговорить, а вы так сурово сказали, что они послушались». На вопрос, помогал ли Андропов Театру на Таганке в последующие годы, Любимов ответил: «Он уже не вмешивался в дела театра. Когда я с ним разговаривал, он произвел на меня впечатление человека умного. Он сразу мне сказал: «Давайте решим небольшую проблему, всех проблем все равно не решишь». Я говорю: «Конечно, конечно, самую маленькую. Вот если бы вы помогли, чтобы пошел спектакль «Павшие и живые»! Это же о погибших на войне, в их память. А тут поднялось такое…». А за всей этой историей с «Павшими и живыми» просто крылось то, что мы выбрали не тот состав поэтов. Так они в этом некомпетентны: они Кульчицкого приняли за еврея и просили заменить Светловым, а на самом деле Светлов – еврей. Среди избранных нами поэтов были Коган, Кульчицкий, Багрицкий, Пастернак, который тоже вызвал большой гнев».

Андропов помог театру, и «Павшие и живые» много лет с успехом шли на сцене. Можно привести немало других примеров, когда Андропов проявлял независимость суждении и здравый смысл, хотя обычно он не пытался вступать в открытый спор с Хрущевым или с Сусловым. Так, например, Андропов ценил лучшие из картин советских авангардистов и поддерживал их хотя бы тем, что приобретал немало «абстракционистских» полотен. Это же делали и многие из сотрудников его отдела. Андропов знал, насколько популярен этот стиль живописи в Польше или на Кубе. Явно не разделял Андропов и поощрение Хрущевым нелепой монополии Т.Д. Лысенко в биологической и сельскохозяйственной науках».

Дурили, дурили головы бедным советским гражданам! Иные из них переживали за «гонимого» Любимова и его либеральный театрик, а он был с самим Андроповым на дружеской ноге, чуть ли не семейным советником состоял. И заметим еще, как Любимов умело педалирует перед Андроповым «еврейский вопрос», мешают, мол, мне черносотенцы. Ясно, что пожилой и опытный в таких делах режиссер хорошо соображал, кому и на какие именно чувства можно воздействовать. И еще характерно: с Хрущевым и Сусловым Андропов либеральных разговорчиков не

вел. Совсем даже наоборот.

Вот какой ближайший круг сложился возле Андропова вскоре после прихода его в ЦК. Отметим, что он этот круг не унаследовал от предшественников, а подобрал его сам и почти со всеми ими долго и доверительно работал. Лица эти характеризуются двумя общими чертами. Во-первых, все они были скрытыми сторонниками прозападной либеральной ориентации. Не случайно они стали позже «прорабами перестройки». И все они были, так сказать, лицами «еврейского происхождения». Но от Хрущева это скрывалось: ни либералов, ни евреев тот не жаловал. Свои тайны Андропов держать умел.

Хрущев оценил осмотрительного и опытного опекуна «братских стран». Без личного участия Никиты никак было бы невозможно Андропову всего лишь через год (ноябрь 1962-го) стать Секретарем ЦК, оставшись, по сути, руководителем только своего собственного отдела. Зато положение его, а главное – доступ к руководству и ко всей совокупности информации сделались неизмеримо шире. Он не спешил, не участвовал в интригах, он присматривался.

Чем занимался Андропов, руководя в существенном смысле огромным лагерем «братских стран», открылось лишь очень немного достоверного. Например, в последние годы правления Никиты началась глупейшая ссора с Мао. Какую линию вел Андропов в советско-китайских отношениях? Пока нам известно обо всем этом довольно мало.

Секретарь ЦК КПСС Ю. Андропов должен был присутствовать на еженедельных заседаниях секретариата. Он принимал участие в разработке всех документов, которые готовились в ЦК КПСС по мере развития советско-китайского конфликта. Очередной кризис в отношениях между СССР и КНР разразился, как известно, после подписания Советским Союзом, США и Великобританией Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. После ожесточенной полемики в Москву прибыла китайская делегация во главе с Дэн Сяопином. Советскую делегацию возглавлял Суслов, но в нее входили также Андропов и Пономарев. Как и следовало ожидать, переговоры ни к чему не привели. Юрий Владимирович возглавил делегацию СССР, вылетевшую в 1963 году в Северный Вьетнам для переговоров с Хо Ши Мином. В конце августа Андропов сопровождал Хрущева в поездке по Югославии. Весной 1964 года Андропову было поручено прочесть от имени ЦК доклад на торжественном заседании по случаю дня рождения Ленина. Это свидетельствовало о росте авторитета Андропова как политического лидера. Значительная часть доклада была

посвящена все более обостряющимся отношениям с Китаем, но содержала общие примелькавшиеся уже слова. Строптивый Никита вообще самостоятельности соратников не терпел. Еще предлагая Пленуму ЦК его кандидатуру, Хрущев заметил: «Что касается Андропова, то он, по существу, давно выполняет функции секретаря ЦК. Так что, видимо, нужно лишь оформить это положение». Ясно, что большой роли Андропову не отводилось. А он, как всегда, осторожно выжидал.

Вообще явных следов в опасных делах он стремился не оставлять. Во время его секретарства прогремело огромное дело с возведением пресловутой «берлинской стены», когда в одну не очень прекрасную августовскую ночь 1961 года разделили огромный город. ГДР – епархия Андропова; его ли это была идея, Ульбрихта, кого-то третьего или третьих? Не знаем до сих пор, хотя стена эта, простояв 30 лет, уже рухнула.

Свержение всем надоевшего обалдуя Никиты Хрущева никак не сказалось на положении Андропова. Теперь, в общем-то, известно, что активного участия в заговоре он не принимал, да и ведомство его было несколько в стороне от подобных дел. Зато его высший шеф Суслов в заговоре участвовал, а ставший во главе партии Брежнев мог оценить, что пятидесятилетний секретарь с хрущевским окружением никак не якшался (ну, с Аджубеем, например). Сдержанность и осмотрительность вновь сослужили добрую службу Юрию Владимировичу.

О его делах в первые годы брежневского правления опять-таки мало что известно. Зато выяснился круг его деловых и личных связей, а это в высшей степени характерно. Присмотримся же.

Начнем, как положено, с руководства. Ну, о Суслове, о его постоянной «любви» к исторической России уже говорилось и будет сказано еще. Колючий, замкнутый, питавшийся одной гречневой кашей, ездивший на лимузине со скоростью не более 40 километров, он был крайне несимпатичен, мы звали его «Кощей». Ярый ненавистник церкви, именно он подтолкнул глупого Никиту на суровые гонения против Православия в начале 60-х.

При Брежневе, у которого мать была глубоко верующей, а сам простоватый Леня сохранил все же в душе (пусть суеверный) страх Божий, «Кощей» опять интриговал против Церкви, но тщетно.

Лишь 22 сентября 1981 года, когда Брежнев уже сильно ослаб, ему удалось протолкнуть постановление ЦК «Об усилении атеистической пропаганды». Оно было, однако, настолько секретным, что даже идеологические руководители высокого

ранга его в глаза не видели (я, например, не встречал ни одного человека, его читавшего). Так и провалились предсмертные антихристовы действия «Кощея» в бюрократическую бездну…

Андропов был во многом похож на Суслова. Меню его неизвестно, оно вряд ли состояло из одной гречки с молоком, но никаких «излишеств» он не любил, а что не курил и не пил, ни в каких иных сопутствующих пристрастиях замечен не был, так это точно. Православие и историческую Россию Андропов тоже не любил, эстетические вкусы у него были явно прозападные. Об этом подробнее позже.

Суслов занимался всеми вопросами идеологии как внутри страны, так и «на экспорт». Но заведующим международным отделом, а с ноября 1961 года и Секретарем ЦК по этим вопросам (с очень широкими полномочиями) стал Борис Николаевич Пономарев. Это весьма примечательная личность в партийных верхах. Типичный «красный профессор», автор совершенно пустых работ по истории партии, он стал академиком «большой» Академии в 1962-м. С 37-го по 43-й работал в Коминтерне (значит, пережил все чистки, а там рубили под корень, заслуги, видимо, имел особые).

Во всех справочниках Пономарев числился русским, хотя на рязанского мужика этот уроженец Зарайска не слишком-то похож. Родной племянник его (сын сестры) Евгений Евсеев, известный «борец с сионизмом» (ныне покойный), клялся и божился, что дядя его хоть и не патриотических воззрений, но действительно русский, а вот тетя, супруга его, еврейка! Словам и писаниям Евсеева следует доверять с долей осторожности, но рассказывал он об этом многим (иногда кончал восклицанием: «С ним я не поддерживаю никаких отношений!»).

С июня 1957 года Секретарем ЦК числился также престарелый Куусинен (Хрущеву для антуража нужны были в своем окружении «старые большевики», после изгнания Молотова и прочих их почти не осталось). Он тоже какое-то время (вскоре умер) занимался международными делами, но о нем уже сказано. Добавим лишь, что в последние годы по дряхлости он дел не решал.

Таковы были начальники, поощрявшие и выдвигавшие Юрия Владимировича. Ну, а сослуживцы? Кое-что мы теперь тоже знаем, об этом уже отчасти говорилось.

Перечтем же тех, с кем тесно сотрудничал Андропов в 60-е голы: лица весьма известные. Для пущей объективности назовем их в алфавитном порядке (тем паче что скрытный Андропов явной близости ни к кому никогда не выказывал).

Итак, Л. Александров-Агентов – сотрудник аппарата ЦК по

международным делам в 1963—1964 годах, а затем бесконечное число лет помощник Брежнева, Андропова и даже Черненко. Человек очень влиятельный. Супруга – из местечковых невест.

Далее, Г. Арбатов, как сказано в официальной биографии, «ответственный консультант, зав. подотделом, руководитель группы консультантов (1964—1967)»; потом академик и директор Института США – через него шли полуофициальные (то есть важнейшие) контакты со второй супердержавой; консультант Андропова до конца его дней.

А. Бовин – сослуживец Андропова, затем помощник Брежнева, затем звезда телеэкрана, потом посол в Израиле. Вспоминал как-то о своих молодых годах в характерной газете «Московский комсомолец» (11 декабря 1983 года, отметим – Андропов тогда Генеральный секретарь): «Последний курс моих университетов – это аппарат ЦК КПСС. Очень многому там научился. Меня окружали умные, знающие, опытные люди». Тонко подметил тележурналист тогдашнему Генсеку! Правда, и всем остальным коллегам своим тоже. Недаром был послом в такой «умной» стране!

Ф. Бурлацкий – тоже сотрудник международного отдела ЦК в середине 60-х. Несмотря на некоторые шероховатости в дальнейшей карьере, всегда оказывал возможное содействие Андропову. В горбачевские времена был поставлен во главе «Литературной газеты» (членом СП не значился), откуда вскоре был изгнан общим собранием сотрудников. Карьерист-неудачник, но тоже вполне определенного происхождения.

В. Загладин, как сказано в официальном справочнике, «с 1964 в аппарате ЦК: консультант, руководитель группы консультантов международного отдела». Был советником Андропова. При Горбачеве еще более вознесся, но где-то сорвался, ныне в отставке, делиться воспоминаниями пока не спешит.

Нынешний послесоветский обыватель из всех перечисленных лиц помнит разве что Александра Бовина – телезвезда как-никак, да и внешность характерная, похож был на пожилого Бальзака; говорят, даже специально подстригал соответственно прическу и усы. Без шуток говоря, Бовин оказывал определенное влияние не только на рядового телезрителя, но и на Андропова, давая ему советы в непринужденной, отчасти даже циничной манере. (Как ни покажется странным, но всегда сдержанный Юрий Владимирович этот псевдоинтеллигентский стиль любил, порой даже сам прибегал к нему; например, уже будучи шефом КГБ, а потом Генсеком, любил выслушивать политические анекдоты, но только от доверенных лиц, разумеется!)

Итак, Бовина нынешний обыватель еще помнит, хотя среди

других он был отнюдь не самым влиятельным в окружении Андропова. А о таких деятелях, как Агентов, Арбатов или Загладин, впору писать особые книги (не сомневаемся, что это и будет сделано когда-то). Бурлацкий-то был попроще, этакий рубаха-гармонист, хотя на своем русском инструменте игрывал песенки совсем иных народов. Впрочем, и он свою роль в свое время исполнил.

Относительно более чем странных взаимоотношений Андропова с «диссидентами» Роем Медведевым и Юрием Любимовым уже сказано. Как говорится, круг замыкается. Но круг этот был весьма определенный по своей национальной принадлежности.

Косвенное, но весьма важное отношение к этому перечню лиц имел еще один – Цуканов Георгий Эммануилович. У него своеобразная биография: отец был первым начальником молодого инженера Леонида Брежнева на заводе. Сын, 1919 года рождения, тоже избрал профессию металлурга, окончив перед самой войной Днепродзержинекий институт. Во время войны работал на Урале. Однако, как только Брежнев укрепился в Москве, Цуканов-младший делается его непосредственным помощником (1958 год).

Всю жизнь, вплоть до кончины шефа, Цуканов прослужил его самым ближайшим сотрудником. Круг его обязанностей определить трудно, в отличие от остальных помощников, имевших каждый свою специализацию. По-видимому, он занимался самыми интимными вопросами Генсека. Всю жизнь оставался крайне сдержан: статеек не печатал, перед телекамерами не маячил, ученых званий, наград и иных погремушек не домогался. Надо полагать, отношения их с шефом были самыми близкими. В конце 60-х у Цуканова внезапно скончался молодой еще сын. Его хоронили на Новодевичьем, причем на похороны явились Брежнев с супругой (это никак не определялось тогдашним номенклатурным протоколом).

Несомненно, Цуканов, в отличие от остальных из брежневского окружения, от Андропова был далек. Сразу же после кончины Леонида Ильича молчаливый Цуканов отправился дослуживать в заурядный отдел ЦК («10-й подъезд», занимавшийся выездными делами за рубеж, чисто формальное дело, хотя он был полноправным членом ЦК КПСС; вспомню уж шутки ради: основная работа отдела состояла в том, что маломальски ответственных советских делегатов вызывали туда и давали прочесть «Инструкцию о правилах поведения за границей»; мне довелось не раз читать этот документ, запомнил только одно: в поезде нельзя оставаться в купе наедине с лицом

противоположного пола…). Вскоре Цуканов вышел на пенсию, по-прежнему молчалив, мемуаров не публикует.

Нет никакого смысла расширять тут подробности. Для всех читателей, мало-мальски сведущих в нашем недавнем прошлом, а для них и написана эта книга, никого тут особо представлять не нужно. Это были видные деятели, составлявшие клан советников Брежнева в последние годы его власти, а также Андропова в течение значительной части его работы на высших партийно-государственных постах. Скажем прямо: все они были сторонниками «разрядки», интернационалистами и противниками исторического своеобразия развития России, ориентированными на Запад и, в конечном счете, на те отношения, которые по-старому именуются капиталистическими.

Подчеркнем, что это таилось где-то в самой-самой глубине душ, ибо в отличие от А. Сахарова или иных диссидентов они ничего подобного вслух не говорили и уж тем паче не писали (часто писали-то как раз обратное). Как бы то ни было, но именно из этого круга вышли виднейшие деятели «перестройки», а потом «реформ». Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты… Не было у Андропова друзей, но выслушивать он любил мнения именно с этой стороны. А ведь были и другие… Но вот «других» он как раз недолюбливал. Об этом дальше.

О том, как убирали с поста Никиту Хрущева, ныне известно по достоверным источникам. В общем, можно утверждать, что сделали это деятели патриотического крыла в советском руководстве, более того – отчасти даже просталинского, кому либеральные глупости и «дружба» с Америкой и Тито стали поперек души. Армейское командование в деле не участвовало, но Никиту там ненавидели особо, и не только за поношение Генералиссимуса, но и за погром вооруженных сил в начале шестидесятых. Путем разного рода компромиссов во главе государства и партии стал Брежнев. Он был тогда в полном деловом порядке и лично обаятелен и прост. Никто и предположить тогда не мог, что вскоре он разукрасит себя иконостасом звезд и наград. Правда, никто тогда не обратил внимания, что супругу его в девичестве звали Виктория Пинхусовна Гольдберг, а ближайшим помощником был товарищ Цуканов. Но это выяснилось позже.

После свержения Хрущева Брежнев не получил единоличной власти. Главного соперника он имел в лице Александра Шелепина – «Железного Шурика», широко было распространено такое прозвище. История эта хорошо известна, на ней не стоит задерживаться. Главная политическая опора Шелепина была в «органах». Опытный аппаратчик, он понимал, что такое «подбор и

расстановка кадров». На Лубянке сидел его давний подчиненный и приятель Семичастный. Во многих управлениях – тоже бывшие «комсомольцы». Например, в Ленинграде – втором после столицы центре государства – во главе местного КГБ был В. Шумилов, недавний комсомольский вождь в Смольном. Такого рода примеры можно перечислять как угодно долго. Опасность для Брежнева увеличивалась тем, что Шелепин имел сторонников в Политбюро.

Семичастного следовало убирать как можно скорее; не ясно было, что готовят Шелепин и его сторонники, враждебные правящей группе. Но как соблюсти видимость формальной законности? Нужны были «служебные несоответствия», причем весомые. Их и «сделали». К празднованию 50-летия Октября советский народ и весь мир получили невиданный политический сюрприз: бежала за рубеж дочь Сталина Светлана Аллилуева.

Уже тогда догадливые современники недоумевали, как такую пикантную персону можно так легко упустить? Но уже вскоре, после «книг», выпущенных удачливой беглянкой за рубежом, стало ясно даже из тех бесхитростных текстов: да ее просто-напросто выталкивали из Союза! А потом, когда сорокалетнюю даму (оставившую, кстати, в Москве двух детей от разных мужей; за рубежом она и третьего умудрилась родить) наши зарубежные спецслужбы запоздало принялись «ловить», из них многих «засветили». Опять неувязка в ведомстве Семичастного…

Сняли бывшего комсомольца и недолгого шефа Лубянского ведомства не только быстро и внезапно для всех, но с явным унижением. Брежнев и его советники сделали это явно нарочито, даже напоказ: не считайте, мол, нас простачками, интриг вокруг себя мы не потерпим! Нет сомнений, что тем самым давался основательный урок будущему наследнику Семичастного: служи Партии (то есть ее Генеральному секретарю) и о дворцовых переворотах не мечтай.

Бывший член Политбюро и первый секретарь ЦК КП Украины Петр Шелест писал в своих воспоминаниях: «Я приехал в Москву на заседание Политбюро. На повестке дня много сложных и важных вопросов… В кратком промежутке Брежнев вынул из нагрудного кармана какую-то бумажку, посмотрел и сказал: «Позовите Семичастного». В зал заседания вошел В. Семичастный, чувствовалось, что он не знал, по какому вопросу его пригласили на заседание Политбюро, смотрел на нас с каким-то недоумением, даже казался растерянным… Брежнев объявляет: «Теперь нам надо обсудить вопрос о Семичастном». «А что обсуждать?» – подал реплику Семичастный. Последовал ответ Брежнева: «Есть предложение освободить вас от должности

Председателя КГБ в связи с переходом на другую работу». Семичастный подал голос: «За что? Со мной на эту тему никто не разговаривал, мне даже причина такого перемещения неизвестна»… Последовал грубый окрик Брежнева: «Много недостатков в работе КГБ, плохо поставлена разведка и агентурная работа… А случай с Аллилуевой? Как это она могла уехать в Индию, а оттуда улететь в США?» …По всей реакции было видно, что многие члены Политбюро и секретари ЦК были не в курсе этого вопроса. Я был просто поражен, что с Семичастным перед решением этого вопроса никто не переговорил, ему не дали опомниться». Тем не менее решение было принято единогласно. Брежневу никто не посмел возразить, и это стало его первой победой в схватке за полную и единоличную власть.

…Что ж, партия долго терпит, да больно бьет: шелепинского друга не только убрали с Лубянки, но и сослали в провинциальный Киев на ничтожную должность. Итак, важнейший в СССР пост оказался вакантным с середины 1967 года. Кто же должен был его занять?

Тайна третья
ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Итак, Брежнев прогнал Семичастного, главного ниспровергателя Хрущева, и тем самим оставил «безоружным» своего основного соперника – Шелепина, «Железного Шурика». Но торжествовать рано! Надо подумать о новом хозяине Лубянского ведомства, и подумать крепко. Кто же? Кому доверить «шит и меч» Партии и ее Генсека?

Конечно, не Семе Цвигуну, ближайшему корешу Брежнева по Молдавии, – при нем он был уже замом председателя КГБ республики, а затем побывал во главе этой системы в Таджикистане и Азербайджане. Ну, Баку – это в номенклатурном смысле довольно «близко» от Москвы, но… Семичастному он сменщиком не стал. Был и другой достойный кандидат – Георгий Цинев, приятель Брежнева с молодых лет по Днепродзержинску, свойственник его по супруге, женаты на сестрах. В годы войны – армейский политработник, а после свержения Берии направлен Хрущевым (не Брежневым) в центральный аппарат КГБ. Казалось бы, опыт большой и рядом уже, но… тоже нет.

Почему же? Присмотримся к составу партийной верхушки того решающего для Андропова 1967 года. В составе Политбюро, избранного на Пленуме ЦК в апреле 1966-го, у Брежнева имелось немало недоброжелателей (не станем употреблять тут слово «враги», ибо в политике оно приобретает сугубо идейно-политический смысл, а весь партареопаг ни политической, ни идейной развитостью не отличался). Это сторонники осторожной просталинской линии Г. Воронов, Д. Полянский, К. Мазуров, А. Шелепин. Давние члены верхушки А. Косыгин, Н. Подгорный, М. Суслов на первую роль никогда не покушались, но были «сами по себе». Поддерживали Брежнева «молодые» П. Шелест, В. Гришин, Ш. Рашидов, Д. Устинов, В. Щербицкий, но они были еще малоавторитетны в партгосаппарате и стране в целом. В этих условиях направить на один из важнейших постов своего прямого ставленника осторожный Брежнев даже не попытался.

Но отчего же Андропов – «человек со стороны»? А именно потому, что «со стороны». Не выходец из Днепропетровска или Молдавии, но и с брежневским соперником Шелепиным и его обширным кругом связей никогда не имел. Наконец, он и для Лубянки – человек новый, волей-неволей ему долго придется держаться там осторожно и повнимательнее оглядываться на начальство. А начальником его при распределении обязанностей

в Политбюро стал сам Генсек: он всю свою оставшуюся руководящую жизнь непосредственно «курировал» эти самые «органы». Что бы ни болтали после, но старик в своем деле разбирался нехудо…

Напомним, что непосредственным начальником и покровителем Андропова был тогда Б. Пономарев, Секретарь ЦК, опекавший все вопросы внешнепартийных отношений; о его давних и сложных коминтерновских связях уже говорилось. Добрая половина дел КГБ – за кордоном, в темном клубке международных спецслужб, густо оплетенных масонскими нитями, тут без коминтерновского наследства долго не протянешь.

Подчеркнем, чтобы более не возвращаться к этой важной теме, что отношения между Брежневым и Андроповым были строго служебными. Никаких чаепитий, общих пребываний на отдыхе, ничего тут не было и в помине. Появился недавно весьма осведомленный свидетель – Юрий Чурбанов, продиктовавший очень откровенную книжку воспоминаний. Неплохо я знал в свое время Юру, работали в одной редколлегии. Понимаю, что навесили потом на него множество лишних грехов, а парень был он простецкий и преданно любил, обожал даже, своего тестя. Человек с психологией, да и биографией типичного денщика, он отчетливо запоминал бытовые свойства хозяина, мало что понимая в политической сути его дел. Тем эти воспоминания и ценны.

Вот описываются охотничьи проказы Леонида Ильича, отрывок столь забавен и вместе с тем выразителен, что его нельзя не воспроизвести:

«Возвращаясь с охоты в хорошем расположении духа, Леонид Ильич всегда говорил начальнику охраны: «Этот кусочек кабанятины отправить Косте (Черненко), вот этот – Юрию Владимировичу, этот – Устинову». Потом, когда фельдсвязь уже должна была бы до них донестись, брал трубку и звонил. «Ну, как, ты получил?» – «Получил». Тут Леонид Ильич с гордостью рассказывал, как он этого кабана убивал, как он его выслеживал, какой был кабан и сколько он весил. Настроение поднималось еще больше, те, в свою очередь, благодарили его за внимание, а Леонид Ильич в ответ рекомендовал приготовить кабана так, как это всегда делает Виктория Петровна».

Эти добродушные шуточки с кабаньими шматками – едва ли не единственная интимность, которая известна в отношениях Брежнева и Андропова. Нет никаких данных, чтобы между ними возникали какие-то душевные отношения, как это водилось у Леонида Ильича с Устиновым, Щелоковым и тем паче с верным

«Костей». Так что «кабаньи шуточки» с пожеланием кулинарных рецептов от супруги – пустячки, игра; пожилой Генсек до конца дней оставался хитер и осмотрителен.

К Андропову он всегда относился с подозрением (и, как увидим, не зря). Это отчетливо просматривается в его действиях. Андропов коронуется на Лубянке 19 мая 1967 года. Его, как положено, освобождают от поста Секретаря ЦК по соцстранам, но уже на следующем пленуме он входит кандидатом в члены Политбюро – всем давали ясно понять, что это не только личное повышение самого Андропова, но и престижа его ведомства: после Берии уже полтора десятилетия шефы «органов» в Политбюро не заседали.

Все вроде бы шло успешно для новой карьеры Юрия Владимировича. Но… уже в ноябре у него появляется первый зам, второе лицо в ведомстве – многоопытный в сыскных делах Цвигун, доверенное лицо Генсека. С июня 1970-го должностью «простого» зампреда назначается Цинев, в его ведение входила разведка.

Но третий случай в этом ряду особенно характерен. В июне 1950-го закончил Днепропетровский металлургический институт молодой коммунист, скромный участник войны Виктор Чебриков. Получил назначение поначалу самое скромное – рядовым инженером на завод, но прослужил, он в этом состоянии лишь несколько месяцев, а затем перешел на партийную работу. Карьера была стремительна: уже в 61-м становится первым секретарем огромного промышленного города Днепропетровска (всего-то в тридцать восемь лет, явно не без покровительства!), а в 67-м – вторым секретарем обкома (три миллиона подданных!).

Брежнева перевели из Днепропетровска в Кишинев в июле 1950-го, вряд ли он мог знать способного студента Витю Чебрикова, но Леонид Ильич через своих многочисленных наследников-земляков внимательно следил за кадрами любимой епархии и охотно выдвигал их – примеров тому множество. Так вот его взор (а только он и решал подобные вопросы) остановился на перспективном партработнике Чебрикове: того примерно в одну пору с Андроповым переводят на Лубянку, где он делается начальником Управления кадров.

Не станем преувеличивать: в КГБ, как и в любом советском учреждении, отдел кадров – контора второстепенная, но… уже в сентябре следующего года он делается еще одним замом Андропова (по внутренним вопросам). Итак, не успев оглядеться на новом месте, Андропов оказался окруженным частоколом коренных брежневцев, которые своей карьерой целиком были обязаны «хозяину». Так «человек со стороны» оказался на Лубянке

под присмотром сразу с трех сторон. Оценим осторожную предусмотрительность Леонида Ильича, позже она принесла ему важные результаты.

Правда, Андропов получил и приятное известие: руками Брежнева (ну, тот делал приятное прежде всего самому себе) 27 сентября 1967 года на Пленуме ЦК был изгнан из Секретариата Шелепин. Теперь уже он не имел никакой возможности вмешиваться в оперативные дела Андропова, а вскоре неудачливого властолюбца окончательно задвинули во второстепенное ведомство, в разнесчастные советские профсоюзы, бесправные до неприличия. Для кадрового партработника это не могло не стать подлинным унижением. Там Шелепин успокоился до пенсии, на которой пребывал до самой кончины в 1994 году.

Любой гражданин Советского Союза, живший в то время, может твердо засвидетельствовать, что на большинство народа назначение Андропова на Лубянку не произвело никакого впечатления. К Шелепину-то не успели привыкнуть, к Семичастному тоже, а тут еще вдруг Андропов, которого вообще никто не знал, не ведал. Автор может также засвидетельствовать, что в молодой русской интеллигенции, которая имела все основания интересоваться положением в «органах», нового начальника КГБ восприняли так же: какой-то партчиновник…

Однако в иных, куда более узких, зато значительно более осведомленных кругах это событие восприняли совсем по-иному. Небезызвестный Рой Медведев недавно вспоминал об этом:

«Хорошо помню, что смещение Семичастного и назначение Андропова вызвало тогда в кругах интеллигенции, и особенно среди диссидентов, положительные отклики и предсказания. Об Андропове говорили как об умном, интеллигентном и трезвомыслящем человеке. Его не считали сталинистом. Некоторые из известных тогда диссидентов предполагали, что назначение Андропова ослабит репрессии среди инакомыслящих, заметно возросшие в 1966 году и начале 1967 года. Именно тогда по инициативе КГБ в Уголовный кодекс РСФСР (и, соответственно, других республик) была внесена новая статья – 190(1), в которой предусматривалась уголовная ответственность «за распространение ложных и клеветнических сведений, порочащих советский государственный и общественный строй». Хотя наказания по новой статье были не столь суровы, как по статье 70 УК РСФСР».

Да, в ограниченных и вполне определенных кругах приход Андропова был воспринят положительно: «сталиниста» Семичастного сменил «интеллигент» (повторим, называть Андропова этим почтенным в России словом нет никаких

оснований, если не считать очков, лысины и левантийской внешности). Но некая часть интеллигенции без кавычек изначально сочувствовала интеллигенту в кавычках. Любопытны тут заметки известного писателя Юлиана Семенова (его «девичья» фамилия, впрочем, Ляндрес, сын журналиста-интернационалиста):

«Андропов читал роман, посмотрел фильм и хотел познакомиться со мной поближе. «Вы бы ко мне не зашли? У нас есть два входа: один для сотрудников и другой с площади. Вы в какой хотите?» Я говорю: конечно, с площади! А когда я пришел, он посмеялся: «Академик Харитон, наш ядерщик, тоже все с первого подъезда заходит». Первое, о чем я его спросил, когда вошел к нему в кабинет: можно ли посмотреть, что лежит на столе у Председателя КГБ? Он перевернул несколько листков – смотрите. А смотреть не на что. Я говорю: мне бы архивы ваши… Он подумал и сказал: «Вы знаете, раз уж я стал Председателем КГБ, то мне пришлось о вас узнать… Ну зачем вам носить в голове государственные секреты? Вы сепаратны, живете сами по себе, связывают с семьей вас только дети, вы любите застолья, много путешествуете… Зачем архивы? Вам достаточно воображения и того, что вы читаете по-английски, испански, немецки». И он, кстати, натолкнул меня на идею «Семнадцати мгновений весны».

Или вот характерно в той же связи свидетельство бывшего советского дипломата О.А. Трояновского, деятеля вполне либерального. «Андропов любил мыслить аллегориями, – вспоминает Трояновский, – и обладал чувством юмора. Он почти наизусть знал Ильфа и Петрова, любил цитировать их, а иногда и сам не прочь был подшутить. Вскоре после того, как его назначили Председателем КГБ, он позвонил мне и говорит: Олег Александрович, куда вы исчезли? Приезжайте к нам, посадим вас (на слове «посадим» он сделал многозначительную паузу)… напоим чаем».

Отметим характернейшую особенность, отмеченную проницательным дипломатом, – знание наизусть главой КГБ сочинений Ильфа и Петрова. Не надо объяснять любому образованному читателю, что это есть характерный признак еврейского интеллигента, в кавычках или без них. Вкусы Андропова, как видим, вполне определенны и определимы.

И совсем уж трогательную историю о либерализме хозяина Лубянки в области культуры вспомнил тот же Рой Медведев. Речь идет об Эрнсте Неизвестном, скульпторе-модернисте, чьи произведения в России никакого успеха не имели и не имеют. Он давно уехал с израильской визой и обосновался в Соединенных

Штатах. Читаем:

«Как ни печально, эта ненависть исходила в первую очередь не от властей, а от коллег-скульпторов, работавших совсем в другом стиле; образцом их творчества может служить мемориал в Ульяновске, созданный к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, или мемориальный комплекс в Киеве, посвященный победе в Великой Отечественной войне. Эрнст Неизвестный решил покинуть СССР. Однако ему нужно было увезти с собой и многотонные скульптуры, заготовки, огромный художественный архив, для чего требовалось зафрахтовать специальный самолет. Неизвестному всячески мешали, даже за его собственные скульптуры, которые не разрешали выставлять ни на одной выставке, теперь требовали от автора заплатить огромную пошлину. По свидетельству скульптора, в конечном счете именно Андропов помог ему выехать за границу. Понимая, какого крупного художника теряет страна, Юрий Владимирович даже пытался сохранить за Неизвестным советское гражданство, и только по настоянию Суслова у него был отобран советский паспорт».

Заключим сюжет «Андропов – либеральная интеллигенция» впечатляющим свидетельством: последний пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев, многие годы работавший в аппарате ЦК КПСС, писал: «По ряду личных качеств Андропов и впрямь лучше подходил для «работы» с интеллигенцией, чем такие «профессиональные» идеологи, как Суслов, Зимянин или заведовавшие отделом культуры ЦК Петр Демичев и Василий Шауро, не имевшие авторитета в творческой среде люди, отслуживавшие свой должностной срок в кабинетах и президиумах торжественных собраний и игравшие, в сущности, роль идеологических надзирателей, «комиссаров», приставленных к несознательным деятелям искусства… Напротив, Андропов даже в роли хозяина зловещего КГБ внушал интеллигенции наряду со страхом и определенное уважение масштабностью личности, трезвостью и откровенностью суждений, а также репутацией аскетичного ригориста. В чем-то, по-видимому, Андропову даже помогала его малопочтенная должность: Председателю КГБ не было нужды опускаться до примитивной демагогии, без чего не могли обойтись из-за служебных обязанностей идеологические руководители ЦК. Он мог позволить себе вести себя прямее и честнее, хотя явно жестче и суровее своих собратьев по Старой площади. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и традиционную зачарованность сильными, тираническими личностями, угодливую готовность поддаться их гипнозу и раболепие, увы, столь распространенное среди

российских интеллектуалов».

Итак, к июлю столь удачного для него 1967 года Андропов стал во главе столь важного для страны ведомства. Нет сомнений, что первым документом, с которым ознакомился новый шеф Лубянки, было «Положение о КГБ при СМ СССР», которое было утверждено Президиумом ЦК КПСС и введено в действие постановлением СМ в январе 1959 года и которое продолжало действовать до середины 1991 года. Это был большой, но совершенно секретный документ, который даже в КГБ читали только его высшие руководители. Место КГБ в политической системе СССР определялось здесь следующим образом: «Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также охране государственных границ СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов Советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства. Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС».

Нынешний читатель справедливо изумится: а что тут такого особо уж секретного? И секретного вообще? Ничего, ответим с полным основанием, и это будет правда. Просто все, что связано было с КГБ, со времен «Железного Феликса» считалось секретным. И не без оснований, если говорить совсем уж всерьез. Впрочем, в данной пустой вроде бы словесности крылся один серьезный и даже глубокий смысл, в чем необходимо разобраться, приступив к осмыслению деятельности Андропова на его новом, и совершенно неожиданном для него, посту.

Суть вот в чем: Андропова и его ближайших присных предупреждали: выше Партии не может быть ничего и никого! Партия (то есть Политбюро и особенно Генсек, выступавшие всегда от имени ЦК КПСС) руководит всем, в том числе и огромным ведомством разведки, контрразведки и политического надзора. Кто этого не понимает, кто своевольничает, того ждет судьба Берии (в худшем случае!) или Семичастного (в случае более или менее лучшем). Видимо, умненькому Юрию Владимировичу эти очень осторожненькие намеки были вполне очевидны. И он их воспринял, как говорилось тогда, «полностью и окончательно».

Как бы то ни было, но Андропов унаследовал огромную

империю секретно-политической службы, обладающей грандиозной силой – разведывательной, политической и даже военной. Сколько их было численно, до самых недавних пор было строжайшей тайной, но вот совсем недавно, однако определенно, появились в этой связи относительно более или менее точные данные. По сведениям последнего Председателя КГБ СССР Вадима Бакатина, к началу 1991 года здесь работало 480 тысяч сотрудников. Естественно, речь шла лишь о штатных сотрудниках КГБ. Число внештатных, или секретных, сотрудников, получавших зарплату в других ведомствах, вряд ли поддается точному подсчету, но можно предположить, что общее число людей, связанных теми или иными обязательствами с КГБ, еще в 1967 году достигало миллиона. Это была мощная, богатая, влиятельная и закрытая силовая структура.

Андропов не мог не произвести в КГБ некоторых кадровых перестановок. По свидетельству генерала армии Филиппа Бобкова, проработавшего в органах безопасности 45 лет, положение дел в КГБ к моменту назначения Андропова было «сложным и напряженным… Оно определялось распрями между отдельными группами руководящих работников. Основную группу составляли бывшие партийные работники, пришедшие в органы госбезопасности в 1951 году после ареста Абакумова и занимавшие многие ключевые посты. Они считали себя по прошествии полутора десятков лет профессиональными чекистами и претендовали на ведущее положение. Им не по душе был приход новых людей, в основном из комсомола, дорогу которым на руководящие посты в разведку и контрразведку открыли Шелепин и Семичастный. «Старики» из числа партработников не хотели сдавать позиции… Трудно приходилось профессиональным работникам, хотя они несли в основном всю тяжесть оперативной работы. Как поведет дело новый Председатель? С приходом Андропова на первый план вышли бывшие партработники. Они старались войти в доверие к новому Председателю. Зарекомендовать себя его сторонниками».

Впрочем, так было во всех ведомствах Советского Союза во все времена. И в спецслужбы, и на советскую и профсоюзную деятельность, и даже на руководство народным хозяйством и уж, конечно, в культурной сфере ставились в первую очередь выходцы из партийного аппарата. Кстати уж, сам Андропов был именно из таких, и не ему надлежало тут протестовать. Он и не протестовал. Однако, вне сомнений, ценил профессионализм и поддерживать его стремился. Он, безусловно, был способным политиком, а политики умеют ценить профессионалов в любой сфере их деятельности.

Тому есть и любопытное свидетельство осведомленного очевидца. Хорошо знавший Андропова Вячеслав Кеворков пишет в своих мемуарах: «Почему именно Андропов был назначен на пост руководителя госбезопасности, остается загадкой. Если не считать несомненной личной преданности, он не обладал ни одним из необходимых для спецслужб качеств. По складу ума Андропов был рожден масштабным государственным деятелем. Мозг его устроен был наподобие быстро решающего компьютера. О своих достоинствах он догадывался и, нисколько не греша завышенной самооценкой, сознавал свое интеллектуальное превосходство над всеми другими из числа брежневского окружения, включая «самого». Свое назначение на пост главы госбезопасности он расценил как временную карьерную неудачу, с которой оставалось не только смириться, но и попытаться обратить ее в успех, то есть использовать ее как трамплин для прыжка на «самый верх». Этим лишь и можно объяснить его подчеркнутое нежелание вникать в профессиональную сторону деятельности вверенного ему аппарата. Все эти вопросы он с удовольствием передоверял своим заместителям. Сам же продолжал жить жизнью политика, имеющего свою точку зрения по самым различным вопросам. Он прекрасно понимал, что существует лишь один способ реализовать его политические идеи: сделать своим союзником Брежнева, и шел по этому пути весьма успешно. Наибольших результатов он достиг в навязывании Брежневу своей внешнеполитической концепции».

Впрочем, и в кругах профессионалов советских спецслужб Андропова, безусловно, ценили. Об этом свидетельствуют их воспоминания, довольно многочисленные. Отметим, что они писались в ту пору, когда на известной площади, в известном здании еще не была повешена по распоряжению Президента России В.В. Путина известная мемориальная доска…

«В разведке его ценили, – писал бывший начальник ПГУ Леонид Шебаршин, – и он высоко ценил разведку. Ю.В. обладал даром располагать к себе людей своей безыскусной, абсолютно естественной манерой общения. Коллега разговаривал с коллегой. Его интерес к мнению собеседника был искренним, вопросы задавались по делу, по тем проблемам, которые именно в тот момент требовали выяснения. Андропов допускал возражения, не прочь был поспорить и охотно шутил». «Андропов не был недосягаемым, – писал бывший начальник нелегальной разведки КГБ Юрий Дроздов. – Он жил проблемами нелегальной разведки, думал вместе с нами о путях ее развития. Многое, о чем он говорил, мы постарались претворить в жизнь. Он знал, сколь сложно и опасно ремесло разведки. В беседах он вовлекал в

разговор всех участников встречи, журил отмалчивающихся, разрешал спорить и не соглашаться с ним. Андропов внимательно следил за ходом нелегальных операций, некоторые знал в деталях. Иногда ему не терпелось узнать что-то новое, но он останавливал себя, подчиняя свои желания условиям связи и строжайшей конспирации».

Деятельность Андропова во главе Лубянки делилась изначально на два направления: внешняя разведка и политические интриги за рубежом, с одной стороны, и внутренняя политика. Так повелось в «органах» со времен «Железного Феликса». Как ни странно, однако это довольно разные сферы, не имеющие меж собой жесткой взаимосвязи. Например, можно было снабжать оружием прокоммунистических повстанцев в Лаосе или Никарагуа – и посылать туда художника Илью Глазунова, полудиссидента, почти «гонимого», а потом устраивать пышные выставки его рисунков в Москве. Ну, тут примеров не счесть.

О личном участии Андропова в таких делах известно очень мало достоверного. Последние годы многие штатные сотрудники «органов» благополучно осели на Западе и выступили с разоблачительными «мемуарами». Правда, там так переплетена правда с ложью, что концов не найдешь, только задохнешься в ядовитой пыли. А архивы по сей день закрыты наглухо. Вот почему мы эту неведомую тему затронем кратко и осторожно.

Во времена, когда Лубянское ведомство возглавлял «царь Андроп», общее административное строение центрального аппарата КГБ СССР выглядело следующим образом (по данным отставного генерала А. Коржакова, опубликованным в октябре 2000 г.):

1-е главное управление (ПГУ)

Разведка. «Элита», «белая кость» – именно так называют сотрудников этой службы по сей день.

2-е главное управление

Контрразведка. Знала все про всех и практически не оставляла шансов для шпионов из других государств.

3-е главное управление

Военная контрразведка. Многочисленная армия особистов. Держала под неусыпным контролем все советские Вооруженные силы.

4-е управление

Контрразведывательная работа на транспорте.

5-е управление (впоследствии было переименовано в управление «З»)

Борьба с идеологической диверсией.

6-е управление

Контрразведывательная работа в сфере экономики. Стояло на страже социалистической собственности и плановой экономики. Раскручивало знаменитые дела «цеховиков», директора Елисеевского магазина, министра внутренних дел Щелокова.

7-е управление

Наружное наблюдение и охрана дипломатического корпуса. Первая функция в комментариях не нуждается. Вторая включала в себя охрану дипломатических представительств. Чекисты, переодетые в милицейскую форму, стерегли посольства стран НАТО. Остальные посольства охранялись обычными милиционерами.

8-е управление

Шифровально-дешифровальное.

9-е управление

Охрана руководства страны (позже переименовано в Управление охраны руководителей).

Управление «ОП»

Борьба с организованной преступностью (было создано, как только в СССР появилось понятие «организованная преступность»).

Управление «СЧ»

Специальные части КГБ.

Главное управление пограничных войск (ГУПВ)

15-е главное управление

Строительство и эксплуатация резервных объектов (бункеров для руководства государства на случай ядерной войны).

16-е управление

Радиоразведка, радиоперехват и дешифровка. Оперативно-техническое управление (ОТУ).

Инспекторское управление

Управление кадров

Военно-медицинское управление

Военно-строительное управление

Управление правительственной связи

Хозяйственное управление

Финансово-плановый отдел

10-й отдел
Учетно-архивный.

12-й отдел
Прослушивание телефонных переговоров и помещений.

Следственный отдел

Мобилизационный отдел

Секретариат КГБ

Юридический отдел

Служба оперативного анализа и информации, или Аналитическое управление

Как видим, система вполне стройная, отработанная десятилетиями, а общем и целом именно так строятся спецслужбы всех крупных и политически активных государств: разведка и контрразведка, наблюдение за вооруженными силами, охрана высших чинов государства, особые средства связи и т.п. Как говорится, все как у людей. Но в андроповском ведомстве появились две новые службы, которые связаны непосредственно с личными устремлениями шефа: это «СЧ» – специальные части и Пятое управление («Пятка», как выражались в просторечии сотрудники КГБ).

Ветеран Управления «СЧ» М. Болтунов рассказал в своих воспоминаниях: «Генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич

Бесчастнов, начальник 7-го управления КГБ, шел на доклад к Андропову.

Полированный мрамор ступенек, барская плавность ковровой дорожки и кабинеты, кабинеты как часовые – слева, справа.

Бесчастнов шел знакомым коридором. Вот и дверь, за которой сидел когда-то Кобулов, теперь там другой человек – молодой, можно сказать, юный.

… – Алексей Дмитриевич! – кто-то окликнул его.

Обернулся: Володя Крючков, начальник секретариата председателя КГБ. Подошел, поздоровались.

– Ты чего стоишь, как бедный родственник?

– Молодость вспомнил. Знаешь, кто за этими дверями сидел?

– Слышал!

– А я видел… И не дай Бог такого никому другому.

– Вот ты говоришь: мо-о-ло-дость… – протянул со вздохом Крючков и взял его под руку. – В молодости я только и видел Бесчастнова в президиумах.

– Да ну тебя, – отмахнулся Алексей Дмитриевич.

– Нет, серьезно. Что я – всего лишь районный прокурор, а ты – начальник областного управления. Еще какого, Сталинградского. Помню, «Правду» открываю: батюшки! Депутатом Верховного Совета РСФСР в Ленинграде избран Сталин, а в Сталинграде – Бесчастнов.

…Расставшись с Крючковым, Бесчастнов в назначенное время появился в приемной Андропова.

– Юрий Владимирович ждет, – сообщил помощник.

Алексей Дмитриевич вошел. Андропов глянул из-под очков, поднялся из-за стола. Поднялся тяжеловато, но виду не подал. Бесчастнов знал: у Юрия Владимировича больные почки. Впрочем, это не было в комитете ни для кого секретом. Андропов не жаловался, но и не скрывал своих болячек.

Рукопожатие крепкое, взгляд цепкий, несколько ироничный. После смерти Андропова много будут писать о нем. Скажут об уме, работоспособности, интеллигентности, фильм даже снимут, а потом помоями обольют, тысячи грехов понавесят. Бесчастнов все прочтет, все увидит и не удивится. Это ведь в наших российских традициях: лизоблюды страсть как любят отплясывать на гробах своих вчерашних повелителей.

Нет, никто из писавших и снимавших не знал его, Юрия Андропова, и не понял до конца. Кем он был, каким был? А он, Бесчастнов, знал? Знал. Еще с тех пор, когда Алешка Бесчастнов увидел на трибуне Московской комсомольской конференции секретаря Ярославского обкома комсомола Юру Андропова. Задиристо выступал тогда Ярославский секретарь… Сколько раз

потом их сводила и разводила судьба. И теперь вот который год вместе.

Так что многое из написанного об Андропове, Бесчастнов хорошо знал, – чушь собачья.

– Здравствуй, Алексей, – председатель КГБ кивнул на кресло у маленького журнального столика, – присаживайся. Что пить будем?

– Если есть право выбора, – усмехнулся Бесчастнов, – то коньяк, Юрий Владимирович.

Очки Андропова лукаво блеснули. Что не позволялось другим, разрешалось Бесчастнову. Алексей Дмитриевич – любимец управления, весельчак, бессменный тамада на совместных торжествах. Так, на юбилее Семена Кузьмича Цвигуна, андроповского первого зама, можно было помереть со скуки. За столом сидели надутые, важные, как на коллегии КГБ или на поминках. А Бесчастнов выручил. Раскачал даже юбиляра, который, приняв рюмку, начал уже подремывать.

…Юрий Владимирович опустился в соседнее кресло.

– Право есть, Алексей, а выбора нет. Либо просто чай, либо чай с молоком.

– И все? – удивился Бесчастнов.

Андропов развел руками.

Подали чай. Помолчали, не спеша прихлебывая крепкий чай. Однако пора было приниматься за дело. Андропов снова стал Андроповым, Председателем КГБ, членом Политбюро, Бесчастнов – его подчиненным, начальником «семерки».

– Вот что, Алексей Дмитриевич, – сказал председатель, – дело нам с тобой предстоит непростое. Новое подразделение надо создать.

«Новое так новое», – подумал про себя Бесчастнов. В ту пору в комитете формировалось немало новых подразделений, и постоянных и временных, для выполнения каких-то частных задач. Не привыкать.

Но Андропов сделал паузу и вопросительно посмотрел на Алексея Дмитриевича. Бесчастнов ждал.

– Подразделение необычное. «Командос». Наши, советские «командос». Догадываешься, зачем?

– Задачи могут быть разные…

– Задача пока одна: противостоять терроризму. Судя по всему, начинается его новый виток – захваты самолетов, убийства заложников, разбойные нападения. Вспомни-ка Мюнхен, Олимпийские игры – сам не хуже моего знаешь. Что там «Черный сентябрь» натворил: настоящая бойня. И хваленая полиция ничего не сделала. А мы разве на другой планете живем? Есть у нас что

противопоставить бандитам?

Бесчастнов хотел было ответить, но Андропов не дал.

– Я знаю, что ты скажешь. Когда жареный петух клюнет, соберем ребят, лучших оперативников. Есть у нас и спортсмены, стрелки. Есть! Но знают они, как подойти к самолету, как проникнуть внутрь? Чтоб и заложников освободить, и террористов уничтожить, и самим в живых остаться? А?

Алексей Дмитриевич молчал. Председатель говорил дело. Он сам раньше задумывался над этим. Только ли о самолете речь, а если террористы захватят здание, как штурмовать? А пароход, железнодорожный вагон? Не было еще такого, и слава Богу. Но где гарантия, что и дальше тихо-мирно жить станем.

– Так я тебя еще раз спрашиваю, есть у нас что противопоставить?

Андропов глядел в упор. Он не ждал ответа – отвечал сам.

– Нет, дорогой мой Алексей, нечего. Так, знаешь ли, на уровне любителей, полупрофессионалов. А нам нужны профессионалы высокого класса. Я бы сказал, самого высокого…

Он встал и взял с рабочего стола, видимо, заранее подготовленный журнал.

– Посмотри, ребята из первого главка по моей просьбе принесли.

На открытой странице Бесчастнов увидел большое цветное фото: громадные, гренадерского роста парни в пятнистой маскировочной форме. Они сидели прямо на капоте черного «мерседеса», свесив ноги, положив огромные кулаки на колени, улыбались, уверенные в себе.

– Что, Алексей Дмитриевич, буржуазная пропаганда? – усмехнулся Андропов.

Бесчастнов покачал головой.

– То-то! Западногерманское элитарное подразделение ГСГ-9. Решает задачи по пресечению особо тяжких преступлений, связанных с убийствами, взятием заложников, разбоем. Словом, отлично подготовленные «командос».

Он снял очки, поднес журнал к самому лицу, подслеповато вглядываясь в фигуры бойцов ГСГ-9. Потом резко захлопнул журнал, отбросил.

– Мы что, хуже? Настоящих ребят не найдем? Найдем. В общем, так, Алексей, первый главк поможет. Кое-какие иностранные материалы подбросит. Почитайте, подумайте. И вперед – будем создавать группу, растить своих «командос».

Приказ председателя КГБ Бесчастнов принял к исполнению. Нашлись и материалы. Правда, и в Первом главном управлении их было негусто. Посмотрели, прикинули. Особо не торопились,

дело новое, опыта практически никакого. Алексей Дмитриевич нутром чуял, что дополнительных штатов для «командос» не дадут, денег тоже. В общем, еще одна головная боль.

Однако Андропов вскоре напомнил о своем поручении. А начальнику «семерки» и похвалиться нечем, кроме банального: «изучаем», «работаем». И тогда совсем по-иному сверкнули очки председателя…

На следующий день был назначен временно исполняющий обязанности командира группы майор Роберт Петрович Ивон.

С него и началась группа.

– Командира возьми из пограничников, – посоветовал Андропов. – Можно Бубенина с Даманского посмотреть. Герой, парень обстрелянный, смелый…

Алексей Дмитриевич позвонил начальнику погранвойск генералу Матросову, передал разговор с Андроповым.

– Ну, коли в командиры берешь, тогда отдам, – согласился Матросов.

Прилетел Бубенин. Объяснили, что за группа, каковы задачи, цели. В свою очередь присмотрелись к пограничнику. Офицер действительно боевой, со звездой Героя – в ту пору большая редкость. Весь Союз знает, да что там Союз – весь мир. Портреты героев-пограничников с острова Даманский обошли многие газеты и журналы планеты.

Сам Бубенин сомневался, но потом дал согласие. Человек военный: надо, значит, надо.

Правда, через несколько лет он все же напишет рапорт – попросится опять на границу. Что поделаешь, тут как в любви: насильно мил не будешь. А насильно в группу никого не тянули. Она сама, как магнитом, притягивала к себе. Многим хотелось боевой работы.

Наконец утвердили штаты, начался набор. Бесчастнов доложил об этом председателю КГБ. Юрий Владимирович остался доволен. Он верил: рождалось подразделение, которое сможет защитить людей от страшной чумы XX века – терроризма.

В тот день, после доклада, уже собираясь уходить от председателя, Алексей Дмитриевич вдруг вспомнил: а названия-то группе не дали.

– Название? – переспросил Андропов. – Неважно, как мы ее наречем. Важно другое, какой она будет, наша группа. Пусть именуется группой «А».

Так она и вошла в комитетские анналы – суперсекретная антитеррористическая группа «А».

«Альфой» ее назовут в печати после августовского путча 1991 года».

Воспоминания, отрывок из которых только что приведены, написаны уже после падения Советской власти, когда «проклятый КГБ» принято было бранить. Ветеран, как видно, остался принципиален, поэтому ему следует доверять. Видно, что Андропов относился к своим сослуживцам отнюдь не по-солдафонски, что было, к сожалению, характерно для советского генералитета не только в Вооруженных силах, но и в спецслужбах. «Альфа» в дальнейшем пригодилась дальновидному Юрию Владимировичу.

Впрочем, у всех спецслужб есть свои тайные ударные подразделения, которые действуют на грани закона, а то и за гранью его (сошлемся уж тут на популярный голливудский сериал про Никиту, непобедимую даму американской разведки). Но Андропов был политиком незаурядным, и он изобрел иное средство борьбы – упомянутую уже «Пятку». Вот как кратко характеризуется она в издании бывшего генерала ФСБ А. Коржакова:

«5-е УПРАВЛЕНИЕ

Взявшись за руководство КГБ, Андропов уже четко знал, что надо делать. 17 июля 1967 года по его инициативе рождается самое знаменитое 5-е идеологическое управление КГБ. Его создание Андропов мотивировал «наращиванием и активизацией подрывных действий реакционных сил, которые делают ставку на создание антисоветских подпольных трупп, разжигание националистических тенденций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов».

В послании, отправленном Андроповым в ЦК КПСС, говорилось: «Под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия».

Начинаются многочисленные аресты диссидентов, писателей и правозащитников. Мнение о КГБ как о самой зловещей структуре на Земле еще больше усиливается.

Командовать «борьбой с демагогами» был брошен секретарь Ставропольского крайкома КПСС Кадашев. Но он с задачей не справился, и его место спустя год с небольшим занял кадровый чекист Филипп Бобков (сейчас Филипп Денисович защищает свободу слова и работает на олигарха Гусинского, являясь неформальным руководителем и координатором службы безопасности группы «МОСТ»).

5-е управление стало стержнем КГБ и его неприглядным фасадом, за которым действительно полезная работа оперативников из остальных подразделений была просто не видна. «Пятерка» держала народ в страхе, а испуганные люди неспособны на революцию».

О деятельности 5-го управления КГБ и его печально знаменитом начальнике генерале Ф.Д. Бобкове будет подробно рассказано далее. Но теперь остановимся на крупнейшем политическом конфликте международного значения, с которым Андропову пришлось вплотную столкнуться вскоре после своего назначения на Лубянку. Речь идет о так называемых «событиях в Чехословакии» 1968 года.

Напомним, Андропов лишь 21 июня 1967-го стал кандидатом в члены Политбюро, вес его в этом решающем органе власти был еще очень невелик, самостоятельной роли он играть не мог и не стал пытаться. В самом же партийном ареопаге ясности по чешским делам не было.

В пользу умеренности и сдержанности выступали А. Косыгин, Н. Подгорный и М. Суслов. В пользу решительных действий против «ревизионистов» из КПЧ, не исключавших и военное вмешательство, выступали А. Кириленко, А. Шелепин, К. Мазуров и особенно украинский лидер П. Шелест. Брежнев колебался, хотя именно он должен был принимать главные решения. Явно в группе «ястребов» находились советские маршалы, а также В. Ульбрихт и В. Гомулка, которые оказывали на Брежнева сильное давление. В целом среди сторонников «решительных мер» находился и Юрий Андропов. Георгий Арбатов позднее писал: «На основании того, что я слышал, могу сказать, что среди сторонников «решительных мер», к сожалению, был и Ю.В. Андропов, у которого после событий в Венгрии в 1956 году сложился определенный синдром нетерпимости, может быть связанный с убежденностью в том, что нерешительность и затяжки ведут к более серьезному кровопролитию». Ну, словечко «к сожалению» есть очевидное либеральничанье задним числом, которое столь характерно для всех политических перевертышей арбатовского толка.

Из недавних публикаций документов Политбюро точка зрения Андропова выглядит совершенно недвусмысленно. 19 июля, выступая против «мягкой» линии А. Косыгина, Председателя Совета министров СССР, Андропов заявил: «Я считаю, что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступаете на меня. Они сейчас борются за свою шкуру, и борются с остервенением… Правые во главе с Дубчеком стоят твердо на своей платформе. И

готовимся не только мы, а готовятся и они, и готовятся очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Все идет против нас».

«Я хотел бы также ответить т. Андропову, – возражал Косыгин, – я на вас не наступаю, наоборот, наступаете вы. На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем что-то похожее на Австрию». Андропова поддержали на этом заседании Устинов, Мазуров и Капитонов. Кроме Мазурова все они были еще кандидатами в члены Политбюро, а Капитонов лишь одним из секретарей ЦК. В задачу Андропова входила информация партийного руководства о взглядах и настроениях населения страны по поводу тех или иных аспектов советской политики. В Информационной записке КГБ в ЦК КПСС от 24 июли 1968 года Андропов сообщал о реакции населения СССР на решения июльского Пленума ЦК о событиях в ЧССР. Пользуясь случаем, Андропов давал в этой записке и свои комментарии. «Существующее положение в Чехословакии, – писал он, – требует немедленного вовлечения рабочего класса и народной милиции в борьбу с антисоциалистическими силами, а при необходимости – и создания рабочих революционных отрядов».

«Силовая» направленность действий против мятежной Чехословакии, разумеется, возобладала на Политбюро, в двадцатых числах августа 1968 года в страну вошли советские танки и войска союзников СССР по Варшавскому договору. Все было кончено.

Свой «либерализм» прозападного толка Андропов приберегал совсем для иных дел…

После истории в Венгрии двенадцать лет назад то был самый сильный кризис «социалистического лагеря». История эта хорошо известна, незачем на нее отвлекаться. Какова роль в событиях «органов» – известно в общем: они вербовали агентов среди оппозиции, выдвигали крикливых провокаторов, устраивали «склады оружия» (ими же созданные), мастерили «дезухи» о скором вторжении в Чехословакию германского бундесвера и даже американских войск и т.п. Словом, занимались тем, что им положено «по штату», чем озабочены их коллеги на Западе в подобных же обстоятельствах. Действия, к примеру, швейцарской или шведской спецслужб (об американских и упоминать не станем) в подобных случаях примерно такие же.

Ну, а сам Андропов? Точно ничего не известно. На Западе писали и пишут, что он в 68-м несколько раз посещал

Чехословакию «инкогнито». Смешно. «Тайно» приехать туда лицу такого ранга было бы невозможно, никто из сподвижников Дубчека (и он сам) не сообщил о том в бесчисленных своих воспоминаниях. Нет, Юрий Владимирович не любил личного участия, как сейчас выражаются, в «горячих точках». Он сидел в Москве, столице огромной красной империи, сидел в самом ее центре, никем не видимый и не слышимый. Именно здесь он плел и осторожно распускал свою тайную паутину.

Как уже говорилось, внешние дела своего ведомства Андропов в основном отдавал своим профессионалам-разведчикам и, доверяя им, мало вмешивался в конкретные частности. Иное дело – дела внутренней политики, тут он все старался решать лично, здесь крылись его основные политические интересы, особенно дальние и тайные.

Теперь следует хотя бы кратко оценить последствия «событий в Чехословакии» в смысле их влияния на идейную обстановку в нашей стране. Влияние то было значительным и пока не изучено.

Начнем с предыстории – речь идет о пресловутой «шестидневной войне» в июне 1967 года. Тогда израильская армия полностью разгромила вооруженные силы Египта и Сирии, давних союзников СССР, который оказывал им огромную военную помощь. То был поистине унизительный разгром, к тому же израильтяне понесли ничтожные жертвы. В интеллигенции Советского Союза это вызвало оживленный отклик. В общем интеллигенция тогда еще в массе своей оставалась либеральной, проеврейский «Новый мир» был ее Евангелием. Но даже эта среда была ошарашена поведением своей еврейской части.

…Хорошо помню, как в те летние дни я встретил своего приятеля Владимира Райцеса, специалиста по истории средневековой Франции. Добродушный, веселый человек, он словно преобразился, стал вдруг похож на императора Наполеона с картины Давида! Голова была поднята, глаза горели: «Мы уничтожили столько-то танков и столько-то самолетов, пленных вот столько…». Было отчего удивиться. Пресловутое «двойное гражданство» евреев, которое они всегда упорно отрицали, проявилось вдруг как-то особенно явно. В ходу был анекдот: еврей разговаривает по уличному телефону-автомату, долго говорит, скопился народ, в кабину стали стучать, еврей высовывается и говорит: «Послушайте, когда вы воевали, мы вам не мешали!» Именно с той поры между русской и еврейской частями интеллигенции появилась заметная трещина.

События в Чехословакии следующего года ускорили и обострили эти обстоятельства. Бросалось в глаза громадное число евреев в тогдашнем пражском руководстве (Гольдштюкер,

Пеликан и бесчисленные иные). Наша печать давала краткие, но впечатляющие заметки братиславских газет, что центральное телевидение Чехословакии почти полностью посвятило себя еврейским сюжетам и т.п. В 1969 году таких публикаций стало больше и появилась знаменитая книга Юрия Иванова «Осторожно: сионизм». Там в подобающих марксистских выражениях впервые давалось нечто объективное по так называемому «еврейскому вопросу». То была первая книга на этот предмет в Советском Союзе. Значение ее трудно переоценить даже сегодня.

Именно в эти годы произошел полный, даже открытый раскол в советской интеллигенции на ее русско-патриотическую и еврейско-либеральную части. Андропов внимательнейшим образом следил за настроениями в этой среде и движениями там. Для этого впервые в истории «органов» при нем была создана пресловутая «Пятка» во главе с его выдвиженцем Ф. Бобковым. Итак, у Андропова был выбор, на какую из групп советской интеллигенции ему опереться, и он свой выбор сделал. О его помощниках уже говорилось. Но то была, строго говоря, не интеллигенция. А что позже произошло в этой области – в своем месте.

Первое, с чем лично довелось столкнуться Андропову среди острых внутриполитических проблем, было шумное дело крымских татар. Они проживали тогда в Средней Азии и требовали возвращения на «историческую родину». История эта сложная, невероятно искаженная в «демократической» печати. Кратко предыстория вопроса такова.

В ноябре 1941 года немецкие войска появились в Крыму, татарское население в своем большинстве перешло на службу к оккупантам: оно рассчитывало на то, что Крым отойдет к Турции. И татарские националисты не бездействовали.

Считается, что в армию можно призывать не более 10 процентов всего населения. В Крыму в 1940 году проживало 218 тысяч татар при общей численности населения 1 126 800 человек (в подавляющем большинстве это были русские). Так вот, на военную службу к немцам перешло гораздо больше 10 процентов татар: гитлеровцы организовали несколько татарских вооруженных отрядов численностью не менее 20—25 тысяч. Только из 51-й армии в мае 1942 года при отступлении ее из Крыма дезертировало до 20 тысяч татар.

В период оккупации Крыма (ноябрь 1941 – апрель 1944 года) на полуострове действовали советские партизаны, и бороться им приходилось почти исключительно с татарскими охранными отрядами. Немцы во время карательных операций против партизан только командовали. Партизанская война в Крыму по

своей ожесточенности и тяготам вряд ли имеет аналоги в истории партизанского движения, и обеспечивали оккупантам поддержку татарские националистические отряды.

Более того. В Крыму были уничтожены сотни тысяч советских граждан, прежде всего русских, украинцев, евреев, и этим отвратительным делом опять же занимались татарские охранные отряды. Правда, они не знали, что их ожидает: у Гитлера был план устройства в этом райском уголке русской земли немецких курортов. Ведомство Гиммлера разрабатывало обширные и деятельные планы: выселить и уничтожить местное население, в том числе и татар, построить новые «немецкие» города и поместья для эсэсовских колонистов, проложить современные автомагистрали и т.д. Планы тогда же начали осуществляться, завершению их мешала только продолжавшаяся война. Но, повторяем, татары этого не знали и старались вовсю.

Когда же в апреле 1944 года в Крым снова вошли войска Красной армии, оккупанты вовсе не подумали эвакуировать своих помощников (им было не до того), а оставили их в Крыму, с тем чтобы они вели партизанскую войну в тылу Красной армии. И националисты попытались развернуть такую войну, пользуясь немалой поддержкой татарского населения. На этот счет есть немало совершенно недвусмысленных немецких и советских документов. Повторим: что же оставалось делать Сталину в такой обстановке? И в мае 1944 года Государственный комитет обороны принимает решение о выселении крымских татар.

18 мая 1944 года операция эта началась, и к 20 мая (опять же за три дня) она была завершена; при проведении ее «никаких эксцессов не имело места». Всего было выселено 183 тысячи человек. Никаким репрессиям на местах поселения они не подвергались. Да, мера была суровая, она диктовалась условиями жесточайшей войны. Много позже западные спецслужбы сделали это предметом политических интриг.

В шестидесятые годы крымские татары начали устраивать разного рода демонстрации, создали свои комитеты и т.д. Западные радиоголоса раздували эти дела. 21 июня 1967 года Андропов, только что избранный кандидатом в Политбюро, встретился с крымско-татарскими деятелями. Это был его первый публичный, шаг, и он оказался характерен. Очевидцы сцены позже описывали это таким образом:

«Их ввели в зал заседаний Президиума Верховного Совета СССР и усадили за длинный, покрытый зеленым сукном стол. Ждать пришлось недолго. Открылась дверь, и в зал вошли три человека. Самый высокий из них, слегка ссутулившийся, одетый в отличный темно-синий костюм, в очках с толстыми стеклами,

открыл встречу:

«Давайте представимся. По правую руку от меня сидит Министр внутренних дел товарищ Щелоков, по левую – Генеральный прокурор товарищ Руденко. Моя фамилия – Андропов, я председатель Комитета государственной безопасности».

Делегаты крымских татар были поражены, узнав, что их требование о политической реабилитации и возвращении в Крым будут рассматривать три шефа карательных организаций Советского Союза. Это было все равно, как если бы жалобы мышей были назначены выслушивать коты. Это была откровенная демонстрация силы, и когда Андропов предложил кому-нибудь из делегатов изложить свои жалобы, один из них поднялся и сказал:

«А в каком качестве вы лично участвуете в этой комиссии – как кандидат в Политбюро или как Председатель КГБ?»

«А разве это не все равно? – слабо улыбнулся Андропов и пояснил: – Все мы трое – члены ЦК партии, и каждый, кроме того, занимает определенное служебное положение».

Андропов явно кокетничал, преуменьшая значение возглавляемой им грозной организации, ставя ее на одну доску с другими карательными органами.

«Нет, не все равно, – не унимался татарский делегат. – Если вы здесь как кандидат в члены Политбюро, мы начнем высказываться, а если как Председатель КГБ, мы покинем зал, не приступая к переговорам».

Андропов, всегда предпочитавший обладание тайной силой любым внешним, честолюбивым ее проявлениям, мгновенно пошел на попятную:

«Я, конечно, поставлен во главе комиссии как кандидат в члены Политбюро».

Так татарские делегаты узнали, что Андропов не просто один из членов комиссии, которой поручено разбирать их жалобы, но ее председатель. Дальнейший разговор подтвердил это наглядно – всю беседу вел он один, его коллеги изредка только подавали реплики.

Корректный тон Андропова, его уступчивость и его улыбки расположили татарских ходатаев к откровенности – приблизительно тот же эффект, который за одиннадцать лет перед этим произвело обхождение Андропова на его венгерских собеседников. Впервые крымских татар принимали на таком высоком уровне и впервые с ними разговаривали на равных, не угрожали, а внимательно выслушивали. Поэтому даже самый неуступчивый делегат, который только что подвергал сомнению полномочия Андропова и его членство в комиссии ЦК, теперь

смягчился и сказал:

«Ну, тогда можно начинать, но только у нас нет общего докладчика и нет руководителя. Мы все получили одинаковые полномочия от нашего народа, и вам придется всех нас выслушать».

«Конечно! – с готовностью согласился Андропов и добавил, снова улыбнувшись: – Только при одном условии – если вы будете говорить не хором, а каждый по отдельности».

Лед был растоплен, и комиссия терпеливо выслушала всех крымско-татарских ходоков поочередно. Беседа продолжалась около четырех часов. Члены комиссии больше слушали, чем говорили. Под конец беседы Андропов сказал: «Мы знаем, товарищи, ваш народ желает возвращения на родину и сохранения своей национальной целостности, языка и культуры. И вы имеете право в рамках советских законов добиваться полного и окончательного решения своего национального вопроса. Вчера вечером было заседание Политбюро по этому поводу, и могу вам сообщить, что по вопросу политической реабилитации крымских татар мнение членов Политбюро едино. А вот что касается вашего возвращения в Крым – здесь мнения разошлись».

«Юрий Дмитриевич, разрешите задать вопрос? – вскочила Айше Сеймуратова.

«А как ваше имя? – спросил Андропов, и когда Айше представилась, слегка наморщил лоб. – Ваша фамилия мне вроде бы знакома…».

«В день, когда вас назначили Председателем КГБ, меня как раз освободили от вашего пансиона».

Так и было. После девяти месяцев предварительного заключения в Лефортовской тюрьме, 19 мая 1967 года Айше судили за разжигание национальных чувств и приговорили к трем годам условно: прямо в зале суда она была освобождена из-под заключения.

«Да, да, вспомнил, – сказал Андропов беззлобно. – А какой у вас вопрос?»

«Кто из членов Политбюро был «за», а кто «против» нашего возвращения в Крым?»

«Даже если вы меня возьмете вот так, – и Андропов показал у горла, – все равно не скажу».

И добавил:

«Мы вам создадим все условия для вашей жизни в Узбекистане».

«Но нам ничего не нужно в Узбекистане! – сказал один из делегатов. – Мы хотим к себе на родину, в Крым».

Здесь вмешался Щелоков:

«Не отказывайтесь, товарищи, оттого, что дают. Саженцы надо сажать – легче будет потом перенести».

Андропов тут же попытался смягчить чересчур прямолинейную реплику своего коллеги – было видно, что он человек совсем иного стиля, иного вкуса:

«Вот вы здесь со своим национальным вопросом, который и в самом деле уже назрел…».

«Перезрел, Юрий Владимирович», – перебил один из вконец осмелевших ходоков.

«Ну, перезрел, спорить не буду – вам виднее. Хотя, знаете, я последние годы стал уже специалистом по национальным вопросам. Мне поручают именно национальные вопросы, мои товарищи – свидетели, – и он кивнул на Руденко и Щелокова. – 11 лет назад я был послом в Венгрии – помните венгерские события?»

«Мы не венгры – мы советские граждане, крымские татары».

«Верно, верно. Но ваш вопрос – не единственный. Вы знаете, например, что на Востоке мы на пороховой бочке сидим?»

Как говорится, «и так далее»… Андропов был прирожденный лицедей. Крымские делегаты ушли с уверенностью, что он-то «добрый», а вот солдафон Щелоков «злой». А на деле-то было как раз наоборот! До конца своей жизни не пустило ведомство Андропова ни одного татарина на Крымский полуостров! Вот они – слова и дела…

Нынешние «демократы» давно объявили Андропова «либералом» (тайным, конечно). Возможно, им виднее. Однако для торжества будущей «демократии» он не постеснялся дать указание своим подчиненным о захвате кучки еврейских полуинтеллигентов, пытавшихся устроить на Красной площади «демонстрацию» против введения советских войск в Чехословакию. Правда, остается вопрос: а почему эту кучку, облепленную сексотами (отчасти из сексотов и состоявшую), почему их вообще допустили на Красную, а не похватали на полпути? Или кому-то нужно было создавать легенду о «правозащитниках»? Сегодня ответить на эти вопросы, еще совсем недавно казавшиеся загадочными и почти неразрешимыми, уже возможно. Слишком много сокрытого в последние годы всплыло на поверхность, стало явным.

Для понимания тогдашних действий Андропова обратимся к очень скучным, зато самым объективным и убедительным данным – статистике. В свете новейших архивных публикаций это стало возможным.

Вот обобщенные сведения о числе лиц, осужденных за

антисоветскую агитацию и пропаганду и распространение «заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». За 5 лет – с 1956 по 1960 г. – были осуждены по политическим мотивам 4676 граждан СССР. В 1961 – 1965 гг. по этим же мотивам были осуждены 1072 человека. При этом в 1965 году были осуждены всего 20 человек, а в 1966 году – 48. В 1967 году число осужденных по политическим мотивам составило 103, а в 1968 году – 129 человек. В 1969 году были осуждены 195, а в 1970 году – 204 гражданина СССР. В 1976– 1980 гг. – 347. Эти данные не являются полными, так как немало диссидентов привлекались к ответственности по обычным статьям Уголовного кодекса. Далеко не всегда оформлялись в качестве судебного решения психиатрические репрессии или высылка из страны. К тому же при сокращении числа судебных приговоров могли возрастать другие формы административного, партийного и иного давления. Именно с конца 60-х годов формы и методы борьбы с диссидентами становились более разнообразными и изощренными.

Присмотримся же к этим сухим числам. «Борец с культом» Хрущев был тот еще «либерал»! При нем не только запросто «сажали», но и очень легко приговаривали к «вышке». А вот при «сталинисте» Семичастном в его короткое пребывание на Лубянке, напротив, произошло заметное ослабление политических преследований. А при Андропове? Уровня Хрущева он, конечно, не достиг, ибо Брежнев был руководителем мягким, зато «обогатил» советскую карательную систему так называемыми «психушками». Значит, суровый каратель, фанатичный наследник «Железного Феликса»?

Это смотря для кого и как…

За границей КГБ действовало решительно и не оглядываясь ни на какое там международное право, как и действуют – тогда и теперь – все настоящие спецслужбы. Вот одно из донесений Андропова партийному руководству (помните? ничего нет выше Партии! это он четко усвоил):

> «КГБ СССР. 16 мая 1975 г. № 1218-А. Товарищу БРЕЖНЕВУ Л.И. В соответствии с решением ЦК КПСС Комитетом государственной безопасности 14 мая 1975 года передана доверенному лицу разведки КГБ В. ХАДДАДУ – руководителю службы внешних операций МФО Палестины партия иностранного оружия и боеприпасов к нему (автоматов – 58, пистолетов – 50, в

том числе 10 – с приборами для бесшумной стрельбы, патронов – 34 000). Нелегальная передача оружия осуществлена в нейтральных водах Аденского залива в ночное время, бесконтактным способом, при строгом соблюдении конспирации с использованием разведывательного корабля ВМФ СССР. Из иностранцев только ХАДДАДУ известно, что указанное оружие передано нами.

Председатель Комитета госбезопасности

АНДРОПОВ».

Бумаг такого рода, подписанных шефом Лубянки, сохранилось в секретных архивах, что называется, без числа и счета. Но это отнюдь не значит, что Андропов лично отбирал пистолеты для бесшумной стрельбы некоему Хаддаду или даже лично был с ним знаком. То выполняли его бесчисленные подразделения, согласовывая, разумеется, общее решение с ним, а он лишь осведомлял о том «верх» (то есть Брежнева, который, напомним, от Политбюро лично «курировал» его ведомство). Перечислять такие дела не станем, чтобы не перегружать книгу.

И все семидесятые годы, и в начале восьмидесятых «органы» под руководством Андропова вели ту же темную, но, в общем-то, рутинную службу: вербовали и перевербовывали зарубежных шпионов, устраивали заговоры в слаборазвитых странах, тайно подкармливали «друзей» Советского Союза и т.п. (опять полная аналогия с западными «коллегами»). Говорить об этом – даже тогда, когда все станет явным, – было бы скучно. Только об одном эпизоде такого рода позволим себе рассказать. Он хорошо известен и в свое время всколыхнул весь Союз советских писателей.

…9 сентября 1983 года исчез из Венеции корреспондент «Литературной газеты» Олег Битов, посланный туда на очередной кинофестиваль. (Уточним: в ту пору Андропов был уже Генсеком, но «органы» из цепких своих рук не выпускал.) Поднялся в нашей печати дикий шум: похитили! Но очень скоро все выяснилось, даже из рассказов той же нашей печати (между строк, разумеется). Битов был «засланец», конечной целью его было – по заданию Лубянки осесть в британской Би-Би-Си. Он и рванул из Венеции в Лондон как беглец от «ужасов социализма».

Надо признать, «органы» сделали тут хороший выбор (вряд ли сам Андропов готовил эту тонкую операцию, но то, что он утверждал ее, бесспорно). Сам Олег был хорошим «клиентом»: скромный переводчик с английского, уже не молод (пятьдесят),

беспартийный, родной брат писателя-полудиссидента Андрея (ну, он-то теперь глава российского Пен-клуба и владелец казенной дачи в Переделкино). Главное же, конечно, в другом: был Олег сотрудником «Литгазеты», а она тогда почиталась у нас, а на Западе – особенно, органом «либеральным» (то, что ее возглавлял Чаковский, штатный офицер или, даже поговаривали, генерал КГБ, большого значения не имело: должность ему дали такую, «либеральную», вот он ее и исполнял, причем хорошо, как человек умный и опытный).

Впрочем, тонкая операция провалилась, Олег оказался слабаком, английская контрразведка его легко «расколола», а потом дала ему возможность «бежать» через лондонский аэропорт Хитроу (был я в этом аэропорту, там и муха не сядет в самолет без досмотра!). Чаковскому пришлось давать отбой, хоть и слабоватый он был. Впрочем, все это не очень интересно, важен лишь круг того, чем занимался Андропов за пятнадцать лет своего пребывания на Лубянке и полтора года в звании Генсека.

Не будем более говорить о делах андроповского ведомства: тут и Ангола с Эфиопией, и запутанный палестинский узел, сложные арабские интриги, и заказные европейские террористы, и много, много всего. Когда-то архивы раскроются, тогда кто-то напишет правду. (Кстати, в Англии или США такие архивы вообще не делаются доступными; возможно, того и требует истинная безопасность государства.)

Попытаемся рассмотреть деятельность Андропова в делах внутриполитических, а они, бесспорно, являются наиглавнейшими для него и его ведомства. Огорчим попутно миллионную армию любителей детективов: увы, шпионы (как и дипломаты, просим прощения) оказывают ничтожное влияние на реальную политику. Никто им не верит – ни начальники, ни противники. И правильно делают, в общем-то: профессиональный шпион («Штирлиц») является всегда «двойным» (по крайней мере). Скажем, знаменитый Зорге, чей памятник красуется в Москве, обслуживал одновременно советскую, японскую, германскую и американскую спецслужбы.

Уже на основе имеющихся достоверных материалов можно четко определить, что главной составляющей для Андропова была «внутренняя линия». Вот эту сторону мы и попытаемся рассмотреть, тем паче что «наследство» Юрия Владимировича отчетливо видно во всех делах (не делишках!) «перестроек» и «реформ».

Гербом наших спецслужб – до и после Андропова – стали щит и меч, весьма стройный символ, хоть и суровый. А в Отдельном корпусе жандармов Российской империи в символах числился

также платок, коим надлежало утирать слезы вдовам и сиротам. Тоже выразительно, хоть и несколько сентиментально для чекистов. Ну, а Андропов?..

Его подчиненные отражали щитом выпады врагов и мечом наносили им разящие удары. А вот их шеф во внутреннем кармане своего гражданского пиджака держал платок. Ну, слез он никому не вытирал, не таков был человек. Он просто тайно кое-кому из клиентов своего ведомства сочувствовал. И платочек приберегал исключительно для них. Теперь о том можно судить вполне доказательно.

Тайна четвертая
ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Прежде всего осветим вопрос о борьбе Брежнева—Суслова—Пономарева со своими противниками-сталинистами, так сказать, второго поколения.

Брежнев, деятель, в общем-то, мягкий, отнюдь не жесток, как Сталин, и не крут, как Хрущев. Но он был честолюбив и цепко держался за власть. Группа умеренных сталинистов была в верхушке Власти многочисленной и занимала важные посты: Г. Воронов (РСФСР), К. Мазуров (зампред Совмина), П. Машеров (Белоруссия), Д. Полянский (зампред Совмина), самый решительный из них А. Шелепин. Заметим, что центральных партийных постов они не занимали, что и решило дело. Плюс помощь Андропова.

Добавим кое-что из личного опыта. Со второй половины 60-х годов стало складываться русское национальное возрождение. В Москве сплетничали тогда, что нам-де помогают Полянский, Шелепин и другие. Это совершенно неверно, никто из «старых молодогвардейцев» не только с этими персонами, но и их служащими не встречался. Все они оказались не политиками, а просто партаппаратчиками. Они не имели опоры в обществе и проиграли.

Но все же не сразу. Во второй половине 60-х годов в советском руководстве происходила напряженная, хотя и довольно мирная, борьба за власть. Правящая группа Брежнева—Суслова—Пономарева держала курс на «разрядку» и сближение с Западом, а внутри страны искала опоры у нерусских сил. Тонкими, невидимыми нитями (через Симонова, Кожевникова, Черноуцана, многих иных) эта ведущая группа была связана с кругом либерально-еврейской интеллигенции, а по старым коминтерновским связям – еще дальше и глубже. Ей оказывала сопротивление группа Шелепина—Мазурова—Полянского, которые в общем придерживались умеренной сталинской линии: никакой связи с молодыми русскими патриотами не установила.

Опыт и связи противников были слишком уж неравны, чтобы противостояние могло длиться долго. Решающие события произошли в 67-м: шелепинского Семичастного сменил на посту главы Госбезопасности бывший подчиненный Пономарева Андропов, а ключевой пост столичного градоначальника Егорычева, сторонника твердого курса, заместил «никакой» Гришин. Победа брежневско-сусловской группы была, однако, еще

неполной, на среднем уровне засело много деятельных сталинистов, слабоватое верховное руководство не могло с ними так уж сразу управиться. Окончательно все решилось в течение 1969 года, в 90-летие Сталина. Год начался с резкого выпада шелепинских сторонников: появилась в «Коммунисте» статья явно просталинского толка, с выпадами в адрес либеральных идеологов, среди подписавших значилось несколько работников ЦК и один из помощников Брежнева Голиков. Верхушечные сталинисты получили поддержку со стороны «своего» фланга: в середине же года появился в «Октябре» боевой роман Кочетова, критика «разрядки» и сближения с Западом была там последовательной и удивительно смелой. Однако у Кочетова не имелось свежей положительной идеи, а от русского возрождения он резко и враждебно отмежевался (роман был столь скандальным, что его не издали отдельной книгой, это сделали только в Минске – Машеров был последовательный противник «разрядки» и борец с «сионизмом», в конце концов он доигрался). К концу года готовились уже к изданию сочинения Сталина и многое прочее, но… ничего не вышло, сусловские люди пересилили.

Они все же были мастера высокого градуса, поэтому нанесли своим профанам-соперникам удар страшной силы, а главное – с неожиданной стороны. В том же 69-м в тихой Финляндии международный лазутчик, советский гражданин, бывший зэк и мелкий фарцовщик в юности, некий Виктор Луи передал западным издательствам «мемуары Хрущева». Документ, как показало время, был в целом подлинным, но хорошо и целенаправленно отредактирован. Основная нехитрая идея «мемуаров» – разоблачение негуманного Сталина, но особенно – его антисемитизма (то, что простоватый Никита сам был грубым антисемитом, редакторов не смущало). Мировая «прогрессивная общественность» стала на дыбы: как! в Советском Союзе собираются вновь возвысить этого негодяя и антисемита?! Ясное дело, многие руководители западных компартий, а также все «прогрессивные деятели» доложили в ведомство Пономарева свое негодование. Пришлось, так сказать, согласиться с «прогрессивным общественным мнением» и реабилитацию Сталина отложить.

Нет никаких сомнений, что ведомство Андропова сыграло в этой пикантной истории некоторую роль. Ясно, что исполнителями были его профессионалы, а сам он еще не всем там овладел. Но ясно, что он этому никак не противился. Он был выдвиженцем Брежнева и попасть под начало шелепинских людей никак уж не хотел.

1969 год закончился, к несчастью для Шелепина и его сторонников, жалкой статейкой в «Правде», опрокинувшей все надежды сталинистов. В начале 70-го сусловцы извергли из своей среды двух сталинистов, занимавших ключевые посты в идеологии: зав пропагандой ЦК Степакова и председателя Госкомиздата Михайлова, а также кое-кого помельче. Все. Шелепин, Полянский и Мазуров еще ходили на заседания Политбюро, но жизнь текла уже мимо них. Вся власть в стране сосредоточилась в двух родственных центрах: Брежнева с его помощниками и Суслова—Пономарева (жены всех троих были одного происхождения).

Невидимый, но исключительно важный этот переворот оказал немедленное и очень сильное влияние на текущую идеологическую обстановку. Укрепившейся правящей группе уже не нужна стала шумная антисоветская оппозиция: как всякое общественное движение, оно могло привести Бог знает куда. Принимаются внешне жесткие меры: снят Твардовский, убраны из журнала наиболее воинственные либералы, утишается задиристая «Юность», этот бастион еврейской молодежи. Более того: резко придавили полулегальное «демократическое движение», теперь не нужна была «пражская весна» в Москве, власть находилась в надежных руках. Наиболее непримиримых диссидентов выслали в Париж, Иерусалим и Калифорнию, чтобы они тут не мутили воду своим честолюбивым нетерпением. Наконец, евреям разрешили широкий и по сути ничем не ограниченный выезд за рубеж: клапан недовольства с этой стороны был открыт полностью.

Брежнев и его группа с помощью Андропова раскидали остатки сталинистов легко и быстро. Уже в 1973-м Воронов ушел на пенсию, Шелепина задвинули в 1967-м на жалкий пост Председателя ВЦСПС. В 1976-м Полянский отправляется послом в Японию, его выводят даже из ЦК. Мазуров в 1978-м – на пенсии. Машеров 4 октября 1980 года погиб у себя в республике в автомобильной катастрофе. Такие случаи всегда порождают множество слухов, но достоверных фактов мы тут не знаем. Есть лишь следующее, бесспорное: в начале 70-х только в Белоруссии выпустили просталинский роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?» (В Москве воздержались от этого.) И еще: Машеров разрешал публицисту В. Бегуну издавать в Минске антисионистские книги, даже покровительствовал ему – с далекого, правда, расстояния. Никто из его коллег по Политбюро такого себе не позволял, а в Москве те книги осуждали. Наконец: на похороны Машерова в Минск поехал только М. Зимянин, не входивший даже в Политбюро (Машеров был кандидатом). Так хозяева Москвы показали, что «первый» Белоруссии их любимцем

не был.

Итак, полновластным «хозяином» Кремля стал «наш дорогой Леонид Ильич». Первое время он вел себя относительно сдержанно, однако личную власть постоянно укреплял. Без серьезных политических оснований он удалил в отставку членов Политбюро Шелеста и Подгорного, многих иных. Назначал на высшие посты тоже людей ему лично симпатичных. Отметим лишь, что с Андроповым он хоть на охоту не ездил и не выпивал, но до самых восьмидесятых доверял ему полностью. Ну, о тех временах далее.

Культурные, так сказать, запросы Брежнева мало отличались от других его коллег по Политбюро. Вот Чурбанов перечисляет любимцев Брежнева в области культуры, перечень весьма выразительный: Иосиф Кобзон, Геннадий Хазанов, Алла Пугачева, Жванецкий и Петросян. Не правда ли, совсем не русско-патриотический круг «Молодой гвардии». Опять же, скажи мне, кто твой друг…

Тут самое время добавить еще один характерный штрих идеологического порядка. Люди среднего и старшего поколения хорошо помнят, как им приходилось «изучать» брежневские «воспоминания» («Возрождение» и т.д.) В Москве ходили тогда разные слухи об истинном составителе (составителях) этих «мемуаров». Теперь всякие сомнения исчезли: подлинным автором был Анатолий Абрамович Аграновский, баловень столичной журналистики. Об этом недавно открыто поведали его друзья (см. «Огонек», 1995, № 16). Почему Леонид Ильич остановил свой выбор именно на нем – загадка, но разгадка все же на поверхности: он входит в общий круг лиц, ему симпатичных.

Ну, убогость культурных запросов Генсека понятна и очевидна. Что еще можно сказать о поклоннике пошлых эстрадников или ничтожного литератора? Но отметим тут очевидный оттенок политический: явное пренебрежение к корневой русской культуре, а ведь рядом со Жванецким находились известные и талантливые русские писатели, певцы. Ясно, кто и в каком направлении влиял на мировоззрение Леонида Ильича.

А как же в этом смысле выглядел Юрий Владимирович? Вот появились посмертные воспоминания А. Александрова-Агентова, а уж он-то знал, о чем пишет! Так вот как рисует симпатии шефа КГБ его доброжелательный сослуживец: «По моей просьбе он помог выходу на сцену прекрасной пьесы Шатрова «Так победим!..», вел «душеспасительные» беседы с Евтушенко и другими «полудиссидентами в мире литературы» («Воскресенье»,

1994, № 1). Рой Медведев уточняет, что Евтушенко имел номер городского телефона андроповского кабинета и мог бы позвонить ему из любого уличного автомата за две тогдашние копейки… Есть и официальное подтверждение: летом 1983 года Евтушенко получил орден Трудового Красного Знамени. За какие, интересно, труды?..

Заметим, что выражение «полудиссиденты» тут в высшей степени характерно: именно «полу», с внешней стороны, а с другой – партийные пропагандисты и исполнители некоторых особых поручений. Кстати, было бы интересно спросить у Евтушенко, о чем и о ком беседовали они с шефом КГБ? Да ведь не скажет…

Эстетические вкусы Андропова оказались весьма устойчивыми. Незадолго до болезни (летом 1983-го) он пригласил Георгия Маркова, главу советских писателей. На нашем собрании торжественно объявили, что беседа продолжалась один час двадцать четыре минуты. Но вот о чем? Не уточнялось, все свелось к общим словам. Генсек вскоре скончался, да и Марков ненадолго пережил его, но успел все-таки рассказать, что Генсек вяло брюзжал, не преувеличивают ли у нас значение так называемой «деревенской прозы». Перепуганный Марков молчал об этом чуть ли не до смертного одра.

А вот – из другого идейного лагеря. Весной 1983-го Андропов принял шефа «Литгазеты» А. Чаковского. Тот был менее осторожен и позже рассказал кому надо, что Андропов посоветовал ему чаще привлекать к участию в газете Л. Аннинского и… Львова-Анохина.

Ну, Лев Аннинский был хорошо известен в литературных кругах, талантливый критик, взглядов весьма либеральных. Но вот второе имя… Не сразу, но удалось установить, что это оказался режиссер нескольких московских театров и скромный театровед, во время августейшего разговора было ему только под шестьдесят. Судя по справочным данным, принадлежал к «прогрессивному» лагерю, ставил А. Володина, Назыма Хикмета, Айтматова, Друце. В «русизме» (даже через русскую классику), как видно, тоже не замечен.

А вот еще одно свидетельство того же рода. Самое интересное тут – его автор, а именно начальник «Пятки» генерал Бобков; этот истинный генерал Дубельт, только не в голубом жандармском, а в советском мундире, оба имели пристрастие к литературе и искусствам.

«В начале семидесятых годов к нам поступила информация о том, что известный публицист, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ Л.В. Карпинский задумал создать некое подобие нелегальной

библиотеки для распространения запрещенной литературы. Я хорошо был знаком с Карпинским, знал о его неординарных оценках событий, происходящих в стране, ценил высокую эрудицию и рассудительность, его широкий взгляд на политические события и свободомыслие. Наши встречи еще в ЦК ВЛКСМ всегда давали почву для размышлений. Когда Карпинский перешел на работу в газету «Правда», он совместно с известным журналистом Федором Бурлацким опубликовали статью в «Комсомольской правде», осуждая подход партийного руководства к работе в сфере искусства. Это вызвало раздражение в ЦК КПСС. Карпинский был устранен от активной общественной и журналистской деятельности и перешел в разряд инакомыслящих.

Политические взгляды Л.В. Карпинского никакого беспокойства у органов госбезопасности не вызывали. Они могли соответствовать или не соответствовать моим собственным, но это не имело значения. Когда же речь зашла о создании некой нелегальной структуры, это настораживало. Не хотелось видеть Лена Карпинского, ставшего к тому времени руководителем одной из идеологических редакций в издательстве «Прогресс», среди так называемых диссидентов.

После размышлений пригласил Карпинского, и мы обстоятельно поговорили.

Ему хотелось добиться у меня политических оценок его деятельности, но я, честно говоря, уклонился от этого и переадресовал в ЦК, хотя мы оба отлично понимали, что ничего хорошего его там не ждет. Однако он был членом КПСС, и я решил занять в данном случае формальную позицию, преследуя только цель – уберечь его от нелегальщины. И Лен Вячеславович понял это.

Как писал в журнале «Столица» Егор Яковлев, Карпинский был в претензии ко мне лишь за то, что я не предложил ему чаю. Каюсь, не помню, может, такое и случилось, хотя подобные вещи были не в моих правилах.

Я доложил о беседе Андропову. Помню, Юрий Владимирович встал из-за стола и долго ходил взад-вперед по кабинету, а это всегда сопутствовало его серьезном раздумьям. Потом остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Плохо, что такие, как Карпинский, уходят от нас. Это свидетельство: в нашем доме не все ладно. Не знаю, поймут ли его о ЦК…

Андропов поручил мне рассказать о беседе Е.М. Тяжельникову, который хорошо знал Карпинского и смог бы повлиять на него. Тяжельников согласился с этим.

Однако, как и ожидалось, в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС Карпинского не поняли. Он был исключен из партии и уволен с работы».

Мы не зря выше помянули пресловутого Дубельта, оставшегося в российской памяти как символ полицейского лицемерия. Стилистика тут напоминает знаменитую пародию поэта А.К. Толстого про «лазоревого» (жандармского то есть) начальника: «Я знал вашу матушку… вас погубили супостаты…». Трудно, конечно, ожидать тут хорошего слога, но посмотрим на суть дела.

Что ж, я тоже знал Карпинского, человек он был в Москве известный. Еврей, усыновленный старым большевиком, другом Ленина и в честь того названный, он был баловнем судьбы, типичным советским плейбоем, которому очень многое дозволялось, за что наказывали других. Человек не без обаяния, он никакими талантами не обладал, умер уже, а вспомнить нечего. Будучи в высокой партноменклатуре, перебрал уж слишком, создав «со товарищи» нечто вроде подпольного издания. Других за такое дело… И начальник мрачной «Пятки», и его шеф Андропов проявляют совершенно несоветское благодушие. Как в той пародии: «Мы знали вашего батюшку…». И уже не надо пояснять, какому типу людей сочувствовали начальники очень грозной для других Лубянки.

И вот последний пример в этой истинно бесконечной серии. Рассказывают супруги Соловьевы, перед выездом в Израиль они якшались с «демократической» (тогда говорили «прогрессивной») интеллигенцией. И этому их свидетельству можно поверить:

«У Евтушенко был записан телефон Андропова. Узнав, что Солженицын изгнан из Советского Союза, Евтушенко, предварительно выпив для храбрости, вечером 17 февраля 1974 года позвонил по этому телефону:

«Как вы могли лишить Родину такого великого таланта?»

Андропов, уловив в голосе поэта нетрезвые нотки, посоветовал ему позвонить еще раз, когда тот проспится.

За два года до того, весной 1972 года, Евтушенко позвонил по этому телефону и добился частной аудиенции с его владельцем. Так как Евтушенко не делал из этой встречи тайны и рассказывал о ней не только нам, но и очень многим, то мы не видим причины, почему должны о ней умолчать (как мы умалчиваем либо приводим без ссылок ряд других личных свидетельств об Андропове, которые были сообщены нам конфиденциально).

Оба в это время нуждались в такой встрече, хотя причины для этого у них были разные. Поэтом двигал импульс обиды: он возвратился из очередного турне за границу и впервые был

педантично, в течение нескольких часов, обыскан на таможне, не без оснований, как обычный советский гражданин, в то время как он сам полагал себя, также не без оснований, необычным советским гражданином. К тому же он недосчитался после этого досмотра ряда вещей в своем багаже: нескольких номеров «Плейбоя», двух-трех склянок с лекарствами, десятка эмигрантских изданий. По этому поводу он сходу написал оскорбленное стихотворение, которое читал нам, так же как и, по его словам, своему высокопоставленному собеседнику, к которому обратился с жалобой на таможенников. Смысл этого стихотворения сводился к тому, что Родина, вместо того, чтобы встретить своего поэта цветами после того, как тот возвратился, выполнив за ее пределами и среди ее врагов трудную патриотическую работу, унижает и оскорбляет его недостойными подозрениями. По словам Евтушенко, его жалоба была мгновенно удовлетворена: Андропов извинился за недоразумение и обещал, что забранные вещи будут ему возвращены.

«Вопрос исчерпан, забудем об этом. Поговорим лучше о литературе, – сказал Андропов и улыбнулся своей знаменитой и загадочной, как у Джоконды, улыбкой».

Как говорится, без комментариев. Пошлость «воспоминателей» и в той же степени «героев» этой истории слишком уж очевидна. Но опять-таки зададимся вопросом: а вдруг у русских писателей, даже таких знаменитых и к тому же ровесников Евтушенко, как Белов или Распутин, если бы у них вот на таможне обнаружили бы эмигрантские издания и порнуху, помиловал бы их всемогущий Андропов?..

* * *

Теперь следует перейти к двум действительно весьма серьезным деятелям либерально-диссидентского движения в СССР. Имена их долго, как к ним ни относись, играли весьма значительную политическую роль в истории нашей страны. Речь едет, как нетрудно догадаться, про Александра Исаевича Солженицына и Андрея Дмитриевича Сахарова. При многих своих неприятных личных чертах и слишком уж заметном эгоистическом славолюбии и честолюбии, они были людьми яркими и сильными. Андропов лично и непосредственно участвовал в решениях по их судьбе, всегда, как обычно для него, оставаясь в тени. Вот почему данный сюжет следует рассмотреть с необходимой подробностью.

И разумеется, объективностью. Скажем, вокруг деятельности и творчества Солженицына страсти кипят уже сорок лет, колеблясь чуть ли не от идолопоклонничества до полного поношения. С Сахаровым обстояло несколько проще, его откровенно прозападная ориентация и прямое пренебрежение к «русской идее» вообще были столь очевидными, что его сторонников и противников можно было установить довольно легко. Он так прямо и говорил: я не знаю идей русских и нерусских, я знаю идеи правильные и неправильные… Мысль четкая, но ее упрощенность до крайности очевидна.

Согласно воспоминаниям Г. Шахназарова и Ф. Бурлацкого, Андропов с вниманием и интересом прочел осенью 1962 года повесть «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, опубликованную «Новым миром». С вниманием и интересом прочел Андропов и все другие рассказы и повести Солженицына, опубликованные «Новым миром» в 1963—1964 годах. По свидетельству сына Ю. Андропова И. Андропова, его отец очень хвалил «Один день Ивана Денисовича» и «почти восхищался» рассказом «Матренин двор». Он хорошо отзывался о повести «Раковый корпус» и романе «В круге первом». Повесть Солженицына готовилась к печати в «Новом мире», о ней с похвалой говорили на большом собрании прозаиков в Союзе писателей. Большой роман Солженицына распространялся в «самиздате» со второй половины шестидесятых годов, сперва в Москве и Ленинграде, а потом и по стране.

Каких-либо свидетельств о личном отношении ко взглядам и деятельности Сахарова в воспоминаниях об Андропове не отмечено. Однако именно ведомству Андропова, а значит, и ему лично, было поручено партийно-государственным руководством то, что на языке спецслужб именуется невинным словом «разработка». Здесь стоит прервать сюжет с Андроповым и рассказать читателю, как это в современном виде выглядит в сугубой реальности.

Нынешний гражданин России прямо-таки завален разного рода «компроматом» в печати и на телерадио. До отвращения всем это надоело, и автору, разумеется, тоже. Но это столь же мало походит на подлинную деятельность органов разведки и контрразведки, как детективный сериал на подлинную жизнь. На деле эта изнанка человеческой деятельности выглядит в современных условиях примерно таким вот образом (и сразу просим забыть про все «сериалы»).

Политическое руководство страны порой поручает спецслужбам добыть подлинные сведения о каком-либо человеке, вызывающем определенный интерес (или беспокойство). Кстати, в

серьезных государствах, как это было и в Советском Союзе времен Андропова, никакая самодеятельность бравых капитанов и полковников тут не допускалась, напротив, сурово преследовалась и наказывалась. Это в ельцинской России любой криминальный «банк» заводил свою пресловутую «спецслужбу», а потом… читайте нынешний «компромат».

Вот тогда и начинается «разработка». Работает один сотрудник, чаще группа, иногда значительная. Прежде всего изучают биографию, круг родных и друзей. Затем идут привычки, образ жизни, личные связи. Тут-то начинается самое главное. Нормальный человек никогда публично не расскажет о своей любовнице, тайных болезнях или долгах, брошенных детях, трениях в семейной жизни. Вот это и следует выяснить, причем с возможно более полной достоверностью. Зачем – это понятно всякому потребителю детективов.

Но вот главное в данном сюжете – добытые этим тайным путем сведения являются сами по себе величайшей тайной, они самым тщательным образом скрываются от посторонних в самых-самых дальних хранилищах. Сотрудники же спецслужб, случайно или нарочно что-то открывшие… об их судьбе можно только вздохнуть. И уверенно заявим, что за все годы существования на Лубянке известной спецслужбы, как бы она ни переименовывалась, от Дзержинского до Андропова этих самых «утечек информации» не случалось ни разу.

Кроме тех редчайших случаев, когда «утечка» допускается намеренно. Вот об одном таком случае в эпоху Андропова пойдет речь.

В середине шестидесятых, а в особенности – с семидесятых, особое внимание советских спецслужб вызывали Солженицын и Сахаров, сам Андропов лично вникал в эти дела. Тут было все: «идеологические диверсии», как выражались тогда официальные лица в Советском Союзе, «несанкционированные связи с иностранцами» (по тому же лексикону!) и даже некие организационные действия противозаконного порядка. Не шутка. Ими и их кругом и занялись.

Как положено, обложили сексотами и писателя, и академика, установили «прослушки», а также наружное наблюдение (на характерном языке спецслужб – «наружку»). И стали ждать результатов. Они, конечно, не замедлили появиться, и во множестве – размах охвата был велик. Тогда их подвергли обработке, сопоставили и создали на основе всего так называемые обобщающие «справки». Такие документы – святая святых всех спецслужб мира, хоть и занимаются они делом куда уж не святым…

Главная цель тут – собрать данные о связях, явных и в особенности скрытых, содержание бесед, планы. А попутно – собрать компрометирующий материал (без кавычек). Зачем – понятно.

Итак, что же открылось сотрудникам Андропова в обоих случаях и было положено на стол шефу? О, картина предстала перед ним… ну, прямо скажем, выразительная.

Вот Солженицын. Да, конспирирует с иностранцами. Осуществляет нелегальную переписку. Передает рукописи за рубеж. Это, конечно, противозаконно по советским меркам, хотя даже по ним – все же относительно, требуются судебное разбирательство и доказательства, свидетели и прочее такое. Однако ничего порочащего личность писателя не обнаружено. Ведет замкнутый семейный образ жизни. Не пьет. Трое сыновей (один от первого брака супруги). Супруга (девичья фамилия Светлова – по отцу еврейка), очень сдержанна в поведении, в дурных связях не замечена.

И все. Не густо, подумал, видимо, Андропов. Своих взглядов Солженицын не скрывает, а попытаться зацепить его за что-нибудь для него болезненное, такого не видится. А как там у Сахарова?. И вскоре ему доложили. Справки были куда как потяжелее.

Тут редчайший случай, когда читатель может заглянуть в эти самые-самые потаенные страницы бывшего КГБ СССР. Случилась та самая «запланированная утечка». Дело было организовано тонко. В начале восьмидесятых годов вышла тремя изданиями книга известнейшего ученого-историка и исторического публициста Николая Николаевича Яковлева. Успех издания был грандиозен. Автор подобран был не случайно. Во-первых, он являлся давним, хоть и негласным сотрудником КГБ. Во-вторых, именно он был научным руководителем сына Андропова Юрия, тоже историка (кстати, мне довелось познакомиться с Юрием именно 8 квартире Яковлева на Фрунзенской набережной). Ясно, что такое деликатнейшее поручение ученый-публицист получил по непосредственному согласованию с Андроповым.

Хорошо владевший пером Яковлев, что называется, «художественно обработал» предоставленные ему справки. Под его язвительным пером перед читателем предстала подлинная картина жизни всесветно известного академика-правозащитника. Воистину, ему оставалось только посочувствовать (в личном плане, разумеется). Добавим, что и теперь, двадцать лет спустя, никто и никогда не оспаривал фактическую сторону нарисованной Яковлевым картины. Ввиду исключительной важности сюжета не пожалеем места на цитату. Итак:

«…Все старо, как мир, – в дом Сахарова после смерти жены пришла мачеха и вышвырнула детей. Во все времена и у всех народов деяние никак не похвальное. Устная, да и письменная память человечества изобилует страшными сказками на этот счет. Наглое попрание общечеловеческой морали никак нельзя понять в ее рамках, отсюда поиски потусторонних объяснений, обычно говорят о такой мачехе – ведьма. А в доказательство приводят, помимо прочего, «нравственные» качества тех, кого она приводит под крышу вдовца, – своего отродья. Недаром народная мудрость гласит – от яблони яблочко, от ели шишка. Глубоко правильна народная мудрость…

Вдовец Сахаров познакомился с некой женщиной. В молодости распущенная девица достигла почти профессионализма в соблазнении и последующем обирании пожилых и, следовательно, с положением мужчин. Дело известное, но всегда осложнявшееся тем, что, как правило, у любого мужчины в больших летах есть близкая женщина, обычно жена. Значит, ее нужно убрать. Как? «Героиня» нашего рассказа действовала просто – отбила мужа у больной подруги, доведя ее шантажом, телефонными сообщениями с гадостными подробностями до смерти. Она получила желанное – почти стала супругой поэта Всеволода Багрицкого. Разочарование – погиб на войне. Девица, однако, никогда не ограничивалась одним направлением, была весьма предприимчива. Одновременно она затеяла пылкий роман с крупным инженером Моисеем Злотником. Но опять рядом досадная помеха – жена!

Инженер убрал ее, попросту убил и на долгие годы отправился в заключение. Очень шумное дело побудило известного в те годы советского криминалиста и публициста Льва Шейнина написать рассказ «Исчезновение», в котором сожительница Злотника фигурировала под именем «Люси Б.». Время было военное, и, понятно, напуганная бойкая «Люся Б.» укрылась санитаркой в госпитальном поезде. На колесах раскручивается знакомая история – связь с начальником поезда Владимиром Дорфманом, которому санитарка годилась разве что в дочери.

В 1948 году еще роман, с крупным хозяйственником Яковом Киссельманом, человеком состоятельным и, естественно, весьма немолодым. «Роковая» женщина, к этому времени вооружившись подложными справками, сумела поступить в медицинский институт в Москве. Там она считалась не из последних – направо и налево рассказывает о своих «подвигах» в санитарном поезде, осмотрительно умалчивая об их финале. Внешне она не очень выделялась на фоне послевоенных студентов и студенток.

Что радости в Киссельмане, жил он на Сахалине и в Москве бывал наездами, а рядом однокурсник Иван Семенов, и с ним она вступает в понятные отношения. В марте 1950 года у нее родилась дочь Татьяна. Мать поздравила обоих – Киссельмана и Семенова со счастливым отцовством. На следующий год Киссельман оформил отношения с матерью «дочери», а через два года связался с ней узами брака и Семенов. Последующие девять лет она пребывала в законном браке одновременно с двумя супругами, а Татьяна с младых ногтей имела двух отцов – «папу Якова» и «папу Ивана». Научилась и различать их – от «папы Якова» деньги, от «папы Ивана» отеческое внимание. Девчонка оказалась смышленой не по-детски и никогда не огорчала ни одного из отцов сообщением, что есть другой. Надо думать, слушалась прежде всего маму. Весомые денежные переводы с Сахалина на первых порах обеспечили жизнь в Москве двух «бедных студентов».

В 1955 году «героиня» нашего рассказа, назовем наконец ее – Елена Боннэр, родила сына Алешу.

Так и существовала в те времена гражданка Киссельман-Семенова-Боннэр, ведя развеселую жизнь и попутно воспитывая себе подобных – Татьяну и Алексея. Злополучный Моисей Злотник, отбывший заключение, терзаемый угрызениями совести, вернулся в середине пятидесятых годов в Москву. Встретив как-то случайно ту, кого считал виновницей своей страшной судьбы, он в ужасе отшатнулся, она гордо молча прошла мимо – новые знакомые, новые связи, новые надежды…

В конце шестидесятых годов Боннэр наконец вышла на «крупного зверя» – вдовца, академика А.Д. Сахарова. Но, увы, у него трое детей – Татьяна, Люба и Дима. Боннэр поклялась в вечной любви к академику и для начала выбросила из семейного гнезда Таню, Любу и Диму, куда водворила собственных – Татьяну и Алексея. С изменением семейного положения Сахарова изменился фокус его интересов в жизни. Теоретик по совместительству занялся политикой, стал встречаться с теми, кто скоро получил кличку «правозащитников». Боннэр свела Сахарова с ними, попутно повелев супругу вместо своих детей возлюбить ее, ибо они будут большим подспорьем в затеянном ею честолюбивом предприятии – стать вождем (или вождями?) «инакомыслящих» в Советском Союзе.

Коль скоро таковых, в общем, оказались считанные единицы, вновь объявившиеся «дети» академика Сахарова в числе двух человек, с его точки зрения, оказались неким подкреплением. Громкие стенания Сахарова по поводу попрания «прав» в СССР, несомненно, по подстрекательству Боннэр шли, так сказать, на

двух уровнях – своего рода «вообще» и конкретно на примере «притеснений» вновь обретенных «детей». Что же с ними случилось? Семейка Боннэр расширила свои ряды – сначала на одну единицу за счет Янкелевича, бракосочетавшегося с Татьяной Киссельман-Семеновой-Боннэр, а затем еще на одну – Алексей бракосочетался с Ольгой Левшиной. Все они под водительством Боннэр занялись «политикой». И для начала вступили в конфликт с нашей системой образования – проще говоря, оказались лодырями и бездельниками. На этом веском основании они поторопились объявить себя «гонимыми» из-за своего «отца», то есть А.Д. Сахарова, о чем через надлежащие каналы и, к сожалению, с его благословения было доведено до сведения Запада.

Настоящие дети академика сделали было попытку защитить свое доброе имя. Татьяна Андреевна Сахарова, узнав о том, что у отца объявилась еще «дочь» (да еще с тем же именем), которая козыряет им направо и налево, попыталась урезонить самозванку. И вот что произошло, по ее словам: «Однажды я сама услышала, как Семенова представлялась журналистам как Татьяна Сахарова, дочь академика. Я потребовала, чтобы она прекратила это. Вы знаете, что она мне ответила? «Если вы хотите избежать недоразумений между нами, измените свою фамилию». Ну что можно поделать с таким проворством! Ведь к этому времени дочь Боннэр успела выйти замуж за Янкелевича, студента-недоучку.

Татьяна Боннэр, унаследовавшая отвращение матушки к учению, никак не могла осилить науку на факультете журналистики МГУ. Тогда на боннэровской секции семейного совета порешили превратить ее в «производственницу». Мать Янкелевича Тамара Самойловна Фейгина, заведующая цехом Мечниковского института в Красногорске, фиктивно приняла ее в конце 1974 гола лаборанткой в свой цех. Где она и числилась около двух лет, получая заработную плату и справки «с места работы» для представления на вечернее отделение факультета журналистики МГУ. В конце концов обман раскрылся, и мнимую лаборантку изгнали. Тут и заголосили «дети» академика Сахарова – хотим на «свободу», на Запад!

Почему именно в это время? Мошенничество Татьяны Боннэр не все объясняет. Потеря зарплаты лаборантки не бог весть какой ущерб. Все деньги Сахарова в СССР Боннэр давно прибрала. Главное было в другом: Сахарову выдали за антисоветскую работу Нобелевскую премию, на его зарубежных счетах накапливалась салюта за различные пасквили в адрес нашей страны. Доллары! Разве можно их истратить у нас? Жизнь с долларами там, на Западе, представлялась безоблачной, не нужно ни работать, ни,

что еще страшнее для тунеядствующих отпрысков Боннэр, учиться. К тому же подоспели новые осложнения. Алексей при жене привел в дом любовницу Елизавету, каковую после криминального аборта стараниями Боннэр пристроили прислугой в семье.

Итак, раздался пронзительный визг, положенный различными «радиоголосами» на басовые ноты, – свободу «детям академика Сахарова!». Вступился за них и «отец», Сахаров. Близко знавшие «семью» без труда сообразили почему. Боннэр в качестве методы убеждения супруга поступить так-то взяла в обычай бить его чем попало. Затрещинами приучала интеллигентного ученого прибегать к привычному для нее жаргону – проще говоря, вставлять в «обличительные» речи непечатные словечки. Под градом ударов бедняга кое-как научился выговаривать их, хотя так и не поднялся до высот сквернословия Боннэр. Что тут делать! Вмешаться? Нельзя, личная жизнь, ведь жалоб потерпевший не заявляет. С другой стороны, оставить как есть – забьет академика. Теперь ведь речь шла не об обучении брани, а об овладении сахаровскими долларами на Западе. Плюнули и выручили дичавшего на глазах ученого – свободу так свободу «детям».

Янкелевич с Татьяной и Алексей Боннэр с Ольгой в 1977 году укатили в Израиль, а затем перебрались в Соединенные Штаты. Янкелевич оказался весьма предусмотрительным – у академика он отобрал доверенность на ведение всех его денежных дел на Западе, то есть бесконтрольное распоряжение всем, что платят Сахарову за его антисоветские дела.

Он, лоботряс и недоучка, оказался оборотистым парнем – купил под Бостоном трехэтажный дом, неплохо обставился, обзавелся автомашинами и т.д. Пустил на распыл Нобелевскую премию и гонорары Сахарова. По всей вероятности, прожорливые боннэровские детки быстро подъели сахаровские капиталы, а жить-то надо! Тут еще инфляция, нравы общества «потребления», деньги так и тают. Где и как заработать? Они и принялись там, на Западе, искать радетелей, которые помогут горемычным «детям» академика Сахарова. Тамошнему обывателю, разумеется, невдомек, что в СССР спокойно живут, работают и учатся подлинные трое детей А.Д. Сахарова. Со страниц газет, по радио и телевидению бойко вещает фирма «Янкелевич и К°», требующая внимания к «детям» академика Сахарова.

В 1978 году в Венеции шумный антисоветский спектакль. Униатский кардинал Слипый благословил «внука» академика Сахарова Матвея. Кардинал – военный преступник, отвергнутый верующими в западных областях Украины, палач львовского

гетто. Мальчик, голову которого подсунули под благословение палача в сутане, – сын Янкелевича и Татьяны Киссельман-Семеновой-Боннэр, называемый в семье Янкелевичей по-простому – Мотя».

В данном случае автор не просит прощения у читателей за пространную цитату, о такой темной изнанке жизни – вопреки обратному изображению ее в пропаганде – встретишь нечасто. Однако повторим, что, к сожалению для академика, совершенно бескорыстного человека, так оно и было на самом деле.

Не один год Андропов читал донесения о деятельности Солженицына и Сахарова и того, что делается вокруг них. Надо было принимать какие-то решения. Первой определилась судьба писателя. Еще 2 февраля 1974 года тогдашний канцлер Западной Германии Вилли Брандт публично заявил, что Солженицын может спокойно работать в ФРГ, если ему позволит выехать советское правительство. 7 февраля Андропов направил по этому поводу письмо Брежневу. Лишь недавно этот документ увидел свет из закрытого архива:

«Совершенно секретно. Особая папка.

Леонид Ильич!

Обращает на себя внимание тот факт, что книга Солженицына, несмотря на принимаемые нами меры по разоблачению ее антисоветского характера, так или иначе вызывает определенное сочувствие некоторых представителей творческой интеллигенции… Исходя из этого, Леонид Ильич, мне представляется, что откладывать дальше решение вопроса о Солженицыне, при всем нашем желании не повредить международным делам, просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать для нас крайне нежелательные последствия внутри страны. Как я Вам докладывал по телефону, Брандт выступил с заявлением о том, что Солженицын может жить и свободно работать в ФРГ. Сегодня, 7 февраля, т. Кеворков вылетает для встречи с Баром с целью обсудить практически вопросы выдворения Солженицына из Советского Союза в ФРГ. Если в последнюю минуту Брандт не дрогнет и переговоры Кеворкова закончатся благополучно, то уже 9—10 февраля мы будем иметь согласованное решение, о чем я немедленно поставлю Вас в известность. Если бы указанная договоренность состоялась, то мне представляется, что не позже чем 9– 10 февраля

следовало бы принять Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы нашей Родины (проект Указа прилагается). Самую операцию по выдворению Солженицына в этом случае можно было бы провести 10—11 февраля.

Все это важно сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, Солженицын начинает догадываться о наших замыслах и может выступить с публичным документом, который поставит и нас, и Брандта в затруднительное положение.

Если же по каким-либо причинам мероприятие по выдворению Солженицына сорвется, мне думается, что следовало бы не позднее 15 февраля возбудить против него уголовное дело (с арестом). Прокуратура к этому готова.

Уважаемый Леонид Ильич, прежде чем направить это письмо, мы, в Комитете, еще раз самым тщательным образом взвешивали все возможные издержки, которые возникнут в связи с выдворением (в меньшей степени) и с арестом (в большей степени) Солженицына. Такие издержки действительно будут. Но, к сожалению, другого выхода у нас нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына.

С уважением, Ю. Андропов».

Весьма необычный документ в партийно-советской переписке, на это нельзя не обратить внимания! Внешне похоже на какое-то личное письмо некоего Юрия Владимировича к Леониду Ильичу, в конце даже «с уважением» поставлено. Но хитрый Андропов знал свое дело! Вопрос острый, и прежде чем ставить его на Политбюро, как бы оно ни было уже послушно тогда Генсеку, надо упредить его лично, и только его. А уж пусть он решает… Андропов, помня судьбу своего предшественника Семичастного, пуще всего боялся потерять доверие Брежнева. Андропов поступил правильно и своего добился: «вопрос согласован», как говорили тогда, «в инстанциях»!

Решено – выполнено. 14 февраля 1974 года в «Правде» и «Известиях» появилось сообщение ТАСС о «выдворении» Солженицына из Советского Союза. Разумеется, именно туда и к

тому, о чем шла речь в некоем тайном письме. Так КГБ под руководством Андропова выполнило поручение по Солженицыну.

С академиком дело затянулось надолго. Дело в том, что многие (и лучшие) свои годы Сахаров работал в области атомного оружия, которую опекал Берия. Жил тогда молодой академик и трижды Герой Социалистического Труда в закрытых городках под усиленной охраной. Кстати, Берия его очень любил (насколько это слово вообще может быть применено к этому палачу) и называл его Андрюшей. Итак, по незыблемым советским понятиям, Сахаров был «носителем секретов», да еще каких! В общем, это так и было. Да, его милая женушка, выезжая за рубеж, передала все, что помнила и понимала, но мозг-то Сахарова она вывезти все же не могла. Итак, этот самый «мозг», пусть уже малость помутившийся, был «невыездным».

А тут еще давление на советское руководство постоянно оказывалось. Нет-нет, клеветническая буржуазная пропаганда руководство не беспокоила ничуть, дело в ином. Некоторые видные советские граждане позволяли себе… ну, почтительно, конечно, однако напоминать о стесненном академике. Одним из них был П.Л. Капица, известнейший в мире ученый-физик и авторитетнейший член Академии наук. Он всю жизнь отличался независимым характером, даже в некотором отношении со Сталиным, что позволяли себе очень и очень немногие. Был он типичный русский либерал, как и большинство ученых, полагая из собственного опыта, что без свободы мнений наука развиваться не может. Действительно, наука не может, однако понятие «свобода» в гражданском смысле куда сложнее и противоречивее. Капица этого не понимал и написал пространное письмо Андропову в защиту Сахарова. Письмо длинное и, честно говоря, пустоватое, полное общих либеральных понятий. Приведем лишь заключительный абзац:

«Мы ничего не достигли, увеличивая административное давление на Сахарова. В результате их инакомыслие только все возрастает, вызывая отрицательную реакцию даже за рубежом… Я не могу себе представить, как еще мы предполагаем воздействовать на инакомыслящих ученых. Если мы собираемся еще увеличивать методы силовых приемов, то это ничего отрадного не сулит. Не лучше ли попросту дать задний ход?»

Разумеется, потомственный русский интеллигент Капица не был «Люсей Б.», он это письмо не направил в «самиздат», не передал иностранным корреспондентам. Андропов понял это и совершил поступок, весьма необычный для его замкнутой жизни: он ответил Академику письмом. Тоже личным. Приводим его полностью:

«Уважаемый Петр Леонидович!

Внимательно прочитал Ваше письмо. Скажу сразу, оно меня огорчило. Огорчило смешением некоторых философских и политических понятий, которые смешивать никак нельзя… Первый принципиальный вопрос. Он касается оценки инакомыслия… Как я понимаю, Вы поднимаете философский вопрос о роли идей в развитии общества. Если это так, то правильнее было бы, очевидно, говорить о роли передовых и реакционных идей, а не использовать термин, который по воле или вопреки воле автора сглаживает это различие, берет в общие скобки качественно различные явления в общественной жизни… Как коммунист я, естественно, признаю только конкретный подход к любым идеям и явлениям в области политики или культуры и могу оценивать их лишь с точки зрения того, являются ли они прогрессивными или реакционными. Поддерживая прогрессивные идеи, коммунисты всегда боролись, борются и будут бороться против идей реакционных, которые тормозят общественный прогресс… Что же касается Ваших утверждений, что Сахаров наказан за «инакомыслие», то, очевидно, Вы стали жертвой чей-то недобросовестной информации. Известно, что в нашей стране не судят за «инакомыслие», и советский закон не предписывает всем гражданам мыслить в рамках каких-то однозначных стереотипов. Почитайте высказывания по этому поводу Леонида Ильича Брежнева. Он неоднократно подчеркивал, что у нас не возбраняется «мыслить иначе», чем большинство, критически оценивать те или иные стороны политической жизни. «К товарищам, которые выступают с критикой обоснованно, стремясь помочь делу, – указывал Леонид Ильич, – мы относимся как к добросовестным критикам и благодарны им. К тем, кто критикует ошибочно, мы относимся как к заблуждающимся людям». Так обстоит дело с «инакомыслием»…

Третье. Касаясь фактической стороны вопроса о Сахарове и Орлове, хочу сказать следующее. Академик Сахаров начиная с 1968 года систематически проводит подрывную работу против Советского государства. Он подготовил и распространил на Западе более 200

различных материалов, в которых содержатся фальсификация и грубейшая клевета на внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза. Его материалы используются империалистами для разжигания антисоветизма, для осуществления политики, враждебной нашему строю и государству. Как видите, тут уж не «инакомыслие», а действия, наносящие ущерб делу безопасности и обороноспособности Советского Союза…

Надо ли в этом вопросе делать, как Вы говорите, «задний ход», видно из всего сказанного выше. Собственно говоря, поставленные Вами вопросы не являются компетенцией ни моей, ни организации, которую я возглавляю. Откликаясь на Ваше письмо, я руководствовался, Петр Леонидович, чувством уважения к Вам.

Ю. Андропов, 19 ноября 1980 г .».

Тут мы готовы извиниться перед читателем за длинную цитату. Да, читать эти водянистые словеса скучновато, нет сомнений. Одна почтительная цитата из Леонида Ильича чего стоит! И это в письме, которое выглядит как частное! Но этот самый Ильич поминался не для почтенного академика, а на всякий случай: чтобы Цвигун или Цинев не шепнули тому же Ильичу, что не ценит, мол, вас наш начальник-то… И плевать было Андропову, что почтенный академик отлично все понимал, пожал плечами, небось, во время чтения. Таков был, таким всегда и оставался Юрий Владимирович – честолюбец, циник и молчальник.

А с Сахаровым еще долго возились, перекидывая его с ладони на ладонь, как горячий блин: и уронить нельзя, и съесть горячо. Но вот в декабре 1979 года наши войска вдруг ввели в Афганистан, о чем подробнее далее. В мире поднялся такой грохот, что нашему руководству стало уже все равно – одним воплем больше или меньше… Пусть уж будет больше: и сослали Сахарова в Горький. Выглядела эта ссылка странновато – огромный город в сердце России, старейший образовательный, культурный и научный центр. А миллион его жителей, они что, тоже были ссыльными? Но Брежневу и Андропову плевать на все было, лишь бы прикрыть дело: въезд в город иностранцам был наглухо закрыт. И решили. Теперь сахаровское дело с андроповского ведомства не снималось, но уже в основном не для шефа, ибо принципиальный вопрос был решен.

На этом и закончим затянувшийся сюжет с участием Андропова в решении судеб Сахарова и Солженицына. Деятели они были весьма разные, побеги от них пошли в расходящихся направлениях, от первого – прямо к нынешним «реформаторам», разрушившим Советскую державу, второй в общем и целом был и остается русским патриотом. Но Андропов одинаково равнодушно преследовал обоих, выполняя указания Генсека. Как всегда, он ждал своего часа.

Теперь следует сделать совершенно необходимое пояснение для современного читателя про эти уже довольно далекие от него политические историй. Немало говорилось о двурушниках с партийными билетами и высокими постами. И не только о тех сомнительных деятелях, которых подбирал в свое окружение Андропов и которые так явно проявили себя во времена «перестройки» и «реформ». Таких, к сожалению для нашего народа, немало находилось и за пределами непосредственного влияния Юрия Владимировича. Но зададимся немаловажным вопросом: а имелись ли тогда в правящих верхах Советского Союза деятели, которые стояли на русско-патриотической почве? Те, кто сопротивлялся, каждый в меру своих способностей и возможностей, начавшемуся тогда же наступлению антирусских и антигосударственных сил?

Попытаемся ответить. Да, бесспорно, таких деятелей было много – и в Центральном комитете партии, и в Совмине, и в Минобороне и Генштабе, в КГБ, но особенно – в провинциальных подразделениях названных ведомств, столь серьезных для жизни государства и его граждан. Подробнее об этом – когда-нибудь позже, ибо это отвлекло бы нас от «андроповского» сюжета. Но об одном деятеле высшего партийного руководства той поры, который не скрывал своих патриотических убеждений и даже пытался действовать в этом направлении, мы расскажем.

Владимир Николаевич Ягодкин (1928—1985), коренной москвич, русский, окончил, и прекрасно, исторический факультет МГУ, потом, как и многие выпускники тогдашних гуманитарных факультетов столицы, попал в обновляемый Хрущевым комсомольско-партийный аппарат. Твердо верил тогда в возможность истинного обновления страны на благо народа. (Могу подтвердить из собственного опыта: меня тоже еще до окончания исторического факультета в Ленинграде в 1958 году направили на службу в райком комсомола, не очень хотелось, но тоже, как и многие мои ровесники, воспринимал это как нечто весьма серьезное и нравственно ответственное: мол, было у нас не очень, а мы-то все поправим…).

Ягодкин вступил в партию в 1950 году, а уже в конце

шестидесятых стал секретарем по пропаганде столичного (!) горкома КПСС. Влияние его на идеологию не только Москвы, с которой тогда все брали пример, а тем самым на всю гигантскую страну, было очень сильным. И только потому, что он сам был личностью сильной и целенаправленной в сторону советско-русского патриотизма. В 1971 году на XXIV съезде КПСС Ягодкин стал кандидатом в члены ЦК. Это была неслыханная честь, ибо молодой по тем временам московский идеолог был в ЦК уже четвертым деятелем городского комитета столицы: шеф Гришин, второй секретарь Л. Греков, секретарь Р. Дементьева и Ягодкин. Поясним, что разница между членом ЦК и кандидатом в члены была весьма условной. Ягодкин был моложе и образованнее едва ли не всех своих сотоварищей, значит… Тем паче что Гришин, человек простой, весьма ему благоволил.

О деятельности Ягодкина пока не написано ровным счетом ничего, со временем, конечно, этот досадный пробел будет восполнен. Мы не можем в рамках работы сколько-нибудь подробно останавливаться на данном сюжете, однако о роли Андропова и его ведомства необходимо кратко рассказать. Ягодкин явно придерживался прорусской направленности, что резко противоречило общей линии Суслова и его идеологических служб. Он же решительно ненавидел всякие проявления того, что называлось тогда (и вполне справедливо, как ясно видно сейчас!) «буржуазным разложением». Человек он был лихой и совсем уж – в отличие от Андропова – неосторожный. Как-то на окраине Москвы художники-авангардисты устроили самочинную выставку явно вызывающего, до непристойности, характера. Ягодкин приказал вызвать бульдозеры и «выставку» на пустыре снести. Это вызвало чудовищный шум на Западе.

Но, как оказалось, не только на Западе… Известны симпатии Андропова к разного рода модернистам в области искусства. Он не преминул по этому поводу донести на Ягодкина (а заодно и на Гришина): вот, мол, Московский горком компрометирует в глазах «мировой общественности» политику «разрядки»… Тогдашний начальник «пятки» генерал Бобков рассказал, хоть и очень прикровенно, о том случае:

«В один из воскресных дней мне позвонил дежурный по 5-му Управлению В.И. Бетеев и буквально огорошил: в районе Беляево бульдозеры сносят выставку картин художников-модернистов. Я спросил, что он предпринял.

– Направил группу сотрудников спасать картины.

Я настолько был потрясен, что только и смог сказать:

– Позаботьтесь о художниках!

В памяти еще жив был разгром художественной выставки в

Манеже, который учинил Н.С. Хрущев. Эта история уже не раз была подробно описана, но мало кто знает, как группа сотрудников 5-го Управления вместе с работниками выставки до глубокой ночи собирали сброшенные на пол картины, которые сочли недостойными советского зрителя. Запомнился поднятый с пола прекрасный портрет девушки-киргизки. Откровенно говоря, я и сейчас гоню от себя воспоминания об этом жутком погроме, чтобы не растравлять душу.

И вот новое дело: выставку картин бульдозерами сносят… Тут мало что спасешь!..

Так случилось и с выставкой в Беляево. Никакой опасности эта выставка, в сущности, не представляла – просто ее участники бросили вызов официальным властям. И те немедленно отреагировали – поспешили применить для борьбы с художниками-новаторами бульдозеры. Не разгроми Хрущев выставку в Манеже, вряд ли секретарь райкома принял бы такое нелепое решение.

Нетрудно представить, какой шум поднялся в мировой печати. Нам же, откровенно говоря, нечего было сказать в оправдание – случай беспрецедентный».

Привирает, сильно привирает бывший генерал «пятки». Он, видите ли, был за «художников-новаторов»! Нет, тут была интрига его шефа в отношении партийного идеолога, оказавшегося вдруг противником «разрядки», то есть постепенной капитуляции Советского государства перед буржуазным Западом. А Ягодкин пренебрег этими замечаниями с Лубянки, более того, летом 1975 года, в преддверии XXV съезда партии он начал готовить резкое идеологическое выступление. В свою «команду» он привлек и меня. Я составил ему довольно-таки крутую по тем временам записку, материалы которой он использовал в публичных выступлениях. В январе 1976 года усилиями Андропова и Суслова Ягодкин был из горкома изгнан и направлен одним из заместителей в ничтожное Министерство высшего образования. Это был пример для иных, и весьма показательный! А нашу крутую записку мы поместим в приложении к тексту данной книги.

Теперь следует прервать ход рассказа о деятельности Андропова в семидесятых годах во главе КГБ ради весьма своеобразной темы, которая в сильнейшей степени занимала тогда советские высшие верхи – здоровье и власть. Именно так озаглавил книгу своих довольно интересных воспоминаний известный в свое время Евгений Иванович Чазов. Карьера этого человека весьма необычна. Окончив Киевский медицинский институт по специальности терапевта, он с 1953 года оказался в

Москве на скромной должности клинического ординатора 1-го Московского мединститута. Способный врач, дельный организатор и обходительный человек, он с января 1967 года стал начальником памятного всем пожилым советским гражданам 4-го управления Минздрава СССР. Теперь уже надо пояснять, что это было управление, лечившее высшее начальство страны.

Во времена Брежнева это скромное вроде бы заведение приобрело примерно то же значение, как теннисные забавы – для Ельцина. Но тут-то были, действительно, забавы, хотя и весьма дорогостоящие для бедного русского народа, а с Брежневым обстояло дело куда серьезней. Генсек, обладавший крепким от природы здоровьем, постоянно, что называется, «перебирал». И в части выпивок, и по женским увлечениям, на охотах и ином другом. Его приходилось в этом смысле постоянно опекать.

Так как КГБ занималось безопасностью не только Советского государства, но и – в немалой степени – его руководителей, то 4-е управление, естественно, опекалось Лубянкой. Андропов и Чазов пришли в свои ведомства почти одновременно. Оба они в немалой степени занялись сходной задачей – беречь драгоценное для народа здоровье Генерального секретаря. И хоть разница в служебном положении между ними была громадная, и в возрасте тоже, оба они сблизились в общих целях. Оба не оказались внакладе.

Как теперь стало известно по многочисленным воспоминаниям, главный охранник дорогого Леонида Ильича и его главный лекарь сблизились и сумели долгие годы работать совместно, наблюдая «особо охраняемый объект» с разных сторон. Картина в итоге открывалась им совершенно полная. Главным из наблюдателей был, разумеется, старший по чину и возрасту. Состояние здоровья главы великой советской империи – это не только величайшая государственная тайна, что понятно. Это еще сильнейшее оружие в руках того, кто этой тайной обладает. И чем уже круг этих знающих, тем острее это тайное оружие.

Андропов не был бы самим собой, если бы не воспользовался такими открывшимися перед ним возможностями. Разумеется, его близость с Чазовым никак нельзя было выставлять напоказ. Брежнев был опытным политиком и совсем не простым человеком. Да, его образование было плохим, культура – ничтожной, вкусы – вполне пошлыми, о чем уже говорилось, так, но перехитрить его было трудно. Он сам мог кого угодно перехитрить, что не раз и доказывал в своей долгой жизни.

* * *

Только теперь стало ясно, что Андропов и Чазов находились между собой в постоянной и доверительной связи. Повод для встреч наедине у них был вполне обоснованный – обеспечение лечебного обслуживания высшего партийно-государственного руководства. Вот они и встречались, а о чем беседовали? Кто же смог бы «прослушать» главу советских спецслужб в Советском Союзе?! Да это и в голову никому не могло прийти.

И лишь в 1992 году, когда уже можно было говорить и писать о чем угодно, Чазов, тогда еще вполне нестарый и бодрый человек, по свежей памяти опубликовал свои воспоминания. По фактическому материалу им цены нет. Близкое знакомство его с Андроповым началось в 1973 году. Вот красочное описание этого:

«С трудом открыв массивную дверь в старом здании на площади Дзержинского, пройдя мимо охраны и солдата с автоматом наперевес, я поднялся на 3-й этаж, где размещался кабинет Андропова. Мне нравился его уютный кабинет с высоким потолком, скромной обстановкой, бюстом Дзержинского.

В приемной вежливый и приятный, интеллигентного вида, всегда с доброй улыбкой секретарь Евгений Иванович попросил минутку подождать, пока из кабинета выйдет помощник Андропова В.А. Крючков. Я подошел к большому окну, из которого открывался прекрасный вид. Был конец лета, и возле метро и «Детского мира», по улице 25 Октября сплошным потоком в различных направлениях спешили приезжие и москвичи – кто в ГУМ, кто на Красную площадь, кто в «Детский мир». У каждого были свои заботы, свои интересы, свои планы. Они и не предполагали, что в большом сером доме на площади обсуждаются проблемы, от решения которых в определенной степени зависит и их будущее.

Из кабинета вышел Крючков – один из самых близких и преданных Андропову сотрудников. Дружески раскланявшись с ним, я вошел к Андропову. Улыбаясь, он, как всегда, когда мы оставались наедине, предложил сбросить пиджаки и «побросаться новыми проблемами».

По мере моего рассказа о сложностях, возникающих с состоянием здоровья Брежнева и его работоспособностью, особенно в аспекте ближайшего будущего, улыбка сходила с лица Андропова, и во взгляде, в самой позе появилась какая-то растерянность. Он вдруг ни с того, ни с сего начал перебирать бумаги, лежавшие на столе, чего я никогда не видел ни раньше, ни позднее этой встречи. Облокотившись о стол и как будто ссутулившись, он молча дослушал до конца изложение нашей, как я считал, с ним проблемы.

Коротко, суть поставленных вопросов сводилась к

следующему: каким образом воздействовать на Брежнева, чтобы он вернулся к прежнему режиму и принимал успокаивающие средства только под контролем врачей? Как удалить Н. из его окружения и исключить пагубное влияние некоторых его друзей? И самое главное – в какой степени и надо ли вообще информировать Политбюро или отдельных его членов о возникающей ситуации?

Андропов довольно долго молчал после того, как я закончил перечислять свои вопросы, а потом, как будто бы разговаривая сам с собой, начал скрупулезно анализировать положение, в котором мы оказались. «Прежде всего, – сказал он, – никто, кроме вас, не поставит перед Брежневым вопроса о режиме или средствах, которые он использует. Если я заведу об этом разговор, он сразу спросит: «А откуда ты знаешь?» Надо ссылаться на вас, а это его насторожит: почему мы с вами обсуждаем вопросы его здоровья и будущего. Может появиться барьер между мной и Брежневым. Исчезнет возможность влиять на него. Многие, например Щелоков, обрадуются. Точно так же не могу я вам ничем помочь и с удалением Н. из его окружения. Я как будто бы между прочим рассказал Брежневу о Н., и даже не о ней, а о ее муже, который работает в нашей системе и довольно много распространяется на тему об их взаимоотношениях. И знаете, что он мне на это ответил? «Знаешь, Юрий, это моя проблема, и прошу больше ее никогда не затрагивать». Так что, как видите, – продолжал Андропов, – мои возможности помочь вам крайне ограниченны, их почти нет. Сложнее другой ваш вопрос – должны ли мы ставить в известность о складывающейся ситуации Политбюро или кого-то из его членов? Давайте мыслить реально. Сегодня Брежнев признанный лидер, глава партии и государства, достигшего больших высот. В настоящее время только начало болезни, периоды астении редки, и видите их только вы и, может быть, ограниченный круг ваших специалистов. Никто ни в Политбюро, ни в ЦК нас не поймет и постараются нашу информацию представить не как заботу о будущем Брежнева, а как определенную интригу. Надо думать нам с вами и о другом. Эта информация может вновь активизировать борьбу за власть в Политбюро. Нельзя забывать, что кое-кто может если не сегодня, то завтра воспользоваться возникающей ситуацией. Тот же Шелепин, хотя и перестал претендовать на роль лидера, но потенциально опасен. Кто еще? – размышлял Андропов. – Суслов вряд ли будет ввязываться в эту борьбу за власть. Во всех случаях он всегда будет поддерживать Брежнева. Во-первых, он уже стар, его устраивает Брежнев, тем более Брежнев со своими слабостями. Сегодня Суслов для Брежнева, который слабо

разбирается в проблемах идеологии, непререкаемый авторитет в этой области, и ему даны большие полномочия. Брежнев очень боится Косыгина, признанного народом, талантливого организатора. Этого у него не отнимешь. Но он не борец за власть. Так что основная фигура – Подгорный. Это – ограниченная личность, но с большими политическими амбициями. Такие люди опасны. У них отсутствует критическое отношение к своим возможностям. Кроме того, Подгорный пользуется поддержкой определенной части партийных руководителей, таких же по характеру и стилю, как и он сам. Не исключено, что и Кириленко может включиться в эту борьбу. Так что, видите, претенденты есть. Вот почему для спокойствия страны и партии, для благополучия народа нам надо сейчас молчать и, более того, постараться скрывать недостатки Брежнева. Если начнется борьба за власть в условиях анархии, когда не будет твердого руководства, то это приведет к развалу и хозяйства, и системы. Но нам надо активизировать борьбу за Брежнева, и здесь основная задача падает на вас. Но я всегда с вами и готов вместе решать вопросы, которые будут появляться».

Андропов рассуждал логично, и с ним нельзя было не согласиться. Но я понял, что остаюсь один на один и с начинающейся болезнью Брежнева, и с его слабостями. Понял и то, что, Андропов, достигнув вершин власти, только что войдя в состав Политбюро, не хочет рисковать своим положением, С другой стороны, он представлял четко, что быть могущественным Андроповым и даже вообще быть в Политбюро он может только при руководстве Брежнева. Что я не понял в то время, так это то, что разговорами о благе партии и народа, благополучии моей Родины, любовь к которой я впитал с молоком матери, пытались прикрыть свои собственные интересы. И долгие годы я искренне считал, что выполняю свой долг перед народом, обеспечивая благополучие больных руководителей партии и страны.

До сих пор я не могу до конца выработать своего отношения к той ситуации, которая складывалась в связи с болезнями Брежнева, Андропова и Черненко. С позиций врача я честно выполнил свой долг и не нарушил клятву Гиппократа. Но не идет ли врачебный долг в противоречие с долгом Гражданина? Конечно, и здесь моя совесть чиста, учитывая, что в конце 70-х годов о состоянии здоровья Брежнева, развале его личности знали не только Андропов, но и Суслов, и Устинов, и Черненко, и Тихонов, и некоторые другие члены руководства…

После состоявшегося разговора с Андроповым я решил, выбрав подходящий момент, еще раз откровенно поговорить с Брежневым. Воспользовавшись моментом, когда Брежнев остался

один, о чем мне сообщил Рябенко, искренне помогавший мне все 15 лет, я приехал на дачу. Брежнев был в хорошем состоянии и был удивлен моим неожиданным визитом. Мы поднялись на 3-й этаж, в его неуютный кабинет, которым он пользовался редко. Волнуясь, я начал заранее продуманный разговор о проблемах его здоровья и его будущем.

Понимая, что обычными призывами к соблюдению здорового образа жизни таких людей, как Брежнев, не убедишь, я, памятуя разговор с Андроповым, перенес всю остроту на политическую основу проблемы, обсуждая его возможности сохранять в будущем позиции политического лидера и главы государства, когда его астения, склероз мозговых сосудов, мышечная слабость станут видны не только его друзьям, но и врагам, а самое главное – широким массам. Надо сказать, что Брежнев не отмахнулся от меня, как это бывало раньше. «Ты все преувеличиваешь, – ответил он на мои призывы. – Товарищи ко мне относятся хорошо, и я уверен, что никто из них и в мыслях не держит выступать против меня. Я им нужен. Косыгин хотя и себе на уме, но большой поддержкой в Политбюро не пользуется. Что касается Подгорного, то он мой друг, мы с ним откровенны, и я уверен в его добром отношении ко мне (через 3 года он будет говорить противоположное). Что касается режима, то я постараюсь его выполнять. Если надо, каждый день буду плавать в бассейне. (Только в этом он сдержал слово, и до последних дней его утро начиналось с бассейна, даже в периоды, когда он плохо ходил. Это хоть как-то его поддерживало.) В отношении успокаивающих средств ты подумай с профессорами, что надо сделать, чтобы у меня не появлялась бессонница. Ты зря нападаешь на Н. Она мне помогает и, как говорит, ничего лишнего не дает. А в целом, тебе по-человечески спасибо за заботу обо мне и моем будущем».

Насколько я помню, это была наша последняя обстоятельная и разумная беседа, в которой Брежнев мог критически оценивать и свое состояние, и ситуацию, которая складывалась вокруг него. Действительно, почти год после нашего разговора, до середины 1974 года, он старался держаться и чувствовал себя удовлетворительно».

В высшей степени интересные воспоминания, не правда ли? Нам уже приходилось цитировать многих свидетелей деятельности Андропова и его сотоварищей по Политбюро, но таких откровенных и к тому же выразительных подробностей не приводил никто. Отчасти умалчивали, отчасти не хватило способностей. Как ни покажется кое-кому странным, но «вспоминать» как следует нужно тоже с умом, отделяя важное от неважного. Чазов сумел это превосходно, поэтому к его мемуарам

нам придется возвращаться еще не раз.

Теперь о цитированном отрывке. Ну, то, что в верхних кругах правящей власти всегда (или почти всегда) идет осторожная борьба за передел этой власти, плетутся взаимные интриги, это понятно. В этом смысле кремлевская верхушка не составляла никакого исключения, напротив – поскольку законность правопреемствования в Коммунистической партии и в Советском правительстве были довольно условны и в правовом смысле плохо определены, то здесь подобного рода интриги должны быть особенно сильны. Что и наблюдалось во все годы советской истории, даже отчасти при Ленине и Сталине.

Это понятно. Некоторое иное следует пояснить. О Щелокове совсем не зря беспокоился дальновидный и осведомленный Андропов. Он пользовался точными данными, что тот был истинным любимчиком Генерального и пользовался его полным и давним доверием. Щелоков, возглавивший органы МВД еще с 1966 года, платил своему старшему товарищу и покровителю тем же. Соперничество между милиционерами и чекистами шло аж с 1918-го, и ничего удивительного в том нет (в Соединенных Штатах соперничают ФБР и ЦРУ и т.п.). Иное дело, что в Советском Союзе ГПУ-КГБ слишком довлели над МВД, это вызывало обиды. Щелоков, человек деятельный и предприимчивый, много сделал для поднятия авторитета милиции и иных своих служб. Например, вскоре после его прихода на руководство МВД зарплата офицеров там была приравнена к Министерству обороны и КГБ, для милиции сшили новую и красивую форму и т.д. Это повысило авторитет Щелокова в МВД и увеличило опасения Андропова.

Ну, «Н.», это, понятное дело, некая дама, очередное и мимолетное увлечение Леонида Ильича. О ней история подробных сведений не сохранила.

Наконец, последнее. Смешно читать в мемуарах прожженного политикана от медицинского ведомства о Гиппократе. Никогда ему на верность Чазов клятвы не давал, а всегда служил только делу партии и особенно ее руководству. Впрочем, повторим, врач он был в высшей степени талантливый, о чем нет спора. Но вспомнил о «клятве Гиппократа» он уже только после запрета КПСС Ельциным. Попробовал бы он заговорить об этом в своей партийной клинике…

Однако продолжим рассказ об августейшей медицине. Под прямой опекой 4-го управления и бдительным надзором «Девятки» находились не только больницы. В их же ведении были огромные санаторно-курортные комплексы в лучших природно-климатических зонах страны. Основные находились в следующих

административных регионах СССР: Крымская область, Краснодарский край (район Большого Сочи) и Ставропольский край (Кисловодск – Минеральные Воды). Каждый член высшего руководства имел свой излюбленный район. Брежнев более всего обожал Крым, Андропов, по состоянию здоровья не любивший жару, предпочитал Кавказское предгорье.

Курорты подчиняются обкому КПСС, во главе каждого стоит свой первый. Естественно, что он крайне внимательно интересуется составом своих высокопоставленных отдыхающих. Ясное дело, что лучше всего познакомиться с начальником на отдыхе, расслабиться вместе с ним на охоте, на рыбалочке, в баньке… Все первые секретари почитали своей непременной обязанностью лично встречать и провожать высоких курортников. Теперь-то стало в подробностях известно, что в том проявлялась порой высокая политика. Или нечто вроде…

Как известно, М. Горбачев всю жизнь отличался самым неприкрытым угодничеством перед всеми, кого почитал хоть в чем-то выше себя. Один из его партподчиненных по Ставропольскому краю В. Казначеев недавно поделился любопытными воспоминаниями на этот счет. Как-то (по-видимому, в середине семидесятых годов) Кисловодск посетил Чазов. Угодливый Горбачев «на минуту не оставлял доктора, всячески стараясь заслужить его благорасположение и дружбу.

Кроме светских бесед и осмотра достопримечательностей велись разговоры об интригах, расстановке сил в ЦК, о Л. Брежневе, о том, кто чем болеет и как лечится. Этот канал информации не был единственным, но он был достаточно достоверным и позволял супругам опровергать или подтверждать данные, полученные из других источников, и, если удастся, выяснить, на какие «клавиши» можно нажать ради достижения тех или иных целей.

Чазов принял условия игры в преданную дружбу: из Москвы приходили для Горбачева самые лучшие дорогостоящие лекарства.

Именно Чазов убедил Михаила Сергеевича организовать все так, чтобы высшее руководство страны стремилось приезжать на отдых в Ставропольский край. В этом решении учитывались интересы не только Михаила Сергеевича, за спиной лейб-медика стояла фигура более могущественная, уже давно наметившая себе цель – кресло Брежнева. Именно этот человек – член Политбюро, шеф КГБ Юрий Владимирович Андропов скрупулезно подготавливал себе почву для решающего момента, который мог случиться в любую минуту, здоровье Генсека ухудшалось из года в год. Андропов подбирал себе людей, и Чазов входил в его

«команду».

Здоровье высшего эшелона власти в стране постепенно слабело в прямой связи с постарением самого этого «эшелона». Кроме того, нельзя не признать, что все они, начиная с ленинского и потом в еще большей степени сталинского окружения, очень много и напряженно работали, часто во вред здоровью. Это, разумеется, касалось и руководства Госбезопасности. Генерал Бобков рассказал:

«За весь период пребывания на посту Председателя Комитета Ю.В. Андропов не имел – и я могу это засвидетельствовать – ни одного выходного дня. Он приезжал в Комитет и в воскресенье, работал всегда с полной нагрузкой, не считаясь с состоянием своего здоровья.

А работать ему было очень нелегко! Его заместителями стали люди, можно сказать, приставленные к нему Брежневым: С.К. Цвигун, вместе с которым работал Брежнев в Молдавии, и Г.К. Цинев, работавший с Генсеком в Днепропетровске. За спиной Андропова они давали Брежневу информацию (чаще всего тенденциозную!), которая настораживала Генсека. Он принимал ее за истину и нередко поддерживал предложения Цвигуна и Цинева, которые не совпадали сточкой зрения Андропова. Юрий Владимирович прекрасно понимал это, но слишком много было у него серьезных дел государственного масштаба».

Опять характерный пример, как здоровье начальника делалось предметом карьерных интриг, теперь уже не в партии, а на Лубянке. Впрочем, оба интригана тоже не отличались богатырским здоровьем. Чазов ориентировался во всех этих хитросплетения? превосходно. В общем и целом он держал сторону Андропова, постоянно и обстоятельно осведомлял его о своих пациентах, причем не только об уровне их артериального давления. Он очень хорошо ориентировался в расстановке сил на кремлевской лестнице. Об этом он очень откровенно и с точными подробностями рассказал в мемуарах.

Вот нечто важное о заместителях Андропова: «Могу сказать твердо, что и Брежнев не просто хорошо относился к Андропову, но по-своему любил своего «Юру», как он обычно его называл. И все-таки, считая его честным и преданным ему человеком, окружил его и связал «по рукам» заместителями председателя КГБ – С.К. Цвигуном, которого хорошо знал по Молдавии, и Г.К. Циневым, который в 1941 году был секретарем горкома партии Днепропетровска, где Брежнев в те время был секретарем обкома. Был создан еще один противовес, хотя и очень слабый и ненадежный, в лице министра внутренних дел СССР Н.А. Щелокова.

Здесь речь шла больше не о противостоянии Андропова и Щелокова, которого Андропов иначе как «жуликом» и «проходимцем» мне и не рекомендовал, а скорее о противостоянии двух организаций, обладающих возможностями контроля за гражданами и ситуацией в стране. И надо сказать, что единственным, кого боялся и ненавидел Щелоков, да и его первый зам, зять Брежнева – Ю.М. Чурбанов, был Андропов. Таков был авторитет и сила КГБ в то время…

Жизнь непроста, многое определяет судьба и случай. Случилось так, что и С.К. Цвигун, и Г.К. Цинев сохранили жизнь только благодаря искусству и знаниям наших врачей. Цвигун был удачно оперирован по поводу рака легких нашим блестящим хирургом М.И. Перельманом, а Цинева мы вместе с моим другом, профессором В.Г. Поповым, несколько раз выводили из тяжелейшего состояния после перенесенных инфарктов миокарда. И с тем, и с другим у меня сложились хорошие отношения. Но и здесь я чувствовал внутренний антагонизм двух заместителей председателя КГБ, которые ревностно следили друг за другом. Но оба, хотя и независимо друг от друга, контролировали деятельность КГБ и информировали обо всем, что происходит, Брежнева. Умный Георгий Карпович Цинев и не скрывал, как я понял из рассказов Андропова, ни своей близости к Брежневу, ни своих встреч с ним.

Болезни Цвигуна и Цинева доставили нам немало переживаний. И не только в связи со сложностью возникших медицинских проблем, учитывая, что в первом случае приходилось решать вопрос об операбельности или неоперабельности рака легких, а во втором – нам с трудом удалось вывести пациента из тяжелейшего состояния, граничащего с клинической смертью. Была еще одна сторона проблемы. Брежнев особенно тяжело переживал болезнь Цинева, который был его старым другом. Когда я выражал опасения о возможном исходе, он не раздражался, как это делали в трудные минуты многие другие руководители, а по-доброму просил сделать все возможное для спасения Георгия Карповича. Удивительны были звонки Андропова, который, прекрасно зная, кого представляет Цинев в КГБ, искренне, с присущей ему вежливостью просил меня помочь, использовать все достижения медицины, обеспечить все необходимое для лечения и т.п. Мне всегда казалось, что Андропов, понимая всю ситуацию, уважал и ценил Цинева, будучи в то же время весьма равнодушным и снисходительным к Цвигуну».

Чазов, очевидно, по натуре не лишен сентиментальности. А может быть, и лукавит чуть, даже задним числом. Ни Андропов,

ни его оба заместителя не могли испытывать друг к другу никаких чувств, ибо соперничали. А главное – все они уже не имели никаких принципиальных убеждений, не считая, разумеется, обветшалого вконец «марксизма-ленинизма». Они были практиками в своей профессиональной работе и честолюбивыми карьеристами в политике. Даже у Андропова, который все же был чуть пошире своих коллег по умственному уровню. А в своей служебной повседневности оба заместителя внимательнейшим образом наблюдали именно за взаимоотношениями своего начальника с другими высшими деятелями партии и государства. Включая, кстати, главного лекаря страны.

Закончим тему «здоровье и власть» еще одной, уже последней сценкой из воспоминаний Чазова. Она не только интересна завершения данного сюжета, но и является чрезвычайно выразительной характеристикой, так сказать, «быта и нравов» высших властителей Советского Союза эпохи Брежнева.

«Мне пришла на память история, которая, я уверен, не имела места в кабинете председателя КГБ ни до, ни после этого дня. Однажды я оказался у Андропова в кабинете. В это время у нас начали появляться проблемы с состоянием здоровья Брежнева, мы встретились с Андроповым, чтобы обсудить ситуацию. Когда, закончив обсуждение, я поздравил Андропова с днем рождения, раздался звонок его самого близкого друга Д.Ф. Устинова. В тот период возникающие с Брежневым проблемы Андропов скрывал от всех, даже от самых близких друзей. На вопрос: «Что делает «новорожденный» в данный момент?» – Андропов, понимая, что Устинов может каким-то образом узнать о моем длительном визите, ответил: «Меня поздравляет Евгений Иванович». Заводной, с широкой русской натурой Дмитрий Федорович тут же сказал: «Я этого не потерплю и еду к вам. Только скажи, чтобы открыли ворота, чтобы я въехал во двор, а то пойдут разговоры, что я к тебе езжу по вечерам». Короче говоря, через 30 минут в кабинете был Дмитрий Федорович, поздравлял, громко смеялся и требовал положенных в таких случаях 100 граммов. Андропов ответил, что не держит в кабинете спиртного. Настойчивый Дмитрий Федорович предложил вызвать помощника Андропова, который должен был находиться в приемной, и попросить чего-нибудь достать. К моему удивлению, вместо помощника зашел Цвигун, а затем, буквально вслед за ним, извиняясь, появился Цинев. Конечно, нашлись 100 граммов за здоровье именинника, было шумно, весело, но меня не покидало ощущение, что нас не хотели оставлять втроем – о чем могли говорить председатель КГБ и приехавший внезапно и тайно министр обороны с

профессором, осуществляющим лечение Брежнева, у которого появились проблемы со здоровьем? Может быть, я был излишне мнителен, но интуиция меня никогда не подводила. Так что Брежнев рассчитал точно – КГБ его не только защищал, но и помогал скрывать его немощь и создавать ореол славы».

* * *

Теперь рассмотрим еще один, так сказать, «боковой сюжет», герой которого, к сожалению, сыграл немаловажную роль в нашей будущей истории. Назовем его «операция Горбачев».

Жизненный путь этого политического ничтожества известен теперь вполне хорошо. После позорного изгнания из Кремля он не только послужил рекламщиком разного рода западных товаров и услуг, но и выпустил несколько «книг» о себе любимом. Даже его покойная ныне супруга успела издать нечто вроде мемуаров под сентиментальным наименованием «Я верю…». Ну, верила-то она в основном в содержание своего ридикюля да в бумажник супруга. Впрочем, никому это уже теперь не интересно. Но остается открытым немаловажный вопрос: какова роль Андропова в возвышении Пятнистого Михаила?

Точно ответить на этот вопрос невозможно. Молчаливый и скрытный Андропов никаких своих мнений на этот счет не оставил, а болтливому и вечно лгущему Горбачеву доверять, разумеется, невозможно, сколько бы книжек от его имени ни испекли. Попробуем, однако, разобраться, ибо некоторые точные сведения на этот счет к сегодняшнему дню уже выявились. Прежде всего – мемуарные.

Осторожный идеологический аппаратчик, один из тайных подготовителей пресловутой «перестройки» Г. Арбатов был, как уже говорилось, близок к Андропову. В своих недавних воспоминаниях – очень осмотрительных и взвешенных – он сообщает о Горбачеве довольно неожиданную подробность. Причем следует напомнить, что Арбатов был советником по внешней политике, а отнюдь не по сельским делам.

«Впервые эту фамилию услышал именно от Андропова в 1977 году, весной. Дату помню, поскольку начался разговор с обсуждения итогов визита С. Вэнса, потом перешел на болезнь Брежнева. И я здесь довольно резко сказал, что идем мы к большим неприятностям, так как, судя по всему, на подходе слабые, да и по политическим взглядам часто вызывающие сомнение кадры. Андропова это разозлило (может быть, потому, что он в глубине души сам с такой оценкой был согласен), и он начал резко возражать: ты, мол, вот говоришь, а ведь людей сам не знаешь, просто готов все на свете критиковать. «Слышал ли ты, например, такую фамилию – Горбачев?» Отвечаю: «Нет». – «Ну вот видишь. А подросли ведь люди совершенно новые, с которыми действительно можно связать надежды на будущее». Не помню,

чем тогда закончился разговор, но во второй раз я фамилию Горбачева услышал от Юрия Владимировича летом 1978 года, вскоре после смерти Ф.Д. Кулакова, бывшего секретаря ЦК, отвечавшего за сельское хозяйство».

Хитрый Арбатов в данном случае наверняка не понимал, что проговаривается, таких частностей, важных нам, профанам, сообщать не следует. Уже говорилось, как старался Горбачев перед Андроповым по прибытии того на отдых в Минеральные Воды. Но главу КГБ, лишенного обычных человеческих слабостей, шашлыком у водопада не завлечешь, это не Брежнев со своим любимым зятем. Да и простоват был ставропольский Миша, а Андропов предпочитал столичных циников с двойным дном. Откуда же эта явная симпатия? И ведь она переросла потом в серьезные дела, отчего?

Есть только одно достоверное свидетельство на этот счет. Оно настолько неожиданно, что сперва казалось нам преувеличением. Но из дальнейшего изложения хода событий читатель убедится, что сообщаемые ниже подробности четко укладываются в общий бесспорный ряд и не только не противоречат, а подтверждают неслучайность андроповского выбора в Ставрополье. Бывший сотрудник Горбачева рассказал:

«Как когда-то в глуши Тебердинского заповедника под руководством Брежнева вызревал антихрущевский заговор, так и теперь в Ставрополье под предводительством Андропова разрабатывалась программа захвата власти, устранения немощного Генсека и его окружения. Штаб-квартирой заговорщиков стала госдача ЦК. Красивое, из красно-розового камня, здание, прекрасно вписавшееся в горный ландшафт. Плиты обширной террасы выложены в шахматном порядке. Когда-то на этом «поле» разыгрывалась судьба страны. На нем стояли «фигуры» различного достоинства, но лишь второстепенной «пешке» удалось прорваться в «ферзи».

В один из солнечных дней мне позвонил Горбачев: «Ты знаком с Чурбановым и с Галиной (дочь Л.И. Брежнева. – *С. С.*)?» Я ответил, что знаком. «Завтра поедем их встречать».

Горбачев был взволнован и, казалось, не на шутку озабочен приездом зятя Генсека.

Вечером спецрейсом на самолете Ту-134 в аэропорт Минводы прилетели Ю.М. Чурбанов и Галина Леонидовна. Горбачев был с супругой. Раиса Максимовна осыпала комплиментами дочь вождя, которая вела себя довольно высокомерно.

Заехали в Пятигорск на обед.

Михаил Сергеевич был членом ЦК, Чурбанов к тому времени – лишь кандидатом, но первый секретарь Ставропольского

крайкома изрядно расстарался перед Юрием Михайловичем. Беспрестанно шутил, рассыпался в любезностях, подливал Чурбанову, любившему выпить, замечательный армянский коньяк. Сам Горбачев редко выпивал больше трех рюмок, но нынешний случай был исключением. Под хмельком у Юрия Михайловича развязался язык, было видно, что ему приятно показать, насколько он владеет информацией из первых рук.

В Кисловодске снова накрыли стол. Наконец разговор коснулся интересующей Горбачева темы. Вальяжно развалившись в кресле, Юрий Михайлович бахвалился, что якобы перед его днем рождения Леонид Ильич сказал о своем намерении сделать зятя своим преемником, так что скоро он, Ю.М. Чурбанов, станет Генеральным секретарем ЦК КПСС. Горбачев внимательно слушал, расспрашивал, кто присутствовал на дне рождения Чурбанова, где Брежнев давал подобное обещание, кто это слышал. И Юрий Михайлович, по наивности и выпив лишнего, перечислил фамилии: Огарков, Цвигун, Щелоков, Пастухов, Тяжельников…

Во время этого разговора я беседовал с женщинами, но слышал его отчетливо.

Мы засиделись до сумерек, пора было прощаться. На обратном пути Горбачев повернулся ко мне: «Ты слышал, что сейчас Чурбанов болтал?» Я ответил отрицательно. Он еще некоторое время испытующе смотрел мне в глаза, но потом, видимо, успокоившись, перевел разговор на другую, безопасную, тему.

Через неделю мне сообщили, что первый секретарь срочно вылетел в Москву и когда вернется, неизвестно.

Я понял: Горбачев помчался с докладом к Андропову и Суслову, намечаются крупные перестановки в верхнем эшелоне власти. Мне было жаль Чурбанова. Его болтовня, скорее всего, носила сугубо застольный характер, но и ее было достаточно…

Из Москвы Горбачев вернулся уже совершенно другим человеком – самоуверенным до наглости».

О том, как Андропов разбирался с Чурбановым, Цвигуном и Щелоковым, речь впереди. А вот донос Горбачева наверняка был, и очень своевременный, ибо вокруг угасающего Брежнева разворачивалась тихая, но беспощадная борьба, и Андропов своего шанса упустить тут никак не мог. Полезных доносчиков ценят. Кроме того, этим своим доносом Горбачев целиком отдал себя под патронаж Андропова. Вряд ли Брежнев простил ему такую черную интригу против своего любимого зятя и столь же любимого министра внутренних дел, да и Цвигун был не чужд Генеральному. Короче, суетливый Горбачев неожиданно для себя

верно определил будущего хозяина.

Так, но опять-таки дело идет об одной лишь стороне. Горбачев хозяина нашел, а нашел ли верного соратника недоверчивый и подозрительный Андропов? Никто, кроме него, не смог бы тут ответить, а он смолчал. Но еще одно любопытное свидетельство есть. Исходя из него, можно осторожно предположить, что нет, не слишком ценил он ставропольского осведомителя, хотя, как всегда, умело скрывал свои истинные чувства. Тому опять-таки есть очень любопытное подтверждение, исходящее от самого Горбачева. Простодушный болтун вывел в одной из своих книг весьма примечательную сценку.

Перебравшись в Москву на должность секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству, Горбачев получил казенную дачу рядом с такой же дачей Андропова. Они стали, так сказать, соседями. Угодливый провинциал решил, что ему представился, так сказать, «повод для знакомства», и он заспешил.

«Я позвонил Юрию Владимировичу, – вспоминал Горбачев.

– Сегодня у нас ставропольский стол. И, как в старое доброе время, приглашаю вас с Татьяной Филипповной на обед.

– Да, хорошее было время, – ровным, спокойным голосом ответил Андропов. – Но сейчас, Михаил, я должен отказаться от приглашения.

– Почему? – удивился я.

– Потому что завтра уже начнутся пересуды: кто? где? зачем? что обсуждали?

– Ну что вы, Юрий Владимирович! – совершенно искренне попытался возразить я.

– Именно так. Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже начнут докладывать. Говорю это, Михаил, прежде всего для тебя.

С тех пор желание приглашать к себе или быть приглашенным к кому-либо у нас не возникало. Мы продолжали встречаться со старыми знакомыми, заводили новых, приглашали к себе, ездили в гости к другим. Но не к коллегам по Политбюро и Секретариату».

Да, неплохо отбрил Андропов надоедливого прилипалу! Но тот по простоте своей холуйской натуры ничего не понял. И даже потом, много лет спустя, когда уж и Андропов давно преставился, и сам Горбачев коротал дни на пенсии, по-прежнему полагал ставропольский выпускник юридического факультета, что суровый сосед по даче его любил. Он описал трогательную сцену прощания с Андроповым, когда тот умирал в Кремлевской больнице.

«Когда я вошел в палату, – писал он позднее, – Андропов

сидел в кресле и попытался как-то улыбнуться. Мы поздоровались, обнялись. Произошедшая с последней встречи перемена была разительной. Передо мной был совершенно другой человек. Осунувшееся, отечное лицо серовато-воскового цвета. Глаза поблекли, он почти не поднимал их, да и сидел, видимо, с большим трудом. Мне стоило огромных усилий не прятать глаза и хоть как-то скрыть испытанное потрясение. Это была моя последняя встреча с Юрием Владимировичем».

Даже умирая, Андропов играл и лицемерил, а свои подлинные чувства унес с собой. А Горбачев напрасно радовался якобы особенной любви к нему Андропова. Но вот смешная подробность.

В те же дни и точно так же Андропов попрощался и с Николаем Ивановичем Рыжковым. «18 января, – вспоминал позднее Рыжков, – услышал по телефону знакомое: «Чем вы сейчас заняты? Приезжайте к пяти, поговорим». Вопреки моим ожиданиям, он не лежал – сидел у письменного стола в глубоком кресле, плотно укрытый пледом. Поразило, как быстро он поседел, стал совсем белым. Я чувствовал себя не слишком ловко, попытался что-то рассказать об Австрии, он перебил, перевел разговор на экономику, снова бил вопросами – самыми разными, заставил на минуты забыть, что мы не в его кабинете на Старой площади, а в Кунцевской больнице. Когда вспомнил, спохватился, глянул на часы – час пролетел. Встал.

– Извините, Юрий Владимирович, не буду вас мучить, выздоравливайте.

Вдруг он поманил пальцем:

– Наклонитесь.

Я наклонился. Он, не вставая, прижал мою голову к груди, неловко поцеловал в щеку, отпустил. Сказал:

– Идите-идите. Все».

Тогдашний Секретарь ЦК по промышленности, будущий Предсовмина СССР был, конечно, человек простодушный и наивный (что доказал, к сожалению, на своем рабочем месте), но он изложил демагогический андроповский мини-спектакль без прикрас и преувеличений на свой счет. А тщеславный Горбачев и тут смотрелся в историческое зеркало (оно оказалось кривым, но он этого не замечает по сей день). Итак, можно сделать вывод: да, Андропов покровительствовал Горбачеву и тем паче пользовался его услугами, но в наследники он его явно не прочил. Наследниками в темной душе Андропова были люди совсем иные, куда более сложно устроенные…

* * *

Об Андропове до сих пор гуляют разного рода легенды и домыслы, порой самые странные, даже дикие и, уж конечно, взаимоисключающие друг друга. О том, что он якобы чистокровный еврей по фамилии Либерман, уже говорилось. Да, Андропов был, что называется, «еврейского происхождения», то есть с наличием еврейских предков, да, он втайне сочувствовал евреям и в некоторой степени окружил себя (за пределами самого КГБ, подчеркнем это!) еврейскими советниками, но евреем в подлинном смысле слова, конечно, не был. Дело тут обстояло куда как сложнее.

Но живуча, и даже весьма, другая легенда, противоположная. Андропов был тайным сторонником «русской партии», он сам создал и покровительствовал движению «русистов» (это выражение он и в самом деле употреблял и в разговорах, и один раз даже в собственноручно подписанном документе). Об этом даже пишут, и вполне с серьезным видом. Толкуют и о том, что он был скрытым поклонником Сталина. Это доказать столь же трудно, ибо имени этого Андропов во всех своих известных документах, а также достоверно записанных разговорах не упоминал никогда. Однако эти толкования, получившие достаточное отражение в литературе, нашей и зарубежной, требуют, тем не менее, определенного ответа.

Попробуем же его дать.

Прежде всего поставим неожиданный вопрос: а не был ли он тайным сталинистом, пусть и на особый склад? Как-никак он был глубже и понятливее простоватого Полянского и прочих. Тут имеются некоторые факты, приведем их.

Во-первых, о симпатиях своего отца к Сталину мне не раз говорил (наедине, конечно) Игорь Андропов. Понимаем, что на юридических весах это многого не стоит: говорил, не говорил… Однако свидетельствую, так было, хотя подтвердить мог бы только он сам.

Но вот уже нечто весьма серьезное. В 1979 году в издательстве «Молодая гвардия», как раз в пик «молодогвардейских» успехов, пока громы над ним еще не разразились, появилась книжка Игоря Андросова. Имени такого в Москве и в мире не ведали, но псевдоним Андропова-младшего был уж слишком прозрачен. О чем же книга? О, она не потеряла политического (как и научного) интереса по сей день.

Называется она «На перекрестке двух стратегий» и посвящена переговорам Советского правительства с Англией и Францией, с одной стороны, и гитлеровской Германией – с другой. Как

известно, дело закончилось подписанием пакта Молотова – Риббентропа в августе 1939 года в Кремле. Скажем четко и определенно: автор признает заключение пакта спасительным для нашей страны, порицает двурушничество и вероломство западной дипломатии. Как известно, именно это событие вызывало и вызывает особую неприязнь всех «демократов» (так называемых).

Ну, пояснять тут ничего не нужно, но добавить придется. Вскоре в журнале «Молодая гвардия» появилась статья некоего С. Семанова, сугубо одобрявшая общую концепцию книги. Вот суть рассуждений рецензента: «Автор объективен в изложении этой сложной темы. В книге показано, с какой осторожностью, с какой оглядкой шло наше правительство на переговоры с Германией. Но пойти на такие переговоры все же пришлось. Этого требовала безопасность нашей державы» (1981, № 2). Эту небольшую работу мы даем в приложении к данной книге.

Известно, что Андропов-старший внимательно следил за поведением детей. Ясно, что такая просталинская книга не могла появиться без его ведома. Тем паче что сын использовал в работе совсекретные документы тогдашнего МИД, которые обычному историку никаким образом было бы не получить. Прошло двадцать лет, вышло много книг на данную тему, но эта книга не устарела – по своему фактическому материалу прежде всего.

Значит, вывод очень вероятен – Сталин с его суровым способом правления был чем-то близок будущему Генсеку. Иначе бы не видать Игорю этой книжки, как своих ушей.

Постепенно становится все более очевидным, что Андропов-старший не только ценил суровые сталинские меры, но и потихоньку готовился к ним. Вот уже говорилось выше, что известная «Альфа – сверхсекретный отряд КГБ» (летом 1994-го справляла свое двадцатилетие) была создана непосредственно по мысли самого Андропова. Именно тогда, только-только сделавшись членом Политбюро, он начал готовить сверхотборные (и сверхсекретные) подразделения, малочисленные по составу, но первоклассно вооруженные и обученные.

Зачем? Для каких целей создавалась эта военно-полицейская элита? Практический пример действия при Андропове был один: захват укрепленного дворца Амина в Кабуле в декабре 1979 года. Но то Кабул, край света. А не обдумывал ли молчаливый Андропов кое-какие иные цели и объекты? Об этом никому ничего не известно, но факт есть факт: от Дзержинского до Шелепина в «органах» подобных подразделений не знавали….

Итак? Сделаем предположение, памятуя, что все догадки только догадками и остаются. Андропов был очень суров, меры предпочитал сугубо административные, не любил пышных

церемоний с долгими речами, наконец, был замкнут, скрытен, немногословен. Бесспорно, что такой набор качеств в какой-то мере делал его близким по типу к Сталину, правившему монархически.

Но Сталин был не только монарх в обличии диктатора, он хотел стать и стал отчасти монархом национальным, новоявленным Императором Всероссийским. А вот этих черт не было у Андропова изначально. Человек неясного происхождения, он не чувствовал глубоких связей с исторической Россией. И доказал это. Доказал прежде всего своим отношением к начавшемуся в ту пору русскому национальному движению.

Западные «специалисты» по борьбе с Россией оставили целую кучу разнообразной литературы. Слово «специалисты» заключено в кавычки не случайно, большинство их старались не объективно осветить сложную картину советской власти, а возможно более ядовито «обличить» русских патриотов. Слов нет, в этом ряду были достойные работы, назовем труды М. Агурского или Д. Данлопа. Но это были исключения, а особо постарались на этой ниве лица, выехавшие от нас с израильскими видами на жительство.

Известны сочинения А. Янова, проникнутые острой злобой к «неославянофилам» или «новым русским правым», как он нас именует. Янов долго был «постоянным сотрудником» журнала «Молодой коммунист» и сумел отточить перо. Цитировать его не станем – скучно, ибо фактов нет, а есть лишь брань, в основном по поводу пресловутого и надоевшего до оскомины «антисемитизма».

Однако рекорд поставила, без сомнения, супружеская пара – Е. Соловьев и Е. Клепикова. Тут уже напрямую – фашисты. Впрочем, дело не в ругани (ее в книге полно), а в том, как толкуется приводимый там материал. Материал этот жидкий, основан исключительно на сплетнях, даже наши и западные справочники авторы не удосужились прочесть, но уж чем богаты, тем и рады.

С изумлением можно узнать из супружеской книги, что Андропов и его ведомство были главными покровителями «Русской партии» (так они выражаются, причем с прописной буквы). Книга объемистая, 300 страниц большого формата, кою любезно издал некий «Московский центр искусств» в 1991-м под газетным заголовком «Заговорщики в Кремле».

Вот что пишут соавторы о «Русской партии»: «На начало 70-х приходится рубеж в ее деятельности – выход с помощью КГБ из подполья. В 70-е ей все больше дозволяется и в подцензурной советской печати, и – шире – в контролируемой органами

безопасности общественной и политической сферах». И далее: «Андропов сделал секретную идеологическую и политическую ставку на «Русскую партию». Наконец: «В 70-е годы русофилам больше не от кого было скрываться… маска секретности сброшена за ненадобностью, условия идеологического существования улучшаются, как говорится, не по дням, а по часам».

Это даже не миф, это бред. Никогда не находились деятели «Молодой гвардии» и примыкающих к ним кругов в «подполье», действовали исключительно и подчеркнуто легально. Об этом в России сейчас подробно уже пишут, дело известное. Никогда движение не получало «помощи» от КГБ, а совсем наоборот (выразительные и документальные примеры этого мы еще приведем). Никаких «свобод» нам не дозволялось и в помине, все время находились под надзором «органов», причем весьма бдительным.

Соавторы приводят в подтверждение своих поистине бредовых суждений лишь четыре «русофильских» публикации: книгу никому не ведомого И. Артамонова «Оружие обреченных», сборник статей «Чужие голоса в эфире», книгу Л. Корнеева «Легенды Израиля и действительность». Все эти работы не сыграли никакой общественной роли. Четвертым в интердикте значится скандальный роман В. Пикуля «У последней черты», но именно эта книга встретила в русских кругах весьма кислое отношение. (Россия там изображена… так сказать, не очень приятно.) Лет десять спустя автор переработал книгу, но это уже другой вопрос.

Вот и все «улики». Но ведь в ту же пору авторы «Русской партии» издали множество книг, статей и документов, которые вызывали большой общественный отклик. (Разный, но вот об этом и надо бы говорить!) Получается, что супруги-авторы, увлеченные русофобскими целями, просто-напросто плохо изучили нужный материал.

Далее соавторы размазывают тему антисемитизма в России в последние два десятилетия. Скажем сразу, что вопрос этот и у нас, и на Западе очень скудно освещался и не на корректном материале. Ничего нового эта рыхлая книга не приносит, напротив. Только и желал, только и мог Андропов – «еще большего усиления антисемитизма в стране». Ну, чего Андропов хотел, этого пока с точностью не знает никто, но нет ни малейших данных, что он, Брежнев, Суслов, Пономарев и прочие советские руководители таким свойством отличались бы.

Коснемся только одного вопроса – еврейской эмиграции 70-х годов, о которой столько шумели тогда на Западе, а теперь у нас.

Да, переезд в другую страну для большинства людей не сахар, оспорить это невозможно. Но зададимся простейшим вопросом: если у меня и моего соседа Рабиновича условия жизни здесь по разным причинам неблагоприятны, он может уехать в США, Канаду, Австралию… куда угодно… Про Израиль уже не говорим. Но ведь я и мой сосед Петров этого права были лишены. За кем же преимущество?

Повторим, бегство из страны – случай тяжелый, но сегодня всеми правдами и неправдами покидают Россию не только (и не столько) евреи, а немцы, греки, армяне, представители многих иных народностей, но главный контингент тут русские. Вот мы и сравнялись в правах. С запозданием, как у нас всегда бывает.

Теперь вот про легенду о «русофильстве» Андропова. Наиболее полно и, надо признать, не без остроумия даже это описано в книге писателя Игоря Минутко. Она так и называется – «Бездна (миф о Юрии Андропове)», издана в 1997 «Армадой» очень большим по нынешним временам тиражом. Иных героев автор подал под вымышленными именами, но они легко угадываются. При написании он явно пользовался консультациями людей с Лубянки, есть там весьма любопытные подробности. Процитируем выразительную сцену в этом ряду: Андропов у себя в кабинете принимает некоего писателя.

«К нему на аудиенцию запросился журналист, начинающий писатель, сценарист, их бывший агент в Англии, который завалил – еще при Семичастном – ответственную и, казалось, блестяще подготовленную операцию. После чего он был разжалован и приносил пользу Комитету лишь в качестве секретного сотрудника, или «сексота», на Высших литературных курсах при Союзе писателей СССР, где числился слушателем.

Изучив досье Сергея Дмитриевича Жаковского, Андропов в тот день с интересом ждал «визитера» – из документов возникала довольно любопытная фигура. Юрий Владимирович в каждом русском патриоте, с которым ему доводилось встречаться впервые, старался доискиваться первопричин национал-шовинистического «миросозерцания». Судя по документам, в случае Сергея Дмитриевича Жаковского кое-что в этом плане просматривалось.

Дело в том, что доморощенный литератор рвался на прием к Председателю КГБ с идеей документального фильма, «сверхзадача которого, – говорилось в письме на имя Андропова, – раскрыть глаза русскому народу. Показать ему, кто повинен во всех наших национальных бедах»…

Сергей Дмитриевич Жаковский явился в срок, минута в минуту.

В кабинет вошел высокий, вкрадчивый, улыбающийся молодой мужчина, и первое, что бросилось в глаза, – это несколько бугристая, нездоровая кожа на его лице. Потом внимание останавливалось на его серых, быстрых, умных глазах, главным выражением которых была настороженность. Пожатие его руки было сильным, энергичным, но ладонь оказалась влажной от пота. («Волнуется», – подумал Андропов и потом, когда гость был усажен на стул, незаметно вытер руку носовым платком под своим столом.)

– Располагайтесь, Сергей Дмитриевич, – сказал Андропов, внимательно наблюдая за гостем. – И – рассказывайте. В нашем распоряжении около получаса. Извините, во времени ограничен.

– Понимаю, понимаю! – заспешил бывший агент КГБ, а теперь литератор и сценарист Жаковский. – Собственно… Суть я изложил в письме. Его можно рассматривать как заявку на задуманный фильм. Рабочее название «Явное и тайное». Надеюсь, оно и останется. Если, конечно, мне будет позволено снять этот фильм. – Сергей Дмитриевич (было ему лет тридцать, может быть, чуть больше) перевел дух и облизал бледные губы.

– Расскажите подробней о задуманном фильме, – попросил Юрий Владимирович.

– Слушаюсь, – воспрянул духом писатель Жаковский. – Значит, так… Представьте… Это начало фильма, запев. На экране – цветущее дерево, приносящее замечательные плоды. Перед зрителем образ России – древо русской жизни, сильное, крепкое, животворящее… И вот… – Глаза сценариста засверкали ненавистью. – И вот на ветвях прекрасного дерева нашей русской жизни появляется паутина. Сначала она опутывает нижние ветки. Потом поднимается все выше и выше… – В голосе Сергея Дмитриевича зазвучали трагические ноты. – Представляете?.. О горе! Паутина добралась до вершины! Она опутала все дерево. Звучит траурная музыка. Что-нибудь из русской классики – Глинка, Бородин, Рахманинов. Будем искать. Зрительный зал замирает: по паутине карабкаются они, мерзкие твари, со всех сторон, со всех сторон!..

– Кто? – перебил Председатель КГБ.

Сергей Дмитриевич Жаковский рявкнул:

– Известно кто, Юрий Владимирович! Евреи!

– Понятно, – спокойно, невозмутимо сказал Председатель КГБ. – А теперь конкретизируйте… – Андропов помедлил. – Кого увидят зрители на экране? Какой конкретный документальный материал?

– Да, да, Юрий Владимирович… Сейчас… – Сценарист открыл портфель, с которым пожаловал, стал в нем рыться. – Вот

наброски сценария, основные факты и персонажи.

Последовал хотя и несколько сбивчивый, но напористый рассказ, сопровождающийся ремарками типа: «Здесь – зрительный ряд: фотографии, архивные документы, есть кое-что в кинохронике тех лет, как фон. А вот тут уже съемки советских операторов, имеется материал в спецхране Белых Столбов. Мне бы допуск. Для этого сюжета я раскопал свидетеля. Правда, старухе девяносто лет и требует денег вперед, зато уж скажет так скажет!» Ну, и так далее.

Действующие лица – соответствующие: эсерка Каплан, стрелявшая в Ленина («Доподлинно известно: сионисты уже тогда руководили всеми покушениями на лидеров молодой Советской России»); Лев Троцкий, «ренегат», предатель: создав Красную Армию, завоевав в ней изощренными, чисто семитскими способами популярность, поставил скрытую цель: постепенно занять в армии первого в мире государства рабочих и крестьян все командные посты евреями и, таким образом, подчинить ее интересам всемирного жидомасонского заговора (слушая все это, Андропов подумал: «Да он сумасшедший»); Голда Меир – из далекого Израиля ведет руководство всем диссидентским движением в Советском Союзе, финансируются все их акции, выпуск подрывной литературы. («Что-то тут есть!» – подумал тогда Юрий Владимирович, слушая разбушевавшегося сценариста: «Да у меня соответствующего материала об этом вонючем, пропахшем чесноком Израиле на три зубодробительных серии!»)

Аудиенция длилась уже сорок минут, и Председатель КГБ прервал словоизвержение писателя Жаковского вопросом:

– Сергей Дмитриевич, а лично вы от евреев пострадали?

– Пострадал? – По бугристому серому лицу сценариста и борца за права русского народа пошли розовые пятна. – Это вы называете – пострадал? Да они уже десять лет душат мое творчество! Не дают мне хода! Мои произведения, посвященные русской истории, нашей культуре, величию русского духа, вызывают у них ярость!

– У кого у них? – сдержанно, спокойно спросил Андропов.

– У жидов! – Писатель Жаковский клокотал; казалось, еще немного – и черные силы, распирающие его, разнесут в клочья длинное худое тело. – Юрий Владимирович, дорогой, да они во всех журналах, издательствах, на руководящих постах…

– Успокойтесь, Сергей Дмитриевич. Вот выпейте-ка воды. Председатель КГБ с брезгливостью смотрел, как желтые зубы стучат о край стакана. – И вы явно преувеличиваете…

– Если я преувеличиваю, – сценарист и сексот в одном лице

никак не мог успокоиться, – то самую малость! Вот такую малость. – Руками была изображена какая-то непонятная фигура. – Я вам сейчас с фактами в руках, на собственном примере… Мое историческое эссе…

– Все, все, Сергей Дмитриевич, – перебил Андропов. – Я вас понял. Мы тут обсудим вашу заявку и примем решение. Вам позвонят.

– Что, я… я свободен?

– Да, вы свободны.

– До свидания… – Вид у писателя Жаковского был растерянный и жалкий.

– Будьте здоровы.

Юрий Владимирович на прощание руки визитеру не подал.

…Документальный фильм «Явное и тайное» Сергеем Дмитриевичем Жаковским был снят, и на первом просмотре, естественно, присутствовали «крестные отцы» того шедевра антисемитизма Епишев и Андропов.

Рядом с Юрием Владимировичем в битком набитом просмотровом зале сидел генерал Епишев и от удовольствия и возбуждения часто потирал руки. Фильм был сделан эмоционально, с напором, вдохновенно. Несколько раз возникали короткие аплодисменты. Или вдруг в задних рядах – там сидели молодые специалисты, уже прошедшие соответствующую подготовку, которыми Председатель КГБ собирался укомплектовать многочисленные отделы создающегося по его инициативе Пятого управления («работа с творческой интеллигенцией»), – раздавались крики: «Правильно!», «Браво!»

Юрий Владимирович морщился, настроение портилось, началась мигренная боль в висках.

Кончился фильм, и грянула восторженная овация.

Сергей Дмитриевич Жаковский, всклокоченный, с пылающим бугристым лицом и безумными глазами, принимал поздравления, жал руки, отвечал на вопросы. Он чувствовал себя победителем.

Обсуждение фильма должно было состояться тут же, в кабинете директора клуба КГБ, в узком кругу, чтобы выработать рекомендации для следующей, уже высшей партийной инстанции – дать зеленый свет фильму «Явное и тайное» или не дать.

– Обсуждайте, товарищи, без меня, – сказал Андропов.

И сразу возникла тишина. У создателя фильма вытянулось лицо.

Председатель КГБ вышел из зала».

Тут необходимы пояснения. Да, история с фильмом изложена в общем верно, только он назывался «Тайное и явное». Автором сценария под именем Жаковского выведен известный литератор

Дмитрий Анатольевич Жуков, автор многочисленных сочинений на самые разнообразные темы, от исторических повестей до пылких статей с обличением «международного сионизма», его связь со спецслужбами даже не очень скрывалась. Он написал сценарий, где кознями сионистов объявлялись и выстрел Каплан в Ленина, и мятеж в Венгрии, и убийство президента Кеннеди, и все, что могло попасть под его не слишком требовательную руку. Режиссером был известный Б. Карпов, консультантом – еще более известный Е. Евсеев, оба ныне уже покойные. Они сделали крутой фильм, в том числе используя заграничные материалы, почерпнутые в командировке.

Что случилось дальше, точно не известно, однако версия Минутко, скорее всего, верна: фильм на экран не выпустили, ясно, что без личного вмешательства Андропова дело тут не обошлось. Позже под тем же названием появился телефильм, ничего общего с первоначальным замыслом не имевший, речь шла только о событиях на Ближнем Востоке. Разумеется, этот эпизод никак нельзя считать сочувствием Андропова «русской партии», скорее уж наоборот. Добавим на всякий случай, что начальник Политуправления Советской армии генерал Епишев и его ведомство никакого отношения к фильму не имели. Отметим, наконец, что все это происходило в начале семидесятых годов.

Как же на самом деле относился Андропов к русско-патриотическому движению? Почему он избрал доверенными лицами Евтушенко и Шатрова, если уж был столь ярым антисемитом? Тут уже появились некоторые материалы, которые позволяют дать объективную картину событий.

Нет, не баловали Андропов и его «органы» тех, кого в их кругах пренебрежительно именовали «русистами». Вспомним шумное дело о «площади Маяковского», неоднократные аресты Л. Бородина, разгром совершенно легального (по содержанию и способу распространения) журнала «Вече» и многое другое, о чем мы еще расскажем подробно.

К деятелям еврейско-либерального толка Андропов подходил куда «гуманнее», хотя, разумеется, должен был это скрывать – прежде всего от своих подчиненных на Лубянке, которые эту публику, мягко говоря, недолюбливали. В 1972 году по израильской визе уехал в США поэт Иосиф Бродский. Ясно, что без участия шефа КГБ дело не обошлось, хотя теперь установлено: инициаторами его изгнания были ленинградские товарищи во главе со своим влиятельным Первым Романовым. С этим событием, что вызвало гул на Западе, связан любопытный эпизод, который писатель Минутко подал со слов Евгения Евтушенко. Поэтического баловня вдруг обыскали на таможне по

возвращении из очередной заграничной поездки, изъяли порнуху и «антисоветские издания». Другому бы за такое голову отвертели, а тут ограничились одной лишь конфискацией. Цитируем:

«Вот здесь Евтушенко и понял, что необычный в его гастрольной практике обыск на таможне был своего рода приглашением к разговору, а что касается его экстравагантной формы, то она определялась имеющимися в распоряжении Председателя КГБ средствами.

Дружеская беседа между удачливым советским поэтом и самым, как оказалось позднее, удачливым главой тайной полиции длилась несколько часов. То, что сам Евтушенко из этой беседы нам пересказывал, касалось куда менее удачливого, чем он, поэта Иосифа Бродского, чьи стихи были в СССР под полным цензурным запретом.

– Я хотел вас спросить о Бродском, – сказал Юрий Владимирович Андропов. – Не о его поэзии, но о его судьбе. Какой вам представляется его судьба? И представляется ли она вам в наших теперешних условиях, в нашей стране?

Тронутый доверием, оказанным ему Председателем Комитета государственной безопасности, Евтушенко ответил, как ему казалось, честно и прямо, но в разговоре с друзьями впоследствии он часто возвращался к этому своему ответу, доказывая, что ответить иначе не мог; было похоже, что если не муки совести, то хотя бы некоторые сомнения его грызли. Евтушенко откровенно подыграл тогда своему державному собеседнику – его ответ был таким, какой тот ожидал услышать. Как это ни покажется странным, Андропову надо было в тот раз переложить ответственность за решение со своих плеч на плечи коллеги и приятеля Бродского, и это ему вполне удалось. Покачав головой, Евтушенко ответил:

– Нет, здесь у нас судьбу Бродского я себе, Юрий Владимирович, честно говоря, не представляю. Он талантливый поэт, но ему лучше будет за границей.

Так было решена судьба Иосифа Бродского. Возможно, она бы сложилась так же и без Евтушенко, но Евтушенко взял на себя ответственность решить – жить лучшему русскому поэту у себя на родине либо быть из нее изгнанным.

– Мне тоже так кажется, – сразу же согласился Андропов, и Евтушенко, почувствовав в этом согласии некий укор за свой совет, быстро добавил:

– Но хоть бюрократические формальности ему облегчите – хождение в ОВИР, заполнение анкет, ожидание.

Андропов обещал «облегчить» и слово свое сдержал:

Бродский был изгнан из СССР в несколько недель.

Несомненно, что Евтушенко вспоминал о своем тогдашнем совете, когда звонил Андропову по поводу Солженицына. Он осмелился позвонить, пытаясь этим звонком снять с себя грех малодушия и подыгрывания шефу тайной полиции в случае с Бродским».

Ну, отношения Андропова с Евтушенко были вполне определенными с обеих сторон, и это слишком хорошо известно. Но далее писатель, очевидец рассказа, делает совершенно правильный вывод: «С другой стороны, не исключено, конечно, что Андропов заручался поддержкой таких людей, как Евгений Евтушенко или Юрий Любимов, с дальним прицелом – чтоб идеализированный, вымышленный его автопортрет выглядел более правдоподобно с помощью реальных черт и авторитетных свидетелей. Полуправда всегда больше похожа на правду, чем чистая ложь». Тут можно вполне согласиться с Минутко…

Как бы то ни было, но с Евтушенко, Любимовым и К° Андропов был «терпелив», как теперь выражаются, «толерантен». А вот как с «молодогвардейцами» обстояло дело? Не станем приводить суждения самих участников тогдашней «Молодой гвардии». Допустим, они будут пристрастны. Но вот что говорит верный последователь Андропова в борьбе с «русистами», тогдашний глава отдела пропаганды ЦК партии А. Яковлев. Совсем недавно он издал объемистые мемуары. Даже сейчас, три десятилетия спустя, он дышит той же злобой:

«Журнал ЦК комсомола «Молодая гвардия» опубликовал одну за другой статьи литературных критиков М. Лобанова «Просвещенное мещанство» и В. Чалмаева «Неизбежность». Лобанов обвинял интеллигенцию в «духовном вырождении», говорил о ней с пренебрежением как о «зараженной мещанством» массе, которая «визгливо» активна в отрицании и разрушительна для самих основ национальной культуры.

Вызывающим было и то, что официальный курс на повышение материального благосостояния людей автор объявляет неприемлемым для русского образа жизни. «Нет более лютого врага для народа, чем искус буржуазного благополучия», ибо «бытие в пределах желудочных радостей» неминуемо ведет к духовной деградации, к разложению национального духа. Лобанов рекомендовал властям опираться не на прогнившую, сплошь проамериканскую омещанившуюся интеллигенцию, а на простого русского мужика, который в силу своей неизбалованности ни сытостью, ни образованием только и способен сохранить и укрепить национальный дух, национальную самобытность.

Статья Лобанова озадачила многих – и писателей, и политиков. Пока власти приходили в себя, журнал публикует статью Чалмаева «Неизбежность». Как и Лобанов, он тоже осуждает «вульгарную сытость» и «материальное благоденствие». В статье немало прозрачных намеков на то, что русский народный дух не вмещается в официальные рамки, отведенные ему властью, как и сама власть никоим образом «не исчерпывает Россию». Такой пощечины власти снести не могли. На этот раз на статью Чалмаева буквально обрушился пропагандистский аппарат партии, был запущен в обращение термин «чалмаевщина».

В это время «Молодая гвардия» публикует третью статью – «О ценностях относительных и вечных», продолжающую линию статей Лобанова и Чалмаева. Ее автор Семанов тоже славил «национальный дух», «русскую почву», сделал вывод о том, что «перелом в деле борьбы с разрушителями и нигилистами произошел в середине 30-х годов». Словно и не было XX съезда с докладом Хрущева о преступлениях Сталина.

Подобное кощунство над трагедией российского народа буквально шокировало общество. Посыпались письма в ЦК. Появились возмущенные отклики в «Комсомолке», «Литературке», «Советской культуре». Адепты шовинизма явно перебрали.

Собранные нашим отделом письма я направил в Секретариат ЦК. У меня состоялся обстоятельный разговор по этому поводу с Демичевым. Отдел пропаганды и отдел культуры получили от Суслова и Демичева указание «поправить» журнал. Была подготовлена достаточно резкая статья для журнала «Коммунист», в которой подверглись критике позиции Лобанова, Чалмаева и Семанова».

Как уже говорилось, идеологическим центром русского возрождения со второй половины 60-х годов стал журнал «Молодая гвардия». Когда-нибудь эта очень интересная история будет описана подробно (она того стоит!), а пока скажем об одном человеке, который еще при жизни был забыт, а теперь, когда он давно скончался, и подавно. Анатолий Никонов, рядовой войны, окончил университет и стал журналистом. Судьба поначалу складывалась благоприятно – в сорок лет он стал редактором популярного журнала и с 1963 по декабрь 1970 года твердо стоял у его руля.

Естественно, что рулевой вел свой корабль в русско-патриотическом направлении. Отрицая идеи марксистско-ленинской русофобии, а также весь набор интернациональных погремушек, Никонов вел линию осторожно, обходя по возможности все идеологические «табу». Вокруг него, как признанного атамана, вскоре сложился преданный круг авторов.

И началось. Появились статьи об исторической России, о святых традициях Отечества, доставалось, и крепко, другим советским изданиям, стоявшим на позициях космополитизма. Долго терпеть это Андропов и Яковлев не могли.

Вскоре открылось. Идеологическое начальство на заседании Секретариата ЦК в ноябре 1970 года освободило Никонова (он был переведен в другой журнал). Обошлось ли это без участия Андропова и его служб, пока неизвестно (сам он на том Секретариате отсутствовал, но это мало что значило).

Событие это вызвало большой шум у нас и за рубежом, но дело прошло как-то тихо; никого более в журнале и вокруг него не тронули. Движение продолжалось, захватывая новые центры. Тогда, в ноябре 1972-го, выступил с огромной статьей средний в ту пору партаппаратчик А. Яковлев, обвиняя деятелей русского возрождения во всех политических грехах.

Первый зам завотделом пропаганды Яковлев происходил из ярославского села, жену имел русскую, но целиком поставил на линию «разрядки» (возможно, тут помогло его долгое пребывание в США в качестве стажера). Соседом Яковлева по даче был Цуканов, что облегчало дело.

Конечно, никаких глубоких идей у Яковлева не имелось, но как острый карьерист он почуял, чего хотелось бы брежневскому руководству, а как смелый человек не побоялся рискнуть. Он повел атаку на молодогвардейцев по всему фронту, используя для этого весь громоздкий идеологический аппарат. Недостатка в разоблачениях не было, но брань стала уже привычной, ее перестали бояться. Сами молодогвардейцы не стеснялись ее вовсе, огрызались и наступали, создавая тем самым в Советском Союзе опасный пример. Надо было снимать и наказывать, это ясно, но как? Как сделать это под руководством вялых бюрократов, страшившихся малейших потрясений? Нужно было «решение» по поводу «МГ». Яковлев долго интриговал, но пробиться сквозь бюрократическую трясину не сумел. Играть, так играть, и он решил состряпать партийное решение сам. Советники и помощники охотно подтолкнули его под локоток (дурака не жалко), и вот в ноябре 72-го появилась громадная статья Яковлева «Против антиисторизма».

Вся убогость брежневской внутриполитической линии потрясающе точно выражена в этом кратком заголовке! Во-первых, выступление ведущего идеолога направлено не на утверждение неких партийных истин, а «против» чего-то, – партия, стало быть, идет по чьим-то следам? Во-вторых, что это за обвинение – «антиисторизм»? В марксистском лексиконе накопилось множество жутких политических ярлыков, но о таком

не слыхивали. Наконец, просто смешна словесная убогость заголовка: если латинское «анти» перевести на русский язык, то получится: «Против противоисторизма». Воистину невысок был уровень брежневско-сусловских присных, и даже предприимчивый Яковлев не смог его приподнять. Даже при молчаливой поддержке Андропова.

Уже по выходе статьи стало ясно, что бедный замзав вдребезги проигрался. В рядах «МГ» струсили только самые уж трусливые.

Грозная по «формулировкам» статья оказалась напечатанной в ведомственной газете и подписана каким-то «доктором наук», а не партийным титулом. На неловкого авантюриста обрушились все: и сторонники молодогвардейцев, и разбитые сталинисты, и старые писатели вроде Шолохова, и профессора соцреализма, и, наконец, был дан повод партийным ортодоксам: как, учить партию через «Литгазету»? от имени партии выступать не члену ЦК?

Дальнейшее нетрудно было предугадать, но тут следует сделать неожиданную для многих оговорку. В памяти российского народа Брежнев остался как косноязычный идиот; так он и выглядел в последние годы, но эта оценка политически совсем неверна. Невежественный, тщеславный и пошлый супруг мадам Гольдберг был вовсе не глуп, причем обладал не только заемным умом жены. Нет, Брежнев был хитер и осмотрителен, очень осторожен, он действительно отличался миролюбием, то есть неприязнью к резким и крутым мерам. Его личное влияние на политику страны в 70-е годы нельзя недооценивать. Перебор Яковлева для осторожной и оппортунистической линии Брежнева был слишком уж вызывающим: если всякий замзав, даже и дружный с помощниками, начнет так действовать, то… Не надо забывать, что Брежнев образца 72-го года не успел еще превратиться в живой труп, как десять лет спустя.

Статья не понравилась осторожному Брежневу: «Этот м… хочет поссорить нас с русской интеллигенцией», – сказал он в раздражении. Итак, Яковлева срочно и унизительно сослали в провинциальную Канаду.

Даже к такому баловню судьбы, как художник Илья Глазунов, Андропов относился очень настороженно – именно за его явно прорусские настроения, хотя, как сплетничали у нас и за границей, этот модный живописец и портретист всех знатных особ исполнял некоторые деликатные поручения Лубянки. Как бы то ни было, но в 1976 году составил специальную докладную записку по поводу деятельности художника Глазунова. В целом Андропов не хотел изолировать скандально известного

живописца от общества, однако характеристику ему выдал не самую лучшую: «Глазунов – человек без достаточно четкой политической позиции, есть, безусловно, изъяны и в его творчестве. Чаще всего он выступает как русофил, нередко скатываясь к откровенно антисемитским настроениям… Было бы целесообразно привлечь его к какому-то общественному делу, в частности к созданию в Москве музея русской мебели».

Антирусские настроения Андропова, при всей его скрытности и осторожности действий, не были тайной, особенно в столичных кругах, куда более информированных, чем вся остальная огромная страна. Однако сравнительно недавно появилось интересное свидетельство из самой глубины российской провинции. В мемуарах уже упомянутого В. Казначеева, партийного работника со Ставрополья, дается любопытный разбор этой стороны андроповской политики. Воспоминания эти интересны особенно потому, что они – из провинции.

«Деятельность Андропова всегда носила характер максимального извлечения личной выгоды, завоевания наиболее влиятельных позиций. Он с удивительной ловкостью мог совмещать в себе внешний либерализм и внутреннюю жесткость, что, собственно, является положительным качеством политика. Андропов стремился завоевать доверие в кругах русской интеллигенции. По-видимому, это была тщательно спланированная акция. По всем окраинам Советского Союза прокатилась яростная волна подъема национал-шовинизма – прибалтийского, армянского, грузинского, украинского, еврейского, начались отъезды целых еврейских семей на «землю обетованную», но главное – евреи стали проявлять неслыханную активность в СССР, создавая правозащитные движения и другие различные организации, которые КГБ по мере надобности хотя и разоблачал, но делал это чрезвычайно топорно и неумело, создавая больше рекламы этим движениям, чем пытаясь искоренить их на самом деле. На этом фоне лишь подъем русского национального самосознания подавлялся нещадно. Множество русских молодежных организаций национального толка были истреблены, а их участники получили не символические сроки, как, например, прозападные правозащитники, а совершенно реальные, полновесные 10—15 лет. И все же с защитой русского национального достоинства приходилось считаться. Во-первых, подъем национал-шовинизма на окраинах, при внешней декларативной позиции, на якобы защиту интересов собственного народа носил, как правило, откровенно антирусский характер, к тому же эти настроения активнейшим образом поддерживались извне идеологическими

противниками Советского Союза: Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Израилем и другими. Защититься от этого нашествия, от реализации плана Запада развалить СССР изнутри можно было лишь одним способом: дать выход национальной энергии русских, уравнять наконец в правах доминирующую в численном отношении нацию с другими национальностями, прекратить бездумную перекачку средств из России в другие союзные республики и, главное, что находилось в ведении председателя Комитета государственной безопасности, прекратить рост национализма на окраинах и перекрыть финансовые и идеологические каналы, по которым поступала помощь в эти республики. Андроповым это не было сделано, скорее, напротив, делалось все, чтобы национальные пожары можно было раздуть в любой удобный для этого момент.

Провозглашенный Сталиным во время Великой Отечественной войны идеологический курс на укрепление национального сознания принес великолепные результаты – победу в войне. Русская национальная психология, пожалуй, единственная, которая не только не исключает братство народов, но и подразумевает его. Только русские со своей врожденной толерантностью смогли скрепить гигантское евразийское пространство, не дать поглотить его активной капиталистической среде, постоянно требующей захвата новых колоний, получения дешевой рабочей силы и новых рынков сбыта.

Прорусские настроения были чрезвычайно сильны в Вооруженных силах. В так называемых «Ленинских комнатах» висели портреты великих русских полководцев, агитация велась таким образом, что империалистическому агрессору противопоставлялась мощь Советской армии, стоящей на фундаменте славных побед русской армии над Наполеоном, овеянной великими походами Суворова и др. Армия была великолепной школой не только для обучения военному искусству, но и, прежде всего, для воспитания патриотизма, прививала русским национальное самосознание. КГБ вел другую политику: робкие группы, пытавшиеся культивировать русскую идею, в основном объединявшиеся вокруг различных исторических обществ, литературных журналов «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», были под бдительным оком «шефа тайной полиции». Он не прекращал их деятельность полностью, но и не давал работать в полную силу, то и дело натравливая на русских деятелей искусств своих идеологических ищеек, клеймящих «зарвавшихся великодержавных шовинистов» с марксистско-ленинской, догматической позиции».

Да, примерно так оно и было, партработник из далекого от

Кремля и Лубянки Ставрополья правильно это увидел. На исходе семидесятых Андропов, накопив в своем ведомстве довольно уже много «материала» на деятельность «молодогвардейцев» (они же «русисты»), приступил к действиям. Инструмент для этого был загодя создан и уже неплохо опробован на деле – упомянутая уже «пятка» во главе с матерым и совершенно беспринципным иезуитом Бобковым Филиппом Денисовичем, было ему тогда лишь пятьдесят лет, а чин имел всего лишь генерал-майора, за выполнение заданий по борьбе с русским патриотизмом он вскоре сильно возрос в званиях и должностях.

* * *

Однако перед самым андроповским наступлением на «русский фланг» случился мелкий, смешной даже эпизод, который, однако, получил шумную огласку и ускорил события. Речь идет об альманахе «Метрополь», который в конце 1978 года создали несколько столичных литераторов еврейско-либерального толка. Тут нужно сделать краткое пояснение. Пресловутый брежневский застой уже начался. Да, его позднее сильно преувеличили и сделали некой страшилкой, но он был. Касалось это только верхушечного слоя интеллигенции – очень влиятельной социальной группы в Советском Союзе (в отличие от Запада, где, скажем, писатели давно уже потеряли важное общественное значение). А уже вышла пресловутая «Малая земля», и все творческие союзы вынуждены были ею официально восхищаться. Устно и печатно выступали, конечно, лишь отпетые холуи, но зато все остальные хоть и смеялись или злились, но все же помалкивали.

Это, конечно, не могло не вызывать раздражения, а самых решительных подталкивало на какие-то действия. В ту пору в интеллигенции сложилось странное и нелепое положение: власти требовали покорного соглашения со своими туповатыми благоглупостями, но у самой-то власти не было ни сил, ни уважения к ней в народе, и особенно в его образованном сословии. Над Брежневым открыто насмехались, причем совершенно безнаказанно. Автор в те годы не раз присутствовал на приятельских сбеговках с участием сотрудников высшего партийного руководства или старших офицеров КГБ – пресловутые «антисоветские анекдоты» были там столь же популярны, как и песенки Высоцкого и все прочее подобное. Для такого строгого государства, каким был тогда по инерции

Советский Союз, это было странно. Слабость власти была налицо, и это таило опасность распада.

К тому времени активные деятели еврейско-демократического движения в основном выехали за границу (добровольно или принудительно), другие превратились в хапуг (Рождественский) или прокисли (Лакшин). Но среди оставшихся и сохранившихся нашлись такие, в которых не угасли идеализм и боевитость, и они вовсе не собирались посвятить себя скупке антиквариата. Разумеется, они знали, каковы жены у Брежнева—Суслова и кто их помощники, но вялость и заскорузлость властей им тоже стала невмоготу. Эти горячие честолюбцы, без всякой оглядки на своих «премудрых», вывалили в начале 79-го «Метрополь». Увы, уровень постаревшей «молодежной прозы» оказался через 15—20 лет столь жалок, что никакого отклика среди интеллигенции не вызвал. Произошел политический скандал, и только. Поводом удачно воспользовались деятели «русского фланга», о чем далее.

Как же отнеслись к подобной наглости Андропов и возглавляемое им ведомство? Ведь, по их терминологии, это была чистейшая «идеологическая диверсия», а ведь Пятое управление на то было и создано, чтобы с этим злом бороться, так как же они? Оказывается, они… тайно сочувствовали! О том есть позднее, зато красноречивое признание самого начальника «пятки» Бобкова:

«Наверное, многие хорошо помнят, какая шумиха поднялась в свое время вокруг альманаха «Метрополь». Идея его создания принадлежала группе московских писателей.

До этого, кстати, некоторые из них в соавторстве и самостоятельно при содействии Московского управления КГБ издали неплохие книги о работе московских чекистов.

Интерес к альманаху проявил американский издатель Проффер. За развитием событий внимательно наблюдали сотрудники посольства США.

Против издания альманаха выступило Московское отделение Союза писателей во главе с первым секретарем Ф. Кузнецовым. Он созвал расширенное заседание секретариата, на котором его поддержали человек пятнадцать, в том числе известные писатели, которые говорили о нецелесообразности выпуска альманаха как литературно слабого и в общем несостоятельного. Несколько человек говорили о том, что в альманах включена «антисоветчина», и требовали принять суровые меры в отношении авторов. Все выступления были опубликованы в писательской многотиражке «Московский литератор».

Возглавлявший Союз писателей СССР Г.М. Марков понимал

сложность положения. Требование расправы над авторами «Метрополя» грозило расколом писательского союза, так как содержание альманаха и историю его создания мало кто знал, а потому одни считали, будто люди задумали выпустить хорошую книгу, а КГБ и чиновники запрещают, другие поняли, что это решила проявить себя таким образом новая группа антисоветчиков. Вокруг «Метрополя» закипели страсти.

КГБ еще до заседания секретариата Союза писателей предложил издать сборник. Мы понимали: вошедшие в альманах произведения – далеко не шедевры, а некоторые из них попросту неоригинальны. Но ничего страшного, несмотря на то, что альманах не грешил патриотизмом, мы в нем не находили и были убеждены: читатель сам разберется и сам все должным образом оценит. Мы не собирались вмешиваться, хотели только, чтобы все увидели, чего стоит пущенный кем-то слушок: «КГБ запрещает издание альманаха «Метрополь».

Помню наш двухчасовой разговор в кулуарах Колонного зала, где шла очередная партийная конференция, с Марковым и Кузнецовым. Мы просили не разжигать страсти и издать этот сборник, такой вопрос, считали мы, лучше решить по-писательски. Кроме того, многим и так было понятно, для чего понадобился «Метрополь» и политический скандал вокруг издания.

Однако секретариат правления Московской писательской организации уже вынес решение: «Метрополь» закрыть». Альманах в СССР так и не вышел.

Почему Феликс Кузнецов так смело пошел против Маркова и руководства КГБ, настаивавших на выходе «Метрополя»? Ларчик открывался просто – закрытия издания требовал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома партии В.В. Гришин».

Ясно, что отставной генерал КГБ Бобков, перешедший позже на службу к председателю Еврейского конгресса Гусинскому, немножко лукавил в своих осторожных воспоминаниях, несколько преувеличивая свой «либерализм» и тем паче либерализм своего ведомства и косвенно его главы – Андропова. Но именно «несколько преувеличивал», подчеркнем эти слова! КГБ внимательно следил за сколачиванием «Метрополя», имея среди активистов и вокруг немало осведомителей. Но не только не помешал, но даже осторожно защищал. Почему же? Да только потому, что «метрополевцы» были из либеральных евреев, то есть как бы племянники Арбатова, Бовина и всех прочих из ближайшего окружения Юрия Владимировича. И он уж никак не мог оставаться в неведении о тех острых идеологических делах, о

которых болтала вся Москва и шумели радиоголоса. Нет, верный Бобков, безусловно, действовал с его согласия.

Обратим внимание также на одну краткую, но важную проговорку Бобкова, он относит московского партначальника В.В. Гришина к числу «консерваторов» (а они с Андроповым, значит, «либералы»!). Ко времени издания воспоминаний генерала КГБ больной Гришин уже скончался, выкинутый на унизительную пенсию. Однако с Андроповым у него были и в самом деле не очень ладные отношения. Простоватый советский работяга, железнодорожник из Серпухова, Гришин, действительно, был за Советскую власть и хитросплетений Андропова не понимал и ему подыгрывать никак не хотел. Это вскоре проявилось.

Тут самое время напомнить о «прогрессивном Западе». С конца пятидесятых годов все случаи более или менее острых выступлений еврейско-демократических деятелей получали там шумный и неизменно восторженный отклик. Даже жалкие поделки Евтуха или какого-нибудь Гладилина, чья популярность давно уже выветрилась на родине, даже им создавали по «голосам» ореол борцов и страдальцев. Напротив, русское возрождение и его деятелей замалчивали, а в редких случаях снисходительно похлопывали по плечу. Даже арестованные «христиане-социалисты» в Ленинграде или деятели «Веча» в Москве, действительные «страдальцы» по терминологии «голосов», даже о них упомянули только много лет спустя, когда их роль уже завершилась. Круг деятелей «МГ», часто очень талантливых, не замечали вовсе, и это несмотря на то, что именно их годами поносила официальная идеологическая власть! Нет, не они, а процветающий миллионер Евтушенко или международный делец Любимов объявлялись «русскими» и «гонимыми»! Как видно, борьба за «разрядку» шла согласованно и дружно с обеих сторон.

Несмотря на поношения со Старой площади и с другого берега Атлантики, русское возрождение развивалось и ширилось. На исходе указанного периода появились уже прямые политические выпады с вполне определенными – и высочайшими! – адресами. Хулиган Шевцов выпустил роман «Набат», где значился «вымышленный персонаж» Мирон Андреевич Серов, которого именовали «крупным государственным деятелем», – зашифровка имени Михаила Андреевича Суслова была слишком уж прозрачной. Далее в романе появлялась его супруга Елизавета Ильинична, директор медицинского заведения, которая покровительствовала «сионистам». Реальную супругу Суслова звали именно так, и она много лет возглавляла стоматологический институт. Кажется,

яснее ясного, но… подобной наглости идеологические надзиратели «не заметили», исходя, видимо, из наставления самого Суслова, высказанного им на Секретариате ЦК при снятии Никонова: «не надо привлекать внимание». Шевцов вскоре в другом романе (какое уж там было художественное исполнение, неважно!) изобразил отставного политработника Леонида Брусничкина, явно нехорошего человека, снабженного соответствующей супругой, о герое делались и иные выразительные намеки.

Примерно тогда же появилось стихотворение давнишнего молодогвардейского сотрудника Серебрякова (о качестве поэзии опять не будем говорить) под названием «Черные полковники». Сделав притворную отсылку в сторону Греции и Чили, автор и издатели рискнули напечатать следующие строки: «Домашними любуются муарами и корешками непрочтенных книг и плачут над своими мемуарами, поспешно сочиненными за них», а далее поэт скорбел, что «боевые старые фельдмаршалы при них уже навытяжку стоят». Простенькая маскировка с упоминанием «полковников» во множественном числе никого не могла обмануть, а кроме того, в Греции и Чили, как известно, нет «фельдмаршалов», тем паче «боевых». Стихи заканчивались грозным пророчеством: «черные полковники всегда кончают жизнь как уголовники». И опять Андропов и Суслов все молча проглотили. Почему же? Куда смотрело их всевидящее око?

Теперь известно, что смотрели-то они внимательно и со своей точки зрения делали правильные выводы. Более того, они принимали меры. Но все дело в том, что во второй половине 70-х действия их оказались бессильны: они пытались разбить молодогвардейцев, так сказать, законно-бюрократическим порядком. Здесь следует опять обратиться к истории. Тридцать седьмой год оставил страшный шрам в сознании всех, кто его пережил, даже в молодые годы. Возникла своеобразная боязнь острых и крутых мер, тем паче суровых репрессий – прежде всего из чувства самосохранения. Вот почему всевластные помощники Брежнева очень неохотно шли на резкие решения в борьбе со своими противниками, хотя противники эти наглели с каждым днем.

Положение в идейной борьбе резко обострилось после скандала с пресловутым «Метрополем». (Кстати, авторы альманаха произносили его название с ударением именно на первое «О» – «подземный город», мол, но все называли его по наименованию известного в Москве ресторана, а писатель Олег Михайлов пустил тогда гулявшую по столице остроту: евреи создали «Метрополь», а мы создали «Славянский базар», – тоже

название ресторана.) Писатель Станислав Куняев, известный уже тогда поэт патриотического направления, написал письмо в ЦК, а копию пустил по рукам, что было довольно дерзко. Мы все участвовали в его распространении, в результате через короткое время о нем узнали не только в Москве и Ленинграде, но и многие члены Союза писателей и редакции литературных журналов по всей стране.

В своих известных воспоминаниях сам Куняев рассказывал об этой истории так:

«Выступая против еврейского засилья в культуре и идеологии, я не мог говорить прямо: «еврейская воля к власти», «еврейское засилье», «агенты влияния», а потому мне приходилось использовать обкатанные штампы, в которых основным термином было слово «сионизм». Но умные люди, конечно же, понимали, что смысл моего письма гораздо глубже и гораздо опаснее, нежели заключавшийся в этом к тому времени уже истрепанном клише. И к тому же, дабы партийные церберы (а я знал, что попаду на проработки к ним) меня не сожрали, я не мог не упомянуть в письме знаковое имя «Ленин». «Пусть видит око, да зуб неймет» – так приблизительно думал я, сочиняя письмо. Кстати, всем нам, русским государственникам, за годы перестройки за наши действия и слова 60—80-х годов все косточки перемыли. А моего письма всерьез никто не коснулся. Лишь Аксенов один глухо, сквозь зубы упомянул о нем в «Огоньке» конца восьмидесятых как о «политическом доносе», и молчок. Хотя борьба со мной, как с главным редактором «Нашего современника», велась на полное уничтожение.

Конечно же (к чему лукавить!), мне не было дела до того, что печатают в «Метрополе» Белла Ахмадулина или Инна Лиснянская, Арканов или Розовский, а тем более Попов с Ерофеевым. Но я решил, воспользовавшись их авантюрным ходом, нарушившим правила игры и, возможно, задуманным ими как реванш за дискуссию «Классика и мы», ударить по высшим идеологическим чиновникам ЦК, которых вольно или невольно подставили их любимчики. Я рисковал, но надеялся: а вдруг мне на этот раз все-таки удастся раздвинуть границы нашей «культурной резервации», жизнью которой руководили Зимянин и Шауро, Беляев и Севрук, во имя наших русских национальных интересов? Конечно же, мое письмо было крупным актом борьбы за позиции в русско-еврейской борьбе. Сделав хотя бы часть этой борьбы гласной, я рассчитывал ошеломить недосягаемых чиновников из ЦК, помочь нашему общему русскому делу в борьбе за влияние на их мозги, на их решения, на их политику. Я прекрасно сознавал, что в моем письме наряду с

неопровержимыми фактами и исторической правдой были элементы рискованной политической игры, но я знал, с кем имею дело, и знал, что разговор именно на этом языке для людей такого рода, как Михаил Зимянин или Альберт Беляев, будет понятнее, чем на любом другом».

Письмо Куняева пространно, поэтому процитируем тут лишь наиболее впечатляющие места из него (полностью оно будет опубликовано в приложении к настоящей книге):

«В альманахе „Метрополь“, кроме открытых антисоветчиков, диссидентов и полудиссидентов, выступили весьма известные советские писатели – Аксенов, Искандер, Битов, Вознесенский, Ахмадулина, Липкин, Лиснянская, Арканов, Розовский… Зададимся вопросом: а нем же вызвано их участие в альманахе, их, чьи книги издаются и переиздаются, чьи имена не обделены вниманием критики, кому предоставляются для выступлений самые громадные залы. Кто чаще других говорит, якобы от имени советской литературы, в зарубежных аудиториях».

«Семен Липкин опубликовал в „Метрополе“ стихотворение „В пустыне“, об очередном еврейском исходе.

Идем туда, где мы когда-то были,
чтоб ныне праотеческие были
преображали правнуки в мечты.
Нам кажется, что мы на месте бродим,
однако земли новые находим,
не думая достичь мечты.

Не думаю, чтобы удел «исхода» и смены родины соответствовал сущности советского патриотизма. Однако удивляться нечему, все логично, потому что Липкин еще десять лет назад опубликовал в советской прессе стихотворение «Союз И». Я хорошо помню его главный рефрен: «Человечество быть не сумеет без народа по имени „и“…».

Далее Куняев пишет о поэме казахского поэта-полукровки Олжаса Сулейменова, ярого русофоба и любимца партийного начальства в Алма-Ате. Поэма бездарная и сверхидейная, но с характерным душком. Куняев цитирует:

«Мир был совсем иным в последний час,
в последний час
короткой жизни Ленина.
Приходится порой простые мысли

доказывать всерьез, как теоремы.
Он, гладкое поглаживая темя,
смеется хитро, щуря глаз калмыцкий.
Разрез косой ему прибавил зренья,
он видел человечество евреев…

Изобразить Ленина в образе вождя, поддерживающего сионистские идеи о «человечестве евреев», – это уж слишком! Нет, не таков был он, страстный борец против Бунда и всякого национализма, в том числе и еврейского, сторонник естественной исторической ассимиляции евреев в тех народах, где они живут».

Письмо Куняева в высший орган партии заканчивалось прямыми и резкими выпадами, которые там не часто приходилось слышать:

«Да что говорить о нашей прессе, о наших издательствах, о наших статьях и стихах! Достоевского полного собрания сочинений издать не можем – дошли до семнадцатого тома несколько лет тому назад и остановились в недоумении перед «Дневником писателя», в котором гениальный Достоевский уже фактически сто лет тому назад разглядел цели и суть тогда еще нарождающегося сионизма и писал, глубоко проникая в тайну его могущества: «А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедным, – о, конечно, все это было и прежде и всегда, но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель. Стало быть, недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторю это, они же и властители всей международной политики»… Издание собрания сочинений задержано, и нет особенной надежды, что возобновится, если принимать в расчет нашу уступчивость по отношению к сионизму в области литературы. А о собрании сочинений Блока – я уж и не говорю. Все предыдущие собрания выходили с купюрами, там где Блок касался проблем еврейства и русофобства, – купюр этих около полусотни. Совершенно уверен в том, что собрание сочинений, готовящееся к столетнему юбилею Блока, появится в том же

обрезанном виде. А что же появляется у нас в необрезанном виде? Размышления Гейне, работающие на идею мессианства, на прославление «избранного» народа, на националистическое высокомерие. Вот несколько мыслей из Собрания сочинений (М., 1959 г.).

«Еврейство – Аристократия, единый бог сотворил мир и правит им, все люди – его дети, но евреи – его любимцы, и их страна – его избранный удел. Он монарх, евреи его дворянство и Палестина экзархат Божий».

Или: «Мне думается, если бы евреев не стало и если бы кто-нибудь узнал, что где-то находится экземпляр представителей этого народа, он бы пропутешествовал хоть сотню часов, чтобы увидеть его и пожать ему руку…». Или: «…В конце концов Израиль будет вознагражден за свои жертвы признанием во всем мире, славою и величием»… Что это такое – как не националистически религиозные заблуждения, издавая которые громадным тиражом без комментариев, мы фактически работаем на сионизм, проповедуемый устами Гейне – крупного поэта вообще, но в данном случае маленького обывателя, находящегося в шорах иудаизма. Издание классиков – тоже политика. Но почему в результате этой политики почти расистские откровения Гейне мы популяризируем, а проницательные размышления Достоевского по этому поводу (мирового классика покрупнее, чем Гейне), которые работали бы в борьбе с сионизмом на нас, а не против нас, мы держим под спудом… Почему?

О многом еще можно было бы написать: о русофобстве как о форме сионизма – примеров более чем достаточно, о том, что в самые сложные и трудные, казалось бы, капиталистические страны чаще всего наш Союз писателей посылает людей, кокетничающих с диссидентством, что и подтвердилось фактом появления «Метрополя», о том, что эти люди заботятся не столько о пропаганде советской литературы – сколько о собственной рекламе, о собственных изданиях, о собственной популярности, а за все это приходится платить уступками в самом главном – в сознании своего патриотического долга перед родиной.

Ст. Куняев

февраль 1979 г.».

О «письме Куняева» в тогдашней советской печати не появилось, разумеется, ни строчки, даже намеком. Более того, о нем не любили вспоминать еврейско-либеральные издания даже во времена разгула пресловутой «гласности» – уж больно неприятный для той среды был материал. Ну как объяснить, что проеврейские речения Гейне спокойно переиздавались в стране победившего интернационализма, а неприятные для евреев записи в дневнике Блока неукоснительно изымались при всех публикациях? Трудно было на это ответить даже при самой широкой «гласности». И не отвечали.

Автора письма вызвали для жестких объяснений замзав отделом пропаганды ЦК КПСС В.Н. Севрук и замзав отделом культуры А.А. Беляев. Однако Андропов и его ведомство никаких движений не проявили. Не написал о том в мемуарах и словоохотливый генерал Бобков, хотя, как уже говорилось, о «Метрополе» рассказал много и сочувственно.

Однако очень скоро андроповским людям и ему самому пришлось заняться делом русско-еврейской распри вплотную и основательно.

В конце апреля – начале мая 1979 года в Москве несколько десятков членов Союза писателей получили по домашним адресам размноженное на ротаторе письмо на трех убористых страницах, озаглавленное «По поводу письма Станислава Куняева. Об альманахе «Метрополь». В конце документа стояла подпись «Василий Рязанов», но ни у кого, видимо, не возникло сомнений, что это псевдоним. Вскоре этот же текст был разослан – тоже по спискам Союза писателей – в Ленинграде, а потом в Киеве. Хотя «письмо Рязанова» до сих пор (!) не опубликовано, а тогда о нем никаких официальных упоминаний, даже изустных, не было, о нем узнали, как говорится, «все». В том числе одним из первых и Юрий Владимирович. Работы для него и генерала Бобкова сразу же прибавилось.

Ниже мы процитируем подлинный текст письма и расскажем впервые в печатной литературе о его подлинном происхождении. Пока же посмотрим, как толковали его публицисты – борцы с «Русской партией». Израильские супруги Соловьевы толковали его следующим образом: покровитель «Русской партии» Андропов якобы сам это самое письмо инспирировал. Да, именно так. Этот дикий по своей нелепости вывод нельзя не процитировать:

«В начале 1979 года было отпечатано на ротаторе и послано огромному количеству влиятельных людей из интеллектуальной, военной и партийной элиты письмо за подписью «Василий Рязанов». «Не только в сенате США, но и у нас в Центральном

Комитете существует мощное сионистское лобби, – писал мнимый Василий Рязанов. – Они не позволяют себя атаковать под тем предлогом, что это приведет к антисемитизму, отрицательной реакции общественного мнения и нанесет ущерб политике детанта». Еще через две недели в парадных московских и ленинградских домов у дверей и даже прямо на улицах были разбросаны опять-таки отпечатанные на ротаторе памфлеты, в которых утверждалось, что сионисты захватили контроль над Политбюро, а главным сионистом является не кто иной, как сам Брежнев. Единственными настоящими русскими автор памфлета называл премьера Алексея Косыгина, партийного идеолога Михаила Суслова и ленинградского партийного босса Григория Романова».

Израильские Соловьевы издавали свою памфлетную книжку сугубо для западного читателя, его-то нетрудно было обмануть. А дело в том, что в «письме Рязанова» имена Брежнева, Косыгина, Суслова и Романова вообще не упоминались. Соавторам такая придумка была нужна для выполнения главной задачи: Андропов – тайный вождь «Русской партии». Так и написано:

«Сам Андропов, который к тому времени был уже членом Политбюро, в памфлете, естественно, упомянут не был – шеф тайной полиции был не настолько наивен, чтобы выдавать происхождение этих подметных листов. Однако именно отсутствие Андропова среди «положительных» членов Политбюро могло бы выявить его соавторство этих листовок, но и для того, чтобы это понять, нужен достаточно сложный интеллектуальный ход, как у шахматиста либо даже просто заядлого любителя детективных романов, и, несомненно, именно Андропов – единственный из членов Политбюро – на такое прочтение антибрежневского памфлета был бы способен, но сам он рассчитывал на более примитивных читателей из Политбюро, которых уже успел досконально изучить, поэтому и маскировался самым грубым образом, им под стать». Как говорится теперь, «без комментариев».

Более осторожно толковал «письмо Рязанова» либеральный публицист И. Минутко в своей уже упоминавшейся книге об Андропове. У него схема несколько посложнее: Андропов, дескать, был действительным создателем «Русской партии», но только в своих целях борьбы за власть, чтобы использовать ее против Брежнева. У Минутко этот эпизод развернут в целую веселую сцену, ее даже забавно процитировать, кое-что правильное там подмечено:

«В январе нового 1979 года все-все русские люди, которых «общественное мнение» (в принципе не существовавшее в

Советском Союзе как действенный, влияющий на политику фактор) причисляло к элите – интеллектуальной, партийной и военной, в одночасье обнаружили в своих почтовых ящиках письмо, отпечатанное на ротаторе и подписанное никому не известным Василием Рязановым. Суть письма сводилась к следующему: в Центральном Комитете КПСС – как в сенате США – существует мощное сионистское лобби, поддерживаемое главой государства. Здоровые русские силы в ЦК и других высших партийных органах в борьбе с сионистами парализованы, так как с самого верха спущен довод: эта борьба может якобы развязать антисемитизм в стране, что, в свою очередь, остановит процесс сближения с Западом, прежде всего в области экономики, а без этого сближения, опять же якобы, мы уже не можем обойтись. «Что, – восклицал Василий Рязанов, адресуясь к патриотическим чувствам национальной русской элиты, – у России нет своих ресурсов, специалистов, идей, людских резервов, чтобы наша экономика могуче и бурно развивалась?»

Не прошло и двух недель, как не только взбудораженная Москва, но и вторая северная столица государства, Ленинград, были засыпаны памфлетом, опять-таки отпечатанным на ротаторе, – он появился в почтовых ящиках уже рядовых советских граждан, в подъездах домов, в студенческих общежитиях, на станциях метро. В памфлете утверждалось: сионисты поставили под контроль Политбюро, а верховным сионистом там является не кто иной, как сам Леонид Ильич Брежнев. Есть в Политбюро лишь три русских человека, отстаивающие интересы Отечества: премьер Алексей Косыгин, коммунистический идеолог Михаил Суслов и руководитель коммунистов Ленинграда и Ленинградской области Григорий Романов».

Как видим, и Минутко не читал подлинного текста «письма Рязанова», а выдумки Соловьевых повторил (его книга вышла уже через несколько лет после соавторов). И еще отметим одно очень важное обстоятельство для правильной оценки литературы об Андропове: в подробной биографии его, написанной Роем Медведевым, эпизоде «письмом» не упомянут вообще. Странно, ибо некоторые публикации о тех делах ко времени выхода его книги уже появились. Нет, этот документ для всей проеврейской публики совершенно неудобоварим. Ввиду его очень большого политического значения, а также тех последующих действий, которые незамедлительно начал Андропов, его следует привести полностью, а потом разобрать содержание.

Подлинный текст документа этого сохранился в нашем архиве. Вид его весьма невзрачен: плохая бумага, плохая, с

опечатками, машинопись, небрежно выполненная работа на ротаторе (видимо, старая машинка попалась). Зато содержание «письма» имеет поистине важное значение для политической борьбы тех лет.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА СТАНИСЛАВА КУНЯЕВА ОБ АЛЬМАНАХЕ «МЕТРОПОЛЬ»

Очень жаль, что право первого выстрела мы галантно предоставляем противнику, а сами потом только реагируем, часто уже после того, как случилось что-нибудь непоправимое, и остается лишь оплакивать безвозвратно потерянное. Не составляет исключения и открытое письмо С. Куняева по поводу альманаха «Метрополь»: тов. Куняев говорит, что если бы ему раньше было известно об этом альманахе, он и в публичных выступлениях высказывался бы более определенно и четко о той нездоровой ситуации, которая сложилась в наших творческих организациях и в органах массовой информации, и о тех людях, чьими усилиями эта ситуация создается. Хорошо, пусть об альманахе «Метрополь» тов. Куняев не знал, но ведь многие другие факты из той же серии были ему отлично известны, и о них он не молчал: например, те же самые безобразные «Воспоминания о Багрицком», о которых говорится в письме, С. Куняев открыто громил с трибуны ЦДЛ еще на знаменитом диспуте 21 декабря 1977 года и уже тогда навлек на себя гнев могущественной мафии. Однако, опасаясь прогневить эту мафию еще больше, С. Куняев не развил свою мысль и тем ее обесценил и ославил. Ведь одно дело привести частный факт, от которого легко отмахнуться именно как от частного, нетипичного факта, другое дело – собрать массу подобных фактов и показать, что речь идет вовсе не о каких-то случайных неполадках, а о системе, о непрерывном целенаправленном действии, об определенной политической линии.

Никто не бросит в Куняева камень за то, что он не решился назвать вещи своими именами, сегодня многие боятся открыто выступать против вышеупомянутой мафии, часто имея преувеличенные представления о ее возможностях. Впадать в панику и запугивать самих себя не следует, но благодушествовать тоже нельзя. Существующую опасность нужно видеть в истинном

масштабе и стараться пресекать ее во всех ее проявлениях, сколь бы незначительными они ни казались, и главное – понимать связь событий и их истинный смысл.

Альманах «Метрополь» обсудили и осудили келейно, не вынося сор из избы литераторов. Западные радиостанции вопят о том, что будто авторов «Метрополя» в СССР больше не будут печатать. Куда там! Если мы возьмем журнал «Юность» №3 за 1979 год – пожалуйста! А. Арканов преспокойно публикуется, хотя номер подписан к печати 21.11.1979 г., когда отношение Союза писателей к «Метрополю» было уже четко определенное. Возьмем журнал «Веселые картинки» № 4 за 1979 год – и станет совсем невесело от того, что на его страницах продолжает подвизаться профессиональный духовный растлитель малолетних Г. Сапгир. Возьмем газету «Правда» от 15 апреля 1979 года и обнаружим, что в литературном обозрении А. Бочарова центральное место занимает восхваление романа Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов», хотя каждому дураку понятно, что роман написан, разумеется, не о николаевской эпохе. Тот же самый А. Бочаров, кстати, снабдил хвалебным предисловием насквозь сионистскую статью Шубинова (Шуб) в журнале «Литературная учеба» № 1, 1978 г.

Происходят фантастические вещи. По сценарию известных фантастов с пахучим подтекстом братьев Стругацких режиссер А. Тарковский снял фильм, который вызвал скандал в отделе культуры ЦК КПСС. И что же? Теперь этот фильм послан на Каннский фестиваль и, надо полагать, получит премию.

На премии трубадурам сионизма не скупятся и у нас. Совсем недавно получил государственную премию А. Вознесенский – и сразу же «отблагодарил» за нее участием в «Метрополе». Неужели тем, кто распределяет премии, не было ясным политическое лицо Вознесенского? Оно ведь ясно уже давно. Вознесенский его не скрывает. С трибуны, услужливо предоставленной ему Центральным телевидением, он объявил «великим русским художником»… Марка Шагала. Почему, спрашивается? Все творчество Шагала насквозь пронизано еврейскими национальными мотивами. Большую часть жизни он прожил за рубежом. Что в нем русского? Только то, что он родился в России?

Родились в России и Менахем Бегин, и Голда Меир…

Главный редактор «Литературной газеты», член ЦК КПСС А. Б. Чаковский – лауреат всех мыслимых премий. Как объяснить, что из его редакции уже уехало в Израиль с полдюжины человек, и теперь Перельман издает журнал «Время и мы» в Иерусалиме, а Суслов (Шифрик) – альманах в Париже? Оба они опубликовали восторженные воспоминания о порядках, царящих в «Литературной газете», редактор ее омерзительной 16-й страницы А. Брайнин однажды в ресторане «Славянский базар» остановил оркестр и провозгласил на весь зал голосом победившего оккупанта: «Русь, сдавайся!»

В печати, кино, на телевидении, в театре – везде одна и та же картина. Вот уже много лет безнаказанно похабит русскую классику А. Эфрос, театр Вахтангова ставит пьесу антисоветчика А. Гладкова «Молодость театра», А. Митта издевается над Россией в кинофильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», а артист З. Высоковский – с эстрады и экранов телевидения.

Недавно подал на выезд в Израиль известный социолог Шляпентох, проводивший свои исследования по мандату «Правды», подписанному ее тогдашним редактором М.В. Зимяниным. И сам Шляпентох, и его жена, сотрудники Института нефтехимии, имели доступ к секретным материалам. Тем не менее могущественные силы добиваются выезда Шляпентоха, а в № 9 «Вопросов литературы» за 1978 год о нем была напечатана хвалебная статья уже после подачи им документов на выезд.

В прошлом году был осужден на 8 лет за антисоветскую деятельность один из вождей диссидентов А. Гинзбург. На Западе вокруг этого процесса был поднят страшный шум, в то время как наша пресса, по прямому указанию идеологических органов, хранила гробовое молчание. Между тем, даже в диссидентских кругах ходят по рукам документы, подписанные людьми, «диссидентская честность» которых вне подозрении, обвинявшие Гинзбурга в злоупотреблениях т.н. «фонда Солженицына». Факты этих злоупотреблений были вскрыты на процессе, однако они почему-то не стали достоянием советской общественности. Те, кто очень сильны, видать, не заинтересованы в моральной дискредитации Гинзбурга, кому-то нужно, чтобы Гинзбург сохранил ореол героя и

мученика.

Что происходит? Впрочем, все видят, что происходит. Вопрос нужно ставить иначе: почему такое происходит? И пора дать четкий и ясный ответ на этот вопрос. Это происходит потому, что в аппарате ЦК КПСС существует могущественное сионистское лобби, покрывающее неблаговидную деятельность сионистской агентуры в СССР и не позволяющее ее пресекать под тем благовидным предлогом, что это, дескать, вызовет обвинения в антисемитизме, отрицательную реакцию «мирового общественного мнения» и нанесет ущерб разрядке.

Неужели никого ничему не научил пример Чехословакии? А ведь у нас теперь «Чехословацкая партия» разыгрывается с точным повторением ходов. Ядром разложения становится Союз писателей. Не хватает только советского Гольдштюккера, затем гниение распространяется на средства массовой информации, на органы, ведающие идеологией, и наконец, последний рывок – захват в свои руки главных постов в партии и государстве. Этого дожидается ЦК КПСС? Если по-прежнему будет подражать в своей политике страусу, то дождется этого.

Можно назвать и конкретных лиц ваппарате ЦК, прикрывающих деятельность сионистско-диссидентских групп. Это, прежде всего, Севрук Владимир Николаевич – зам. зав. отделом пропаганды ЦК, и Беляев Альберт Андреевич – зам. зав. отделом культуры ЦК. Севрук сделал стремительную карьеру, и теперь под его контролем находится вся печать. Именно он отвечает за цензуру, предоставляя страницы печати диссидентствующим авторам. Севрук не оставляет благодеяниями и своих родных. Так, например, он добился включения в список кандидатов на получение Гос. премии за программу «Время» собственной жены. Беляев в свое время был за что-то исключен из мореходного училища. Возможно, таящийся с тех пор в Беляеве комплекс мести сделал его покровителем диссидентов и их творческих союзов. Возможно, какие-то иные стимулы. Так или иначе, если пресекать это, то надо начинать с этих двух лиц, и начинать надо немедленно: это священный долг всех тех, кому дороги интересы нашей страны, интересы социализма и братства народов.

Еще один наглядный пример преступной деятельности сионистской мафии. На общем собрании АН СССР забаллотировали работника аппарата ЦК чл.-корр. С. Трапезникова. Нанесено публичное оскорбление партии. С академической трибуны фашист и сионистский лакей А. Сахаров безнаказанно обливает грязью работника ЦК. Сахарова поддержал другой сионистский выкормыш академик Кедров Б., провалив честного коммуниста С. Трапезникова. Академия избирает своим членом Е. Примакова, примазавшегося к науке проходимца. Чья темная рука делала Примакову ученые степени и рекламу специалиста – «востоковеда» и «политика»? Его идейная позиция проста – предательство палестинцев во имя сделки с сионизмом. Последние события в АН СССР свидетельствуют о полной капитуляции нашего высшего ученого форума перед злейшим классовым врагом – сионизмом.

Интересы безопасности нашего государства, чистота классовых принципов общества и коммунистической идейности требует от всех нас: пора покончить с положением, когда сионистская агентура, делая ставку на «верхушечный переворот», стремится парализовать работу идеологических учреждений, захватывает руководящие посты в партийном и государственном аппарате, в учреждениях науки и культуры, в средствах массовой информации, применяя лицемерие, обман, подкуп, пугало антисемитизма и дискредитацию идейно стойких коммунистов и патриотов. КПСС призывает советских людей крепить коммунистическую идейность, активную, духовную и жизненную позицию. Настало время положить конец равнодушию и безразличию к «делам», творимым сионистскими эмиссарами и их пособниками.

Чехословацкие события не должны повториться в нашей стране! Бдительность! Бдительность! И еще раз бдительность! Нет – вторжению без оружия! Долой ползучую контрреволюцию!

Василий Рязанов

1979 год

Итак, вот подлинный текст знаменитого «письма», публикуемый в полном виде, повторим уж, впервые. Кто же такой

«Василий Рязанов» и как возникло его письмо? Об этом непосредственные его составители до сих пор не рассказывали никому и никогда. Но время пришло, а автор этой книги как раз одним из составителей и был.

Где-то в середине апреля 1979-го у меня на кухне мы совещались с историком Анатолием Михайловичем Ивановым. Поскольку вскоре он также стал одним из важных подопечных Андропова, то о нем скажем несколько слов. Окончив истфак МГУ, он опубликовал интересную работу о славянофилах, которая попала в поле зрения гуманитарной общественности. Потом принял участие в группе «русских революционеров» Владимира Осипова, но в лагерь не попал, его некоторое время продержали в психушке, потом выпустили, естественно, под надзор. Работая скромным переводчиком, он много писал в русский «самиздат», в том числе в журнал «Вече». Был он патриотом несколько нацистского толка, отрицал христианские ценности (вслед за известным В. Емельяновым повторял: иудаизм – религия господ, христианство – религия рабов). Он был очень образованный и дельный человек, мы с ним общались по взаимным интересам.

Тогда-то мы решили углубить и усилить письмо Куняева, направив его из литературного русла в политическое. Вялая реакция властей на его выступление прямо-таки соблазняла нас на это. Составили и очертили круг вопросов, он исходил преимущественно от меня, ибо подробности про ответственных работников ЦК Севрука и Беляева или кто подписывал командировочные удостоверения Шляпентоху можно было узнать только из очень высокого источника. Сам текст письма составил позже Иванов. Мы решили разослать его московским писателям, причем не нашим, а «ихним» (наши, мол, получат от нас – так позже и произошло). Для распечатки более сотни экземпляров Иванов привлек отставных военных, самым деятельным был бывший летчик полковник Сушилин. Он дописал три последних абзаца, явно отличных своим дуроломно-партийным слогом от текста Иванова.

Удар был направлен верно – в нервные волокна тогдашнего идеологического организма; не к студентам же обращаться или обитателям рабочих общежитий? Чуть позже по моей просьбе Марк Любомудров провел в меньшем масштабе такую же операцию в Ленинграде – по тому же списку (мы очень смеялись, что первым получил такое послание Даниил Гранин, тогда секретарь Союза писателей и член обкома). Затем через журналистку Татьяну Меренкову, ныне уже покойную, это письмо было распространено всего лишь в дюжине конвертов в Киеве

местным писателям, тамошние балбесы нас, конечно, не интересовали, но сделано было для «массовости». На этом и ограничились.

Успех предприятия был грандиозен, о «Рязанове» говорили все идеологические круги Москвы и Ленинграда. Андропов тут же велел отыскать авторов, но все причастные к операции были молчаливы. Тогда люди из КГБ стали проверять машинописные бюро в «подозрительных» изданиях – журнале и издательстве «Молодая гвардия», «Нашем современнике», «Человеке и законе», где-то еще, никаких следов, разумеется, не нашли. Операция, как мы считали, увенчалась полным успехом. Но мы недооценили упорства и настойчивости Андропова и не знали, что одной из его тайных и важных целей было именно подавление в зародыше русского сопротивления и возрождения.

Да, небывалое время настало в стране, где в центре столицы высились памятники Марксу и Свердлову! Конечно, русское движение той поры лишь по традиции связывать с именем «Молодой гвардии», масштабы его необычайно расширились, захватывая все новые и новые центры, расширяя темы. Например, так называемая «борьба с сионизмом» была начата по указанию Старой площади после позорного поражения арабов в 67-м. Мера намечалась как сугубо внешнеполитическая, на вывоз, так сказать. Выпущенный этот джинн быстренько перекинулся на сугубо внутренние темы, а начавшаяся массовая перекочевка в Израиль многое прояснила. Вышла в серии «ЖЗЛ» книга физика Тяпкина о Пуанкаре, где открыто и доказательно разоблачался всемирный миф об Эйнштейне. Это было уже покушением на самые святыни!

Если подобное происходило в жестко опекаемой советской печати, то что же тогда говорить про изустные выступления! Открыто обсуждались жены и помощники, масонство в прошлом и настоящем, происхождение и наследство русской революции. Предсказания и озарения прошлого, догадки проницательных современников получали подтверждение на прочном фактическом материале. Со второй половины 70-х густо пошел по рукам русский «самиздат» (не так давно он был исключительно еврейским). Некоторые тексты оказали огромное воздействие на общественность и разошлись по Руси во множестве копий. Там замелькали имена видных деятелей с прямыми обвинениями в русофобии. А тут еще перешел в православие бывший революционер Солженицын, а потом и в зарубежье затеплились слабенькие русские огоньки. Казалось, русское возрождение вот-вот одержит победу в России. Так, во всяком случае, полагали многие участники движения.

Они ошиблись.

Намучившись со всякого рода комиссиями и бесплодными разбирательствами, ведомство Андропова решилось наконец на крутые меры. Подталкивало их, помимо прочего, слабое здоровье правителя и отсутствие у него (тогда!) законного и подходящего преемника. Мешкать было нельзя, противники все как на ладони, а способ борьбы есть, старый и надежный. Опыт т. Ягоды, большого знатока и опекуна литературы и искусства, не пропал даром. Без всяких там копаний в законах или партийном уставе однажды среди бела дня выкинули из руководящих кабинетов нескольких деятелей «МГ». Не хлопотали комиссии, не уточнялись «формулировки» – вышвырнули, и все, а «народ», как ему и положено, «безмолвствовал». Этого оказалось довольно. Потеряв видимую перспективу и надежды на успех, русское возрождение развалилось. Конечно, остаточные публикации еще выходили в 81—82 годах, они появятся и позже, но… то уже было чисто культурное явление, а не политическое.

Все было кончено.

Черновую работу выполняли оперативники Андропова во главе с Бобковым, но начальные шаги политического порядка предпринял он сам. Об этом есть только одно более или менее определенное свидетельство – мемуары того же А.Н. Яковлева. Он пишет, вспоминая события двадцатилетней давности, когда он еще оставался послом в Канаде и лишь мечтал о возвращении в Москву: «В самом начале 1981 года неожиданно был снят с поста главного редактора «Комсомольской правды» Валерий Ганичев. Никаких объяснений по этому поводу не последовало. Я имею основания предположить, что самому Ганичеву причины данного решения были объяснены достаточно недвусмысленно. В апреле того же года освободили от работы главного редактора журнала «Человек и закон» Семанова. Причем еще 18 апреля заведующий отделом пропаганды ЦК Тяжельников внес предложение о награждении Семанова орденом Трудового Красного Знамени в связи с пятидесятилетием со дня рождения, а через три дня срочно отозвал наградные документы.

О причинах снятия Семанова также ничего не было сказано. Но в партийных кругах шли разговоры о том, что Ганичев и Семанов, кроме редактирования своих печатных органов, занимались и побочной деятельностью, никак не вязавшейся с их положением в номенклатуре. Время от времени они собирались со своими единомышленниками и «прикидывали» организационные формы изменения в руководстве страны, говорили о необходимости «сильной руки» и наведения порядка. Во время моего очередного отпуска я зашел к Андропову по

кадровым делам его ведомства. Он сообщил мне, что арестован автор книги «Осторожно: сионизм», естественно, за антисоветскую деятельность.

– Он из той же категории людей, о которых вы писали в своей статье в «Литературной газете», – добавил Юрий Владимирович. Звучала эта информация как запоздалая поддержка моей, теперь уже давней, статьи».

Яковлев, как всегда, лукавит, Андропов тайно ему сочувствовал всегда, но мы теперь сами проясним, как прошла данная операция на самом деле. Начнем издалека.

…В декабре 1967-го в Ленинграде судили четырех руководителей «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа» (известный ныне «ВСХСОН») И. Огурцова, Е. Вагина и других. В марте следующего года устроили уже огромное судилище, на скамью посадили аж 17 человек – таких процессов не было после 1952 года. Андропов тогда еще только принял «органы», вряд ли роль его в этом деле была решающей. Однако он, как водится, написал записку на Политбюро, очень осторожную, без всяких далеко идущих политических выводов.

Позже, видимо, все более и более входя в свои далеко идущие политические планы, он начинает обращать внимание на идейное движение «русистов». Итогом этих его трудов и размышлений стала принципиальная политическая записка на Политбюро от 28 марта 1981 года. Поводом послужило обстоятельство вроде бы отнюдь не катастрофическое для государства Советов. Скромный научный сотрудник А. Иванов запустил в «самиздат» несколько своих сочинений (ему уже раньше приходилось иметь дело с «органами», но «перестроиться» он не пожелал). Теперь, оглядываясь назад, видно, что это было нечто довольно скромное в смысле «идеологической диверсии». Ну, Политиздат не взял бы те рукописи, но очень уж страшного в них не было, и худшее в идейном смысле гуляло тогда по рукам. Но люди Андропова дознались о причастности того к «письму Рязанова». Из Иванова решили сделать принципиальное «дело» и раздуть его. Вскоре он был арестован. Итак, цитируем принципиальную, самую важную часть андроповского доклада на Политбюро. Тут пахло серьезным, последствия оказались значительными. Цитируем (журнал «Источник», 1994, № 6):

«В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя „русистами“. Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской

деятельностью. Развитие этой тенденции активно подстрекается и поощряется зарубежными идеологическими центрами, антисоветскими эмигрантскими организациями и буржуазными средствами массовой информации. Спецслужбы противника усматривают в ней дополнительную возможность для подрывного проникновения в советское общество. Серьезное внимание этой среде уделяют официальные представительства капиталистических государств в СССР. Заметную активность, в частности, проявляют посольства США, Италии, ФРГ, Канады. Их сотрудники стремятся иметь контакты среди так называемых „русистов“ с целью получения интересующей информации и выявления лиц, которых можно было бы использовать во враждебной деятельности. Согласно документальным данным, противник рассматривает этих лиц как силу, способную оживить антиобщественную деятельность в Советском Союзе на новой основе. Подчеркивается при этом, что указанная деятельность имеет место в иной, более важной среде, нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя в глазах общественного мнения так называемые „правозащитники“.

Изучение обстановки среди «русистов» показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организационную форму.

Опасность прежде всего состоит в том, что «русизмом», т.е.демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за «спасение русской нации», прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя».

Затем разговор в пространной записке зашел вдруг обо мне. Потому «вдруг», что был я лояльным членом партии, твердо полагая, что в России хватит революций, а надо действовать мирно изнутри, осторожно подталкивая власти к постепенным преобразованиям. Речь шла о многоукладной экономике, сильном послаблении в печати, отказе от наступательной имперской политики. В принципе, мы нащупывали те пути, по которым позже пошло новое руководство Китая. При осторожных выражениях особую политическую крамолу тут «пришить» было бы довольно трудно. А вот марксистски-интернационалистическую идеологию я публично поносил в устном виде и поелику возможно – в виде печатном. Ничего, сходило с рук, ибо русско-патриотическая идея уже крепко вкоренилась в «массы».

Поясним: отнюдь не в рабочих или студенческих общежитиях обитали эти «массы» – там безоглядно парили футбол-хоккей и

детективы. И не в широких слоях средней интеллигенции, которые всегда составляли в России основную часть читателей периодики, но почитывали они тогда «Новый мир» и «Литературку». Нет, мы сознательно ставили цель добраться до души среднего партработника, служащего, чиновника правоохранительных органов, офицеров и генералов армии. Когда добирались до них, имели ощутимый гражданский успех.

То было уже, действительно, целое движение. Примерно так же полагали в ту пору многочисленные мои друзья и единомышленники, кроме (как теперь мне очевидно и о ком я когда-то расскажу) сексотов, к нам засланных от предусмотрительного Андропова. Итак, цитируем тот же документ:

«В настоящее время и главный редактор журнала „Человек и закон“, член КПСС Семанов С.Н. в своем окружении распространяет клеветнические измышления о проводимой КПСС и Советским правительством внутренней и внешней политике, допускает злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства. По оперативным данным, он пропагандирует необходимость борьба с государственной властью и заявляет, что кончился „период мирного завоевания душ. Наступает революционный период… Надо переходить к революционным методам борьбы… Если мы не будем сами сопротивляться, пропадем“. Вокруг Семанова группируются лица, которые либо разделяют его взгляды, либо не дают ему по разным причинам достойного отпора.

В связи с изложенным представляется необходимым пресечь указанные враждебные проявления с тем, чтобы предупредить нежелательные процессы, которые могут возникнуть в результате деятельности антисоветских элементов, прикрываемой идеями «русизма».

Учитывая эти обстоятельства, Комитет госбезопасности имеет в виду привлечь к уголовной ответственности Иванова А.М. Что касается Семанова, то представляется необходимым рассмотреть вопрос об освобождении его от должности главного редактора журнала «Человек и закон». Решение о его уголовной ответственности будет принято в зависимости от хода следствия по делу Иванова. Одновременно предполагается осуществить профилактические мероприятия в отношении их единомышленников, не склонных к разоружению, и лиц заблуждающихся».

Записка, повторим уж, была помечена грифом «совершенно

секретно», с нею ознакомились, как видно из публикации, только несколько членов Политбюро и Секретарей да их непосредственные делопроизводители. Эти люди давно научились хранить тайну. Конечно, через продолжительное время слухи по Москве поползли, но в годы застоя этих слухов ходило видимо-невидимо.

Что же случилось? Почему редактор популярного, но совсем не чиновного издания оказался под таким ударом? Первое объяснение бросается в глаза: борьба «органов» с «русизмом». Так все и поняли. Замечу, кстати, что приписанная мне цитата является не моими подлинными словами, а извлечением из донесений сексотов (с молодых лет терпеть я не мог «революционных методов борьбы»). Удар в мою сторону по «русистам» был уже не первым.

В декабре 1980 года без всяких объяснений выгнали с поста главного редактора «Комсомольской правды» В. Ганичева, моего давнего друга и соратника. Тоже за русофильство? Тоже, да не только… Борясь за наведение порядка в стране, мы, оказалось, влезли в самые тонкие кремлевские интриги, где главным действующим лицом стал Андропов.

Ну, об интригах Андропова – в следующей главе, а теперь в последний раз вернемся к сюжету о «русистах» в изложении Минутко. Он цитирует последний раздел записки Андропова на Политбюро, а потом сообщает некоторые подробности. В общем и целом они довольно достоверны:

«…В связи с изложенным представляется необходимым пресечь указанное враждебное проявление, с тем чтобы предупредить нежелательные процессы, которые могут возникнуть в результате деятельности антисоветских элементов, прикрываемой идеями „русизма“.

Этот недвусмысленный документ, в котором Юрий Владимирович Андропов совершил оборот вокруг оси на сто восемьдесят градусов, закрепил уже проделанную органами государственной безопасности «работу» по разгрому остатков Русской партии: в декабре 1980 года без всякой мотивации был снят со своего поста главный редактор газеты «Комсомольская правда» (Ганичев, убежденный «русист» по терминологии Андропова); тогда же были сняты со своих постов директор издательства «Современник» (Прокушев) и его главный редактор (Сорокин) – «за ошибки, допущенные в формировании плана по выпуску книг, освещающих историю России».

Уже после записки, на которую члены Политбюро во главе с

Брежневым реагировали паническим молчанием, последовали – руки развязаны – следующие акции: за публикацию в журнале «Наш современник» статей воинствующих «русистов» В. Кожинова, А. Ланщикова, С. Семанова, В. Крупина с изрядным душком антисемитизма были уволены два заместителя главного редактора журнала Викулова (сам редактор уцелел на своем посту, но соответствующие выводы ему предстояло сделать); за действительно прекрасную статью в журнале «Волга» М. Лобанова, посвященную прелестям сталинской коллективизации, в которой – впервые в СССР – ставились под сомнение некоторые идеи Ленина, – за все эти «преступления» был немедленно смещен со своего поста главный редактор провинциального журнала «русистов» Палькин, что тут же обрекло это издание на читательское забвение; в апреле 1981 года был освобожден от занимаемой должности – тоже без всяких объяснений и церемоний – главный редактор журнала «Человек и закон» Семанов…

Так-то, господа «русисты»! Теперь другим неповадно будет.

Русская державная идея до поры – она бессмертна – ушла в подполье, и от ее козней и соперничества к началу 1982 года в борьбе за верховную власть председатель КГБ теперь был гарантирован».

Что ж, мы, участники тех драматических событий, с такими оценками, в общем-то, согласны. Андропов к началу восьмидесятых годов полностью разбил то начавшееся в Советском Союзе «русское возрождение», которое первоначально родилось еще в середине шестидесятых вокруг «Молодой гвардии» и «Русского клуба». Для нас это стало временным поражением. А Андропов в своей начавшейся борьбе за власть в стране отодвинул с идеологической сцены те силы, которые могли духовно вооружить его возможных противников из патриотически настроенных кругов в Партии и Вооруженных силах. И в «правоохранительных органах», могли бы мы добавить. Ибо популярность там журнала «Человек и закон» и, в частности, его главного редактора была достаточно высока.

Важнейший вопрос в оценке наследства нелюбимых Андроповым «русистов» есть вопрос практический: могли их идеи победить? Ну, говоря прямо, оказаться компасом у руля великой идеократической страны? Или это было безнадежной игрой, авантюрой, заранее обреченной на поражение?

Как ни странно, вопрос этот не так уж прост. Обратимся сперва к самому зыбкому и ненадежному источнику – голосу «третьей волны». Там по этому поводу высказались такие столпы, как Агурский, Синявский, Эткинд, Янов, а также многие иные.

Мнение их единодушно: «русская партия» (так они именовали наш круг) «рвалась к власти» и чуть-чуть ее не захватила. Ясно, что это преувеличение, причем очевидное. По понятным причинам, нужно было пугать «прогрессивную общественность», а также давать материал для компрометации деятелей «МГ» в ведомствах Суслова и Андропова. Что с успехом и делалось, причем не без очевидных подач из Москвы. Ну, а как же было на самом деле?

Политическое наступление «молодой гвардии» шло двумя путями. Во-первых, сами они упорно пробивались вверх. Рассматривая итоги, бросается в глаза огромное расстояние в чиновном смысле между постами, которые занимали «русисты» в пик их успехов, и высшими кабинетами Власти. Никто из них не стал ни министром, ни, тем паче, завотделом ЦК. Кажется, все ясно, но нет: реальные-то политики знали, что большинство министров и завотделами ровным счетом никакого влияния на политику не имеют. Нет, громадность расстояний тут кажется лишь при поверхностности взгляда, ибо в брежневскую эпоху видимая власть настоящей силы не имела, невидимая же, то есть подлинная, укрывалась совсем не на номенклатурно-верхнем уровне. Некоторые деятели вот-вот должны были перейти в тот, подлинно решающий уровень. То, что они туда не перешли, несчастливая для них случайность, «счет не по игре», их подсекли уже у самых ворот. Но… «все могло быть иначе», а что случилось бы тогда?.. Ну, это уже область футурологии.

Во-вторых, «молодая гвардия» свою главную ставку делала на просвещение верхов (точнее – «подверхов»). Здесь была обширная и благоприятная среда: все, кто не сподобился жениться брежневским образом и не облучен влиянием «премудрых», то есть громадное большинство правящего сословия, оказались чрезвычайно восприимчивы к идеям народности, порядка, традиционности, неприятия всякого рода разрушительного модернизма – все это соответствовало настроениям основной части послесталинского поколения Власти. Большинство русской интеллигенции в 70-е годы осталось так или иначе в русле космополитического либерализма. Однако адресат наш в ту пору был политически правилен: минуя основные круги интеллигенции, мы обращались к средним слоям Партии, а также Армии и Народу. Кстати, в кругах Армии и Народа идеи наши – если доходили туда! – встречали полное одобрение: там меньше влияла марксистская догма. О, прицел был верным, а успех мог оказаться решающим!

Андроповские «русисты» хорошо понимали, что такое марксистский «социализм», но рычаги огромного и сильного

государства – разве это не преобразующая сила, если она направлена во благо? Демонтаж «социализма» в российских условиях чреват страшными потрясениями. Понимая это, «молодая гвардия» мечтала о сильной и спокойной «революции сверху», чтобы не дать разгуляться страстям и погубить Россию, как это уже произошло в феврале 17-го. Они, люди образованные и опытные, видели недостатки западных демократий: очевидное всевластие денег и тайную роль «премудрых», социальные конфликты, «свобода» для гангстеров и порнографии, безнаказанность педерастов или «красных бригад», многое другое. Так нельзя ли избежать всего этого и попытаться перейти в подлинное царство справедливости и добра, минуя то, что именуется «капитализмом»?..

Лишь история ответит на вопрос, было ли это утопией…

Подведем же итог первого этапа «русского возрождения» при Андропове. Да, в начале 80-х закончился исторически очень важный период в духовной жизни – попытка излечить чужеродную марксистскую заразу изнутри, законными и открытыми действиями, осторожным подталкиванием властей предержащих в направлении отечественного патриотизма и свободного от догм социально-политического развития. Рассказывают, что один из ветеранов когда-то пошутил, что так видел свой долг русского интеллигента: перевести марксизм с иврита на русский язык… «Перевод» не удался, как это теперь обнаженно ясно, а непрошеных переводчиков разогнали куда следует.

Как говорится, попыток не убыток. В тысячелетней истории великой России это лишь эпизод, хотя и примечательный. Нет сомнений: русское возрождение неодолимо, оно будет произрастать вновь и вновь в разных обличьях, пока жив народ и не забыто его блистательное культурное наследие. К изумлению профессиональных русофобов и многих отчаявшихся русских, мы утверждали: карканье о скорой гибели русского народа преждевременно.

Тайна пятая
ЕЩЕ ОДНО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Андропов всегда был снедаем острым честолюбием. С годами оно только усиливалось, ибо правящая верхушка Советского Союза все более физически дряхлела, а главное – стала состоять из совершенно уже полнейших ничтожеств. Недаром они всеми теперь забыты и никто их даже не поминает – нечего и вспомнить. Но у него была одна главнейшая слабость – Андропов был шефом КГБ, наследника ленинской ВЧК, а оттуда никогда еще в Генеральные секретари люди не приходили. Напротив, был один случай совершенно противоположный – способный и честолюбивый интриган Берия попытался сам себя сделать Генеральным, но его все окружавшие «товарищи» дружно скрутили и вскоре велели расстрелять в лубянском подвале. Так что мечтать о высшей власти Андропову приходилось очень осторожно. Однако чему-чему, но ждать и молчать он научился давно.

Задача, стоявшая перед ним, – перебраться с Лубянки в кремлевские палаты – была, казалось, неразрешимой. Однако случилось же, как сказал поэт, «чудо, непостижное уму», это произошло! Как такое могло случиться, есть одна из величайших тайн этого таинственного человека. Свидетелей нет, сам он тем паче никаких следов о своих замыслах и путях достижения их не оставил. Попытаемся же восстановить истинную картину этого советского чуда на самом-самом кремлевском верху. Будем тут осмотрительны с расхожими предположениями и предельно объективны.

Андропов не любил своих «товарищей» по Политбюро, презирал их за скудоумие, убогий круг духовных интересов (вспомним любимцев Брежнева), нерешительность и стадность. Он это тщательно скрывал, маскируясь под облик послушного и такого же безликого бюрократа, изливая свою тайную тоску в стихах для собственного употребления. Самолюбца, его мучило и то, что в графе про образование он вынужден был указывать «незаконченное высшее» (Справочник депутатов Верховного Совета СССР, 1974 г.).

Так-то оно и было в лучшем случае: кое-как заочно закончил речной техникум, потом вроде бы (точно ничего не известно) потолкался на каких-то партийных курсах, и все. То же и в Энциклопедии 1981-го: «Учился в Петрозаводском университете и ВПШ»; заметим, что глагол «учился» – несовершенного вида,

значит, не окончил оба эти заведения. И только в газетах от 13 ноября 1982 года мимоходом отмечено: «Образование высшее», но наименования его нет, хотя называть его строго полагалось по протоколу. Доброжелательно станем утверждать, что Юрий Владимирович с 81-го по 82-й успел что-то закончить, хоть совсем иные, исключительно важные дела отвлекали его в ту краткую пору.

Меж тем Брежнев и Кириленко окончили добротные технические институты, Устинов имел лауреатское звание, Громыко и Тихонов – доктора наук с 1956 и 1961-го, а Пономарев – даже Академик с 1962-го. Чего уж стоили их дипломы и звания – иной вопрос, видимо, немного, но образовательную специальность все они имели. А вот Юрий Владимирович так и остался речным матросом, самым простым. Ясно, что его злило и раздражало – быть полицейской обслугой для людей, стоявших, по его мнению, ниже. В голове его гнездились планы (казавшиеся ему грандиозными) глобального переустройства всей Советской империи. Но кто из «товарищей» даст ему это выполнить? А годы бегут…

И вот тогда-то у Андропова созрело дерзкое решение – самому подняться на кремлевский Олимп. Неумолимое время, а также удачное стечение некоторых обстоятельств стремительно помогали перешедшему в наступление честолюбцу.

В 1978-м скоропостижно скончался Ф. Кулаков, член Политбюро, отвечавший за сельское хозяйство (был он, кстати, на четыре года моложе Андропова). Имелись в ЦК КПСС к началу 80-х два «вторых секретаря» – Суслов и Кириленко. Суслов, очень ослабевший к восьмидесяти годам, оставался партийным фанатиком, его не устраивали, даже, говорят, возмущали начавшиеся признаки разложения, в центре которых был «двор» Брежнева. Не претендуя сам на лидерство, он готов был поддержать резкий курс Андропова.

К началу 80-х почти полностью потерял влияние в Политбюро Кириленко, у него началось полное умственное оскудение, гораздо хуже, чем у Брежнева. Делегаты XXVI съезда (март 1981 года) рассказывали мне как печальный анекдот о заключительном заседании. По традиции список членов ЦК и кандидатов зачитывали по очереди два вторых секретаря: Суслов и Кириленко. Так вот Суслов свой список (319 человек) зачитал за 20 минут, а Кириленко бубнил свой (151 человек, вполовину меньше) аж 40 минут, причем нелепо и порой смешно путал имена и фамилии. Рассказывали эти же свидетели, что Кунаев и Щербицкий открыто над ним смеялись, сидя в президиуме.

В ту пору Москва полнилась слухами о каких-то неприятных

приключениях сына и дочери Кириленко в их заграничных поездках. Об этом много сплетничали в западной печати, но поскольку пока не найдено никаких серьезных подтверждений, мы касаться этого не станем. Кириленко на XXVI съезде, разумеется, опять избрали в ПБ и вторым секретарем, исходя исключительно из брежневского стремления к «единству». Однако значение его в делах резко упало, о чем знали все, кому положено. Внешним проявлением этого стала следующая бюрократическая тонкость: 8 сентября 1981 года Кириленко исполнилось 75 лет. Дата отменная для юбилея, пост высокий, тут по всем канонам полагалась Звезда. Однако ему дали только скромный орден с формулировкой «за заслуги» (без эпитета «выдающиеся»).

Итак, накануне кончины Брежнева Кириленко полностью был выключен из борьбы за его наследство. Сама жизнь, казалось бы, расчищала Андропову дорогу к власти.

Первым совершенно явным признаком того, что Андропов замыслил свое будущее возвышение на самый партийный Олимп, стало то, что руководимые им органы стали вмешиваться в святая святых Советского общественного устройства – идеологию. Теперь это уже требует пояснений, но так повелось от Ленина до времен жалкого Горбачева.

Да, колхозники в бесчисленных своих сельхозартелях и совхозах могли сколь угодно долго голодать, никого это особенно не волновало, кто это знал, кроме них самих, молчаливых? Рабочие семьи даже в крупнейших промышленных центрах, гордости советской индустрии, часто всю жизнь ютились в бараках, а порой и в землянках. И ничего, разве что иногда жаловались в профсоюзные комитеты, с очень малыми возможностями улучшить потом свои жилищные условия.

Но идеология, в особенности ее носители, то есть верхушка интеллигенции, преимущественно гуманитарной, художественной и артистической, о, это совсем иное дело! Тут Власть при малейшем шорохе вставала на дыбы! И не зря. В идеократической стране какая-нибудь фраза в передовой статье «Правды» значила куда больше, нежели выполнение или невыполнение плана целым министерством. Решало эти вопросы сугубо высшее партийное руководство или по крайней мере его идеологическая часть. Таковое не доверялось ни советским органам, ни хозяйственным или дипломатическим, ни ВЧК.

Когда в 1922 году из Петрограда в Германию отправили целый пароход, «груженный» виднейшими русскими интеллигентами, то решало это Политбюро во главе с Лениным. И не Ягода или Ежов решали, кого казнить, как Бабеля или

Мейерхольда, кого помиловать, как Шолохова, Булгакова или Платонова, а кого – отправить за рубеж, как Замятина. «Органы» исполняли лишь техническую часть задачи – кого оберегать, кого «привести в исполнение», а кого отправить или выпустить за границу.

* * *

Довольно длительное время Андропов непосредственно не влиял на идеологическую политику, важнейшую область жизни в идеократической стране. Вот известная всем насильственная высылка Солженицына и его семьи в 1974-м: да, технические, так сказать, «средства доставки» обеспечивало андроповское ведомство, однако морально-политическую ответственность взяла на себя прокуратура. Первый зам Генерального прокурора СССР М. Маляров (примечательно, что именно он «курировал» от прокурорского ведомства органы КГБ) лично объяснялся с писателем и готовил документы на лишение его советского гражданства.

Более заметно влияние Андропова сказалось на судьбе Г. Вишневской и М. Ростроповича, лишенных гражданства по политическим мотивам, высланных на Запад в 1978 году. Есть достоверные свидетельства Чурбанова, что его тесть не слишком был в восторге от такой меры, но и не возразил тем не менее. В том же году судили еврейского националистического активиста Н. Щаранского. Его с натяжкой обвинили в шпионаже, хотя это было чисто идеологическое дело и вызвало шум на Западе.

Что уж тут говорить о высылке академика А. Сахарова из Москвы в декабре 1979-го. Тогда все понимали, что это не только дело рук КГБ, но и самого Андропова. Сахарова, в отличие от Щаранского и некоторых подобных, не обвинишь в шпионаже, это вопрос идеологической борьбы – прежде всего внутри страны. Есть достоверные намеки, что Брежнева эта мера отнюдь не радовала, однако Андропов решился и не уступил в этом вопросе до конца дней своих. И что же? «Народ безмолвствовал», включая членов ЦК КПСС.

Примеры прямого и почти открытого вмешательства «органов» в идеологическую политику Партии легко умножить. Причем инициатива тут шла от самого шефа политической полиции и в обход Генсека, чего ранее в Партии никогда не наблюдалось. Это стало с очевидностью прослеживаться с конца 70-х годов. Отчего же?

Руководство страны сильно старело. Брежнев, Суслов, Пономарев, непосредственно руководившие идеологией, постарели и даже одряхлели. Им уже физически трудно стало часами высиживать в кабинетах и осваивать ежедневно ворохи бумаг.

Рабочий, так сказать, секретарь ЦК по идеологии М. Зимянин, одногодок Андропова, так и не был введен в Политбюро; здоровый и подвижный, он отличался нерешительностью и слабохарактерностью, боялся сам принимать мало-мальски важные решения (о происхождении его супруги говорили разное…). Зато подчиненный ему завотделом культуры В. Шауро был уже полным ничтожеством, он даже речь-то произнести не мог, хотя бы и в узком кругу (за глаза его называли «Великий немой»). Завотделом пропаганды Е. Тяжельников был относительно молод и энергичен, но над ним всегда висела роковая печать выхода из комсомола, он боялся проявить инициативу в серьезных делах, заменяя политику аппаратной муштрой (к тому же он был выдвиженцем Брежнева, Суслов его недолюбливал).

Несколько слов из достоверных воспоминаний. Я хорошо помню многочисленные тогдашние совещания по идеологии в различных подъездах ЦК КПСС, на которых присутствовал как редактор известного журнала. Выступал ли Суслов (очень редко и сугубо по бумажке), или Зимянин, или Тяжельников (обычно в свободной форме), все это было пусто-пусто, ни имен, ни фактов, ни, тем более, политических оценок. В первые минуты совещания все бросались было на блокноты и карандаши, но очень скоро только несколько подхалимов что-то чиркали по бумаге. А старички, которых было немало, просто задремывали – нередко видел в таком состоянии А. Софронова, В. Кожевникова и других.

Как известно, свято место пусто не бывает. В ведомстве Андропова сидел давний начальник Пятого управления, скромный поначалу генерал-майор Филипп Денисович Бобков. Вышел он из чекистов-профессионалов, человек умный, хитрый, благовоспитанный и коварный. Его отделу, издавна опекавшему интеллигенцию, занятие идеологическими операциями было сподручнее всего.

«Органы» приступили к делу решительно, ставя для «объекта» (учреждения или лица) цель на уничтожение. Не то что хилые цековские комиссии, которые, оглядываясь на своих вялых руководителей, и выговорешник уже не умели слепить, только шум по Москве поднимали. Да еще создавали у людей нейтрального окраса впечатление, что у окаянных «русистов» действительно имеется существенная поддержка «сверху» (в эту

байку многие верили в Москве, о том же пописывали на Западе).

Первыми в 1979—1980 годах подверглись атаке с Лубянки издательство «Современник», директор его Ю. Прокушев и главный редактор В. Сорокин. Опыт т. Ягоды был позабыт, возились долго, не всегда умело. Какие-то доносы, проверки документации, вызовы сотрудников «на беседы» и т.п. Ну, одолели в конце концов, сняли Прокушева и Сорокина, но с каким шумом! Впрочем, в издательстве с тех пор перестали выходить и боевые книги современных патриотических авторов, и переиздания русской классической мысли.

Андропов умел учиться, а его доверенный Бобков вполне соответствовал патрону. Комиссии… какие-то справки и беседы… К чему? Сотни две российских писателей отправили слезницы в разные инстанции, жаловались, видите ли, на произвол… Им толком никто и не ответил. Кого стесняться-то, да и чего? Запад в защиту «русистов» не пикнет, это не Сахаров со Щаранским… Скорее уж одобрит.

Дальше андроповские «органы» стали работать куда веселее. Журнал «Наш современник» твердо вел русскую линию рукою редактора С. Викулова, имел немалый тираж и большой авторитет среди интеллигенции. В № 11 за 1981 год в журнале одновременно вышло несколько очень боевых материалов. Разразился скандал (дело не обошлось без внутренней провокации, но об этом как-нибудь потом). Обвиняемых авторов было четверо: В. Кожинов, А. Ланщиков, С. Семанов (все старые «молодогвардейцы»), а также более молодой В. Крупин. Дело решилось быстро: авторов осудили публично (в пример иным прытким), Викулова оставили, но обоих его заместителей уволили. Журнал временно скукожился. Все прошло быстро и результативно. И никакого шума или надоедливых писем…

Год спустя так же оперативно развалили саратовский журнал «Волга». Из всех своих провинциальных собратьев он был едва ли не самым тогда прорусским. Поводом послужила блестящая статья М. Лобанова, где очевидно подвергались сомнению ценности «коллективизации» и даже – и сказать-то вслух было невозможно – идеи т. Ленина. Главного редактора журнала Н. Палькина немедленно уволили, а сам журнал захирел и хиреет по сию пору.

О снятии руководителей «Комсомольской правды» и журнала «Человек и закон» уже кратко говорилось. «Преступный почерк» тут такой же, но задачи Андроповым ставились гораздо более широкие, а он лично этим занимался. Любопытно, что делалось это без всяких положенных согласований с органами пропаганды. Ганичева пригласил Зимянин, объявил, что он переводится

редактором альманаха «Роман-газета», не разрешил задавать никаких вопросов и быстренько отправил восвояси. Когда в апреле 1981-го снимали меня, один аппаратчик спросил Секретаря ЦК по идеологии, в чем, мол, дело. Ответ последовал сразу, но довольно невнятный: «Этот случай посложнее, чем с Ганичевым». То есть сам не знал, да и знать не хотел. Впрочем, об этом позже.

Итак, подытожим: уже на исходе семидесятых годов Андропов, пользуясь ослаблением общего политического руководства в Кремле, стал самостоятельно решать важные идеологические вопросы. А ведь еще в 1974-м, в период «дела Солженицына», только лишь указывал своим подчиненным, как исполнять «решения партии». Не более того. Это был очень и очень серьезный признак. Что же, Брежнев и главный идеолог Суслов этого не замечали?

Нет уж, совсем не простаки они были и весьма опытные политики. Так что же? И здесь нужно опять вернуться к важнейшей теме тех лет – «кремлевской медицине» и состоянию ее главнейших пациентов.

Лейб-медик Кремля Е. Чазов уже был представлен читателю ранее. Он возглавлял так называемое 4-е управление Минздрава СССР, что в зашифрованном виде обозначало всю кремлевскую лечебную систему. Формально это подчинялось министру здравоохранения, но по сути строго надзирала за пациентами и врачами Лубянка. Так повелось еще со сталинских времен и просуществовало до конца Советской власти. Воспоминания Чазова очень откровенны. Он не был политиком, да и, по-видимому, несколько простоват. Он прямо рассказал, что именно Андропов продвигал его перед Брежневым на этот пост, а у него имелись конкуренты.

«Семь месяцев стоял во главе такого управления исполняющий обязанности, и дальше сохранять такое положение было просто неудобно. Единственный человек, активно поддержавший Брежнева в его решении, был Ю.В. Андропов. Дело в том, что летом 1966 года, за несколько месяцев до моего назначения, мне вместе с академиком Е.В. Тареевым пришлось консультировать Ю.В. Андропова в сложной для него ситуации.

Тамошние врачи и консультанты, не разобравшись в характере заболевания, решили, что Андропов страдает тяжелой гипертонической болезнью, осложненной острым инфарктом миокарда, и поставили вопрос о его переходе на инвалидность. Решалась судьба политической карьеры Андропова, а стало быть, и его жизни. Мы с Тареевым, учитывая, что Андропов длительное время страдал от болезни почек, решили, что в данном случае

речь идет о повышенной продукции гормона альдостерона (альдостеронизме). Это расстройство тогда было мало известно советским врачам. Исследование этого гормона в то время проводилось только в институте, которым я руководил. Анализ подтвердил наше предположение, а назначенный препарат «альдактон», снижающий содержание этого гормона, не только привел к нормализации артериального давления, но и восстановил электрокардиограмму. Оказалось, что она свидетельствовала не об инфаркте, а лишь указывала на изменение содержания в мышце сердца иона калия. В результате лечения не только улучшилось самочувствие Андропова, но и полностью был снят вопрос об инвалидности, и он вновь вернулся на работу.

В период, когда я начал работать в управлении, он становился одним из самых близких Брежневу людей в его окружении. Познакомившись с ним через своего старого друга и соратника Д.Ф. Устинова, вместе с которым по поручению Хрущева руководил программами космоса и ракетостроения, Брежнев быстро оценил не только ум Андропова, его эрудицию, умение быстро разбираться в сложной обстановке, но и его честность. Советы Андропова, несомненно, во многом помогали Брежневу завоевывать положение лидера. К сожалению, после 1976 года, когда Брежнев отдал все «на откуп» своему окружению, советы Андропова часто повисали в воздухе».

Чазов во всей своей книге не скрывает близких отношений с Андроповым. Да, так примерно и было, но что это за «близость», если она была сугубо «односторонней», так сказать? Ясно, что Чазов был так называемым «доверенным лицом» Андропова. Нет-нет, ни о какой «вербовке» речи не идет, на таком высоком уровне подобные дела решаются иначе. Но о них обыкновенно никогда и никому не рассказывают. А какой степени взаимного доверия достигли они оба, видно по следующему отрывку из воспоминаний Чазова. Кстати, описываемая сцена чрезвычайно характеристична для оценки нравов тогдашних руководителей нашей страны (идет 1975 год).

«Между тем события, связанные с болезнью Брежнева, начали приобретать политический характер. Не могу сказать, каким образом, вероятнее от Подгорного и его друзей, но слухи о тяжелой болезни Брежнева начали широко обсуждаться не только среди членов Политбюро, но и среди членов ЦК. Во время одной из очередных встреч со мной как врачом ближайший друг Брежнева Устинов, который в то время еще не был членом Политбюро, сказал мне: «Евгений Иванович, обстановка становится сложной. Вы должны использовать все, что есть в

медицине, чтобы поставить Леонида Ильича на ноги. Вам с Юрием Владимировичем надо продумать и всю тактику подготовки его к съезду партии. Я в свою очередь постараюсь на него воздействовать».

При встрече Андропов начал перечислять членов Политбюро, которые при любых условиях будут поддерживать Брежнева. Ему показалось, что их недостаточно. «Хорошо бы, – заметил он, – если бы в Москву переехал из Киева Щербицкий. Это бы усилило позицию Брежнева. Мне с ним неудобно говорить, да и подходящего случая нет. Не могли бы вы поехать в Киев для его консультации, тем более что у него что-то не в порядке с сердцем, и одновременно поговорить, со ссылкой на нас, некоторых членов Политбюро, о возможности его переезда в Москву».

Организовать консультацию не представляло труда, так как тесно связанный с нами начальник 4-го управления Министерства здравоохранения УССР, профессор К.С. Терновой, уже обращался с такой просьбой. После консультации, которая состоялась на дому у Щербицкого, он пригласил нас к себе на дачу в окрестностях Киева.

Был теплый день, и мы вышли погулять в парк, окружавший дачу. Получилось так, что мы оказались вдвоем со Щербицким. Я рассказал ему о состоянии здоровья Брежнева и изложил просьбу его друзей о возможном переезде в Москву. Искренне расстроенный Щербицкий ответил не сразу. Он долго молчал, видимо переживая услышанное, и лишь затем сказал: «Я догадывался о том, что вы рассказали. Но думаю, что Брежнев сильный человек и выйдет из этого состояния. Мне его искренне жаль, но в этой политической игре я участвовать не хочу».

Вернувшись, я передал Андропову разговор со Щербицким. Тот бурно переживал и возмущался отказом Щербицкого. «Что же делать? – не раз спрашивал Андропов, обращаясь больше к самому себе. – Подгорный может рваться к власти». Политически наивный, не разбирающийся в иерархии руководства, во внутренних пружинах, управляющих Политбюро, я совершенно искренне, не задумываясь, заметил: «Юрий Владимирович, но почему обязательно Подгорный? Неужели не может быть другой руководитель – вот вы, например?» «Больше никогда и нигде об этом не говорите, еще подумают, что это исходит от меня, – ответил Андропов. – Есть Суслов, есть Подгорный, есть Косыгин, есть Кириленко. Нам надо думать об одном: как поднимать Брежнева. Остается одно – собрать весь материал с разговорами и мнениями о его болезни, недееспособности, возможной замене. При всей своей апатии лишаться поста лидера партии и государства он не захочет, и на этой политической амбиции надо

сыграть».

Конечно, Андропов в определенной степени рисковал. Только что подозрительный Брежнев отдалил от себя одного из самых преданных ему лиц – своего первого помощника Г.Э. Цуканова. Говорили, что сыграли роль наветы определенных лиц, и даже определенного лица. Сам Георгий Эммануилович говорил, что произошло это не без участия Н. Я и сегодня не знаю, чем была вызвана реакция Брежнева. Но то, что у больного Брежнева появилась подозрительность, было фактом.

К моему удивлению, план Андропова удался. При очередном визите я не узнал Брежнева. Прав был Щербицкий, говоря, что он сильный человек и может «собраться». Мне он прямо сказал; «Предстоит XXV съезд партии, я должен хорошо на нем выступить и должен быть к этому времени активен. Давай, подумай, что надо сделать».

Первое условие, которое я поставил, – удалить из окружения Н., уехать на время подготовки к съезду в Завидово, ограничив круг лиц, которые там будут находиться, и, конечно, самое главное – соблюдать режим и предписания врачей.

Сейчас я с улыбкой вспоминаю те напряженные два месяца, которые потребовались нам для того, чтобы вывести Брежнева из тяжелого состояния. С улыбкой, потому что некоторые ситуации, как, например, удаление из Завидова медицинской сестры Н., носили трагикомический характер. Конечно, это сегодняшнее мое ощущение, но в то время мне было не до улыбок. Чтобы оторвать Н. от Брежнева, был разработан специальный график работы медицинского персонала. Н. заявила, что не уедет без того, чтобы не проститься с Брежневым. Узнав об этом, расстроенный начальник охраны А. Рябенко сказал мне: «Евгений Иванович, ничего из этой затеи не выйдет. Не устоит Леонид Ильич, несмотря на все ваши уговоры, и все останется по-прежнему». Доведенный до отчаяния сложившейся обстановкой, я ответил: «Александр Яковлевич, прощание организуем на улице, в нашем присутствии. Ни на минуту ни вы, ни охрана не должны отходить от Брежнева. А остальное я беру на себя».

Кавалькада, вышедшая из дома на встречу с Н., выглядела, по крайней мере, странно. Генерального секретаря я держал под руку, а вокруг, тесно прижавшись, шла охрана, как будто мы не в изолированном от мира Завидове, а в городе, полном террористов. Почувствовав, как замешкался Брежнев, когда Н. начала с ним прощаться, не дав ей договорить, мы пожелали ей хорошего отдыха. Кто-то из охраны сказал, что машина уже ждет. Окинув всех нас, стоящих стеной вокруг Брежнева, соответствующим взглядом, Н. уехала. Это было нашим первым

успехом.

То ли политические амбиции, о которых говорил Андропов, то ли сила воли, которая еще сохранялась у Брежнева, на что рассчитывал Щербицкий, но он на глазах стал преображаться.

Дважды в день плавал в бассейне, начал выезжать на охоту, гулять по парку. Дней через десять он заявил: «Хватит бездельничать, надо приглашать товарищей и садиться за подготовку к съезду».

Выразительные описания, не правда ли? Отметим тут два важных обстоятельства политического значения. Во-первых, скрытный донельзя Андропов чрезвычайно откровенен с кремлевским Гиппократом, да еще по таким деликатнейшим вопросам, как отношения между членами Политбюро! Действительно, их отношения были весьма доверительными, причем исполнителем тут был явно Чазов. Во-вторых, уже к середине семидесятых годов Андропову удалось полностью контролировать деловую и даже личную жизнь Генсека, сохраняя по отношению к нему все внешние признаки полной и почтительной преданности. Одна подробность с удалением пикантной Н., пользовавшейся недолгим, но сильным влиянием на Брежнева, чего стоит! Так управляют не начальником, не союзником даже, а марионеткой.

Итак, за Брежнева Андропов мог быть спокоен. Он внимательно наблюдал за ним сам и через доверенного лекаря. Неожиданностей, опасных для себя, ему оттуда ждать не приходилось отныне. Суслов был хоть и стар, и дряхлел, но интриган был первостатейный, а опыт по этой части приобрел в Кремле громадный, и еще задолго до появления там Андропова. Но их обоих объединяла любовь к строгому порядку, который стал сильно нарушать жизнелюбивый Генсек. К тому же замкнутый Михаил Андреевич никогда не рвался в руководители партии и государства, того не было ни при Сталине, ни при Хрущеве.

Выходец из полтавского поселка Карловка, специалист по сахароварению Коля Подгорный был глуп и груб, типично хрущевский выдвиженец. Только в самодовольной глупости он и мог возмечтать о высшем посте в стране, что так беспокоило предусмотрительного Андропова. Брежневу они с Чазовым о том своевременно доложили, а тот был очень ревнив. И вот после XXV съезда КПСС, к которому так разнообразно готовился Брежнев в Завидове, судьба Подгорного была решена быстро и просто: летом 1976 года его сбросили с высоченного, но совершенно безвластного поста – председателя президиума Верховного Совета СССР, президента страны то есть. Сбросили, и всё, и никто ни в

Верховном Совете, ни в стране и не вздохнул. А «президентом» Леонид Ильич поставил самого себя, он уже начинает входить во вкус должностей, званий и наград.

Явным наследником Брежнева в стране дружно считали Г. Романова. Молод (23-го года рождения), участник войны, коренной ленинградец, инженер-корабел, к тому же обладавший приятной русской внешностью. Не покидая руководящего кресла в Смольном, он избирается в 1973-м кандидатом, а с марта 1976-го – членом Политбюро. Кто ему ворожил в Кремле, точно неизвестно, но бесспорны два предположения: без сочувствия Брежнева решение бы не состоялось, а Андропов должен был (про себя!) рвать и метать – конкурент, и явный, и чем-то превосходящий. Хотя бы по чистоте своего происхождения…

Известно, что одной из распространеннейших задач всех спецслужб является придумывание разного рода ложных слухов, а если возможно – их массовое тиражирование. Так возникла пресловутая «утка», будто Романов устроил свадьбу одной из своих дочерей в Таврическом дворце, а блюда гостям подавали на сервизе, принадлежавшем когда-то Екатерине Великой. Всякий современник событий подтвердит, что хотя ни советское, ни серьезное иностранное радио о том не сообщало, подавляющее большинство советских граждан поверили байке.

Кроме мистики, это ничем не объяснимо. Будучи сам коренным ленинградцем, никогда не порывавшим тесных связей с родиной, я спрашивал партработников, близких к Романову, как было дело-то. В ответ мне клялись и божились, что ничего даже отдаленно похожего не происходило. Свадьба состоялась в квартире отца, была весьма скромной, никто екатерининский сервиз, хранящийся в запасниках Эрмитажа, никак не тревожил. Я передавал это мнение доверявшим мне знакомым, в ответ большинство крутили головами… Потом, уже на исходе «перестройки», все это подтвердилось, но Романов давно уже пребывал на пенсии.

Нет доказательств, да и вряд ли они возможны, но нет и никаких сомнений, что источник таких слухов – служба Андропова. Романов был очень сдержан в бытовых потребностях, его семья тоже. Более того: во второстепенных западных газетах с конца 80-х стали появляться статейки, что Романов-де есть явный наследник Брежнева, обыгрывалась и «царская» фамилия его. Это типичный прием спецслужб (сам видел несколько образчиков таких газеток), на них потом легко ссылаться и класть справки в соответствующие столы.

Что ж, Андропову удалось малость подмазать Романова, но решающей роли в борьбе за власть это все же не имело. Главное –

подобрать в Политбюро «своего» молодого члена и противопоставить его человеку из Смольного.

* * *

Основной целью стратегического плана Андропова была атака на самого Брежнева. Дело сугубо опасное, поэтому начинать следовало издалека. Ну, приемы известны: найти человека из его ближайшего окружения с периферии, отмеченного явными грехами, разоблачить его, скомпрометировать шефа, а потом, как акула, кругами постепенно приблизиться к самому и… Андропов так и начал, а автору этих строк довелось оказаться в самом эпицентре политической бури.

В последние годы царствования Брежнева отчетливо стали видны признаки разложения и гнили. Сам Генсек любил подарки, да не по мелочам: то примет «кадиллак» от заезжего президента, то собственный бюст в натуральную величину из чистого золота от нашей же азиатской республики, то еще другое-третье. Пример заразителен, особенно отозвался он в азиатских республиках и южных краях России, преимущественно соседствовавших с Кавказом. Такого не наблюдалось в первые годы правления Брежнева, не было при Хрущеве и тем паче – при Сталине. Скажем для объективности, что брежневские излишества не идут ни в какое сравнение с той вакханалией открытого и наглого лихоимства, что царит в нашей стране ныне.

Однако брежневское новшество встретило в обществе дружное недовольство. В условиях полного всевластия андроповских «органов» ни о каком открытом движении было нельзя и помыслить, трудящиеся кинулись составлять письма. Миллионы. Ничего не стоило от них, конечно, отмахнуться, но нашлось немало патриотических людей (самых разных оттенков), которых такое положение не устраивало. В собственных интересах это течение попытались оседлать престарелый фанатик Суслов (за «чистоту идеи») и в особенности Андропов (ну, этот идеями-то не особо горел).

«Горел» он, как мы уже знаем, ненасытным честолюбием. Трудящиеся протестуют против хищничества и морального разложения начальников? КГБ и руководство комитета не может не стать на их защиту!.. А вот уже от этого самого руководства зависит, какие «сигналы» рассматривать в первую очередь, какие попозже, а что-то и совсем отложить… Ясно, что Андропов

направил внимание своих служб прежде всего на близких к Генсеку людей.

В Краснодарском крае, исключительно богатом природой и курортами, с мая 1979-го безоглядно правил Сергей Медунов. Любопытно, что до этого он прослужил несколько лет Первым в Ялте, а затем в Сочи. Это означает, что он не только познакомился со всем высшим руководством страны, но и умел ладить с ним, отчего курортный начальник сделал к пятидесяти годам отличную карьеру. Ведь из Краснодара прямой ход в Политбюро проложил не так давно Д. Полянский…

Честолюбивым надеждам Медунова помогало явное покровительство Брежнева, с которым он познакомился в Крыму еще в конце 50-х. Был он хамоват, своих намерений не скрывал, а «дружбу» с Брежневым преувеличивал. Итак, удар по Медунову был косвенным выпадом в сторону дряхлеющего Генсека.

…Здесь мне придется кратко коснуться нашумевшего в свое время «дела Семанова», случившегося ровно двадцать лет тому назад. В данной работе это нужно только исключительно для характеристики методов Андропова – честолюбивого, многоцелевого и чрезвычайно коварного политика.

Журнал «Человек и закон» в ту пору был боевым. В нашу редколлегию входили такие виднейшие юристы, как А. Рекунков, Л. Смирнов, А. Сухарев, от МВД – Ю. Чурбанов, известнейшие писатели Виль Липатов и Юлиан Семенов. Члены редколлегии были твердыми государственниками, они всецело поддерживали курс редколлегии на борьбу со всякими злоупотреблениями, за моральное здоровье народа и его воспитание в патриотическом духе. Очевидную поддержку нам оказывали в Вооруженных силах и отделе Административных органов ЦК. С этих-то сильных позиций мы и вступили в борьбу с кубанскими ворами. Недостатка в разоблачительных материалах не было: журнал (как и некоторые другие издания) был буквально завален письмами о тамошних злоупотреблениях. «Ходоки» из разных мест и краев, особенно из Сочи, появлялись у меня куда чаще, чем в свое время у т. Ленина.

Мы дали ряд острых материалов о безобразиях в хозяйстве кубанского хана. Учтем при этом моральный авторитет всесоюзного журнала и умножим на пятимиллионный тираж (у «Правды» тогда было около 10 миллионов). Особенно выделялся один – о злоупотреблениях в распределении жилой площади, в августовском номере за 1980-й назывались имена шести сочинских видных начальников, получивших квартиры (себе или детям) в обход закона. Принес этот материал в редакцию скромный журналист В. Цеков, причем почти не скрывалось, что

собрать эти тонкие сведения ему помогли люди КГБ. Казалось, все ложится в простую и понятную схему: Андропов – через журнал – бьет по Медунову, то есть по окружению Брежнева. Но, как увидим, все было ох как непросто…

Медунов защищался отчаянно, хотя и грубо. 30 ноября того же 1980-го в кубанской местной газете «Черноморская здравница» (выходила как раз в Сочи) некий Бланк ухитрился облаять критические материалы по Сочи не только в нашем журнале, но и задеть «Правду», «Советскую Россию» и ряд других центральных изданий. Помню, наглая эта статейка потрясла тогда весь журналистский мир столицы. Я помчался к редактору «Правды» Ю. Афанасьеву с сочинской газетой, в «Советскую Россию», «Советскую культуру» и еще кой-куда. Уже 17 января 1981 года в канун открытия XXVI съезда в «Правде» дали убийственный материал по кубанским делам и по Медунову лично. Мы все договорились после съезда добить наглого Серегу. Надо было только переждать съезд.

…Помню, хорошо помню торжественную мишуру этого «партийного форума», а просматривая ныне списки Президиума, вижу, что большинство-то их до следующего «форума» не дотянули – круто пошли события. Но кому дано чувствовать будущее? Леонид Ильич в прекрасном синем костюме сверкал четырьмя Звездами (пятую ему еще предстояло получить). Рутинный протокол шел своим чередом, но специалисты по его тонкостям не могли не обратить внимания, что Медунов выступил «в прениях» раньше, чем ему полагалось бы по номенклатуре. Он поставил своего рода «рекорд»: упомянул имя Брежнева восемь раз и назвал доклад его гениальным (такой лексики в партии не слыхивали с 1953 года).

Всем казалось, что ползание на брюхе не поможет обреченному Медунову, но вдруг… В той же «Правде» 12 марта на первой полосе появился слащавый репортаж «Кубань начинает сев», а героем «сева» был, конечно, Сережа Медунов. В чем дело? Ну, подумал я, какая-то тактическая увертка партийной газеты. Но все оказалось куда глубже (а для меня – хуже).

Вспомним принципиальную записку Андропова на Политбюро о глобальной борьбе с «русизмом», где называлось мое имя и предлагалось изгнать меня из журнала, и дату записки: 28 марта 1981 года. Многоопытнейший Андропов тоже выжидал исхода съезда. Все прошло благополучно для него, а дальше надо немного уточнить тактику: Медунов подбит, и его скоро добьют, об этом позаботятся «органы», подбрасывая компромат всюду, куда надо. А в печати имя кубанского наместника уже ославлено, чего в партии не любят. Вопрос времени, а спешить Андропов не

любил.

Окаянные «русисты» сделали свое дело? Зачем же создавать им популярность как борцам за народную справедливость? Убрать нескольких из числа особенно боевых, остальные сами поймут, что надо сидеть тихо. Так и случилось. Уже 1 апреля меня вызвали в Министерство юстиции, а потом в отдел пропаганды ЦК: там и там, даже с некоторым смущением, объявили, что мне нужно оставить работу. Причины не объяснялись (сам-то я тоже не понимал, грешил на интриги Медунова, а вот оказалось, напрасно). Министр юстиции В. Теребилов, человек положительный, даже позвонил в ЦК, нельзя ли мне сперва уйти в положенный отпуск, а уж потом… «Убрать немедленно и под любым предлогом», – был ответ (министр позже сам об этом кое-кому рассказал). Так я остался без всякой работы, имея на руках беременную жену и двухлетнюю дочь.

Что скрывать, снятие Ганичева, а потом меня вызвало панику в русско-патриотических кругах. Пугала прежде всего какая-то таинственность и необъяснимость столь крутых по тем временам мер. Тут же стали чистить планы прорусских издательств и журналов. Кто осудит…

В заключение вернемся ненадолго к лживой книжечке Соловьева и Клепиковой. О деле Медунова там наворочена куча пошлых сказок, но сверхзадача супругов не забыта: да, Андропов стоял горой за «Русскую партию», привлек к борьбе с Медуновым своего подручного, «принципиального неосталиниста Сергея Семанова» – но поддержка Брежневым Медунова оказалась сильнее, и Семанова немедленно сняли с поста главного редактора. Правда, Семанов получил взамен скромную должность в редакции внеполитического журнала «Библиофил» (с. 111).

Как «смягчал» мою жизнь Андропов, видно из документов, договорим уж о моей краткой службе в несчастном альманахе. Действительно, в конце 1982-го меня взяли туда. Уже через несколько дней в ЦК узнали о моем скромном назначении (явно с подачи «органов», альманах-то и выходил раз в год, и никто о нем и слыхом не слыхивал). Начальству велено было меня немедленно выкинуть, но руководство СП, включая Г. Маркова, попросило отсрочить «казнь», им не хотелось нового скандала у себя в епархии.

Впрочем, через несколько месяцев меня все же «казнили», то есть отправили на все четыре стороны. Органам цензуры, которые были полуприкрытым отростком «органов», было велено мое имя повсюду изымать. Сняли в течение 1983-го мои статьи из верстоk «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Вопросов истории»… В статье почтенного ленинградского профессора А.

Хватова в академическом журнале «Русская литература», посвященной «Тихому Дону», цензура вырубила аж четыре полосы, где упоминалось мое имя.

Выгнали меня с истфака пединститута, где я имел полставки лет десять. Все перечислять было бы скучно, но вот последний штрих: мой бывший сотрудник, человек к общественным делам совершенно равнодушный, летом того же года как-то о чем-то своем позвонил Ире Андроповой; первой ее фразой была: «Если хочешь говорить о Семанове, то не надо…». Этим я последний раз напоминаю злонамеренным Соловьеву и Клепиковой, как Андропов «смягчал наказание» по поводу меня.

И еще пара слов, чтобы не обращаться далее к Медунову и его судьбе.

Он бился до конца, хотя, повторяю, грубо. Андроповские люди в конце 1981-го и начале 1982-го чуть ли не половину его сочинских деятелей усадили за решетку, некоторые даже в бега пустились, но Сережа не хотел сдаваться. Помню, вся Москва хохотала: в октябре 1981-го в тогдашнем официозе, журнале «Огонек», появляется пространная «рецензия» на очередную «книжку» К. Черненко, сочинение было подписано скромно: «С. Медунов». На что рассчитывал простодушный автор? На помощь «Кости»? Но тот гуманистом никак уж не был.

И подчеркнем, что окончательную судьбу Медунова решил непосредственно сам Андропов, причем уже не окольными интригами, а на сей раз прямым воздействием на слабеющего Генсека. Свидетелем решающей сцены стал последний (и жалкий!) идеолог КПСС Вадим Медведев, в 1982 году Секретарь ЦК. Он сообщил в мемуарах:

«В один прекрасный день я находился в кабинете Леонида Ильича, когда ему позвонил Андропов. Связь переключили с телефонной трубки на микрофон, все было слышно. Я поднялся, чтобы выйти из кабинета, но Леонид Ильич взмахом руки попросил остаться. Юрий Владимирович докладывал о первом секретаре Краснодарского обкома партии Медунове, говорил о том, что следственные органы располагают неопровержимыми доказательствами того, что партийный лидер Кубани злоупотребляет властью, в крае процветает коррупция.

Как обычно, Брежнев ждал конкретного предложения.

– Что же делать?

– Возбуждать уголовное дело. Медунова арестовать и отдать под суд.

Брежнев, всегда соглашавшийся, долго не отвечал, потом, тяжело вздохнув, сказал:

– Юра, этого делать нельзя. Он – руководитель такой

большой партийной организации, люди ему верили, шли за ним, а теперь мы его – под суд? У них и дела в крае пошли успешно. Мы одним недобросовестным человеком опоганим хороший край… Переведи его куда-нибудь на первый случай, а там посмотрим, что с ним делать.

– Куда его перевести, Леонид Ильич?

– Да куда-нибудь… Заместителем министра, что ли.

На этом разговор закончился. Он продолжался минут десять.

Леонид Ильич был очень огорчен: Медунов – его ставленник – подвел его. В том, что Андропов сказал правду, Брежнев не сомневался.

Как раз в это время Андропов получил письмо от В.И. Воротникова, посла СССР на Кубе. В 1975—1979 гг. Воротников работал заместителем Председателя Совета Министров РСФСР, и назначение послом на Кубу для него было полной неожиданностью. Он воспринял его как опалу, хотя и не знал причин. Однако климат Кубы оказался очень тяжелым для всей семьи Воротникова. Он просил поэтому дать ему хотя бы должность секретаря сельского райкома, но в России. Андропов вызвал Воротникова и Москву и предложил ему возглавить партийную организацию Краснодарского края. Воротников согласился».

Да, Андропов победил слабеющего Генсека, так сказать, «нокаутом», а не «по очкам»! Добился-таки, чтобы Медунова сняли с одобрения его давнего покровителя Брежнева, да еще вопреки настояниям его друга Черненко, тоже члена Политбюро. Это было нечто из ряда вон выходящее! И обратим внимание, что Андропов единолично решил важнейший в партийных делах вопрос – кадровый. Именно он назначил преемника Медунова, а ведь речь шла о крупнейшем и богатейшем Краснодарском крае. Вся партийная верхушка отлично поняла теперь, «кто есть кто» в Кремле.

Неизбежное случилось: 20 июля 1982 года Секретариат ЦК освободил Медунова от занимаемого поста, а вскоре он вышел на пенсию и тихо доживал в Москве; его допрашивали, прощупывали со всех сторон, но ничего вроде бы не нашли. В борьбе с умирающим Брежневым Андропов повел в счете: вот кто окружает Генсека…

Повторим, «борьба с коррупцией», которую Андропов так настойчиво вел в Сочи и на Кубани, почему-то не распространилась далее. Потом-то достоверно стало известно, что «сосед» Медунова – секретарь Ставропольского края Горбачев тоже был, так сказать, не безгрешен (очень мягко говоря!). Однако там никаких дел, тем более громких, «органы» не

заводили. Почему же? Да потому только, что Горбачев был из «команды Андропова», был ему нужен в отдаленной перспективе. Весьма осведомленный в этих делах ставрополец В. Казначеев достоверно поведал о происходившем там:

«Борьба с коррупцией и злоупотреблениями коснулась лишь не угодных Андропову людей. Думается, что как раз основные коррупционеры остались в стороне. Не пострадал никто из андроповского окружения – ни Гейдар Алиев, ни Виталий Федорчук, ни Эдуард Шеварднадзе, ни Михаил Горбачев…

Чрезвычайно трудно сейчас проследить все махинации, которые прокручивал Горбачев, находясь на Ставрополье и в Москве. Это работа для следственных органов, которым придется искать причинно-следственную связь между событиями, происходившими в нашей стране с 1985 по 1991 год. Со своей стороны могу сказать лишь о том, о чем мне известно лично.

Партийные привилегии давали некоторые преимущества, порой достаточно ощутимые: квартиру, машину, дачу, покупку продуктов, необходимых книг в спецмагазинах, медицинское обслуживание. Однако все пользовались этими благами по-разному: были и те, кто практически не пользовался привилегиями, были и другие, среди них – Горбачев.

Все, начиная от шикарной мебели из дорогих пород дерева, которую Михаил Сергеевич приобретал через своих людей (в числе которых был Кручина) за бесценок, почти как струганые доски, до роскошных загородных домов, которые строились специально для сиятельной четы. Ставропольский «Интурист», по сути, был превращен в личную дачу Горбачева, где принимались только нужные, полезные Михаилу Сергеевичу люди…

Суслов прибыл в край по случаю двухсотлетия Ставрополя, город наградили орденом Октябрьской Революции. Михаил Андреевич был с дочерью. Торжества совпали с днем рождения Майи Михайловны. Горбачевы узнали об этом заранее и, естественно, окружили дочь Суслова чрезвычайно любезными ухаживаниями. Раиса Максимовна весь день никого к ней не подпускала, вцепившись в ее руку мертвой хваткой. Жены других секретарей допущены не были.

Майе Михайловне преподнесли дорогие подарки. Перед самым отъездом по указанию Горбачева семье Суслова вручили подводное ружье, модную по тем временам кожаную куртку для внука… «Партийная совесть», видимо, в полудреме благосклонно приняла подношения.

Это был не единичный случай. Зная особое расположение Брежнева к министру гражданской авиации Б. Бугаеву, Горбачев пригласил Бориса Павловича с семьей и знакомыми в

Кисловодск. Встречу организовали на высшем уровне – дорогие подарки, роскошный ужин. Это был единственный раз, когда Михаил Сергеевич явился без супруги. Охотно танцевал, говорил комплименты жене министра, другим дамам».

Так что же, не ведал обо всем этом Юрий Владимирович? О Кубани всю подноготную выяснил, а у соседей – ничего? Знал он все прекрасно, однако Суслов был ему союзник (в какой-то хоть мере), Бугаев – тот вообще мелкая сошка в большой политической игре Андропова, а про Горбачева уже сказано.

Вот так выборочно боролся Юрий Владимирович с коррупцией, которая в последние годы правления Брежнева разрасталась, как эпидемия. Но у него были тогда совсем иные планы и цели.

* * *

Акула неумолимо сужала круги. Теперь в разработку «органов» попало три направления: Н. Иноземцев как давний и ближайший советник Брежнева, В. Гришин как один из возможных его наследников, имеющий мощную опору в столице, и, наконец, Галина Леонидовна, любимая дочь Генерального Секретаря.

Следует начать с первого. Николай Николаевич Иноземцев тоже заслуживал бы особой книги (настоящее отчество его было «Израилевич», но это так, между прочим). Он был типичной фигурой хрущевско-брежневского времени: острый, практического склада ум, поверхностное образование, полная беспринципность, помноженная на неуемный карьеризм, и, конечно, как самое важное, полная прозападная ориентация. В отличие от Агентова, Арбатова, Бовина и иных из ближайших советников Брежнева у него была совсем иная карьера: по окончании аспирантуры Института международных отношений он через небольшое время – сотрудник высших номенклатурных изданий партии, сперва журнала «Коммунист» (1952—1955), а в 1961—1966 годах – в «Правде», где закончил карьеру замом главного редактора.

В сорок лет – доктор наук, в сорок семь (1968) – Академик по отделению экономики. Чуть ранее делается директором созданного специально под него Института мировой экономики и международных отношений. Итак, в аппарате ЦК Иноземцев не служил, избрал вроде бы нейтральную карьеру «ученого» (настоящие-то ученые дружно полагают, что публикации его в

научном смысле ничего не стоят). Зато по сути стал главным советником Брежнева и всего Политбюро, ибо его гигантский институт занимался только тем, что пек различные «справки» для цековских подразделений, причем по любым вопросам. Обладая вкрадчивым характером, он был очень близок к Брежневу.

Атака на Иноземцева повелась Андроповым очень резко и с нескольких направлений. Ну, не удержался бедный выскочка от мздоимства, своего бывшего завхоза сделал аж замом директора, а тот возил ему безвозмездно импортную мебель и обустраивал личную дачу. Ну мелочь, о чем толковать, однако в начале 1982-го в привилегированном институте появились люди из прокуратуры, стали прощупывать хозяйственные дела. Это казалось невероятным – проверяют советника Брежнева, только что избранного в члены ЦК!

Опытный Иноземцев смекнул, откуда дует ветер, и денежки за незаконные услуги поспешно внес в казну (мелочь, говорили, 18 тысяч всего, но… как можно партийному идеологу!) Дальше – хуже. В апреле в институте Иноземцева появляются люди не из прокуратуры, а из самого КГБ. Надо знать обстановку в этих элитных столичных заведениях, чтобы понять в чем дело. Молодые сотрудники состояли преимущественно из сынков и дочек, не выползали из загранок, презирали все «совковое» и были, естественно, антисоветски настроены в самом пошлом смысле этого слова; ну, и православных там набиралось немного. Короче, институт был «прогрессивным».

И вот группа аспирантов института во главе с Фадиным создает рукописный сборничек «Поиски», что-то из области либерального коммунизма. 6 апреля устроили в институте обыск, а нескольких молодых людей даже забрали. Началось следствие, кое-кого стали таскать по всей форме в Лефортово. Баловень судьбы Иноземцев не выдержал не очень-то уж страшных испытаний: 12 августа, работая у себя на даче в саду, он скоропостижно скончался.

Некролог в «Правде» был по наивысшему разряду, подписались, как говорится, «все». Первой шла подпись Брежнева, а второй – это уже воля русского алфавита – устроителя убийства Андропова. Более того, на другой день после официального некролога в той же «Правде» появилась маленькая заметочка «В последний путь». 17 августа, сообщалось там, в конференц-зале Академии наук состоялись проводы покойного. В карауле стояли, естественно, Арбатов, Замятин, Загладин и др., а среди множества венков, как было особо отмечено, «здесь же венок от семьи Брежневых»…

Вопрос тут был вовсе не сентиментальный, а политический:

Леонид Ильич открыто давал понять, что любил и любит Николая Израилевича и хорошо понимает те пути, которые толкнули его друга в могилу. Нет, дряхлеющий Брежнев и не думал сдаваться без боя, хотя Андропов уже побеждал в этой подковерной схватке по всем статьям.

Договорим уж до конца про этот характерный случай с еврейскими «социалистами». Уже в конце 1982 года все они (А. Фадин, Ю. Хавкин, Б. Кагарлицкий и др.) были отпущены, хотя их заставили письменно покаяться и дать показания обо всем, что знали. Очень типичный почерк Андропова: Иноземцев, приближенный Брежнева, опозорен и устранен, а зачем мучить бедных юношей? Они могут еще пригодиться. И пригодились вскоре при «перестройке»…

Тут вдруг произошло событие огромной политической силы. 19 января 1982 года у себя на даче застрелился С. Цвигун. На молодого Вертера никак уж не походил он. Здоровый, простоватый, он был не чужд искусствам: сам выпускал под разными псевдонимами сочинения о «советских разведчиках». Его супруга Роза отличалась тем же, но сочиняла на темы «общечеловеческие» (тоже под псевдонимом, даже вступила в Союз писателей). Держала салон, охотно покровительствовала молодым дарованиям. Помню, как в буфете Большого театра я был ей представлен Юрием Селезневым, в ее салон входившим; потрясла меня тогда нить немелких бриллиантов на отвороте ее скромно-сверхмодного костюма…

Внешняя история этого неслыханного события хорошо известна ныне. К вечеру Цвигун приехал на дачу. Розы не было, там находилась только обслуга. Один из охранников чистил на дворе снег. Цвигун подошел к нему, не заходя в дом, и спросил, куда ведет эта дорожка? При этом вид и голос у него были совсем спокойны.

«– А никуда, – ответил тот, – к забору. Я тут расчистил немного, а у забора сугроб.

– Вот и хорошо, что никуда, – ответил Цвигун и пошел к забору.

Около сугроба он и застрелился».

Несколько лет назад в одном из управлений Министерства здравоохранения обнаружили следующий документ.

> «Усово, дача 43. Скорая помощь. 19 января 1982 г. 16.55. Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет,

самостоятельное дыхание отсутствует, В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения из раны нет. Выраженный цианоз лица. Реанимация, непрямой массаж сердца, интубация. В 17.00 приехала реанимационная бригада. Мероприятия 20 минут не дали эффекта, прекращены. Констатирована смерть. В 16.15 пациент, гуляя по территории дачи с шофером, выстрелил в висок из пистолета «Макаров».

Подписи пяти врачей».

Уже 21 января во всех центральных газетах появился необычный некролог. Хотя Цвигун был членом ЦК, под его некрологом не было фамилий Брежнева, Кириленко и Суслова. Были подписи Андропова, Горбачева, Устинова и Черненко, а также членов коллегии КГБ; фамилии большинства из них мы узнали тогда впервые.

Внезапная смерть Цвигуна существенно и быстро изменила положение Андропова в системе КГБ, позволяя ему взять на себя непосредственное руководство теми следственными делами, которые вел Цвигун, и изучить важные документы, которые тот предпочитал хранить в личном сейфе.

Ну, что искал и что нашел Андропов в сейфе своего бывшего зама, о том не узнает никто и никогда. Но совершенно неожиданный отсвет на отношения внутри своеобразного «треугольника» Брежнев – Андропов – Цвигун дают опять-таки свидетельства Чазова.

«Брежнев в этот период уже не мог реально оценивать ни обстановку, ни свои действия. Только этим можно объяснить продвижение, с подачи подхалимов и некоторых членов семьи, своих близких родственников и их друзей на руководящие должности. Не было бы ничего плохого, если бы они выдвигались по своим заслугам, таланту или организаторским способностям. Однако уровень общего развития и знаний у большинства из них был таков, что их продвижение по служебной лестнице вызывало у большинства недоумение, улыбку и скептицизм. Все это рикошетом ударяло по престижу Брежнева. Было, например, образовано надуманное Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства, которое возглавил свояк Брежнева – К.Н. Беляк. А разве соответствовал по своим знаниям и способностям должности первого заместителя министра внешней торговли сын Брежнева? О зяте – Чурбанове – написано столько, что нет необходимости еще раз говорить об этой одиозной фигуре.

Нам, врачам, с каждым годом становилось все труднее и труднее поддерживать в Брежневе даже видимость активного и разумного руководителя. Его центральная нервная система была настолько изменена, что даже обычные успокаивающие средства являлись для него сильнодействующими препаратами. Все наши попытки ограничить их прием были безуспешными благодаря массе «доброжелателей», готовых выполнить любые просьбы Генерального секретаря. Были среди них и Черненко, и Тихонов, и многие другие из его окружения. И это при том, что по нашей просьбе Андропов предупредил их всех о возможной опасности применения любых подобных средств Брежневым.

Сам Андропов очень хорошо вышел из положения. По нашему предложению, он передавал вместо лекарств точные по внешнему виду «пустышки», которые специально изготавливались. В самом сложном положении оказался заместитель Андропова С. Цвигун. Брежнев, считая его своим близким и доверенным человеком, изводил его просьбами об успокаивающих средствах. Цвигун метался, не зная, что делать – и отказать невозможно, и передать эти средства – значит усугубить тяжесть болезни. А тут еще узнавший о ситуации Андропов предупреждает: «Кончай, Семен, эти дела. Все может кончиться очень плохо. Не дай Бог, умрет Брежнев даже не от этих лекарств, а просто по времени совпадут два факта. Ты же сам себя проклинать будешь».

В январе 1982 года после приема безобидного атива на у Брежнева развился период тяжелой астении. Как рассказывал Андропов, накануне трагического 19 января он повторил свое предупреждение Цвигуну. Днем 19 января я был в больнице, когда раздался звонок врача нашей скорой помощи, который взволнованно сообщил, что, выехав по вызову на дачу, обнаружил покончившего с собой Цвигуна. Врач был растерян и не знал, что делать в подобной ситуации. Сообщение меня ошеломило. Я хорошо знал Цвигуна и никогда не мог подумать, что этот сильный, волевой человек, прошедший большую жизненную школу, покончит жизнь самоубийством».

Простоватый кардиолог Чазов вряд ли даже понимал, какое необыкновенно важное свидетельство о смерти Цвигуна он оставил…

Ну, кадровые работники СМЕРШа от несчастной любви с собой не кончают, это ясно. В чем же причина? Никто сегодня не посмеет утверждать истину, но она лежит где-то в силовом поле Брежнев – Андропов. Кого-то Цвигун предал, попался, деваться ему было некуда. По нашему мнению, предал он старого друга по Молдавии, ибо именно он велел ему глядеть за шефом по Лубянке, тот же мог его попытаться перетянуть на свою сторону,

обещая Бог знает что.

Реальное доказательство тому есть только одно, как в случае с Иноземцевым. Некролог по Цвигуну был подписан и Андроповым, и почти всеми, но… не было имени Брежнева. Престарелый политикан и тут четко знал свое дело: вы думаете, я ничего не понимаю, ничего не вижу? Нет, наоборот.

Каковы бы ни были тут различные предположения, но несомненно только одно: Андропов наконец-то избавился от опытного, а потому опасного соглядатая Брежнева в своем непосредственном ведомстве. А вскоре произошло еще одно неожиданное событие, которое в общем и целом тоже было на пользу Юрию Владимировичу.

29 января 1982 года хоронили на Красной площади Суслова. Стоял лютый мороз, лица у всех были каменные, что лишь подчеркивало общую мрачность и безучастие. Порывами дул ветер. И дважды покрывало сдувало с тела и обнажались ноги со ступнями, что по христианским приметам знак весьма недобрый. Земля приняла яростного атеиста и интернационалиста, а кремлевский круг еще более сузился. Кстати, речь на траурном митинге произнес, напрягая все силы, сам Брежнев.

Каковы бы ни были отношения Андропова с Сусловым, но доверительными их назвать в любом случае нельзя – оба всегда оставались недоверчивыми и скрытными интриганами, не допускавшими никаких личных чувств. Но Суслов был один из немногих в тогдашнем партийно-государственном руководстве, который все же пользовался определенным авторитетом. Его ровесник Косыгин, весьма популярный и в партии, и в народе, отошел еще в 1980 году. Из старой сталинской когорты вокруг Брежнева и Андропова оставался только брежневский ровесник Д.Ф. Устинов, Министр обороны. Круг претендентов на трон сужался.

Сужался-то круг, сужался, но добровольно брежневскому окружению трон Генсека отдавать этому мрачному и необаятельному Андропову никак не хотелось. Лучше всего об этих никому тогда не известных подробностях рассказал штатный кремлевский собиратель сплетен той поры Чазов.

«Когда я как-то в феврале, через месяц после смерти Суслова, спросил Андропова, почему не решается официально вопрос о его назначении, он ответил: «А вы что думаете, меня с радостью ждут в ЦК? Кириленко мне однажды сказал – если ты придешь в ЦК, то ты, глядишь, всех нас разгонишь».

Смерть Суслова впервые обозначила противостояние групп Андропова и Черненко. Начался новый, незаметный для большинства, раунд борьбы за власть. Ее трагичность

заключалась в том, что боролись два тяжелобольных руководителя, и началась она в последний год жизни дряхлого лидера страны… Мы видели, как угасает Брежнев, и понимали, что трагедия может произойти в любое время. Исходя из этого, мы даже охрану обучили приемам реанимации, хотя и понимали, что, если у Брежнева остановится сердце, восстановить его деятельность будет невозможно.

А тем временем продолжалась атака на Андропова. Кто-то из его противников, не знаю кто – Черненко или Тихонов, который понимал, что в случае, если Андропов станет во главе партии и государства, он вряд ли долго удержится в кресле Председателя Совета Министров, использовал самый веский аргумент – тяжелую болезнь Андропова. В последних числах октября 1982 года, после встречи с кем-то из них, мне позвонил Брежнев и сказал: «Евгений, почему ты мне ничего не говоришь о здоровье Андропова? Как у него дела? Мне сказали, что он тяжело болен и его дни сочтены. Ты понимаешь, что на него многое поставлено и я на него рассчитываю. Ты это учти. Надо, чтобы он работал». Понимая, что альтернативы Андропову в руководстве партии и страны нет, я ответил, что не раз ставил в известность и его, и Политбюро о болезни Андропова. Она действительно тяжелая, но вот уже 15 лет ее удается стабилизировать применяемыми методами лечения, и его работоспособности за этот период могли бы позавидовать многие здоровые члены Политбюро. «Я все это знаю, – продолжал Брежнев. – Видел, как он в гостях у меня не пьет, почти ничего не ест, говорит, что может употреблять пищу только без соли. Согласен, что и работает он очень много и полезно. Это все так. Но учти, ты должен сделать все возможное для поддержания его здоровья и работоспособности. Понимаешь, вокруг его болезни идут разговоры, и мы не можем на них не реагировать».

Знал об этой своеобразной акции и Андропов. Буквально накануне ноябрьских праздников 1982 года он позвонил мне весьма встревоженный и сказал: «Я встречался с Брежневым, и он меня долго расспрашивал о самочувствии, о моей болезни, о том, чем он мог бы мне помочь. Сказал, что после праздников обязательно встретится с вами, чтобы обсудить, что еще можно сделать для моего лечения. Видимо, кто-то играет на моей болезни. Я прошу вас успокоить Брежнева и развеять его сомнения и настороженность в отношении моего будущего».

Я ждал звонка, но до праздников Брежнев не позвонил. 7 ноября, как всегда, Брежнев был на трибуне».

Ну, а что случилось после ноябрьских праздников 1982 года, речь пойдет далее…

Для Юрия Владимировича Андропова начавшийся 1982 год стал какой-то непрерывной цепью успехов и удач. Чем он закончился, мы еще расскажем, но вернемся в его начало. Именно тогда Андропов начал наносить Леониду Ильичу самый болезненный удар – через Галину Леонидовну.

Известно, что одной из задач всех спецслужб во все времена являлось оберегание отпрысков своих полновластных хозяев. Не секрет, что главное тут – полнейшая скрытность, что бы ни натворил наследник, но общество знать о том не должно, все тут в воле родни.

Обычно дочери высшей советской номенклатуры были сдержанны и незаметны. Галя несколько отличалась: рано разошлась со своим первым мужем циркачом Миляевым, жила одна, вела довольно непринужденный образ жизни. О ней в Москве охотно сплетничали, особенно учитывая ее пристрастие к общению с московской художественной богемой, намекалось на ее роман с танцором Лиепой, приводились подробности, но все это мы опускаем. (Кроме одной личной подробности: Галя очень любила экстравагантно одеваться. Как-то в конце 70-х мы с женой были в Большом театре, Галя шла по среднему проходу с первого ряда нам навстречу, я, естественно, разглядывал дочь Генсека, говорю жене: «Вот вырядилась, какую-то ночную рубаху надела». – «Ты ничего не понимаешь, – был ответ, – это парижское платье ручной работы».)

В конце 60-х Галя вышла замуж за молодого (много моложе ее) подполковника МВД Юрия Чурбанова – умом не блистал, но был статный красавец и вообще парень невредный. Поначалу жили они тихо-мирно, причем Юра делает блестящую карьеру, к февралю 1980-го становится генерал-лейтенантом, а главное – первым замом Щелокова и кандидатом в члены ЦК. Однако к пятидесяти Галя, став уже бабушкой, опять задурила. Отбрасываем все пикантные пересуды, но случилось так.

В те же январские дни на всю Москву, а затем и на всю страну прогремело имя так называемого Бори-Цыгана. То был скромный певец-стажер в Большом театре, лет тридцати, фамилия его то ли Буряце, то ли Бурятовский, да и неважно. Все, кому надо, звали его просто – Боря-Цыган. Был он весьма экстравагантен – сладковато красив, носил норковую шубу, галстук с бриллиантовой булавкой (я сам видел), имел одну или две машины-иномарки и квартиру в актерском доме на Садовом кольце. Кто он был на самом деле, чем занимался, кого обслуживал – точно это, видимо, никогда не узнают, этакая пародия на Калиостро.

Поистине потрясающие подробности сообщил о Боре

американский эстрадник С. Лаудан, его гость накануне всех тех событий. Его откровения были опубликованы в нашей печати в 1991 году:

«У него был неплохой тенор, но весьма слабые актерские данные. Это был красивый брюнет с серо-зелеными глазами, довольно полный для своего возраста. Он обладал весьма изысканными манерами и утонченными вкусами – в еде, одежде, музыке. Носил он джинсы, джинсовую рубашку на молнии, остроносые сапоги на каблуках и иногда черную широкополую шляпу. На безымянном пальце сверкал перстень с огромным бриллиантом, а на шее – толстая крученая золотая цепь, которую он не снимал, даже купаясь в море. Он появлялся на пляже в коротком махровом халате. Иногда он читал, но чаще играл в карты с несколькими знакомыми и с младшим братом Михаилом, 25 лет. Борис жил в двухкомнатном номере-люкс с отдельным душем, телевизором, холодильником. Питался он не в столовой, а дома – с немногими друзьями. На столе стояли черная икра в больших жестяных банках, мясо (шашлыки готовились тут же на пляже), подавался только что испеченный хлеб, язык, раки, виноград, шампанское и водка. Все эти недоступные рядовому отдыхающему деликатесы в неограниченном количестве поставлялись ему Галиной Брежневой-Чурбановой, которая приезжала изредка с шофером Валерой на белой «Волге». Приезжать ей было, видимо, сложно, и она была вынуждена хитрить, так как отец старался всячески блюсти честь дочери, уже ставшей к тому времени бабушкой».

Галина была грузной, высокой женщиной, которую при всем желании нельзя было назвать красивой. У нее были грубые, крупные черты лица, очень напоминавшие отцовские, темные волосы, забранные в пучок, и темные, густые брови. На пляж она выходила в длинном, до пят, шелковом халате. В свою речь Галина часто вставляла матерные слова.

Борис был умным и изощренным человеком. Он был скрытен и хитер, тактичен и вежлив. Пил он только шампанское и держал себя в руках. Галина была крайне раздражительна, так что Борису, напротив, нужна была сдержанность. Своего 40-летнего мужа-генерала Галина уже презирала и могла закатить истерику только потому, что Борис напоминал ей, что пора уезжать, дабы не огорчать папу и маму. Галина называла родителей «двумя одуванчиками», что не мешало ей восхищаться их преданностью друг другу и взаимной заботой. Иногда она говорила об отце, который, несмотря на возраст и болезни, каждый день купался в Черном море. «О нем много болтают, – говорила Галина, – но все-таки он борется за мир. Он искренне хочет мира». Напившись,

она громко говорила: «Я люблю искусство, а мой муж – генерал».

Борис Буряце жил в Москве в большой квартире в доме на улице Чехова, недалеко от Театра кукол, знаменитого театра Образцова; эту квартиру «подарила» Борису Галина Брежнева. Она же руководила покупкой мебели и роскошной отделкой комнат, которая свидетельствует главным образом не о художественном вкусе, а о богатстве владельца квартиры. Здесь имелось много антиквариата, на стенах висели редчайшие иконы, на специальном столике стоял подсвеченный разноцветными лампами сосуд с бриллиантами. У Бориса была очень большая коллекция бриллиантов, и приятели называли его нередко между собой «Борисом бриллиантовым». Дружба с Галиной превращала и самого Бориса в очень влиятельного человека, вокруг него начинали крутиться разного рода сомнительные личности, связи которых уходили в глубины подпольного бизнеса, черного рынка и уголовного мира Москвы.

Уже в 1979—1980 гг. Борис Буряце начал искать пути и возможности для отъезда за границу. Его не покидала тревога. Известный на Западе автор популярных песен Стенли Лаудан писал в одной из своих книг о знакомстве с Буряце: «Борис ждал меня перед гостиницей. Я сел в его машину. Милиционеры, стоявшие на перекрестках, отдавали Борису честь. Почему? Когда мы вошли в его квартиру, у меня захватило дух. На стенах без просвета висели великолепные старые картины, полы покрыты чудесными персидскими коврами, вдоль стен роскошная антикварная мебель, горки с превосходнейшим фарфором, иконы, хрусталь, хрустальная же бесценная люстра. Такое богатство в Советском Союзе можно было встретить только в музее… «Что такое сделал Борис для России, что имеет право жить в такой роскоши?» – подумал я. Он жил один, это было видно с первого взгляда, хотя из-за подушки выглядывал кончик женской ночной рубашки. «Смотри! Кое-что из этого было когда-то в коллекции царя». Я не сомневался, он говорил правду. Чудесный старинный серебряный сервиз: серебряные столовые приборы, такие тяжелые, что я чуть не уронил поданный мне для осмотра нож. Произведения искусства, которыми мог бы гордиться любой западный музей.

И вот – «гранд-финал». Борис достал замшевый мешочек и высыпал его содержимое на стоящий между нами столик. В свете лампы засверкала горка старинных драгоценностей: браслеты и серьги, заколки, брошки, кольца, бриллианты, рубины, сапфиры и изумруды блистали в оправах из старинного золота и серебра. Я онемел, а зеленые глаза Бориса искрились на фоне бесценного богатства».

Но дело не в этом мелком авантюристе. На него повесили темные отношения с дочерью Генерального секретаря, да еще какие. 29 января сотрудники КГБ среди бела дня заявились в квартиру Бори-Цыгана с ордером на обыск и правом на арест в зависимости от его результатов. В качестве понятых были взяты соседи, старушки-актрисы, более говорливой публики не существует на свете. К вечеру вся Москва наполнилась немыслимыми слухами, излагать их значило бы написать еще одну книгу. В двух словах речь шла о бриллиантах, золоте, старинных иконах, валюте в больших суммах, только что входивших в моду наркотиках и т.п.

Что тут было правдой, что хранилось у «Цыгана», а что ему подложили (такие приемы всегда у спецслужб), это мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Сплетни дружно сходились в том, что Боре разрешили по домашнему телефону позвонить Гале (поскольку это строжайше запрещается инструкциями, то в данном случае как раз вероятно). Галя будто бы приехала, и ее заботу о «Цыгане» внимательно наблюдали актрисы-понятые. И тоже потом рассказывали в подробностях.

Отбросив все обывательские пересуды, вычленим два бесспорных факта: во-первых, у Бори был обыск с понятыми и, во-вторых, произошла явная, да еще какая, «утечка информации», непосредственно касающаяся личности главы Партии и Государства. То, что это было сделано нарочито органами КГБ, – непреложный факт, перед которым ничего не значат любые подлинные или выдуманные подробности. Ясно, что это делалось нарочито, а подобная «нарочитость» в таких службах бывает только по наивысшему приказу.

Далее история разрастается снежным комом слухов, оставим их, но есть и точные факты. С Галей был как-то связан директор московских цирков Колеватов. Уличенный в приеме многочисленных «подарков» от артистов, а также в валютных делах, он исключается из членов коллегии Министерства культуры в феврале 1982 года. Его дальнейшая судьба делается еще круче.

Заключим нечистую историю с Борей-Цыганом, которая, впрочем, выразительно характеризует нравы брежневского окружения, любопытным свидетельством Роя Медведева:

«Благодаря любезности и вниманию Председателя Верховного Суда СССР Е.А. Смоленцева, а также правам и статусу народного депутата СССР я получил возможность в начале 1991 года ознакомиться с многотомными делами А.А. Колеватова, Б. Буряце, некоторых торговых дельцов. И обвинительные заключения, и протоколы допроса, и тексты приговоров содержат

данные о многочисленных хищениях, взятках, длинные списки изъятых драгоценностей. Однако нигде в этих с сотнями различных документов томах нет упоминаний о связях подсудимых с Галиной Брежневой, с семьей Щелокова, с семьей В. Гришина или с самим Брежневым. Даже для такого неспециалиста, как я, было очевидно, что каждый из подсудимых мог так долго находиться на своем посту и иметь столь баснословные ценности лишь при наличии мощного покровительства власть имущих. Но ни следователи, ни государственные обвинители, ни судьи не задавали (или не заносили в протокол) вопросов о связях подсудимых с партийными лидерами и членами их семей. Однако и для большинства членов Политбюро, и для крупных дельцов теневой экономики и уголовного мира было понятно, против кого направлены эти удары пришедшей в движение машины КГБ. Андропов и его политические союзники демонстрировали свою осведомленность и силу. Западные газеты были полны разного рода слухами, корреспонденты этих газет хотели получить в ТАСС фотографию Галины Брежневой, но их просьбы не были выполнены».

Неприятности для дочери Генсека начались сразу же, причем они были нарочито публичны, то есть демонстративны, напоказ, хотя средства массовой информации в Советском Союзе о том даже не намекали! Но «кому надо» знали, и очень точно. Например, Галина Леонидовна, в ту пору штатный работник МИД, не явилась на торжественное заседание своих коллег 23 февраля, что ей вменялось бы по должности. Кто удержал ее от так вроде бы необходимого появления «в свете» – отец, муж или охранники, мы не ведаем, да и неважно это.

Далее в течение всего 1982-го сплетни о Гале не умолкали по всей стране, по ее делам вызывались свидетели, но главное – вся страна от Риги до Камчатки теперь знала – семейство брежневское ворует сверх меры, а сам Генсек не только рамолический старец, но и тоже вор. Казалось, Андропов уверенно шел к властолюбивой цели, им поставленной.

Интриги, которые он вел вокруг Брежнева в ту пору, были поразительно разнообразны. Одна из них связана со спектаклем драматурга Михаила Шатрова (Маршака), давнего песнопевца Ленина и Дзержинского. Эпизод этот не только характерный, но и забавный. О нем тем более стоит напомнить, что бывший драматург-коммунист теперь забросил свои театральные шалости ради строительных гешефтов. Бывает и не такое в наше время!

Плодовитый сочинитель Ленинианы в театре (спектакли эти шли по всей стране и в «соцстранах», так что он позволял себе

кататься в «мерседесе»), Шатров был далеко не человек с улицы в партийных верхах. Отец его был крупным хозяйственным деятелем, а тетка вышла замуж за известного Алексея Рыкова. Личная судьба всех троих оказалась, конечно, несчастной, но потом начинающий драматург получил немалую фору как «жертва культа личности». При Хрущеве, когда он начал писать, это особенно ценилось. Да и связи остались кое-какие от родни.

Теперь совершенно точно известно, что Андропов покровительствовал Шатрову, принимал его и даже защищал. 27 апреля 1988 года мне довелось участвовать в совещании историков, проводившемся на высшем уровне. Вел А. Яковлев, блистала Раиса Максимовна – «перестройка» была в расцвете. Выступает Шатров и зачитывает письмо тогдашнего директора ИМЛ А. Егорова по поводу как раз «Так победим!..». Отзыв резко отрицательный (искажается, мол, образ Ленина), но адресатом-то был… Андропов, шеф КГБ, ибо письмо то секретное направлено ему еще в январе 1982-го. А затем драматург воздал хвалу шефу политической полиции за тайную помощь.

Действительно, 4 марта 1982 года «Правда» торжественно объявила, что накануне МХАТ посетили Брежнев, Андропов, Громыко, Черненко и другие (не прибыли иногородние начальники). Последняя фраза небольшой заметки определяла все: «Спектакль прошел с большим успехом».

Пьеса – обычная поделка соцреалистического агитпропа, но все же с некой «начинкой». Там прослеживаются две сквозные мелодии: в стране надо наводить твердый порядок, порядок, порядок… Русский народ ленив, расхлябан, он нуждается в жесткой узде, узде, узде… А третья слабо звучащая тема все-таки прошла «пунктиром» по всему спектаклю: Ленин любил евреев, любил, любил…

Наплевать на мнение Егорова, главного дегустатора историко-партийного хозяйства, добиться выпуска спектакля, привести туда Генсека – все это мог сделать только Андропов. И сделал, что говорит еще раз о его настойчивости и целеустремленности. И о том еще, что подспудные идеи шатровского сочинения были ему по душе.

А тут еще неприятные для Брежнева обстоятельства. В начале года скончался его ровесник и друг Константин Грушевой – с 1965 года он стал членом военного совета (то есть комиссаром) Московского военного округа. Командующие менялись, а он пятнадцать лет оставался на месте. Имея некоторые дела с Московским военным округом, я отлично знал (как и все, «кому надо»), что без участия Грушевого там никакие серьезные вопросы не решались. Ясно, какое значение имело это для Генсека:

столичный округ-то…

Вскоре случилась неприятность с самим Леонидом Ильичом. В 20-х числах марта Брежнев посетил Ташкент. На митинге на авиационном заводе леса, на которые опиралась трибуна Генсека, рухнули, его спас охранник, прикрыв своим телом. 23 марта Брежнева привезли в Москву в неважном состоянии, хотя серьезных угроз здоровью не было. Меж тем уже был объявлен на май месяц очередной Пленум ЦК КПСС. Что приходилось ожидать от него партии и народу? Это выяснилось очень скоро, и, мы убеждены, совсем неожиданно для многих, считавших себя знатоками.

Однако ошибались те, кто даже видел Брежнева вблизи, будто он полный рамолик. Да, он перенес несколько инфарктов, правда не очень тяжелых. Да, неважно было с речевым аппаратом. Однако, обладая несомненно сильной волей, он умел брать себя в руки в ответственные часы и события.

Брежнев был истинно советско-русский большевик, то есть в какой-то мере строгий последователь древнейших традиций византийского церемониала (то, что он о той державе не слыхивал, не имеет никакого значения, как все простые люди, он жил чувством, а византинизм заложен у всех русских в генетической памяти). Так вот, Леонид Ильич свято чтил все партийно-государственные обряды. Не пойти на демонстрацию 1 мая? на парад 7 ноября? Это было бы для него каким-то святотатством, умирай, но приди.

На заранее объявленный Майский Пленум он пришел. И хотя в ходе заседания он сказал лишь пару фраз об открытии и закрытии его, хотя он физически чувствовал себя ужасно, хотя последние месяцы его сотрясали дурные новости, но он пришел. И устоял.

Газета «Правда». Сообщение ТАСС:

«24 мая 1982 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Л.И. Брежнева „О продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации“. В прениях выступили… (всего двенадцать человек). Пленум ЦК КПСС рассмотрел организационные вопросы. Пленум ЦК избрал секретарем ЦК КПСС члена Политбюро ЦК КПСС тов. Андропова Ю.В. – перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС т.т. Шалаева С.А., Чазова Е.И., Костина В.С., директора шахты «Знаменка» Кемеровской обл. На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу».

Майский пленум прошел очень сжато. Главное событие: Андропов становится Секретарем ЦК и освобождается от поста шефа КГБ (оставаясь, естественно, в Политбюро). Никаких маломальски достоверных подробностей не поступило. Стал ли он на место Суслова? Выходило вроде бы так, ибо ему подчинились отделы пропаганды, культуры, науки, международный, соцстран и придворное учреждение Замятина. Так, но Адмотдел, но КГБ – за кем они? Объявили, что во главе Лубянки поставлен генерал-полковник В. Федорчук, кадровый чекист, бывший шеф КГБ в Киеве.

Этот единственно достоверный факт давал некоторую возможность для объективной оценки. Во-первых, грубейшее нарушение привычной номенклатуры: даже Дзержинский в конце 1917-го стал создавать «органы» уже будучи избран в ЦК (причем и весьма малочисленный тогда). А Федорчук на недавнем съезде не вошел даже в Ревизионную комиссию (ничего это не значило практически, но так, для почета). Значит, его прямые заместители Цинев и Чебриков, являясь членами ЦК, были как бы выше своего начальника в партийном смысле? Это была некоторая странность, ибо кооптация в ЦК уставом не предусматривалась. Возможно, Федорчук был тайным ставленником Андропова, но вряд ли. Зато Брежнев знал его хорошо, ибо отдыхал обыкновенно в Крыму, поэтому Федорчук обязан был по службе ему представляться; а Леонид Ильич всегда внимательно присматривался к кадрам, следил за их перемещением.

Косвенное, но довольно авторитетное свидетельство именно такого положения дел при новом назначении Андропова появилось недавно. В воспоминаниях столичного Первого В. Гришина «От Хрущева до Горбачева» говорится: «С приходом в Комитет государственной безопасности, Ю.В. Андропов отменил все меры по демократизации и некоторой гласности в работе госбезопасности, осуществленные Н.С. Хрущевым. По существу, восстановил все, что было во время Сталина (кроме, конечно, массовых репрессий и беззаконий, творившихся тогда в органах госбезопасности).

Он добился восстановления управлений госбезопасности во всех городах и районах, назначения работников госбезопасности в НИИ, на предприятия и в учреждения, имеющие оборонное или какое-либо другое важное значение. Органы госбезопасности были восстановлены на железнодорожном, морском и воздушном транспорте, а также в армии и военно-морском флоте. Вновь стали просматриваться письма людей, почта различных организаций. Восстановлена система «активистов»,

«информаторов», а проще, доносчиков в коллективах предприятий, учреждений, по месту жительства. Опять началось прослушивание телефонных разговоров, как местных, так и междугородных. Прослушивались не только телефоны. С помощью техники КГБ знал все, что говорилось на квартирах и дачах членов руководства партии и правительства. Как-то в личном разговоре Ю.В. Андропов сказал: «У меня на прослушивании телефонных и просто разговоров сидят молодые девчата. Им очень трудно иногда слушать то, о чем говорят и что делается в домах людей. Ведь прослушивание ведется круглосуточно…».

Органы госбезопасности фактически стали бесконтрольными. Конечно, ни о какой гласности или критике их и речи быть не могло. Ю.В. Андропов через Л.И. Брежнева добился того, что КГБ из комитета при Совете Министров СССР стал Комитетом госбезопасности СССР, то есть никому не подчиненной организацией, полностью самостоятельной, фактически подведомственной только Генеральному секретарю ЦК КПСС. Органы госбезопасности практически стали над правительством и даже, в известной мере, над партией. Руководители комитетов и управлений стали непременными членами руководящих партийных органов в центре и на местах. Повысилась роль, место КГБ в системе государства. Они стали активнее проявлять себя в делах охраны страны, в выработке ее внутренней и внешней политики. Однако в партии и народе повышение их роли и влияния в значительной мере воспринималось со страхом, боязнью попасть в поле зрения органов госбезопасности и, следовательно, с возможными осложнениями по службе, ущемлением некоторых прав (поездки за границу, продвижение по работе и др.) и даже привлечением к уголовной ответственности, ссылкой и высылкой из страны с лишением советского гражданства».

В свете вышесказанного перемещение Андропова убедительнее выглядит как устранение его с ключевого поста в государстве. И назначение председателем КГБ Федорчука это подтверждает. Оно было чрезвычайно многозначительным.

Вернемся к книге В.В. Гришина.

«В. Федорчук был переведен с должности председателя КГБ Украинской СССР. Наверняка по рекомендации В.В. Щербицкого, наиболее, пожалуй, близкого человека к Л.И. Брежневу, который, по слухам, хотел на ближайшем Пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии».

В.В. Гришин пишет: «по слухам». Но вот свидетельство более

определенное. Иван Васильевич Капитонов: при Брежневе он был секретарем ЦК КПСС и занимался партийными кадрами.

«В середине октября 1982 года Брежнев позвал меня к себе.

– Видишь это кресло? – спросил он, указывая на свое рабочее место. – Через месяц в нем будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учетом этого.

Вскоре на заседании Политбюро было принято решение о созыве пленума ЦК КПСС. Первым был поставлен вопрос об ускорении научно-технического прогресса. Вторым, закрытым – организационный вопрос». Но Брежнев внезапно умер, и «организационный вопрос» поставлен не был…

Также неясно было, изменилось ли положение Черненко. Вся Москва говорила, что после кончины Суслова он самовольно занял его кабинет. Он стал вмешиваться в идеологию, хоть и по второстепенным вопросам. Словом, густой туман опустился над Москвой, а реальных обстоятельств мы не ведаем и по сию пору. Тогда, как и сейчас, я полагаю (как многие мои товарищи), что Брежнев переиграл Андропова, дав ему огромное аппаратное поле в ЦК, но… оставив ли ему КГБ?..

Наконец, еще два весьма достоверных предположения. Явно какую-то роль тут сыграли Щелоков и его службы, всегда верные Брежневу. Во-вторых, вряд ли Федорчук был человеком Андропова, ибо его не выгнали бы так скоро с Лубянки после кончины Брежнева. Щелоков же после той кончины был просто раздавлен (и это при выдержке Андропова и его умении выжидать; значит, накипело). И напротив, стремительное возвышение В. Чебрикова после изгнания киевского выдвиженца наводит на мысль: сей днепропетровец так ли уж был верен своему великому земляку?

О совсем закрытом Чебрикове известна одна примечательная идеологическая подробность. В 1981 году, когда он был уже замом Андропова и членом ЦК, на экраны вышел фильм известных тогда кинорежиссеров вполне партийного направления А. Алова и В. Наумова «Тегеран-43» (о Тегеранской конференции и действиях там доблестных чекистов). Картину готовили на большой экран, даже пригласили баснословно дорогую кинозвезду Алена Делона на эпизодическую роль. Никакого успеха слащавый детективчик не имел, но в титрах фильма промелькнуло нечто интересное: «Консультант В. Чебриков».

И все. Но это дорогого стоит. Режиссеры по своим идейным позициям были не «русисты», а совсем наоборот, но именно им оказал свое содействие всемогущий зам Андропова. Все, что известно о нем, говорит о полном равнодушии к изящным искусствам. Или он делал это по подсказке шефа? Словом, «темна

вода во облацех»…

Отметим попутно одно интересное обстоятельство: единственный из ныне живущих крупных деятелей той эпохи, кто не оставил никаких воспоминаний и не дал ни одного интервью в печати, это только Виктор Михайлович Чебриков. А ведь именно он стал шефом КГБ при Андропове, и вплоть до 1988 года. Он-то знает очень много. Но молчит почему-то.

Период с июня по октябрь 1982 года – исключительно темное место в советской политической истории: все вроде бы на своих местах в Политбюро, все тихо-спокойно, обычная словесная рутина в идеологии, потихоньку воюют в Афгане, ведутся с Западом многоречивые переговоры о разоружении, но что-то, что-то напряженное чувствовалось.

Сколько-нибудь реальные обстоятельства скрыты по сей день, поэтому пока нечего и гадать. Вот почему так смешно читать самоуверенное пустобрехство Соловьева и Клепиковой. Это так смешно, так напоминает плохой голливудский фильм, что нельзя не потешить читателя. Цитируем:

«Рано утром 10 сентября министр внутренних дел, генерал армии Щелоков получил от Брежнева официальное разрешение на арест Андропова – «в интересах безопасности государства» – и отдал приказ генерал-лейтенанту Чурбанову немедленно выполнить распоряжение Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Чурбанов отправил одновременно два наряда милиции – один на квартиру Андропова, другой – к его кабинету в ЦК. Оба милицейских наряда, естественно, натолкнулись на внутренние войска безопасности. Один, который направлялся на Старую площадь к зданию ЦК, был разоружен верными Андропову войсками еще по дороге. Второй оказался более проворным. По слухам, которые у нас нет возможности проверить, в доме № 26 по Кутузовскому проспекту, где поэтажно занимали квартиры Щелоков, Брежнев и Андропов, в тот день слышалась перестрелка. По Москве поползли зловещие слухи об убитых и раненых».

На супругах-соавторах не только креста, но и стыда нет. Откуда им такой бред привиделся? Прошло десять лет «перестройки», но в нашей печати о тех «перестрелках» не упомянуто ни слова. Забудем же о беспардонных лгунах, но еще раз отметим – примерно на таком же уровне описывается деятельность Андропова и за рубежом, и, к сожалению, иногда у нас.

Как же обстояло на самом деле? Имелись ли трения между главами крупнейших правоохранительных ведомств? Да, имелись, и с времени дряхления Брежнева постепенно и

неуклонно обострялись. Брежнев при всей осторожности и внешне полном повиновении Андропова, однако, в глубине души не доверял ему. Как известно, тот не ездил с ним на охоты, не участвовал в банных, винных и тем паче иных делах. Для Генсека глава Лубянки оставался «чужим». А позже к подозрениям прибавились, видимо, и доносы. Тогда же в противовес Андропову Брежнев начинает усиливать ведомство Щелокова.

…Немногие лица, проходившие через подъезды № 1 и № 1а ЦК КПСС на Старой площади (там на пятом этаже располагались кабинеты всех Секретарей и стояла дополнительная охрана), молчаливо изумлялись, почему наряду с рослым, заматеревшим уже офицером КГБ напротив него стоял юноша в красных погонах рядового МВД? Теперь-то ясно: свидетель. Безоружный, узкоплечий, глупый, но свидетель. В случае чего его пришлось бы «мочить», а это… о, это очень опасно! Об этом мы, там бывавшие, осторожно перешептывались.

Кто только не написал мемуаров о последних годах правления Леонида Ильича! Но об отношениях темной пары Андропов – Щелоков дружно все помалкивают, как сговорились. Понятно, тайны спецслужб – дело для гласного обсуждения небезопасное. И только наивный кремлевский лекарь Чазов позволил себе кратко проговориться. После известия о самоубийстве Цвигуна «я позвонил Андропову и рассказал о случившемся. По его вопросам я понял, что это было для него такой же неожиданностью, как и для меня. Единственное, о чем он попросил, чтобы мы никого не информировали, особенно органы МВД (зная отношения в то время МВД и КГБ, мы не собирались этого делать), сказал, что срочно будет направлена следственная группа, с которой и надо нашим товарищам решать все формальные вопросы.

Как мне показалось, Брежнев, или в силу сниженной самокритики, или по каким-то другим причинам, более спокойно, чем Андропов, отнесся к этой трагедии. К этому времени это был уже глубокий старик, отметивший свое 75-летие, сентиментальный, мягкий в обращении с окружающими, в какой-то степени «добрый дедушка». Как и у многих стариков с выраженным атеросклерозом мозговых сосудов, у него обострилась страсть к наградам и подаркам».

Как бы то ни было, но после Майского пленума ЦК КПСС на Лубянке появился ставленник Брежнева Федорчук, а нелюбимый Андроповым Щелоков устоял. Нет, рано хоронили Леонида Ильича! Каковы бы ни были «перетягивания каната» в Кремле в 1982-м году, но идеологией Андропов продолжал внимательно заниматься, вникая в детали. И тут волей-неволей придется

вернуться к не очень значительному на общем фоне «делу Семанова».

В августе 1981 года органами КГБ был арестован историк-публицист А. Иванов, выпустивший в «самиздате» ряд сочинений, которые идеологическое начальство сочло вредными. В течение лета и зимы по делу Иванова таскали на допросы немало людей, большинство их я знал, это были обыкновенные русские интеллигенты, ни в коей мере не злодеи и не заговорщики. Меня упредили накануне, причем довольно необычно: по телефону в конце июля меня вызвал сам начальник «пятки» генерал Ф. Бобков и, уже при встрече, профессионально-благожелательно улыбаясь, просил меня вести себя «сдержаннее» и просмотреть «круг своих знакомых». Беседа была очень краткая и состояла из общих слов. Я не придал ей особого значения, просто предупреждают: сиди-ка ты, парень, тихо… Я ошибся.

За мной было устойчивое наружное наблюдение («наружка», выражаются в «органах»), это так мало скрывалось, что даже я, человек слабо наблюдательный, не мог не заметить. Звонил я уже только из автомата, благо у Киевского вокзала, близ моего дома, их множество и по ним говорят беспрерывно, так что подслушивание там крайне затруднено.

Главное для меня – это спрятать документы, в особенности мои летописные записи. Здесь, в этом без шуток опасном деле, мне с готовностью помогли мой старый друг, известный литератор Марк Любомудров и мой ученик молодой историк Владимир Колобаев. Первый спрятал чемодан на даче под Ленинградом, второй – на даче под Москвой. Сделали мы это довольно ловко, ибо Лубянка очень интересовалась моими бумагами, но концов не нашла. Дом был «очищен», что очень важно для возможного подследственного.

Теперь, много лет спустя, с удовольствием выражаю признательность Любомудрову и Колобаеву за их мужество и добавлю – спасли они не мое личное добро, а материалы отечественной истории.

…26 марта 1982 года рано утром за мной приехали два приятных молодых человека и предъявили ордер на допрос. Я разбудил жену, шепнул ей на ухо, кому звонить, если я «задержусь», и мы сели в машину. Судя по маршруту, догадался – везут в Лефортово. Неплохо. Однако, после стольких лет, могу с полной откровенностью признать, что я был совершенно спокоен: все было давно продумано и оценено, все возможные решения приняты.

Меня проводили через несколько коридоров со стальными дверями, которые гулко захлопывались позади, один из

сопровождавших шел спереди, другой сзади, в кабинете усадили на стульчик против света и т.п. – словом, все шло по учебным приемам, мне уже хорошо известным. Так устроил Господь, что, прослужив пять с половиной лет в главном юридическом журнале, побывав и в лагерях, и в тюрьмах, и наговорившись с людьми по обе стороны колючей проволоки, все (нехитрые, в общем-то) следственные приемы и ловушки я знал и их не боялся. Это несведущие люди не знают и боятся, поэтому девять десятых их «раскалываются» чуть ли не на первом допросе. Нельзя за такое осуждать людей, силы тут слишком неравны. Потом научатся.

Допрашивали меня в Лефортове два дня, устроили очную ставку с Ивановым. Я все вежливо отвергал, угроз обыска и записи на видеомагнитофон не боялся (во всяком случае, так им утверждал). Признался в пустяках, что когда-то покупал (не брал, покупал!) у Иванова журнал «Вече», оговорив особо, что никому его не показывал, а уничтожил. (Это чтобы мне «распространение» не пришили; соврал, конечно, все десять номеров лежат у меня, как новенькие.) Главнейшего, чего они хотели, не добились: то есть хранившихся у меня ценнейших бумаг; обыск они не устроили, сообразили, что моя квартира «очищена», а зачем им лишние скандальные хлопоты? На том, подписав осторожный протокол, и расстались.

Впрочем, задача этой книги – воссоздание образа Юрия Андропова и его истинной роли, а вовсе не подробности жизни скромного русского литератора Сергея Семанова. Вот почему предоставим слово документу, совсем недавно извлеченному из тайных хранилищ Лубянки. Это уж во всяком случае «объективный» свидетель.

«Записка КГБ СССР в ЦК КПСС
об антисоветской деятельности С.Н. Семанова
4 августа 1982 г. Секретно

Комитетом государственной безопасности СССР в 1981 году по признакам ч. 1 ст. 10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) было возбуждено уголовное дело в отношении Иванова А.М. (ЦК КПСС информирован).

На предварительном следствии и в судебном заседании Иванов, признав себя виновным в систематическом изготовлении и распространении сочинений, содержащих клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный

строй, показал, что отдельные враждебные действия им совершены в результате подстрекательства со стороны члена КПСС Семанова С.Н. (…)

В ходе расследования уголовного дела на Иванова Семанов допрашивался в качестве свидетеля, однако вел себя неискренне, изворачивался, пытался уклониться от дачи правдивых показаний, но под давлением неопровержимых улик вынужден был признать, что действительно приобретал у Иванова за деньги указанный антисоветский сборник. Другие компрометирующие его факты… Семанов отрицал. В суд он не явился, заручившись справкой о болезни.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда 24 июня 1982 года вынесла частное определение в отношении недостойного поведения Семанова и постановила направить это частное определение в Московское отделение Союза писателей РСФСР для принятия мер. О недопустимости антиобщественного поведения Семанов в июле 1981 года предупреждался также Комитетом государственной безопасности СССР. Ему было предложено прекратить провокационную обработку отдельных представителей творческой интеллигенции, которым он внушал идею якобы назревшей необходимости создания всякого рода «самочинных комитетов общественности» по борьбе с коррупцией и воровством. Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

В. Федорчук».

Действительно, частное определение по моему поводу было составлено скоро и направлено в Союз писателей Москвы. В основном там повторялся текст Федорчука (только подпись была, разумеется, судьи Л. Миронова), но в конце следовала приписка из нескольких энергичных фраз. Вот они:

«Все выше приведенные обстоятельства свидетельствуют о недостойном поведении Семанова, кандидата исторических наук, члена СП и состоявшего в рядах КПСС, который не только некритически относился к антисоветской деятельности Иванова, с которым длительное время поддерживал тесные отношения, но и по существу своими разговорами и советами поощрял противоправную деятельность Иванова. Судебная коллегия

находит, что факты недостойного поведения Семанова должны стать предметом обсуждения Московского отделения СП и его партийной организации».

«Дело» мое, естественно, тут же началось. Создалась комиссия, требовали объяснений, составляли анкеты. «Сверху» был дан указ: из партии и из Союза писателей исключить, и немедленно. Опять-таки опустим подробности этой весьма примечательной истории, расскажем о ней как-нибудь в другой раз, но есть прямые данные, что Андропов за моим делом следил непосредственно. По-видимому, в его мрачной душе зрела идея создания процесса против «русистов» как врагов развития страны, реакционеров. А процесс должен быть серьезный, как в дни его молодости, и участвовать в нем должны люди более или менее известные.

…Как-то в августе того же 82-го мне позвонила бывшая ученица, жена художника, рассказала, что была в компании с дочерью А. Яковлева (тогда еще посол в Канаде, а в 50—60-х годах сослуживец Андропова по идеологическому аппарату ЦК), муж ее (второй) тоже был художником «прогрессивных» направлений. Так вот, молодая дама рассказывала со слов отца, что летом во время отпуска Андропов говорил с Яковлевым по поводу русофобской его статьи десятилетней давности: мол, недавно перечел и полностью согласен (в статье той изрядное место было отведено моей зловредной персоне).

Но вот что любопытно: через пару недель ученица осторожно встретилась со мной и добавила, что Яковлева с супругом им тут же вежливо, но твердо от дома отказали… Ну, что телефон мой был «на кнопке», это дважды два, дело в ином: ни один опер, даже в большом чине, не посмел бы сообщить дочери Яковлева о контактах ее отца с Андроповым и предостеречь от продолжения знакомства. Ясно, что об этом докладывали «самому». Как видно, даже в покойные минуты отдыха Андропова не покидали мрачные размышления о «русистах»…

И вот еще эпизод той поры, очень интересно характеризующий личность Андропова. Тут надо представить пожилую уже в ту пору даму – поэтессу Екатерину Шевелеву, пропагандистские ее стишки и очерки не стоят внимания, но в Союзе писателей эта подвижная дама почти открыто была человеком от КГБ, поддерживала личные отношения с Андроповым, с которым вроде бы зналась с молодых лет (они примерно ровесники). Она тут же проявила нежное внимание ко мне, сочувствовала (ну ясно, для лучшего сбора информации).

В моих заметках отмечено, что 9 сентября она по «вертушке»,

которая имелась в СП, позвонила Андропову, в кабинете присутствовали Стаднюк, Ионов (секретарь Союза по оргделам) и еще кто-то, все чуть не потеряли сознание от страха. Но поскольку разговор был прилюдный и никаких клятв ни с кого не брали, то он стал достоянием сравнительно широкого круга лиц.

Цитирую по моей записи: «У меня важное дело. – Провожу совещание. – Это о Семанове. – Да, мне об этом говорил Игорь. – Я беседовала с Чебриковым. – Да, десять дней назад. – Документ очень путаный и неясный. – Ваш партком имеет право попросить дело. – Можно сослаться на вас? – Можно. – Или лучше все-таки не надо? – Да, я человек эмоциональный, смотрите сами».

Яснее ясного, что это был разговор «для публики»: Андропов, мол, ничего не знает (от сына, видите ли, узнал), показной либерализм («попросите дело» – ясно, что его и не подумали попросить) и, наконец, уход от собственного мнения («смотрите сами»). Не исключено, что и сам разговорчик с сексоткой был отрепетирован. (Характерно, что потом Шевелева, несмотря на дряхлость, печатала антикоммунистические стишки.)

И еще: Альберт Роганов, тогдашний Секретарь МК по идеологии, рассказывал своим близким (а те потом мне), что в эти осенние дни Андропов дважды говорил по спецсвязи с Гришиным. Нетрудно сообразить, что речь шла и о моей судьбе. Уставной порядок был такой: меня исключают из рядов партком, затем райком, а утверждает Московский горком. Значит, мой партийный труп окажется на участке т. Гришина, а зачем ему это надо? Была тут одна тонкость, передать мое дело (ввиду тяжести партийного преступления) прямо на Комиссию партконтроля, тогда Москва была бы в стороне. Между Андроповым и Гришиным были тогда уже очень плохие отношения (первый начал копать под второго, о чем далее). Зачем же Гришину оказывать хоть и мелкие, но услуги своему противнику?

Кое-что зависело и от решения первичной партийной организации по моему поводу. В начале октября заседание парткома состоялось. Это было многокрасочное зрелище. Я держался твердо и спокойно, осторожно и умело побил себя кулаком в грудь, то есть дал сочувствующим меня как-то защищать. В итоге при голосовании в парткоме я получил строгача со счетом 9:5. Это была победа! В ЦДЛ русские писатели ликовали, как будто это был счет матча на Кубок мира.

Добавим попутно один штрих, как по-разному относились Андропов и его люди к «русистам» и лицам из той же среды, но совершенно противоположного умонастроения.

Мое дело придирчиво разбирается Московским парткомом писателей… Примерно в те же поры Б. Окуджава пребывал в

Париже, где жил у А. Гладилина, тот же работал на радио «Свобода», то есть прямо от ЦРУ. В паре они выступали по французскому телевидению, и выступали довольно-таки согласно. Другого советского гражданина, тем паче члена КПСС, за такое дело четвертовали бы, но Окуджаве это даже не поставили в вину. Почему с ним обошлись так «гуманно», не захотел при жизни объяснить он сам. Объясняться его друзья теперь не спешат, но любому современнику ясно, что без самых высших дозволений на Лубянке такое не выпадало никому.

Возвращаясь в Москву после парижских бесед, Окуджава дал небольшую промашку. Рассказывали тогда, что вез он с собой нечто печатное (ну, мы все тогда возили). Подъезжая к границе, он не придумал ничего лучшего, как прилепить провозимую литературу клейкой лентой под днище спальной полки. Видимо, не знал, бедолага, что пограничников уже на первых занятиях учат, где и как прячут «враждебную литературу». Нашли, составили протокол и запустили шифровку, как тогда водилось, в несколько адресов.

И тут-то обнаружились некоторые расхождения в дозах партийно-государственной ответственности для «русистов» и иных прочих. Окуджаве тут же пришел срочный вызов, насколько я помню, из Италии на какой-то прогрессивный фестиваль. И что же? Окуджаве партком потихоньку «ставит на вид» (пустяковое наказание, оно даже не заносилось в учетную карточку), и он отбывает на прогрессивное мероприятие.

Мне же оставался еще Краснопресненский райком и его приговор. Первый райкома Козырев-Даль прямо сказал, что будет «советоваться» (ясно, что с Гришиным). Дело все еще оставалось неясным: Андропов жаждал моего исключения, ибо тогда послушное правление СП лишало писательского звания меня, то есть хоть какой-то призрачной гражданской защиты и… со мной уже можно было поступать как будет нужно. И тут, как в классической трагедии, ударил гром небесный.

…Как сейчас помню, вечером в среду 10 ноября сидели мы семьей на кухне и ужинали. Приемник был настроен на «Голос Америки». И вот слышим: по сведениям из диссидентских кругов, на днях был арестован писатель Сергей Семанов…

Далее шла моя краткая биография. Мистика. Тут же последовало немало звонков, частью анонимных (дело нешуточное, понятно). На другой день утром сообщили: скончался Леонид Ильич Брежнев… Мир праху его, но назавтра, то есть в четверг вечером я обязан был явиться в райком по своему персональному делу. Впрочем, меня недолго оставили в сомнениях: позвонили из райкома и сказали, что бюро

отменяется.

В четыре часа дня передали состав похоронной комиссии, во главе – Андропов. Все ясно, он взял власть. И подумал я тогда, что это хорошо, не начнет же он свое царствование с казни, да еще такого скандального преступника.

Так и произошло. 18 ноября состоялось бюро райкома, никто не произносил резкостей. Я отвечал покаянными банальностями. Это был не только лучший, но и единственный способ спасти не только себя, но и товарищей. А ну, порви я на себе рубаху? Ах, так вот они все какие?! А заплачь? Тогда потребуют голов, кто, мол, совратил?! Нет, ускользнул. Конечно, вытрясли со всех служб и службишек. Зампред РСФСР по культуре В. Кочемасов, мой добрый покровитель, даже циркуляр разослал по всей Руси Великой, чтобы меня изгнали изо всех подразделений Общества охраны памятников (одним из создателей которого я был). Но, снявши голову, по волосам не плачут. Главное же – воронку вокруг меня и моих друзей-«русистов» раскрутить не удалось. Итак, к новому, 1983 году «дело Семанова» прикрылось (пока!), а полновластное царствование Юрия Владимировича началось.

…Вот уже почти двадцать лет покоится в могиле прах Леонида Ильича Брежнева. Памятников ему не поставили. Единственный мемориал, что по нему остался в Москве, это мраморная доска на доме по Кутузовскому проспекту, где он долгое время жил. У доски почти всегда лежат свежие цветы. До сих пор. И это не от официальных делегаций, коммунистических или любых иных. Это просто людское чувство признательности к доброму, хоть и непутевому русскому человеку.

А вот то, что началось вскоре после кончины Леонида Ильича и продолжается по сей день… Это для иной книги!

Тайна шестая
ВЛАСТЬ ВИДИМАЯ И НЕВИДИМАЯ

«…Все люди доброй воли с глубокой горечью узнали о кончине Леонида Ильича. Мы, его близкие друзья, работавшие вместе в Политбюро ЦК, видели, каким величайшим обаянием обладал Л.И. Брежнев, какая огромная сила сплачивала нас в Политбюро, каким величайшим авторитетом, любовью и уважением пользовался среди всех коммунистов, советского народа, народов всего мира. Он очаровывал всех нас своей простотой, своей проницательностью, своим исключительным талантом руководителя великой партии и страны. Это был поистине выдающийся руководитель, замечательный друг, советчик, товарищ…».

Какой же «близкий друг» Брежнева и «человек доброй воли» произнес эти слова во второй половине дня 10 ноября 1982 года? Совсем нетрудно догадаться – Андропов. Слушателей пока было немного, двадцать человек, не считая его самого, это были члены Политбюро и Секретари ЦК КПСС, собравшиеся, чтобы решить вопрос о престолонаследии на троне главы величайшей империи мира, когда-либо существовавшей на свете. Все двадцать человек знали прекрасно, что лукавит Юрий Владимирович. Знали, что именно он интриговал против покойного, вытащил на свет грязное белье его дочери, обо многом ином знали. Но молчали, ибо вопрос о наследстве был предрешен.

Теперь уже точно известно, как все это произошло. Подспудная борьба, а точнее уж – толкотня вокруг угасающего Генсека шла давно, и это было всем собравшимся хорошо известно. Брежнев обожал своего друга «Костю» и в последние годы беззастенчиво проталкивал это тусклого человека наверх. То, что он был ничтожен по способностям и не пользовался ни малейшей популярностью у сограждан, тогдашние кремлевские верхи никак не беспокоило, они были такими же или чуть получше (через два с лишним года его-таки и избрали в Генсеки, и ничего, просидел он год, пока сам тихо не помер!). Но наперерез «Косте» твердо двигался Андропов. У него были серьезные возможности для победы, и он их использовал полностью.

Хотя на Лубянке воссел чуждый Андропову Федорчук, вся верхушка там была предана Андропову (во главе с Чебриковым, второй «первый зам» в КГБ Цинев Владимир Карпович, свояк Брежнева, только что тихо справил свое семидесятипятилетие и к

делу был уже не пригоден). Партаппарат контролировался Андроповым примерно на одинаковом уровне с Черненко, но эта важнейшая в стране сила в острых обстоятельствах средств для переворота не имеет. Остается еще одна ипостась, от которой теперь зависело многое, – Вооруженные силы. Андропов давно сошелся с Министром обороны Устиновым, и они загодя договорились действовать сообща. Маршал, кстати, в вожди и не рвался. Известно теперь, что Устинов сам пошел к Черненко и «попросил» его выдвинуть Юрия Владимировича в Генеральные. Константин Устинович охотно согласился, тут уж и дураку ясно, в чем дело. (Хотя загодя они проговаривали с Предсовмина Н. Тихоновым, что тот выдвинет на грядущем заседании именно его.)

Собрание партийного ареопага вечером 10 ноября прошло буднично-спокойно и заняло всего около часа. Андропов уверенно занял председательское место за большим столом, хотя никто его в председатели не выдвинул. Молчание всех было согласием. Андропов монотонно продолжал чтение по бумажке: «Курс, выработанный нашей партией на ее последних съездах, это ленинский курс. Именно по этому пути Политбюро во главе с Леонидом Ильичом вело нашу партию и весь советский народ прямой дорогой к коммунизму.

Конечно, наши враги (старый чекист не мог этого не сказать) будут делать все, чтобы нарушить единство и нашу веру в будущее, поколебать наши ряды и стойкость. Они будут делать выводы из факта кончины Леонида Ильича.

Никто из нас не может заменить Леонида Ильича Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Мы можем успешно решать вопросы, которые решает партия, только коллективно…

Сегодня на повестке дня Политбюро стоит вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Какие будут предложения, прошу товарищей высказаться».

«Товарищи» дружно молчали, но один из них, не теряя много времени, пожелал высказаться. Разумеется, это был Константин Устинович. Слабым, задыхающимся голосом (у него была застарелая астма) этот невзрачный старичок, которому уже шел семьдесят второй год, произнес заранее затверженные в слабой памяти слова.

«Я вношу предложение, – продолжал самый приближенный в последние годы к Брежневу человек, – избрать Генеральным секретарем ЦК тов. Андропова Ю.В. и поручить одному из нас выступить с соответствующей рекомендацией на пленуме ЦК…».

Все члены партийного синклита дружно загалдели, закивали головами: «Правильно», «Верно», «Мы согласны»…

Маршал Д.Ф. Устинов поставил последнюю точку в обсуждении: «Я считаю, что надо поручить Константину Устиновичу Черненко выступить на Пленуме с соответствующей рекомендацией об избрании тов. Андропова Ю.В. Генеральным секретарем ЦК КПСС».

Все вновь дружно заговорили: «Правильно, поддерживаем».

Так вот творилась история в брежневско-андроповскую эпоху. Только и остается сказать: скучно! И действительно, среди двадцати одного человека не обнаружить ни одной яркой личности! В том числе, разумеется, и новоиспеченного Генсека. Интриганом он был великолепным, заговорщиком оказался удачным, окружение незаметно успел создать себе вполне определенное, но… и все. Однако этого оказалось довольно, чтобы выйти вперед среди окружавшей его такой серой толпы. Все произошло легко и быстро. А ведь совсем недавно…

7 ноября Брежнев, несмотря на плохую погоду, отстоял парад и отправился на дачу. Отдохнув, 9-го вышел на охоту, вернулся в хорошей форме и бодром настроении. Рано лег спать и велел дежурному разбудить его в восемь утра и приготовить документы к предстоящему Пленуму ЦК по науке. Лег, а под утро, тихо, не приходя в сознание, скончался. «Отошел», – как говорили в таких случаях в старину. И еще говорили: как жил, так и помер. Он, проживя в жуткое время, всегда оставался в душе добрым человеком, заслужив у Господа милость легкой кончины. Увы, его преемник скончался совсем иначе…

Смерть Брежнева наиболее достоверно и подробно описана в воспоминаниях Юрия Чурбанова:

«9 ноября Леонид Ильич приехал из Завидова на свою дачу в Заречье. Он был в хорошем настроении, хорошо себя чувствовал. Вечером посмотрел программу «Время» – он никогда ее не пропускал. А до программы «Время» один или два документальных фильма. После этого сказал начальнику охраны:

– Разбуди меня завтра в 8 часов, поедем в ЦК, надо поработать над документами к Пленуму.

Врача и медсестру, которые дежурили на даче, Леонид Ильич всегда на ночь отпускал домой. По складу характера он не любил, чтобы медики его чрезмерно опекали.

Леонид Ильич поднялся к себе в спальню и лег, принял традиционные таблетки, которые ему постоянно подсовывала медсестра Коровякова. Комитетский человек. Там, начиная с кухарки, все были комитетчики.

Ночью, как говорила потом Виктория Петровна, около 4 часов Леонид Ильич вставал в туалет, затем снова лег в постель. Спал он на двух подушках: внизу большая плоская, сверху маленькая.

Утром Виктория Петровна встала, как обычно, раньше всех. Это было связано с приемом лекарств. Шторы на ночь опускались, в спальне было темно, она ничего не заметила; приняв лекарства, выпив кофе, позвонила начальнику охраны: пора будить Леонида Ильича.

И когда пошли будить, увидели, что он сполз с этой маленькой подушки. Поза была неестественная, он не подавал признаков жизни. Как могли, в меру своей обученности, охранники начали делать искусственное дыхание. Но всем было ясно, что помочь уже ничем нельзя.

Тут же было сообщено Чазову. Внучка Леонида Ильича позвонила мне в машину около девяти:

– Срочно приезжайте, с Леонидом Ильичом плохо.

Я заехал за женой, она тогда работала в Министерстве иностранных дел, и мы со всей возможной скоростью направились на дачу. Виктория Петровна сказала, что уже приезжал Андропов и взял портфель, который Леонид Ильич держал в своей спальне. Это был особо охраняемый «бронированный» портфель со сложными шифрами. Что там было, я не знаю. Он доверялся только одному из телохранителей, начальнику смены, который везде его возил за Леонидом Ильичом. Забрал и уехал.

После Андропова прибыл Чазов, зафиксировал смерть».

Конечно, свидетельство Чурбанова может быть пристрастным, у него не было оснований любить Андропова. Но портфель все же был, а изъял его именно Андропов, да еще довольно-таки бесцеремонно. Будем надеяться, что о содержимом портфеля мы когда-нибудь узнаем…

Смерть Брежнева, хотя она всеми ожидалась чуть ли не со дня на день, произошла все-таки внезапно. Однако, исходя из общей обстановки на вершине власти, все просто и объяснимо: кроме Андропова не имелось никаких реальных претендентов.

Конечно, Андропова многие не любили, но «старики», толпившиеся около Черненко (Гришин, Тихонов, Соломенцев), не успели организоваться (они сделали это через год, но уже было поздно). Провинциалы, включая Романова, в игру, как обычно, не включались. Устинов свое ведомство смог бы поднять в любую сторону, но он предпочел Андропова. Громыко – слишком стар и равнодушен.

А Андропов был готов, и его люди готовы. Сильный Щелоков без Брежнева перестал уже быть фигурой, к самостоятельной роли, да еще в попытке силовой борьбы, он был никак не способен. Не теми силенками он располагал…

Вот и все.

По интриганскому своему коварству Андропов немедленно занялся кремлевской чисткой. Мигом исчезли Щелоков (сперва на пенсию, то есть в «райскую группу», как называли отстойник безработных маршалов). Затем Федорчука ставят шефом МВД. Надо знать нравы и традиции советских карательных органов, чтобы понять всю унизительность этого назначения. Уже с 1918-го ЧК и «лягавка» (милиция) тайно и злобно враждовали меж собой, но огромный перевес все 70 лет был за Лубянкой. И вот главного шефа КГБ – в «лягавку»… Впрочем, и там он просидел недолго. А во главе Лубянки Андропов поставил днепропетровца Чебрикова, который ему, видимо, в чем-то важном услужил. Военного бюрократа Устинова Андропов совсем не опасался. Итак, «органы» были подтянуты сразу.

Об этих важнейших перемещениях на высших государственных постах сохранилось любопытное свидетельство относительно скромного кремлевского чиновника О. Захарова, оставившего воспоминания с весьма характерным заголовком «Из записок бывшего секретаря трех Генсеков». Точное название для материалов, которые им собраны. Он с внимательностью камердинера к подробностям описывает, как Андропов издал указ «об освобождении Щелокова от обязанностей министра внутренних дел СССР. Вместо него назначался Федорчук. Через некоторое время Федорчук был приглашен к Андропову, и я, находясь в тот момент в кабинете по вызову Генсека, стал невольным свидетелем произошедшего разговора.

– Мы тебе присвоим звание генерала армии, – сказал Андропов. – Ты ни в чем не будешь ущемлен. Получишь нашу поддержку во всем.

Федорчук воспринял назначение без всякого энтузиазма и, выйдя из кабинета, произнес только: «Да…».

Вскоре позвонил Щелоков и попросил доложить Андропову о своей просьбе переговорить по телефону, что я и сделал. Юрий Владимирович тут же с ним соединился, а перед этим сказал: «Щелоков дачку просит. Ну что же, дадим ему небольшую дачку…». Вскоре выяснилось, что Щелоков просил не «небольшую дачку», а нечто совсем иное. За 17 лет работы министром он практически приватизировал большую государственную дачу МВД № 1 и госдачу № 8, которая служила и как Дом приемов МВД. Он занимал также большую служебную квартиру на ул. Герцена, 24. И на дачах, и на служебной квартире хранилось огромное личное имущество Щелокова и его семьи, которое уже не умещалось в его частных дачах, а также на дачах его сына. На одной из дач ковры лежали в восемь слоев – друг на друге, а картины известных русских художников – под кроватью».

Как говорится, «и так далее». Впрочем, о «деле Щелокова» мы подробнее расскажем ниже, оно в высшей степени характеристично для завершающего периода брежневской эпохи.

На новой должности Генерального секретаря Андропову пришлось решать великое множество самых разнообразных дел, многие – если не большинство – из которых носили второстепенный, а то и просто-напросто рутинный характер. Да, обстановка на заседаниях Политбюро была для него не новой: уже пятнадцать лет он заседал там в качестве кандидата и девять – как полноправный член этой самой решающей инстанции великой страны, чьи постановления уже никто отменить или даже поправить был не в силах. Так, но тогда подавляющее большинство тех дел его, как руководителя КГБ, непосредственно не касалось. Он, как и его коллеги, послушно голосовал вместе с большинством, тем более соглашаясь с мнением Генсека. Теперь настали иные времена – он, лично он отвечал за все. Совсем с иным напряжением сил приходилось ему теперь готовиться к этим заседаниям и тем паче проводить их. И так – почти каждую неделю.

В архиве бывшего уже теперь ЦК КПСС сохраняются с великой бережностью документы так называемой «Особой папки» – материалы заседаний Политбюро. Готовили их, а потом сохраняли для архива несколько сотрудников Общего отдела ЦК. Они были строго засекречены и всем им, даже рядовым, запрещалось при любых обстоятельствах пересекать границы Советского Союза. Ныне эти сверхсекретные недавно документы стали достоянием историков, многое опубликовано.

Знакомство с этими материалами показывает, сколь перегружены были повестки дня заседаний Политбюро. Это было неизбежным следствием сверхцентрализации, изначально присущей советским способам руководства народным хозяйством и всеми иными сферами государственной и народной жизни. Повелось такое изначально. Например, я самолично читал в архиве документ, как в канун нового, 1921 года Совет труда и обороны под председательством самого В.И. Ленина рассматривал вопрос о «доставке двухсот мешков верблюжьей шерсти из Астрахани в Москву»…

Вот некоторые лишь примеры из «Особой папки» времен Андропова:

– Об ограничении допуска представителей армии Румынии к новым образцам вооружений.

– О доставке специмущества в Никарагуа.

– О контрразведывательном обеспечении МВД СССР, его органов и внутренних войск (фактически Андропов ввел контроль

со стороны КГБ за ведомством Щелокова).

– О лицах, представляющих особую опасность для государства в условиях военного времени.

– О бюджете КПСС на 1983 год.

– О реализации золота…

Порой в протоколе стояла лишь лаконичная запись: «Вопрос КГБ», «Вопрос Министерства обороны», «Вопрос международного отдела ЦК»… Решения сразу же попадали в категорию «Особой папки». Это вопросы деятельности советской разведки и контрразведки, разработки и испытания нового оружия, финансирования компартий зарубежных стран, материального обеспечения членов Политбюро. С появлением Андропова в ранге Генерального секретаря на Политбюро стали еще чаще, чем раньше, рассматриваться вопросы спецслужб. «Кагэбизация» общества при Андропове не могла ослабеть. Она возросла. Едва заняв кабинет вождя, Андропов уже. 10 декабря 1982 года соглашается с обсуждением на «самом верху» вопроса «О привлечении советских граждан еврейской национальности к активному участию в контрсионистской пропаганде». В пояснительной записке говорилось, что «известные люди еврейской национальности воздерживаются, за редким исключением, от публичной оценки сионизма». Естественно, решили создать соответствующую «группу» под эгидой того же КГБ (и создали).

Поговорил Ю.В. Андропов с В. Ярузельским 13 апреля 1983 года по телефону. Соответственно Политбюро в своем постановлении отмечает: «Одобрить беседу Генерального секретаря т. Андропова с Первым секретарем ЦК ПОРП В. Ярузельским…». Вроде бы беседа – это явление по крайней мере двустороннее, но Политбюро привычно «одобряет» разговор двух лидеров. Приглашения Генсеком своих коллег из социалистических стран отдохнуть в СССР также подлежали непременному утверждению Политбюро. Андропов продолжил давнюю кремлевскую традицию и в 1983 году пригласил в СССР руководителей «братских партий» Э. Хонеккера, Ле Зуана, Ф. Кастро, К. Фомвихана, Ю. Цеденбала, В. Ярузельского, Н. Чаушеску, Г. Гусака и, конечно, своего старого доброго знакомого Яноша Кадара.

Перечень бесконечно разнообразных (в том числе и бесконечно малых) вопросов можно длить сколь угодно долго. Остановимся только на одном случае из вышеперечисленных. Странная вроде бы мера – привлекать евреев к «контрсионистской пропаганде», но смысл тут имелся и исходил он непосредственно от Андропова. После ввода наших войск в Афганистан в декабре

1979 года резко обострились отношения СССР с западными странами. В связи с этим выезд советских евреев с израильскими паспортами в любые, по существу, страны мира стал ограничен. Это вызвало некоторое брожение среди еврейской общины в Советском Союзе. КГБ попытался тут перехватить инициативу и создал нечто вроде «еврейской зубатовщины» – «Антисионистский комитет» из ряда сугубо проверенных лиц еврейской национальности: академика Минца, генерала Драгунского, актрисы Быстрицкой и иных. Мероприятие оказалось, естественно, мертворожденным, хотя начальство там было приравнено к самому высокому рангу и снабжено автомашинами, «авоськой» и «кремлевкой»…

Вообще тема «КГБ и выезд евреев» исключительно интересная, но личное участие Андропова в этом очень остром деле пока документально не отражено. Есть лишь одно косвенное свидетельство, зато от его ближайшего соратника, который именно этим пикантным вопросом и занимался. Обратимся вновь к воспоминаниям генерала Бобкова.

«Особенно поразил такой случай. Будучи в Киеве в 1974 году, я встретился с первым секретарем ЦК компартии Украины В.В. Щербицким, которого очень уважал. Он отличался здравым подходом к решению вопросов, глубоким знанием рассматриваемых проблем и личной порядочностью. Наша первая встреча навсегда запечатлелась в памяти – подтвердились все мои первые впечатления об этом человеке. В числе прочих мы обсуждали вопрос о выезде евреев. Владимир Васильевич спросил меня:

– Почему вы препятствуете выезду?

Я с удивлением ответил, что у меня об этом совсем иное представление: именно здесь, на Украине, главным образом и чинятся препятствия.

После беседы мне стала абсолютно ясна точка зрения первого секретаря ЦК компартии Украины. Однако в его аппарате придерживались иного мнения. Там считали, что, открывая дорогу для выезда евреев, мы тем самым открываем для нашего противника источники закрытой информации. Чиновники всячески препятствовали разумному решению. За долгие годы не раз убеждался в том, что очень многое зависит от среднего звена, от так называемого аппарата – и в центре, и в республиках. Чиновники разного ранга саботировали любое неугодное им решение и зачастую протаскивали прямо противоположное.

Так случилось и в тот раз. Вскоре после разговора со Щербицким Комитет госбезопасности Украины прислал в Москву записку с предложением резко ограничить выезд из СССР лиц

еврейской национальности. Не буду высказываться на сей счет. Председатель КГБ Украины В.В. Федорчук, присутствовавший на беседе со Щербицким, явно следовал советам из Москвы, исходившим от ревностных хранителей военных тайн и мало считавшимся с нараставшими внутренними межнациональными конфликтами. А этим как раз и пользовались силы, добивающиеся дестабилизации политической обстановки в СССР».

Хитрит, хитрит тут недавний начальник «пятки»! Составлялись его мемуарные речения уже при Ельцине, а при его «дворе» евреи заняли многие руководящие места, да и сам отставной генерал армии перешел на службу к Гусинскому. Вот почему он пытается изобразить, будто всегда был лучшим другом уезжающих на «историческую родину» евреев. Но два обстоятельства подлинных тут проглядываются. Во-первых, и он, и его начальник Андропов (покровитель Арбатова и Бовина), действительно, пытались облегчить «отъезд». Но верно и другое: основной корпус офицерского и даже генеральского состава КГБ, людей действительно патриотичных, этих игр высшего начальства не знали и «носителей секретов» старались не выпускать.

Тяжелым испытанием для пожилого и нездорового Андропова стала в новой должности необходимость публичных выступлений и появлений на людях. Он к этому совершенно не привык. Пятнадцать лет просидел он в кабинете на Лубянке за семью запорами, общаясь только с очень узким кругом лиц. Шесть месяцев он провел в должности «второго секретаря ЦК», но на людях тоже не появился, продолжая сугубо канцелярский вид деятельности. Но Генеральный секретарь правящей партии обязан общаться «с массами»…

Опять-таки к «массам» новому Генсеку надо прийти хоть с чем-то свежим, хоть немножечко новым. Уж сколь мало ни были избалованы и терпеливы советские граждане, но они от него этого требовательно ждали. И вот Андропов, всю жизнь проведший в административно-канцелярской стихии, додумался только до административного же «новшества»: называлось оно «наведение дисциплины и порядка». Конечно, при Брежневе все это сильно расшаталось, народ явно ждал действительного наведения порядка, прежде всего – в борьбе со взятками. Два с половиной месяца выжидал Андропов, пока вышел «к народу». Уже до этого велено было не опаздывать на работу, бороться с прогульщиками, строже контролировать дисциплину и пр. И вот он решился сказать о том публично.

31 января он решил посетить Московский станкостроительный завод. Кратко осмотрев цеха и побеседовав с

рабочими на их рабочих местах, Андропов выступил затем с речью в заводском клубе. Главной темой был опять-таки вопрос о дисциплине. Укрепление дисциплины и наведение порядка в стране объявлялись главной задачей партии и государственных органов на ближайшие месяцы. «Нынешний год, – говорил Андропов, – сердцевинный год пятилетки. Надо доделать то, что мы, прямо говоря, не сделали за первые два года, и постараться наверстать упущенное, создать условия для нормальной работы в последние два года пятилетки… Где же, говоря ленинскими словами, то самое звено, за которое, надо ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь? Цепь-то большая, тяжелая. И хотя нельзя все сводить к дисциплине, начать надо, товарищи, именно с нее… Без должной дисциплины – трудовой, плановой, государственной – мы быстро вперед идти не сможем. Наведение порядка действительно не требует каких-либо капиталовложений, а эффект дает огромный».

Этот тезис проводился и через всю пропаганду и печать. «Правда» писала: «В наши дни для успеха всего экономического и социального развития страны необходимо сосредоточить внимание на вопросах решительного укрепления дисциплины и повышения организованности. Предстоит везде и всюду внедрить тот образцовый порядок, о котором Владимир Ильич писал в работе «Великий почин», чтобы создать максимально благоприятные условия для эффективного производительного труда».

Тусклые, пустые слова! Это советским гражданам уже обрыдло за последние годы брежневского царствования! Вместо борьбы с чиновными ворами стали проверять людей в магазинах или кинотеатрах – не пребывают ли они там в рабочее время? Это было даже смешно, однако очень раздражало людей. Запечатлено это в замечательной частушке, которая станет лучшим памятником для той поры:

Проверял Андропов в бане
Стоверенья личности.
Ничего не показали
Кроме неприличности.

А между тем дела о высокопоставленном казнокрадстве сами стучались в двери андроповской канцелярии. И здесь придется подробно рассказать о пресловутом «деле Щелокова», всколыхнувшем страну.

«Родился в 1910 г. 26 ноября в рабочем поселке Алмазная Ворошиловградской области. В 1926 г., по окончании семилетки,

поступил в горнопромышленное училище и начал работать на шахте им. Ильича в г. Кадиевка. По окончании горпромуча в 1928 г. продолжал работать на шахте…

В 1935 г. поступил на завод металлургического оборудования в г. Днепропетровске. Здесь я работал сменным инженером, зам. начальника доменного цеха. В декабре 1938 г. был избран 1-м секретарем Красногвардейского РКП(б)У в г. Днепропетровске, а в декабре 1939 г. – председателем Днепропетровского горисполкома.

В начале войны, после эвакуации города, добровольно пошел в действующую армию… находился на ответственной командно-политической работе…

С 1951 г. по 1966 г. – первый заместитель Председателя Совета Министров Молдавской ССР, председатель Совнархоза МССР. В марте 1966 г. был избран вторым секретарем ЦК Компартии Молдавии.

17 сентября 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР назначен Министром охраны общественного порядка СССР. С 25 января 1968 г. – Министр внутренних дел СССР. С 22 декабря 1983 г. – Военный инспектор – Советник Группы Генеральных инспекторов Министерства обороны СССР,

За время работы избирался делегатом XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездов партии, в 1966 г. избран кандидатом в члены ЦК КПСС, а в 1968 г. – членом ЦК. Депутат Верховного Совета СССР с 1954 г. Награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденами Богдана Хмельницкого II степени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями СССР, а также орденами и медалями братских социалистических стран. В 1980 г. за большие заслуги перед Советским Государством и в связи с семидесятилетием со дня рождения Президиум Верховного Совета СССР присвоил мне звание Героя Социалистического Труда. За ряд работ по развитию экономики Молдавской ССР в 1978 г. мне присуждена ученая степень доктора экономических наук…».

Это из официального документа, где фактические данные выверены. Ясно любому, что Щелоков шел след в след за Брежневым. Они были близки лично, старший полностью мог положиться на младшего. Даже из автобиографии виден перебор с чинами и наградами. О безмерном приобретательстве Щелокова в последние годы уже кратко говорилось. Но будем объективны. Щелоков был сильным и предприимчивым организатором. Органы МВД обязаны ему очень многим, отчего авторитет его среди личного состава был исключительно высок. В своих

подозрениях относительно Андропова (как оказалось, небезосновательных) Брежнев мог на него вполне положиться. Мстительный Андропов уволил Щелокова 16 декабря 1982 года, вскоре его семья оставила две роскошные госдачи и получила поскромнее в Серебряном Бору. Там и произошло первое трагическое событие.

«С семьей Щелокова Н.А. я знакома с 1971 года, с этого времени выполняю в их доме работы по хозяйству, готовлю им еду… Отношения у Николая Анисимовича с женой были исключительно хорошими, доброжелательными…

19 февраля, в субботу, я, как обычно, приехала к ним на дачу в половине девятого утра, чтобы приготовить завтрак. Покормила их в одиннадцать часов, оба поели с аппетитом, оделись и пошли на прогулку. Ничего необычного в поведении и разговорах Щелоковых я не заметила, разве что Светлана Владимировна была очень грустной. Однако таким ее состояние наблюдалось все последнее время – переезд с министерской дачи на другую, прекращение встреч и связей с постоянным кругом друзей и знакомых она переживала болезненно…

Вернулись они с прогулки примерно в половине первого, разделись и прошли в столовую, где о чем-то говорили между собой. Я с Тамарой (сестрой-хозяйкой госдачи. – *С.С.)* сразу ушли на кухню готовить им чай и закрыли за собой дверь. Этим мы занимались минут пятнадцать и вдруг услышали крик Николая Анисимовича. Мы выбежали в коридор и увидели его, спускавшегося по лестнице со второго этажа. Он был взволнован, растерян и кричал: «Моя девочка застрелилась!» Мы бегом поднялись на второй этаж и увидели, что Светлана Владимировна лежит в луже крови на полу в спальне. При нас она два-три раза судорожно вздохнула и затихла. Николай Анисимович наклонялся к ней, щупал пульс, обнимал ее. Он испачкал руки кровью и когда поднимался, то опирался на кровать. Следы крови на пододеяльнике оставлены им. Хорошо помню, что на диване лежал пистолет. В ногах у Светланы была ее сумочка…

Николай Анисимович выдвигал ящики тумбочек и туалетного столика и горестно восклицал: «Как же она ушла из жизни и ничего не оставила?» Это из показаний сестры-хозяйки следствию.

Каковы бы ни были прегрешения тех людей, но трагедия есть трагедия. Мне доводилось встречаться с супругой Щелокова, это была интересная, подтянутая (много моложе мужа), светская и умная женщина. Кстати, в служебные дела супруга она никак не вмешивалась, о чем знало все МВД. Несчастья семьи на этом не кончились. Андропов решил, видимо, сделать из Щелокова

показательную фигуру в его так и не развернувшейся «борьбе с коррупцией». Начались вызовы на допросы в органы дознания членов семьи и сопричастных лиц. Подробности всплыли неприятные. Например, розы и гвоздики (в букетах по 25 штук в каждом) аккуратно доставлялись по пятницам и перед праздниками по домашним адресам членов семьи Щелокова. Сам Щелоков, его сын, дочь и невестка подтвердили факт безвозмездного получения цветов и оспаривали только их количество. При этом невестка Щелокова, Нонна Васильевна, пояснила: «Цветы привозил офицер; кто он по званию – не знаю, в званиях не разбираюсь, за исключением генеральских».

«С августа 1981 года по январь 1983 года гр-ну А., кандидату исторических и юридических наук, выполнявшему «личные поручения министра», бесплатно была предоставлена одна из служебных зимних дач МВД. Ему было присвоено специальное звание «полковник милиции» и установлен оклад в сумме 548 рублей, однако достоверно выявить, чем все это время занимался «полковник» А., так и не удалось. У следствия были данные, что он помогал дочери Щелокова написать кандидатскую диссертацию… Два с лишним года во ВНИИ МВД СССР числился лаборантом гр-н Е., за которым был круглосуточно закреплен автомобиль «Жигули». Фактически, как признал Е. на следствии, он выполнял обязанности личного массажиста и фотографа семьи Щелоковых, за что ему была предоставлена двухкомнатная квартира. По данным ревизионной проверки, Е. незаконно выплачено около 4 тысяч рублей, а расходы по эксплуатации «Жигулей» составили 1,8 тысяч рублей». Это опять из справки следствия.

Финал бурной жизни знаменитого Министра внутренних дел был тоже трагичен. Уже более полугода, как Андропов сам ушел из жизни, но тень его по-прежнему нависала над старым и больным генералом. 13 декабря 1984 года около двух часов дня он застрелился у себя на квартире. Вот подробности трагедии из оперативных документов:

«Когда сотрудники ГВП прибыли для осмотра места происшествия, вся семья Щелоковых была в сборе, а мертвый Николай Анисимович лежал лицом вниз в холле – выстрелом в упор он снес себе полголовы. На нем был парадно-выходной мундир генерала армии с медалью «Серп и Молот» (муляж), 11 советскими орденами, 10 медалями, 16 иностранными наградами и знаком депутата Верховного Совета СССР, под мундиром – сорочка из трикотажного полотна с расстегнутым воротом, галстук отсутствовал, а на ногах были домашние шлепанцы. Под телом Щелокова находилось двуствольное бескурковое ружье 12

калибра с горизонтальным расположением стволов и заводским клеймом на ствольной планке «Гастин-Раннет» (Париж).

В столовой на журнальном столике были обнаружены две папки с документами, две грамоты Президиума Верховного Совета СССР и медаль «Серп и Молот» № 19395 в коробочке красного цвета, на обеденном столе – портмоне, в котором были 420 рублей и записка зятю с просьбой заплатить за газ и свет на даче и рассчитаться с прислугой, а сын Щелокова предъявил два предсмертных письма отца – первое было адресовано детям, а второе – К.У. Черненко. В этом письме Щелоков прощался с членами Политбюро, заверял их, что не нарушал законности, не изменял линии партии, ничего у государства не брал, и молил только об одном – чтобы его ни в чем не виноватых детей избавили от терзаний. Заканчивалось письмо такими словами:

«Прошу Вас, не допускайте разгула обывательской клеветы обо мне, этим невольно будут поносить авторитет руководителей всех рангов, а это в свое время испытали все до прихода незабвенного Леонида Ильича. Спасибо за все доброе. Прошу меня извинить. С уважением и любовью – Н. Щелоков». И дата – 10 декабря 1984 года».

Судьба Щелокова по-своему чрезвычайно характерна для эпохи, в которой довелось жить и действовать Андропову. Ранняя жизненная закалка, тяготы военных и послевоенных лет, упорство и способности в достижении цели – все сделало их, бесспорно, сильными политическими личностями. А затем наступило слабое брежневское время с его легкими и такими доступными соблазнами. Андропов оказался этому чужд, сжигаемый честолюбием, он сосредоточился только на карьере. Щелоков не выдержал и пустился во все тяжкие. И в конце такой удачной жизни перечеркнул все свои действительно полезные дела. Но характерно: старые менты чтут своего давнего, такого хваткого министра. Он был лих даже в своих грехах.

* * *

Бурно начавшееся в стране и связанное с именем Андропова «наведение порядка и дисциплины» быстро прошло свой пик, оставив после себя только анекдоты и частушки. Ничего существенного в социальной природе советского общества это не изменило. Экономика и общественная жизнь страны по-прежнему страдали застойными явлениями, и им, казалось, не предвиделось конца.

Конечно, Андропов понимал, что изменения необходимы, но у него не нашлось характера для крутых действий, а свойства его советников и помощников ясно говорят, что и от них подобных советов и подсказок ждать было бесполезно – трусоватые карьеристы, хоть и либерально-еврейского окраса (они и потом, при «перестройке», себя не очень-то смогли проявить). Вот почему Андропов более следовал за событиями, нежели направлял их в стране и в мире.

Тогдашний член Политбюро В.И. Воротников, председатель безвластного правительства Российской Федерации, опубликовал не так давно свои мемуары, которые носят примечательный подзаголовок: «Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС». Действительно, в книге собраны записи Воротникова, сделанные им ходе заседаний Политбюро. Ну, о самых-самых секретах он предусмотрительно не записывал (или предпочел не публиковать), но источник все равно оказался весьма интересный. Из него видно, как Андропов что-то пытался оживить в рутинной традиции «застоя», но получалось-то у него…

Вот лишь несколько кратких отрывков о самом центральном по времени председательствовании Андропова в высшем органе власти в Советском Союзе (идет 1983 год).

30 июня. Первое заседание Политбюро, в котором я участвовал в новой роли – Председателя Правительства РСФСР.

Вел его Ю.В. Андропов. Строго, напористо. Первый вопрос – об экономической политике ряда западных стран по отношению к Союзу. *Складывается невыгодная, неэффективная для нас структура внешней торговли, экономических связей в целом. Импорт растет, причем много берем «барахла», а не технологию. Западные страны стремятся взять и берут у нас сырье. Остальная продукция неконкурентоспособна. Госплану, министерствам следует подумать, как расширить экспорт машин, конечных продуктов переработки нефти, что для этого нужно сделать. Одновременно надо скорректировать структуру импорта. С умом тратить деньги. К этой работе подключить обкомы партии. И учесть подходы, разработанные при формировании новой пятилетки.*

Затем рассмотрели вопрос о финансовой помощи союзным республикам из бюджета страны. Андропов посетовал на иждивенческие настроения руководителей республик. *Не считают деньги, не изыскивают дополнительные финансовые ресурсы. Привыкли «протягивать руку».* После обсуждения решили все-таки выделить необходимые финансовые ресурсы.

7 июля. Заседание Политбюро. Вел Ю.В. Андропов.

Подвели итоги переговоров с Г. Колем и Х.-Д. Геншером.

Н.А. Тихонов изложил ход переговоров с руководством ФРГ по подготовке экономического соглашения на пятилетку (сжижение угля, развитие Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, сокращение поставок нам продукции сельского хозяйства, средств связи). *Вообще, наш удельный вес в торговом балансе ФРГ низок (около 2%), а их в нашем – тоже около 5%. Но для них важен не экономический эффект, а политический.*

Ю.В. Андропов отметил принципиальность и твердость нашей позиции. *Поблажек от нас ждать нечего. Встречи были полезными. В поведении Г. Коля заметна определенная поза, самолюбование. Считает себя уже крупным политиком.Х.-Д. Геншер, на мой взгляд, компетентнее, хитрее, опытнее. Больше и острее полемизирует.* Политбюро одобрило итоги переговоров.

28 июля. Заседание Политбюро. Вел Ю.В. Андропов.

Об итогах работы в первом полугодии 1983 года. Прогноз на второе полугодие. Информации Н.К. Байбакова и В.Ф. Гарбузова.

Они изложили общую картину. Некоторые министерства в июле стали работать хуже: химическое машиностроение, угольная, легкая и некоторые другие отрасли промышленности. Идут разговоры о нереальности плана второго полугодия. Выискивают всякие объективные причины.

Начались выступления. Сетования: надо разобраться, так нельзя, нужны дополнительные ресурсы, капвложения и т.д.

Я слушал. Общие рассуждения, перечисление «объективных» причин, а конкретных предложений нет. Только одно – надо, надо!

Андропов молчал, подавал отдельные реплики. Когда выслушал всех, стал чеканить фразы в притихшем зале.

Экономика на перевале 11-й пятилетки. Отвечает ли складывающаяся обстановка требованиям экономической политики, решениям ноябрьского Пленума? Нет, не отвечает. Нужно видеть тенденцию. Что же случилось? В стране улучшилась морально-политическая обстановка, что способствует подъему трудовой инициативы. Об этом свидетельствуют итоги первого полугодия. Почему же сейчас сбои? Нужно прекратить демобилизующие разговоры о невыполнимости плана второго полугодия и года. Более того, можно частично компенсировать задолженность 1981 и 1982 гг. Требуется конкретная работа. Какая? Это дело Совмина, Госплана, Госснаба, министров.

Сегодня мы ничего конкретного не услышали. Не дело Политбюро заниматься частностями, водить вас за руку.

Сказал, что *в ряде западных стран коммунистические и рабочие партии пытаются приспособиться к ситуации, отходят*

от острых форм борьбы, не дают отпора реакционным силам. Наблюдается рост национальных, вернее, националистических мотивов. Буржуазия смогла национальные задачи поставить во главу угла, а компартии не ведут необходимой разъяснительной работы. Нам нужно иметь это в виду. Успех будет зависеть от того, насколько удачно мы свяжем интернациональные и национальные задачи. Это относится и к внешней, и к внутренней политике. Налицо явная недооценка и науки, и практики международного рабочего движения. Следует изучать его специально, партия должна знать, что происходит в рабочем движении, какие там развиваются процессы. Почему, например, в ряде компартий сокращается рабочая прослойка.

Андропов был явно не удовлетворен работой Международного отдела ЦК и его куратора – секретаря ЦК Б.Н. Пономарева».

Да, не стал Андропов Петром Великим, куда уж! Чуть-чуть усилил шевеления престарелого брежневского Политбюро, вот и все. Сделал замечание дряхлому Секретарю ЦК по международным делам Пономареву, да ему уже под восемьдесят стукнуло, из них более двадцати лет просидел он в своем кресле! На пенсию бы его отправить с почетом, а всевластный Андропов только осторожные намеки высказывал.

И еще. Брежнев любил издавать свои сочинения, несколько томов его речей и выступлений напекли, горы бумаги извели. Никто, разумеется, их в руки не брал, но начальственные кабинетные полки они украшали до поры. Что же Андропов? А ничего, продолжил ту же «линию»: к томам Брежнева, Суслова и прочих добавил свои. Лишь он стал Генсеком, Издательство политической литературы поспешило выпустить в 1983 году его «Избранные речи и статьи». В пухлом фолианте, который, как и другие подобные «труды» советских лидеров, не был никогда распродан, есть доклад «Ленинизм – наука и искусство революционного творчества». Пожалуй, центральное место материала выражает фраза: «Наша политика – политика классовая по своим принципам и по своим целям».

Свежая, оригинальная мысль, ничего не скажешь. Самому «автору» она была известна еще по рыбинскому техникуму… И вот – не хватило сил удержаться от такой насквозь уж нелепой и только раздражавшей людей формы подражания Ленину и Сталину. У тех, мол, были Собрания сочинений, и у нас пусть тоже будут… Нет, никак не надо преувеличивать «интеллигентность» Андропова, как сейчас это делают Бовин и Бурлацкий. Впрочем, они «интеллигенты» примерно такие же, как их покойный начальник…

Конечно, Андропов, хоть и сам был, что называется, «дитя застоя», с этим самым застоем пытался хоть как-то бороться. Но усилия эти были мелкими, а результаты получались совсем уж убогими. В поздние брежневские времена вся страна, как оспой, покрылась бесчисленными бюстами Ленина. Мастерили их из дешевенького гипса и водружали в скверики по всем градам и весям обширной страны. К ним иногда по праздникам сгоняли детишек с красными галстуками. В итоге эта никчемная мера только плодила анекдоты о Ленине (отменный фольклор, кстати, ныне внимательно изучаемый). И в этом мелком случае, как и с пресловутой «Малой землей», ни у кого и нигде не хватило духу вслух сказать хотя бы осторожное «против»…

Андропов решился хоть тут что-то предпринять. В апреле 1983 года он внес на Политбюро проект решения, звучащего предельно осторожно, хоть и все поняли: «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на строительство мемориальных сооружений». В документе прямо говорилось: « Запретить в 1983—1985 годах строительство новых и продолжение строительства начатых мемориальных музеев, монументов, обелисков, памятников, за исключением бронзовых бюстов лиц по указам Президиума Верховного Совета СССР, а также недорогих памятников погибшим в Отечественной войне».

Разумеется, члены Политбюро предложение своего Генерального секретаря одобрили единогласно. А дальше что? А ничего. Количество «памятников» Ильичу никак не сократилось, да вряд ли и дошло это высочайшее распоряжение до местных властей. Однако гораздо важнее другое: коллеги Андропова по Политбюро вскоре открыто показали, что чихать они хотели на тонкие инициативы своего Генсека. И вот по предложению Гришина, поддержанному Черненко, Тихоновым, Горбачевым, Громыко, Романовым, другими членами Политбюро, в начале декабря 1983 года приняли постановление «О сооружении памятника Ленину на Октябрьской площади в Москве», хотя в столице уже было несколько десятков монументов первому вождю. Строить и возводить памятники оказалось значительно легче, чем обеспечить людей элементарным снабжением. Ведь уже давно колоритной приметой Москвы (тем более других городов) стали бесконечные очереди в магазинах практически за всем, начиная от «жигулевского» и кончая – что поражало иностранцев! – ювелирными изделиями.

Разумеется, количество памятников Ленину, в столице ли они возводились или на перекрестках проселочных дорог, никакого влияния на идейную жизнь страны оказать не могли. А

идеологическая линия Андропова выразиться в отчетливом виде так и не смогла – с одной стороны, по его осторожности, ставшей второй натурой, а с другой – просто по малому времени, отпущенному ему судьбой. Однако твердо продолжалось одно: явное и настойчивое преследование деятелей того направления, деятелей которого бывший шеф КГБ, а потом Генсек именовал «русистами».

Писатель Виктор Петелин вспомнил недавно те времена. Его, одного из деятелей «Молодой гвардии» в прошлом, в 1982 году грубо обругали в одном либеральном издании. Он пишет: «Мне казалось, что вскоре появится ответ на эту «дикую» выходку редакции журнала, поместившей столь безответственную рецензию. Но ничего подобного не произошло, напротив, широко покатился слушок об этой рецензии, некоторые с удовольствием ее читали, «смаковали», предчувствуя близкое крушение партийной карьеры писателя, который открыто и настойчиво утверждал в своих сочинениях свою любовь к России, ко всему русскому. В «цедээловских» кругах потирали ручки от удовольствия: сначала «свергли» Сергея Николаевича Семанова, потом обвинили во всех «смертных» грехах Михаила Петровича Лобанова за его статью «Освобождение», потом «Литературная газета» напечатала заушательскую статью «Разрушение жанра», или Кое-что об исторической прозе» (21 сентября 1983 года) о романе Олега Михайлова «Ермолов», теперь вот подобрались и к Виктору Петелину. Кто следующий?! Поговаривали в связи с этим, что с приходом Андропова на вершину власти он дал указание составить списки всех русских патриотов, и списки эти называли «черными».

Да, так оно и было при Юрии Владимировиче. Бывшего редактора многомиллионной «Комсомолки» Ганичева запихнули во второстепенное издание и держали там на коротком поводке. Бородин и Осипов по-прежнему коротали время в лагерях и ссылках. Меня три года держали без работы и не разрешали публиковаться, зато «наружка» ходила за мной внимательнее, нежели за иным империалистическим агентом. Но именно тогда, в феврале 1983 года, я написал «в никуда» одно сочинение, посвященное началу деятельности Андропова. Теперь, двадцать лет спустя, воспроизвожу его, не изменив ни слова. Уже тогда я дал копии его нескольким лицам, они могут подтвердить подлинность в случае необходимости.

ВНИМАНИЕ: СТАРТ!

С незапамятных времен политики задумываются о природе государственной власти. Разнообразные ответы тут многочисленны и достаточно хорошо известны. В общем современная социальная наука считает, что сильная власть опирается на господствующие социальные группы в конкретном устройстве каждого общества. В современных обществах этот очевидный факт особенно тщательно припрятывается в своекорыстных целях правящей верхушки. В США, как настаивают апологеты, власть утверждается волею «большинства народа», выраженной через президентские и всякие иные выборы (в этом свято уверено и само пресловутое «большинство»). Смехотворность этого пропагандистского тезиса слишком очевидна для всякого объективного наблюдателя, все тут ясно.

В СССР считалось до последнего времени, что в русской революции победил рабочий класс, который и установил «диктатуру пролетариата». Удивительно, что в такую смешную байку долго верили (и не только в СССР), хотя с действительной историей это не имеет ни малейшего сходства. Неужели путиловские и сормовские рабочие возглавляли Реввоенсовет и ВЧК, Совнарком и Петросовет, Наркомпрос и т.д. до бесконечности?! Как раз именно русские индустриальные рабочие оказались в наихудшем положении среди всех других трудящихся слоев страны уже в первые же годы своей «диктатуры», получив помимо голода и нищеты еще и крепостное право с прививкой казарменной дисциплины; то-то две трети промышленного пролетариата разбежалось со своих предприятий кто куда смог!

Не будем касаться сложного вопроса о природе происхождения Советской власти, цель этих кратких заметок – сугубая политическая современность. Так вот современная теория, называющая себя по старинке «марксистско-ленинской», никак по существу не отвечает на вопрос о природе государственной власти в СССР. Все тут смутно и уклончиво: «диктатуры пролетариата» вроде бы нет, а есть «общенародное государство», которое состоит из двух классов и странной «прослойки» (интеллигенции то есть), причем «рабочий класс» занимает, как сейчас осторожно выражаются, «ведущее» положение в обществе. Обнаженная глупость этой «теории» столь явна, что в нее не верят даже студенты, сдающие экзамены по марксизму, как и их доценты.

Для того чтобы правильно оценить современность, следует ясно очертить те крупнейшие общественные силы, которые действуют более или менее компактно в СССР, имеют отчетливые социальные признаки и могут по-разному относиться к политике правящей верхушки страны в тот или иной период ее

деятельности. Особенностью СССР является, по существу, единоличное (фактически – неограниченное) правление и полное отсутствие всякого механизма наследственной передачи власти: из четырех правителей страны трое умерли в своей постели, один был мирно свергнут, но всякий раз после этих событий начиналась борьба за власть, исход которой всегда оставался неясен и труднопредсказуем. В эти промежуточные эпохи советские общественные Силы особенно четко выявлялись. Каковы же они?

В СССР изначально, с 20-х годов, сложилось пять крупнейших Сил, воздействие которых на Власть сказывалось не по-западному, т.е. конституционно, а по-российски – мистически: Партия (партийный аппарат высшего и среднего звена), Армия, Госбезопасность, интеллигенция и молчаливый народ. Влияние всех этих Сил в послесталинское время распределялось в той примерно последовательности, в какой они выстроены. Разумеется, никаких числовых выкладок привести тут невозможно – никаких данных такого рода нет ни в СССР, ни на Западе, да и вряд ли подобные, столь свойственные России полумистические ипостаси можно положить на модный язык современной технократической науки. Утверждаем лишь, что наличие и действия этих Сил отчетливо сознаются политическими практиками в СССР, хотя по большей части подспудно или инстинктивно. Тем не менее все пять Сил очень четко очерчены и строго разграничены. Они консервативны, как все устойчивое, и мало перемешиваются меж собой (в послесталинское время). Объединяет их общая верхушка. Власть, где ипостаси, напротив, легко меняются: известный Шелепин в разное время возглавлял молодежь, КГБ и профсоюзы, пока не упокоился в недрах третьестепенного ведомства. Но такие (нередкие) скачки существуют, как правило, только на самом высшем уровне.

Безусловным лидером всей пяти Сил является Партия – так было даже тогда, когда по мановению Сталина ее терзала Госбезопасность в 1937 году (заметим, что в ту пору саму Госбезопасность не менее потрепали). Армия в СССР обычно стоит в стороне от текущей политической борьбы, но как огромная глыба нависает над Кремлем, и на нее очень и очень косятся все без исключения действующие лица. В новейшее время Армия дважды сыграла решающую роль: в июле 53-го, когда три генерала скрутили руки кровавому Берии, и в июне 57-го, когда Хрущев сверг сталинистское большинство в Президиуме ЦК; не вполне ясное, но несомненное влияние оказала Армия в переходное время октября 64-го и ноября 82-го. Госбезопасность

всегда играла громадную роль для утверждения правящей группы и важную роль – в борьбе группировок за Власть. На авансцену политики она вышла лишь в краткий промежуток, после смерти Сталина, и была основательно распущена за авантюризм своих главарей; влияние Госбезопасти восстановилось в значительном объеме лишь в последние годы брежневского правления. До сих пор никак не были представлены персонально в верхушке Власти Интеллигенция и Народ, но это не значит, что влияние их равно нулю. Отнюдь. Интеллигенция, столь разгромленная при Ленине и столь послушная при Сталине, уже подняла голову при Хрущеве и сделалась влиятельной Силой при Брежневе. Такие опорные штабы Интеллигенции, как Академия наук или Союз писателей, весьма существенно влияют ныне на Власть. Правда, Интеллигенция не едина, в последние годы в ее верхах наблюдается ожесточенная междоусобица, однако в целом равнодействующую этой Силы можно провести.

Вопреки обратному мнению на Западе следует определенно утверждать, что молчаливый Народ вовсе не является статистом на советской политической сцене, что можно понять только из мистики русской истории и следствия ее – нынешней советской современности. Для кого-то станет новостью, но утверждаем, что советский народ, трудящиеся оказывают на Власть гораздо большее влияние, чем их собратья в Англии или Америке. Да, советский народ не бастует и его профессиональные организации – наполовину липа, да, все это так. Но известно, что масонские правители Англии и Америки совершенно не боятся забастовок, а их шумные профсоюзы строго контролируются (или даже управляются) теми же масонами. Рабочее движение на современном Западе – такая же игра для «быдла», как и президентские выборы, сегодня всем истинно образованным людям в России это стало слишком уж очевидным. Но в СССР Власть, не сотрясаемая строго дозированными взрывами «рабочего движения», тем не менее чутко прислушивается к Народу. (Госбезопасность, например, издавна собирает сплетни, слухи и даже докладывает об этом Власти.) Подобное происходит потому, что Власть очень боится народного недовольства, тем паче взрыва, и это понятно: у нас народное движение (если возникнет) не будет регулироваться ручными и подставными «рабочими партиями». Известно, что при малейшей заварушке в каком-нибудь цехе вся местная власть, до обкома включительно, буквально встает на дыбы от страха, сообщает об этом в ЦК и всячески пытается утишить обстановку. Нет, значение Народа в политическом устройстве СССР нельзя недооценивать.

Крепость положения правителя (Хрущев) или правящей

труппы при номинальном правителе (Брежнев) определялась степенью поддержки каждой из этих пяти Сил. Хрущева в конце концов возненавидела Партия: отчасти за неумеренное поношение Сталина, а более всего – за зуд преобразований, истеричных и непродуманных, которые в итоге стали угрожать самому существующему порядку. Армия – тоже, прежде всего за погром 60-го года, за Жукова, за память Сталина. Госбезопасность – тоже, ибо при Хрущеве их ведомство было унижено и обессилено. Интеллигенция в ту пору была сплошь либеральной и поначалу Хрущева поддерживала, но грубость и глупость хрущевского вмешательства в культуру, нелепая «борьба с абстракционизмом» вызвали тут в последние годы его правления резкую враждебность. Народ ценил Хрущева за отмену сталинского крепостного права, но был очень недоволен начавшимися перебоями с продовольствием, нелепыми скачками в хозяйствовании, резней скота и проч. Итак, к концу своего правления Хрущев проигрывал со счетом 5:0. Отсюда и его закономерный личный итог и плохая память о нем.

Группа Брежнева вела себя гораздо осмотрительнее. Партия в общем оказывала ей поддержку, ибо тут постоянно прибавлялись большие материальные блага по закону, а еще больше – беззаконно, получив право на воровство, возможность открыто сажать детей на сладкие места, передавать нажитое по наследству, пользоваться разными западными благами и т.д. Армия тоже поддерживала, ибо несмотря на непопулярную там линию «разрядки», бюджет Вооруженных сил всегда был безграничен и бесконтролен (в отличие от хрущевского времени). Госбезопасность была «за», ибо получила тоже немалые блага, а кроме того – возможность спокойного существования, о чем не было и речи при Сталине и не вполне безмятежно было при Хрущеве. Сложнее обстояло дело с Интеллигенцией: при Брежневе она раскололась на две неравные и враждующие меж собой группы – либерально-еврейскую и русскую (названия эти отчасти условны, ибо немало чистокровных русских, женатых на русских же женах, – в группе первой, а во второй есть также люди самых разных наций). Более влиятельная и многочисленная группа либерально-еврейской интеллигенции в общем и целом во все времена поддерживала Брежнева (не без оговорок, особенно за слабость «разрядки» внутри страны). Малочисленная, но набиравшая силу русская группа все более и более резко выступала «против», уже совсем открыто в последние годы. Народ безусловно был «против», ибо никаких популярных идей, кроме пресловутой и надоевшей всем «борьбы за мир», режим Брежнева не выдвинул, а вакханалия воровства, наглого чиновничьего

обогащения и упадка общественной нравственности стали слишком уже нестерпимы. Итак, к концу жизни Брежнева его группа все же вела игру со счетом 3,5:1,5 – вполне убедительный результат в политическом соревновании. Вот почему Брежнев умер спокойно и спокойно же был похоронен.

Таков был, выражаясь спортивным жаргоном, финиш двух последних правлений в СССР. Финиш разбирать и оценивать сравнительно легко, более или менее виден весь пройденный путь.

Ну, а старт? Угадать исход и будущие перспективы старта – вопрос очень трудный, как и всякий правильный прогноз в любой области, в политике же – особенно. Для лучшего понимания современности обратимся к опыту советского прошлого. Поистине беспримерный старт взял с первого дня революционного соревнования Ленин; отсутствуя 11 лет в России, едва осмотревшись после возвращения из мирной Швейцарии, он громыхнул Апрельскими тезисами так, что потряс не только многочисленных противников, но и весь небольшой круг соратников. Зато его будущие сторонники сразу услыхали желанный призыв и увидели высоко вздернутое знамя. Дальнейшее известно. Сталин начинал относительно осторожно и терпеливо, но в несколько кратких лет расшвырял, как хоккеист высшего класса, всех остальных наследников Ленина, одним из которых (и что бы ни говорили потом – не самым популярным из них) был он сам. Взяв старт вроде бы с малой скоростью, но сразу и вовремя подставив ножку соперникам, он повел гонку в одиночестве. Все случившееся потом тоже хорошо известно.

Следует признать, что блистательный старт Хрущева совершенно недооценивается общественностью – как нашей, так и зарубежной. Через четыре месяца после смерти Сталина именно он, без основательной даже поддержки, сокрушил всесильного палача Берию, по сути правившего от имени слабого и безыдейного Маленкова. Через шесть месяцев после смерти Сталина Хрущев выдвинул сентябрьскую программу подъема народного хозяйства, особенно на селе, а в ту пору там проживало более половины населения страны. Старт Брежнева был очень осторожным и осмотрительным, отчасти даже вялым, в этом просматривалась будущая слабость, нерешительность и вторичность политической линии его окружения во все времена его номинального царствования. Тем не менее следует признать, что старт его был вполне успешный и сулил хорошие результаты. Через пять месяцев после свержения Хрущева устами Брежнева была зачитана мартовская программа умеренных преобразований, исключавших хрущевское метание по крайностям и лихорадку

социально-экономической жизни. Определенную популярность режим Брежнева приобрел также в широких слоях Партии, Армии, Госбезопасности и Народа, когда он умерил грубое и просто глупое поношение Сталина, которое сделалось хрущевской мозолью на языке, в последние для него времена. Как видно, в благоприятном в целом старте брежневской группы содержались и зародыши того политического оппортунизма, то отсутствие решительных и сильных идей и средств, которые лишь по счастливой случайности не привели эту группу к полному краху в последние годы этого подставного кагана с густыми бровями.

Режим Андропова принял очень плохое и непопулярное наследство: хозяйственный упадок, растущий общественный распад, почти полный застой гражданской идейной жизни, а как следствие – отсутствие общественно-значимых предложений на ближайшее будущее. Все это внешне не бросающиеся в глаза, но очень опасные для Власти явления. Более того, уже через несколько первых месяцев (всегда очень важных, а в политике особенно!) режим Андропова выявил две существенные слабости. Первая изначальна – это отсутствие биографии у лидера великой державы. Кто его родители? учителя? сверстники? Какой он нации? Неизвестно, а это немаловажный вопрос в многонациональной стране. Каково происхождение? Неизвестно, но уместно вспомнить, что наша официальная идеология – сугубо классовая. Где он был, что делал, чем занимался в юношеские и молодые годы? У Ленина, Сталина, Хрущева, даже у слабенького Брежнева тут все по официальной версии было более или менее очевидно (у Брежнева не говорилось, правда, о жене и семье). Чуть ли не полвзрослой жизни Андропов провел начальником КГБ, крайне непопулярного органа; о его работе тут невозможно составить ни «Краткой биографии», ни «Великого десятилетия», ни «Малой земли», ибо даже в советской стране, ко многому привыкшей, никак уж нельзя славословить подслушивание, подглядывание и вербовку сексотов.

Вторая сразу обнаружившаяся слабость режима Андропова – полное отсутствие каких-либо положительных и популярных в обществе идей. В первые недели возникли ожидания: уж он-то знает про все безобразия… уж он-то наведет порядок… Но гора родила мышь. Ожидаемое широчайшими слоями тружеников «наведение порядка» обернулось пресловутым «укреплением дисциплины», т.е. жесткими и чисто внешне стеснительными мерами против низшего слоя рабочих, служащих, интеллигентов. Проворовавшиеся начальники не были вытащены на публичный суд, даже Шибаев, Медунов и Кабалоев, обнаглевшие хапуги,

снятые еще при Брежневе. Проводятся облавы в магазинах и сберкассах, задерживаются несчастные женщины, убежавшие за необходимыми покупками из бессмысленных своих контор, где они мучаются от вынужденного безделья. Мера эта, кстати, является настолько вопиющим нарушением закона, что даже замордованные советские юристы подали записку в ЦК по этому поводу. Ожидаемое «наведение порядка» выглядит так: не бессмысленные учреждения закрывают, а заставляют людей высиживать в бессмысленных учреждениях – вот реальность «укрепления трудовой дисциплины»!

Какое же будущее ожидает режим Андропова в отношении всех пяти советских общественных сил?

Партия получила при Брежневе две приятных и невиданных ранее привилегии: право на воровство и право на безделье. При Сталине и Хрущеве ничего подобного не было, но Сталин возмещал напряжение громадными победами (подлинными или считавшимися таковыми) и наделял Партию щедрыми победными трофеями. Хрущев же никаких побед не одержал – отсюда и отношение к нему этой решающей Силы. Режим Андропова в целях простейшего чувства самосохранения должен будет хоть как-то утишить вакханалию воровства и прибавить хоть чисто внешнего делового напряжения; а чем он это восполнит, какими победами или успехами?..

Армия есть замкнутая и самодовлеющая социальная структура, она охотно согласится на продолжение сущего, но при одном лишь непременном условии: чтобы не урезали долю ее потребностей в бюджете, экономике и т.д., хотя доля эта является неимоверной и все время растет. Режим Брежнева шел на все уступки Армии, махнув рукой на всякую целесообразность (хотя бы даже чисто военную); сможет ли режим Андропова при нынешних хозяйственных затруднениях держаться того же курса?..

Госбезопасность за брежневское время не могла не накопить в своих верхах изрядное количество глубоко упрятанных грехов, ведь именно ей пришлось обслуживать воровские и валютные потребности брежневских присных; отчасти это обнаружилось публично в странной кончине Цвигуна. Кроме того, Госбезопасность связана с Андроповым и его режимом личными династическими узами. Это означает, что всякая мало-мальски серьезная чистка, проведенная «извне», как уже бывало в нашей истории, может обнаружить там весьма основательные прегрешения по отношению именно к тем принципам, незыблемость которых следовало бы как раз оберегать. Значит, нынешнее руководство Госбезопасности будет поддерживать

преемственность режимов Брежнева – Андропова особенно преданно. Отсюда и ожидаемое многими ужесточение политики этой Силы.

Интеллигенция либерально-еврейского толка восприняла приход к власти режима Андропова с удовлетворением – хотя бы как «наименьшего зла», ибо в Москве хорошо известна личная дружба нового вождя с Арбатовым и Бовиным. Однако эта группа интеллигенции давно и чрезвычайно настойчиво требует проведения широкой «разрядки» как вовне, так и внутри страны, – оправдаются ли ее надежды в ближайшее время? Ведь зажим в идеологической жизни для широких кругов этой части интеллигенции был труднопереносим уже в брежневские времена, долго ли может она выжидать еще, даже при очевидной дружбе Андропова с Бовиным?.. По отношению к русской части интеллигенции режим Андропова заявил сразу и недвусмысленно, причем очень резко: в декабре 82-го года Секретариат ЦК принял жесткое постановление в адрес скромного провинциального журнала, где выступил известный русский писатель Лобанов. В своей статье он критиковал слащавую и лживую советскую литературу о коллективизации, показал жуткую трагедию русского крестьянства начала 30-х годов. Казалось бы, провозгласив жалкую «продовольственную программу» (и при острой нехватке этого самого продовольствия в Поволжье, Донбассе, на Урале и т.д., и т.п.), следовало бы осторожнее обходится с суждениями об истоках сельскохозяйственного разорения страны, – вдруг партийное руководство принимает резкое решение с административными выводами, которого не бывало в брежневские времена! Совершенно очевидно, что в русской части интеллигенции этот идеологический дебют режима Андропова не может вызвать никакого сочувствия.

Народу давно уже обрыднул косноязычный и полоумный Брежнев, но в особенности – воровство, взяточничество и беззастенчивое лихоимство его присных и дальних. Народ ждет наведения порядка прежде всего сверху , как это бывало в нашем государстве при всех популярных правителях. Подчеркнем, что ждут этого отнюдь не только русские, ибо преступность властей особенно вопиюща в азиатских окраинах страны. Многонациональный советский народ ждет от режима Андропова жесткой борьбы с пьянством, нравственным разложением, беззаконием – всего тут не пересчитать. Пока Народ получил только указание не опаздывать на работу и в рабочее время не стоять в долгих очередях по магазинам. Ясно, что от этих жестких мер в стране не прибудет ни одного гвоздя и ни одного огурца.

Итак, можно сделать объективный и осторожный вывод, что свой старт режим Андропова начинает примерно при ничейном счете.

Плохой старт!

* * *

Текст данный является сравнительно редким для андроповской поры: люди не решались выражать свои мысли и тем паче политические оценки в виде отработанных записей, это было очевидно опасно. Но у меня тогда кипело на душе, внешние стеснения давали «праздность вольную, подругу размышленья» – редкая привилегия в наше деловое время! И скажу по твердому убеждению, уже сегодняшнему, тогдашние оценки кажутся мне в целом верными. Как и вычленение главнейших общественных Сил в Советском государстве на протяжении всего его существования.

…Меж тем физическое и нервное напряжение, резко возросшее с осени 1982 года, не могли пагубно не сказаться на без того неважном здоровье Андропова. Так и произошло, причем достаточно скоро. О том у нас опять-таки имеется точный и осведомленный свидетель – доктор Чазов. Он рассказал, что поистине неустойчивая обстановка «сложилась в стране летом 1983 года в связи с болезнью Ю.В. Андропова. Прогрессирующее заболевание почек, которое нам удавалось компенсировать более 16 лет, привело, как мы и ожидали, к прекращению функции почек и развитию хронической почечной недостаточности. Мы вынуждены были перейти на проведение гемодиализа – периодическое очищение крови от шлаков, которые почти не выводились из организма. В «кремлевской» больнице в Кунцеве, называвшейся Центральной клинической больницей, были оборудованы специальная палата и операционная для проведения этой процедуры. Дважды в неделю Андропов приезжал для проведения гемодиализа. Ситуация была непредсказуемой во всех отношениях.

Получив власть, Андропов, создавший в принципе новую всесильную и всезнающую систему КГБ и знающий в связи с этим истинное состояние страны, начал проводить политику, которую поддерживало большинство населения.

В то же время существовала политическая группировка, формировавшаяся вокруг К.У. Черненко, которая почему-то считала, что власть по праву должна была принадлежать им. Вот почему они пристально следили за состоянием здоровья

Андропова. Не меньшее внимание этому вопросу уделяли секретные службы различных стран, которых интересовал вопрос стабильности нового руководства.

Андропов говорил мне, что с этой целью пытаются использовать любые сведения о нем – от официальных фотографий и киносъемок до рассказов встречающихся с ним лиц о его речи, походке, внешнем виде».

Тяжелая и действительно напряженная обстановка царила тогда в кремлевских верхах, не возразишь тут Чазову. Но характерно, что Андропов, с каждым днем теряющий силы и здоровье, неумолимо цепляется за власть! Простейшая мысль – уйти на покой, подлечиться в спокойной обстановке среди близких ему людей, забыть про кипящие вокруг него интриги, это даже не возникает в его сознании. Причем в отличие, скажем, от Берии или того же Щелокова за Андроповым не числилось по советским законам и обычаям никаких особенных прегрешений. Все – для партии и народа… Судорожное цепляние за власть есть некий характерный советский феномен, который еще предстоит объективно исследовать и оценить.

А далее вокруг больного Андропова стали происходить совсем уж поразительные явления. Летом того же года в Москву прибыл консультант из Соединенных Штатов Америки, профессор Нью-Йоркского госпиталя Альберт Рубин (фамилия чисто еврейская, распространенная в англосаксонских странах). Чазов, всю жизнь свою в столице тесно связанный с «органами», делает особую оговорку: «Ни один из визитов А. Рубина в Москву (второй состоялся в январе 1984 года) не стал предметом обсуждения в прессе или каких-то разговоров и дискуссий в американских кругах. А. Рубин сохранил полную конфиденциальность полученных данных, хотя и подвергался искушению сделать своеобразную рекламу на участии в лечении Андропова».

Чазов либо и в самом деле был простоват, либо уж очень наивно хитрит. Пригласить для серьезнейшего освидетельствования главы Советской империи, многолетнего шефа советских спецслужб… иностранца?! американца?! Нет, тут и в самом деле нечто необычное. Вспомним соответствующие примеры из советской истории. Да, к тяжелобольному Ленину в 1922 году приглашали профессоров из Германии. Но была же тогда совсем иная обстановка в мире! Москва не была столицей сверхдержавы, ведущей опаснейшее противостояние с другой половиной мира, да и нравы тогда были куда гуманнее, не разрослись тогда полномочия и возможности спецслужб. Про Сталина и говорить нечего, он во многом был совершенно особый

человек. Хрущев проблем со здоровьем не имел, но и консультациями иностранцев не пользовался даже в отставке. Брежнев тоже. Но тут… И Чазов пытается нас убедить, что профессор Нью-Йоркского госпиталя Рубин «сохранил полную конфиденциальность полученных данных». В это трудновато поверить. От Госдепартамента США сохранил, где ему выписывали выездную визу в «империю зла»? От ЦРУ? И любопытно ведь, что до сих пор за океаном никаких подробностей о том медицинском вояже во враждебную Москву ничего не рассказали.

«Тайна сия глубока есть»…

Ничего утешительного о состоянии здоровья Андропова американский профессор сказать своим советским коллегам не смог, но к общему мнению пришли. Теперь с Чазова, как с лечащего врача, скатился небывалый груз не только медицинской, но и политической ответственности.

«Диагноз и принципы лечения Андропова были предельно ясны. Подагра, которой он страдал несколько десятилетий, привела к полной деструкции обеих почек и полному прекращению их функции. Андропов, его окружение, в основном руководство КГБ, ставили вопрос о возможной пересадке почек. По мнению советских специалистов, это было невозможно и нецелесообразно, а учитывая состояние Андропова, выраженные атеросклеротические изменения сосудов, и опасно. Вот почему первый вопрос, который был поставлен перед А. Рубиным, был вопрос о возможности пересадки почек. Причем окружение Андропова просило, чтобы консультация проходила без участия советских специалистов, которые, по их мнению, могли оказывать определенное «психологическое», «коллегиальное» давление на А. Рубина в оценке состояния и рекомендациях методов лечения. Я понимал, что эта просьба исходит от Андропова, и просил А. Рубина быть предельно откровенным и беспристрастным. Мне понравилось, как он держался во время консультации – общительный, вежливый, очень пунктуальный и в то же время с чувством достоинства, присущим специалистам высокого уровня. Он полностью подтвердил правильность тактики лечения, избранной советскими специалистами, и отверг возможность пересадки почек».

Андропову, пораженному неизлечимыми недугами, оставалось жить полгода. Улучшения здоровья, даже временного, уже не наступило. Но именно в самом начале осени ему пришлось быть втянутым в грандиозный международный скандал, который стал самым громким и, к несчастью, печальным эпизодом его короткого пребывания у власти.

…В ночь на 1 сентября в советское воздушное пространство над полуостровом Камчатка вторгся иностранный самолет. Несмотря на многократные предупреждения, предусмотренные в таких случаях международными соглашениями, он на все поданные ему сигналы не отвечал. Все средства ПВО были приведены в боевую готовность, самолеты-перехватчики подняты в воздух. Понятно почему: именно там находились основные базы атомных подводных лодок Тихоокеанского флота, основной ударной силы нашего ракетно-ядерного щита. Было о чем тревожиться.

Меж тем самолет продолжал полет теперь уже над Сахалином, это был американский громадный лайнер «Боинг-747» (до сих пор самая крупная летательная машина в мире), но ведь никто не знал, был ли он гражданским или военным. На выходе из нашего воздушного пространства на западном берегу острова Сахалин самолет-перехватчик выпустил две ракеты класса «воздух-воздух», пилот доложил на командный пункт: «Цель поражена». Обломки огромного самолета рухнули в море. Вскоре выяснилось, что это был пассажирский лайнер Южнокорейской авиакомпании с 269 членами экипажа и пассажирами на борту, совершавший рейс из Аляски в Сеул. Среди погибших оказался и один американский сенатор. А вот командир воздушного корабля, кореец, был, как скоро промелькнуло в печати, полковником спецслужб… Только вот неизвестно, чьих именно.

Кто непосредственно принимал решение о сбитии самолета, до сих пор точно не известно, но в любом случае Андропов по конституции был Верховным главнокомандующим наших Вооруженных сил…

Ему официально доложили о случившемся утром 1 сентября, когда он проводил очередное заседание Политбюро, как оказалось – последнее в своей жизни, которой вскоре суждено было оборваться. Как всегда, рассматривалось множество вопросов: о созыве в ноябре очередного пленума ЦК и сессии Верховного Совета, о производстве самоходных колесных шасси и цветных телевизоров новых моделей, о мерах по обеспечению роста производительности труда, социально-демографическом обследовании населения, о торговле между СССР и Египтом, помощи Афганистану, о докладчике на торжественном заседании, посвященном 66-й годовщине Октябрьской революции, и многие другие вопросы.

Накануне заседания к Андропову подошел Устинов и сказал:

– Самолет сбит. Оказался не американским, а южнокорейским и притом – гражданским… Все выясним и

доложим подробнее.

– Хорошо. Но мне докладывали, что над Камчаткой был самолет-разведчик… Я сегодня после заседания Политбюро улетаю в Крым… Нужно отдохнуть и подлечиться. А с самолетом – разберитесь.

Инциденту с южнокорейским «Боингом» Андропов не придал вначале особого значения. Сколько мы сбили американских самолетов-нарушителей и на Востоке, и на Балтике, над Баренцевом морем, и в Армении, даже под Свердловском… Десятки. Немало и наших воздушных кораблей бесследно исчезло в самых разных точках земного шара.

Вечером того же дня Андропов в очень плохом самочувствии улетел в Крым. Перед отъездом он позвонил Черненко, который в качестве неофициального второго секретаря оставался «на хозяйстве», то есть вел заседания Политбюро и Секретариата, и «попросил» завтра же созвать членов Политбюро и представителей необходимых ведомств для рассмотрения «самолетного дела» и принятия необходимых решений.

2 сентября члены Политбюро Черненко К.У., Горбачев М.С., Гришин В.В., Громыко А.А., Романов Г.В., Тихонов Н.А., Устинов Д.Ф., Воротников В.И., Демичев П.Н., Долгих В.И., Кузнецов В.В., Соломенцев М.С., Зимянин М.В., Капитонов И.В., Рыжков Н.И., а также приглашенные председатель КГБ Чебриков, начальник Генерального штаба Огарков и замминистра иностранных дел Корниенко собрались утром в зале заседаний. «Правда» уже обнародовала первое сообщение об инциденте:

«В ночь с 31 августа на 1 сентября с.г. самолет неустановленной принадлежности вошел в воздушное пространство СССР над полуостровом Камчатка, а затем вторично нарушил воздушное пространство над островом Сахалин… Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря». Ничего не говорилось об уничтожении самолета и числе жертв. Сообщение было в высшей степени туманным и содержало поразительно странное умолчание, что самолет-то сбит! По нормам международного права мы вполне могли так поступить в интересах защиты безопасности своих воздушных границ. Дряблая половинчатость заявления была явным выражением дряхлой слабости Андропова и его сотоварищей по партийному ареопагу. Это отчетливо видно из протокола заседания Политбюро, состоявшегося на следующий день.

« Устинов. Вопрос состоит в том, как лучше сообщить о наших выстрелах.

Другими словами: как оправдаться и переложить вину целиком на другую сторону.

Громыко. Отрицать то, что наш самолет стрелял, нельзя.

Чебриков. …Американцы признают, что самолет был обстрелян на нашей, советской территории, а затем упал в океан в наших водах. Фактически это произошло в нейтральных водах. У нас сейчас там действуют корабли и один самолет… Нами подобран ряд вещей. Глубина моря там около 80—100 метров.

Громыко. Значит, «черный ящик» из самолета они поднять могут, и мы тоже.

Тихонов. Ясно, что рано или поздно они полезут за останками самолета.

Долгих. А если полезут, то получат данные о том, что самолет сбит.

Горбачев. Зафиксировали ли они боевой выстрел?

Чебриков. Нет, не зафиксировали. Но я еще раз хочу подчеркнуть, что наши действия были совершенно законными…

Тихонов. Если мы поступили правильно, законно, то надо прямо сказать о том, что мы сбили этот самолет.

Громыко. Мы должны сказать, что выстрелы были произведены. Это надо сказать прямо, чтобы не позволить противнику бросать нам обвинения в обмане.

Гришин. Прежде всего я хочу подчеркнуть, что нам надо прямо заявить, что самолет сбит… одновременно необходимо жестко выступать против всякого рода антисоветских провокаций.

Горбачев, Прежде всего хочу сказать о том, что я уверен, что наши действия были правомерными… Нам надо четко показать в наших заявлениях, что это было грубое нарушение международных конвенций. Отмалчиваться сейчас нельзя, надо занимать наступательную позицию. Подтверждая существующую уже версию, надо ее развить…».

Заметим попутно, что несмотря на вялость произносимых на заседании Политбюро слов и узость понимания событий все присутствовавшие были твердыми государственниками и никаких сомнений в необходимости защиты интересов безопасности страны не имели. Даже жалкий по натуре Горбачев всем охотно поддакивал. И представить себе тогда было немыслимо, что через восемь лет он позволит Ельцину развалить великий Советский Союз и оголить его рубежи!.. Однако политиками все они были слабыми и не имевшими стратегических целей, включая и заболевшего Андропова. Его неукротимый карьеризм и тайная опора на либеральных полуевреев стратегией все же назвать

никак нельзя. А вялая тактика в «самолетном деле» вызвала мировой скандал, который умело разыграли враги нашей страны.

Начался неописуемый вой, как на государственном уровне, так и всевозможными подразделениями «демократической общественности». Нас выпроводили из многих международных организаций, пытались поставить вопрос в ООН, у советских посольств проходили демонстрации – и так до бесконечности. При этом совершенно замалчивался простой вопрос: как же начиненный новейшей электроникой «Боинг» тысячу километров летел над нашей землей и внезапно ослеп и оглох? ИКАО (всемирное объединение авиаторов) заявило, что хоть и нарушил самолет наше воздушное пространство, но нечаянно, мол, как можно его сбивать… А как можно летать над ядерными базами чужой страны и при этом с помощью спутников записывать сигналы радаров?..

Есть косвенные данные, что больной Андропов очень переживал происходившее. Он-то отлично знал, что произошла наглая провокация американских спецслужб (причем вполне возможно – без разрешения политического руководства страны). Но он не нашел средств для отпора пропагандистской кампании, его сотоварищи по Политбюро к тому были еще менее способны, а личные помощники били только на устройство русофобских и просионистских делишек.

Однако все рано или поздно выходит наружу. В самом конце 1992-го и в начале 1993 года российская администрация по указанию Президента Б. Ельцина передала в ИКАО практически все материалы и документы по делу о гибели корейского самолета. Были переданы международным экспертам копии всех записей из «черных ящиков», а также копии всех переговоров между командными пунктами на Дальнем Востоке в ночь с 31 августа на 1 сентября. Летом 1993 года ИКАО официально объявила, что эта организация снимает все те обвинения с Советского Союза и России, которые выдвигались рейгановской администрацией. Советский Союз больше не обвиняется в том, что его ПВО и ВВС сознательно сбили пассажирский самолет, совершив тем самым жестокий и варварский акт. В документе ИКАО, в частности, говорилось: «3.12. Летный экипаж КАЛ-007 не выполнил надлежащих навигационных процедур, которые обеспечивают выдерживание воздушным судном заданной линии пути в течение всего полета… 3.32. Командование ПВО СССР сделало вывод, что КАЛ-007 является разведывательным воздушным судном РС-135 США перед тем, как оно отдало приказ о его уничтожении». В заключении ИКАО нет вывода о преднамеренности нарушения «Боингом-747» советского

воздушного пространства, но это уже сугубо на совести американских спецслужб, которые скрыли и елико возможно будут скрывать свое преступление. Но Юрий Владимирович уже не узнал об этом…

Андропов упорно боролся за жизнь с физическими своими недугами. Но не переставал он и бороться против своих политических соперников, хотя после быстрого падения Щелокова ни одного серьезного в истинном смысле слова конкурента у него в Кремле и даже вокруг него уже не оставалось. Природная подозрительность и долговременный чекистский опыт приучили его к повышенному чувству самосохранения. Ради власти он пренебрегал всем. Дочь разошлась с мужем-актером, потом снова с ним сошлась, родила ребенка, часто болела… Сын сильно попивал, неважно было у него в семье… Ничего не могло отвлечь Юрия Владимировича от главной сути всей его жизни. А суть эта исчерпывалась коротким и емким словом ВЛАСТЬ.

Впрочем, и теперь для Андропова все это было уже второстепенным. Главное – укрепить личную власть. Все долгие семьдесят лет кремлевской эпохи, как известно, «кадры решали все». Вот Андропову и предстояло: 1) убрать Гришина; 2) снять Романова; 3) укрепить своего выпестованного любимца Горбачева. Ну, тут дела не охранные, любого из названных лиц простым приказом не уберешь (как Щелокова или Федорчука). Тут Андропов начал обстоятельную и неспешную осаду и добился своего – правда, уже после смерти.

Виктор Васильевич Гришин родом из Подмосковья, то есть по сути коренной москвич, железнодорожник-практик, с 1950 по 1956 год – в аппарате МК, второй секретарь. Затем, после некоторого пребывания во главе профсоюзов, он с июня 1967-го – Первый столицы. То есть этот год был решающим в карьерном рывке его и Андропова (они, кстати, были одногодки). Правда, кандидатом в члены Политбюро Гришин стал раньше – в 1961-м, а членом – тоже раньше, в апреле 1971-го (Андропов, напомним, ровно на два года позже). Итак, послужной список у них был схожий (с некоторым преимуществом у москвича), но главное – из Лубянки еще никто не переходил в Генсеки, а у столичного градоначальника такой прецедент уже был – Хрущев (то, что он глупо распорядился властью, – его вина).

У Гришина было мощное «хозяйство» – столица, даже учетные карточки членов КПСС Брежнева и Андропова лежали в сейфах Московского горкома. Понятно, что это чисто обрядовая сторона дела, но большевики со сталинских времен были приучены ко внешнему соблюдению обрядности. (Не раз, бывая на различных «партийно-хозяйственных активах», слыхал я веселую и гласно

произносимую шутку, когда председателем избирали главу местного исполкома: «Вся власть Советам!» Опытные карьеристы отлично понимали, какая «власть» имеется у «советов», но ленинские заветы свято чтили.)

Но дело не в шутках. Аппарат Московского горкома и тридцать с лишком его райкомов были одним из основных поставщиков партийно-государственных кадров. Начальник районного КГБ Москвы никогда не смог стать хотя бы директором крупного столичного завода, а вот первый секретарь партии запросто становился замом союзного министра или шел на соответствующий пост в аппарат ЦК. То же отмечалось и в идеологии: директора киностудий и театров, ректоры институтов, руководители крупнейших издательств, Московское (не Центральное) радио и телевидение – о, это была целая духовная империя, все оставалось прерогативой Старой площади, а не Лубянки.

Гришин был человек осмотрительный, берег и хорошо расставлял кадры, твердо признавал верховенство Леонида Ильича и был с ним в наилучших отношениях. В идеологию строго не лез: либеральничает театр на Таганке – на то есть министр культуры, славянофильствует «Молодая гвардия» – на то есть отдел пропаганды ЦК КПСС или уж, на худой конец, – ЦК ВЛКСМ.

Обходительный и благодушный человек, хорошо знавший свое аппаратное дело, он пользовался большим авторитетом у партийного «актива» столицы, его указаний и советов охотно слушались.

В номенклатурно-аппаратном соревновании проиграл бы Юрий Владимирович Виктору Васильевичу как пить дать, но… у последнего нашлись трещинки, а уж туда поспешили запустить щупальца с Лубянки…

И было куда. Вокруг Гришина в последние годы управления столицей, и в особенности в его окружении, столпилась группа хапуг. Шло это снизу, с торговли. Торговая мафия стала в Москве почти официальной. (Уж позволю себе еще один мемуар: осенью восьмидесятого года состоялся бенефис М. Плисецкой, довелось мне там тоже побывать, кстати сидя позади генерала Бобкова, но не в этом дело. Смотрю и поражаюсь: сидит Александров-Агентов со своей еврейской супругой, ряд четвертый партера, на восьмом – Тяжельников с супругой, на 14-м – одинокий, как всегда, молчаливый Шауро, но главное – во втором ряду партера оборачивается в зал простоватая дама лет под шестьдесят, одетая дорого, но безвкусно: это была директор гастронома, что стоит против дома, где официально проживали тогда Брежнев,

Андропов, Щелоков.)

Увы, Гришин и его окружение не сумели удержаться от соблазнов, благо они были так легко доступны. Началось, как водится, с семьи. Дочь Виктора Васильевича уже в тридцать лет стала доктором наук и заведующей крупнейшей кафедрой МГУ (притом успев дважды выйти замуж и дважды родить, да еще проделать за рубежом пластическую операцию). Брат ее (он чуть постарше) тоже к тридцати годам стал доктором, профессором и директором престижного института и за это же время обучился водить «мерседес». Дураку ясно, что «даром» такие сверхбыстрые успехи не делаются. А раз так, то вокруг руководящей семьи возникают разного рода прилипалы, и понятно, какого они свойства и происхождения.

Отметим, что дети Андропова (а что они способные и хорошо образованные, я знаю лично) подобных рывков не делали. Игорь занимал скромный пост в системе МИДа, по заграницам не мотался. Ира вообще была рядовым редактором и карьеры не делала. Правда, муж ее был скромный актер театра на Таганке, так что либеральное воздействие на нее шло, но в проявлениях заметно это не было. Кажется, оба они не имели машин, даже советских. В семье была иная трагедия: их мать, вторая жена Андропова, тяжело заболела в Венгрии, там ее лечили и, к несчастью, приучили к наркотикам, от пагубного пристрастия к которым она так и не смогла избавиться. Но и это не вносило в дом никаких дурных связей.

Скромный по природе и воспитанию, Гришин в конце карьеры начал чуть-чуть злоупотреблять. Не строил он вилл, как в Форосе, не скупал землю в Калифорнии и не содержал предприятий за рубежом – надо полагать, и в мыслях такого не имел. Но… стал принимать подарки. Занялись этим столичные торговцы во главе с их главным «хозяином» Трегубовым. И тут опять не могу отвлечься от колоритных воспоминаний, уж больно они выразительны, но это, право же, в последний раз.

…Осенью 80-го вернулся на работу в Москву известный журналист, долго-долго служивший на Западе. По этому поводу был созван в «Арагви» представительный мальчишник, на кромке длинного стола примостился и я (с виновником торжества мы когда-то вместе учились). Все шло как обычно, однако особо блистал тамада – представительный мужчина средних лет, отлично одетый. Зная, в общем-то, почти всю приглашенную пишущую братию, его я как раз не знал и обратился вскоре к соседу за разъяснениями. С изумлением услышал, что это был… директор Елисеевского магазина Соколов. Но дальше – больше. Когда встали из-за стола гости, то вереница солидных персон с

визитными карточками в руках выстроилась отнюдь не к виновнику торжества, а к Соколову.

Обаятельный и дельный плут Соколов стал снабженцем гришинского семейства. Естественно, что люди Андропова этот персонаж взяли под зоркое наблюдение. Нетрудно было выявить и всю дальнейшую воровскую сеть. Замыкалась она вовсе не на Трегубове, а на Московском Первом. А тут еще партсекретари и шефы исполкомов (не все, надо полагать) начали тоже взимать свою мзду. Совершенно распоясался и «мэр» столицы – грубиян и хапуга В. Промыслов (правда, злые языки по Москве сплетничали, что управляет-то, по сути, столичным городом его помощник Шуб, земляк «мэра» и родственник его жены).

Словом, чекисты эту простоватую воровскую малину выследили, а потом «раскололи» очень легко, когда к началу 1983-го Андропов стал полновластным хозяином в стране. Соколова взяли первым, быстро осудили и даже расстреляли (шушукались по Москве, что на следствии он держался заносчиво и перечислил слишком много влиятельных персон). Затем ничего уже не стоило взять Трегубова и кучу его людей (правда, никого больше не расстреляли).

Гришин был опытный администратор и понимал, куда гнет нынешний Генсек. В июне 1983-го состоялся актив творческой интеллигенции Москвы. Хорошо известно, что «ораторы» – подготовленные, разумеется, загодя – не должны были поминать имя Андропова. Так и произошло, только актриса А. Степанова (еврейка, одна из вдов писателя А. Фадеева) назвала его в положительном смысле, но… оторвавшись от врученного ей текста. Единственное и весьма характерное исключение.

Через несколько дней по московскому телеканалу прошла передача о Красной Пресне, в докладе первого секретаря райкома Козырева-Даля имя Андропова тоже не упоминалось. Ясно, что это было не случайно, а в переводе на партийный лексикон означало: столичная организация КПСС не очень-то доверяет новому Генсеку. Андропову подобное пришлось проглотить.

Так-то оно так, но лубянская задача была выполнена – Гришин скомпрометирован, его кадры тоже. Проживи Андропов еще чуть-чуть, московского Первого убрали бы с треском. И еще: когда Ельцин пришел править Москвой, он устроил массовый разгон столичных кадров (которых лично не знал и знать не мог), но подглядывал, видимо, в «заделы» КГБ, сотворенные еще при Андропове.

С простоватым ленинградским судостроителем обошлись совсем просто. Летом 1983 года Андропов его «повысил», перевел из Ленинграда в Москву, поручив ему опекать в ЦК «оборонку».

Говорили, что в подчинении его оказалось непосредственно 26 человек, а всей гигантской проблемы он, существо невеликих способностей, быстро охватить не мог. И его убрали запросто, когда к власти пришел воспитанник Андропова и его духовный наследник М. Горбачев (считают специалисты, что снять Романова в Ленинграде, где у него была мощная опора внизу, было бы неизмеримо труднее).

А теперь о «воспитаннике» и «наследнике». Тема эта самая сложная в нашем повествовании, ибо задача тайной полиции взрывать мосты, а не строить их.

Карьера Горбачева гладкая, как лед для фигурного катания. Она хорошо известна, не будем на это отвлекаться. Только скажем об одном маленьком обстоятельстве юности. Будущий Генсек, Президент и избранник Андропова несколько месяцев побывал… на оккупированной территории. С таким жутким клеймом в сталинское время никак невозможно было поступить в МГУ, да еще на юридический факультет, где готовили кадры для МГБ, МВД и Прокуратуры. Но молодой Миша поработал трактористом в родном Ставрополье, а главное – стал кандидатом в члены КПСС. Как у него все это легко и просто получилось, пусть он и расскажет. Когда-нибудь. Ну, скажем, переехав на виллу в Калифорнию, которую ему «подарили» для его так называемого «фонда»…

Андропов всегда лечился в Кисловодске, Сочи он избегал (отчасти, надо полагать, от глубокой неприязни к кремлевским коллегам, а в Крым отправился в конце жизни только вследствие тяжелой болезни). Весь обширный курорт Минеральных Вод входил в Ставропольский край, а с 1970-го возглавлял его Михаил Сергеевич. По долгу службы он обязан был встречать и провожать Андропова, а по приглашению столичного босса – и навещать его. Дело длилось не один год, о чем уже говорилось ранее.

Андропов был умен, а Горбачев хитер и услужлив, они легко сошлись (при покровительстве старшего, конечно). Андроповский план вырисовывается очень просто: у него есть молодой конкурент – Романов и одногодок Гришин, оба имеют за собой громадной силы партийные организации, чьи кадры разбросаны в Центре и по всему Союзу. Следовательно, нужно подставить молодого «кадра», ну, моложе Романова, по крайней мере. Что же, «кадр» есть, огромный сельскохозяйственный край, к тому же наследник М. Суслова и его любимец, а у обоих были близкие отношения. Генсек хотел двинуть на пост скончавшегося Секретаря ЦК Ф. Кулакова своего любимца Сережу Медунова, но Суслов и Андропов дружно сыграли против Брежнева. Видимо,

оба члена ПБ сошлись. Горбачев становится сперва с 1973-го Секретарем ЦК по сельскому хозяйству (огромные заслуги его там известны), а в марте 1985-го – Генеральным.

Ясно, что Андропов без помощи «Кощея» вытащить в Москву его земляка не мог. А вместе они смогли. И вот начинается блистательная карьера Михаила Сергеевича. В апреле 1978-го он приезжает в Ленинград на «вызов» Романова в Москву (ясно, для чего это делалось). Вскоре на сессии Верховного Совета РСФСР именно он выдвигает Воротникова вместо Соломенцева. Далее: орден городу Кургану вручал Горбачев. В июле 1983-го в Москву приехал старый друг Андропова Кадар: на пышном приеме на заводе им. Лихачева его сопровождал Горбачев (хотя это не имело никакого отношения к сельскому хозяйству). В августе того же года собрали ветеранов войны и труда, вел встречу Горбачев – какой уж там ветеран! Но все это множилось в прессе и по телевизору, и люди привыкали к Горбачеву.

Почему Горбачев так прилепился к Андропову? Ну, не от обещаний же в Минеральных Водах, не такой человек был Юрий Владимирович. Или, с другой стороны: да, Михаил Сергеевич был подхалим и плут, но ведь шеф КГБ в людях неплохо разбирался. Значит, для чего-то Андропову ставропольский провинциальный секретарь был нужен? Почему? На эти вопросы сегодня нельзя дать точного ответа.

Но тут возникает вопрос, весьма осторожный. Почему органы КГБ так сошлись на Медунове? Или Сочи были хуже Минеральных Вод? Не верится. Более того, андроповские люди ухватили ростовского «первого» Бондаренко, хотя он был простак из простаков. Кобалоев, шеф Северной Осетии? Да, хапуга, но разве он один такой на Северном Кавказе? И ведь «русистов» сознательно натравливали на них, воров, конечно, однако почему-то никого не вытащили из Минеральных Вод? Или там ничего не «брали»? Скажем, Горбачева там открыто именовали «Мишка-пакет», ибо он охотно брал, был жаден всегда, а уж его Раиса Максимовна – тем паче. Значит, Андропову нужен был такой человек. Почему? Вот это и есть тайна. А какова она – никто пока не знает.

Можно лишь предположить, что, подмачивая соседей Горбачева усилиями КГБ, хотели выставить его в наилучшем свете среди кандидатов в члены Политбюро по сельскому хозяйству. Вроде бы сходится так. И добавим, что малейших талантов в сельских делах он не проявил, зато в интриганстве и двурушничестве оказался мастак, каких мало.

Оставим Горбачева, пусть разбираются с ним кто как хочет, а от расплаты за низость свою ему не уйти…

О плохих, даже враждебных отношениях Андропова и Черненко знала, как говорится, «вся Москва». Мне случайно довелось стать свидетелем и даже в какой-то мере объектом проявлений такого рода, причем выполненных явно напоказ.

В августе 1983-го скончался Анатолий Васильевич Никонов, знаменитый когда-то редактор «Молодой гвардии». Доживал он после снятия в скромном журнале «Вокруг света», не выдержал удара, стал попивать и плохо себя чувствовать, скончался, не дожив до шестидесяти лет. Его хорошо знали и любили в русских журналистских и литературных кругах, на похороны собралось множество народа.

Естественно, пришел и я, находившийся тогда на глубине своей опалы. Многие из старых знакомых кланялись лишь издали, а иные вообще не узнавали (мы стояли рядом с М. Лобановым, подошел А. Софронов, говорит: «Здравствуй, Миша!»; меня же в упор не видит, а ведь не раз печатался у него, были в добрых отношениях, дом посещал…). Вижу, стоит в группе людей Иван Петрович Кириченко, давний работник ЦК КПСС, а в последние годы – основной помощник Черненко, фигура! С покойным они были давние товарищи, но и со мной он находился в относительно близких отношениях, я не раз посещал его на службе, разговоры вели весьма откровенные. После моей «истории» я ему, естественно, не звонил, хотя до этого часто в его кабинете в подъезде № 1-а даже рисковал относить ему «самиздат»…

Мы поклонились издали, потом он вдруг подходит ко мне сам, на виду у всех отводит в сторону, расспрашивает о делах, нарочно не отпускает. Более того, еду с ним в черной машине на кладбище, а после похорон он даже подвозит меня домой. И опять говорили откровенно.

Все на это обратили внимание, а потом долго судачили. Вывод был один: раз я «крестник» Андропова, то публичное внимание ко мне со стороны ближайшего сотрудника Черненко было весьма показательным.

Иван Петрович ненадолго пережил своего шефа. После его кончины он некоторое время был замзавом Общим отделом ЦК КПСС. Я тогда вышел из опалы, и мы по-прежнему встречались в его новом кабинете. Я был на его похоронах. Проходили они очень скромно…

Покойный Иван Петрович был хорошо известен всей столичной пишущей братии, ибо во второй половине шестидесятых занимал в отделе пропаганды должность заведующего сектором журналов. Тогда этот пост был сугубо на виду! Так вот, вся Москва знала, что Кириченко занимает сугубо

прорусскую линию. Яковлев показательно выгнал его из аппарата ЦК – всего лишь заместителем в номенклатурную, но второстепенную газету «Советская культура». Став Секретарем ЦК, Черненко взял его в помощники. В этой должности мы постоянно поддерживали с ним довольно-таки доверительные отношения. Разумеется, говорил я, а он спрашивал или больше помалкивал, но поступок его был по тем временам в высшей степени необычным. Мир праху его.

Закончим данную главу еще одним необычным документом. Первая моя собственная «записка для себя» о начале правления Андропова уже приводилась. Ровно год спустя, находясь в том же Переделкино, я в одиночестве составил другую такую же «записку для памяти». Оказалось, что она словно бы подводила итог его недолгому царствованию, ибо уже 9 февраля 1983 года он скончался в больнице.

Документ этот интересен тем, что носит непосредственный отпечаток той эпохи, глухой и суровой. Мало кто тогда отваживался на составление таких сочинений – даже для сверхузкого круга. Мы убеждены, взгляд на события двадцатилетней давности, так сказать, «изнутри», из той эпохи, представит несомненный интерес для читателей.

ИТОГИ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ФИНИША

Все области народной жизни в Советском Союзе к исходу правления Брежнева были приведены в столь плачевное состояние, что перед новым руководителем встали чрезвычайные и неотложные задачи. Выбор положительных изменений казался широк и многообещающ, но важнейшими все же казались три направления:

– осторожные преобразования в промышленности, где со сталинских времен не проводилось никаких серьезных изменений (хрущевские истерические выверты – не в счет, они были вскоре отменены); тут видятся два пути: либо в сторону рыночной экономики, либо – к строгой и последовательной централизации, оба направления имеют свои преимущества и своих сторонников, важно главное – надо что-то делать, откладывать нельзя, хозяйство громадной страны идет к застою;

– решительные и крутые изменения в сельском хозяйстве и мелкотоварном производстве вообще, тут плохое положение давно сделалось нормой; совершенно очевидно, что казарменно-безответственная система земледелия и торговли требует

немедленных перемен, как срочная и временная мера необходимо нечто вроде ограниченного нэпа;

– коренное оздоровление социальной жизни: беспощадная борьба со злоупотреблениями во всех областях, укрепление семьи и беспощадное пресечение пьянства, резкое повышение гласности во всех областях жизни, расширение роли Советов и прочих общественных организаций.

Нет сомнений, что положительное продвижение по всем этим трем главнейшим направлениям было бы с восторгом встречено всем советским народом, создало бы новому руководству тот прочный авторитет и доверие, которого не могли даже отчасти добиться ни Хрущев, ни Брежнев.

Ныне пошел второй год полной и безраздельной власти Андропова. То, что это была именно полная и бесконтрольная власть, можно доказать по тому (1) пошлому славословию, которое окружает имя Андропова, а также по (2) отсутствию хоть каких-либо намеков на различие мнений в верхах. За всю историю Советского государства народ приучен, что безудержное восхваление правителя имеет место лишь тогда, когда он всевластен. И еще: в периоды междуцарствий (борьба за власть в середине 20-х и 50-х годов, первое время правления Брежнева) даже по скупым сведениям нашей печати отчетливо можно было выявить разные точки зрения разных людей и сил. Ничего даже отдаленно похожего на это не заметно с середины ноября 1982 года.

Итак, какие же направления оказались заметны в политике Андропова?

Главное, чем захотел возвысить свой авторитет Андропов, стала, как и было при Брежневе, внешняя политика, то есть пресловутая «разрядка». Все было поставлено на эту карту: добиться «мира» и объявить Андропова спасителем человечества, повторить, стало быть, то, чего так и не удалось добиться Брежневу (с теми же, кстати, помощниками и советниками – Александровым-Агентовым, Арбатовым, Бовиным, Загладиным, Замятиным и прочими связанными с еврейством лицами). Тут началась крупная игра в поддавки с Западом; срочно соорудили газопровод Сибирь—Европа, чтобы качать сырье западным капиталистам. Громоздкое это строительство превратило в пустыню громадные пространства страны, но было завершено до срока, в отличие от долгого ковыряния на БАМе или Саяно-Шушенской ГЭС, где пока еще конца не видно. Замышляется такое же соглашение о поставках из Сибири сжиженного угля. СССР превращается (и превратился уже отчасти) в сырьевой придаток западной экономики, становится чем-то вроде Кувейта

или Нигерии. На Запад же идут продаваемые по дешевке золото и лес, руды, нефть и необработанные алмазы – ценнейшее и невосполнимое богатство наших недр.

В начале нынешнего года на первой полосе «Правды» появилась восторженная заметка из Франции, как в двух каких-то городках появился сибирский газ. Понять их радость можно, но сколько крупных и малых городов нашей родной страны еще не имеют газоснабжения?..

Уступчивость Западу принимала порой совсем уж чрезмерный характер: из той же Франции не так давно выставили полторы сотни наших граждан с нехорошими обвинениями, тамошняя печать подняла громкой и оскорбительный шум. В подобных обстоятельствах полагалось бы выслать примерно такое же число французов, ибо они занимаются в Москве тем же, чем наши в Париже, так и поступают обычно в дипломатическом обиходе. Но в Москве на сей раз проявили совершенно не свойственную ей кротость и молча стерпели. Пример Парижа оказался заразителен, наших представителей поперли еще кое-откуда – в ответ то же кроткое молчание. Кого-то, значит, заботило главное: только бы не повредить «разрядке»!

Андропов пошел в «разрядке» очень далеко, гораздо дальше, чем это предполагалось при Брежневе: вывод и уничтожение наших ракет из европейской части страны. Начались сложные и не известные общественности переговоры, в ходе которых к исходу 1983 года дело вроде бы клонилось к благополучному концу. Тогда Андропова увенчали бы званием спасителя человечества, но… все окончилось пшиком. Советские и американские «профаны» не поняли тонких усилий «премудрых». Наши сшибли ночью пассажирский самолет, а те среди бела дня вторглись в убогую Гренаду. А дальше произошло то, что известно всем читателям газет.

Примечательно, что, несмотря на все старания в пользу «разрядки», в годовщину правления Андропова Советский Союз оказался в глубочайшей международной изоляции, такого не наблюдалось с последних лет Сталина. Западные страны ныне целиком против нас, а те простодушные обалдуи, которые протестуют против американских ракет, большинства своих народов, к нашему сожалению, не представляют. В «третьем мире» ожидали вывода наших войск из несчастного Афганистана – не дождались. Андропов, в сущности говоря, оказался «невыездным» в самом пошлом значении этого советского выражения, то есть за год с лишком он никуда не смог поехать и никого не сумел принять, в Москву заявились при нем только бедные финны, глубоко от нас зависимые.

Не лучше складывается развитие и в социалистическом лагере, Венгрия давно уже стала второй Югославией, растут связи с Западом (и задолженность ему) в других странах. В Польше напряжение вроде бы спало, но именно «вроде бы»: страна в распаде, и на исходе минувшего года нам пришлось уплатить за нее западным банкирам миллиарды срочных долгов; не решен больной вопрос, волнующий польское общество, а именно – о наказании воров шайки Герека. Всем полякам известно, что запрет тут исходит из Москвы. Понятно, почему: варшавские воры были тесно связаны с ворами московскими. Завсектором Польши из международного отдела ЦК был переведен заместителем председателя Госкино, а ведь говорили люди знающие, что ему возили подарки из Польши целыми эшелонами.

К исходу номинального правления Брежнева многонациональный советский народ прямо-таки стонал от лихоимства воров, взяточников и прочих начальственных и полуначальственных хапуг. «Наводите же порядок!» – этот молчаливый народный стон был уж слишком силен, чтобы его долго можно было «не замечать». Начальные жесты Андропова в этой части породили у народа надежду. Выражалось это в двух словах: «укрепление дисциплины». Ясно, что тут ожидался публичный суд над Медуновым и Кобалоевым, уже снятыми к тому времени, а потом такие же суды над сотнями иных медуновых, провинциальных и столичных. Короче говоря, народ и партия ожидали широкой чистки брежневских темных заповедников, открытой критики, направленной на оздоровление нашего трудового общественного строя, укрепления народной нравственности.

И что же?

Всем теперь ясно, «что»… На Кубани забрали под стражу сотни воров и воришек, но сам-то главный вор и разоритель края тихо помер в Москве. Со многих милицейских чинов сорвали погоны, но Щелоков-то никакого наказания не понес. Даже сынок его, уличенный в грязных мошенничествах, отделался тем, что сдал иностранную машину и квартиру размером со стадион, и ничего, работает в советской печати, воспитывает, так сказать, злодей. На одном совещании в Москве в декабре 1983 года Федорчуку задали вопрос о судьбе Щелокова, ответ: он остался в партии и получает генеральскую пенсию… Правда, супруга его как-то странно скончалась. Примеров можно более не приводить, любой гражданин назовет множество их, тыча пальцем вокруг себя. Настораживает другое: суровость наказаний для относительно мелких хапуг и полная неприкосновенность хапуг высокопоставленных.

Недавно вот приговорили к расстрелу директора Елисеевского магазина. Ясно, что обнаглевший ворюга достоин строгого наказания, но все же людей он не убивал, малолетних не насиловал, так что мера возмездия выглядит похожей на месть. Ладно, закон наш допускает такое, но в ходе суда выяснилось, что он давал крупные взятки начальникам из торготдела Моссовета. Но те-то гораздо вреднее для общества, чем бывший завмаг; спрашивается: если того приговорили к смертной казни, то с этими как надлежит поступать по той же строгости закона?!

Вот тут-то и начинается самое странное. Оказалось вскоре, что начальники московской торговли брали взятки со многих завмагов (некоторые уже посажены). Что же, высшие руководители столицы годами не догадывались об этом? Скажем, столичный «мэр» – дурак и хам Промыслов? Но в столице очень многие знают, что Промыслов – вор из воров, что всеми делами Моссовета управляет его жена-еврейка (очень любит лечиться за границей) и ее родственник – его помощник, что определенные граждане за мзду (или иные услуги) запросто получают квартиры в столице, что Промыслов выполнял воровские поручения Брежнева, его Виктории и их Гали. Яснее ясного, что поганый «мэр» имел свою долю от завмагов, и немалую. И совсем уж нехороший вопрос: ну, а товарищ Гришин? Известно, что он очень хлопотал за елисеевского завмага, но тот слишком уж увяз, и вытянуть его не удалось. Кстати, семейство Гришина не менее примечательно, чем семейство Брежнева. Супруга его того же, говорят, происхождения, что и Виктория. Дочурка (она очень талантлива) в 30 лет стала доктором наук и зав. крупнейшей кафедрой МГУ, а при этом успела дважды выйти замуж и родить двух детей да еще сделать в Париже пластическую операцию; москвичи и гости столицы могли наслаждаться ее портретом на выставке картин Шилова – этого самого дорогостоящего ныне портретиста. А братец ее, чуть постарше, давно доктор, профессор и директор (он тоже очень талантлив), да к тому же успел обучиться ездить на «мерседесе». Словом, семейство Гришиных столь же заслуживало бы внимания по части «укрепления дисциплины», как и Промыслов, но…

Во что же упирается это самое «но»? Вопрос немаловажный. Бытует мнение, и оно усиленно распространяется всеми сторонниками «премудрых» среди «профанов», что Андропову якобы «мешают» проводить чистку, а то бы он… Кто мешает, неясно, никто же не воспрепятствовал ему заменить провинциала Федорчука своим ставленником Чебриковым, а ведь пост главы госбезопасности в наших условиях – не шутка, это вопрос куда как поважнее судьбы какого-нибудь проворовавшегося «мэра». Так

же не «мешали» перекачивать нефть и газ буржуям, принимать и осуществлять вредительский план затопления Русского Севера, стать «президентом» вопреки решению ЦК 1964 года о запрещении занимать два поста и т.д. до бесконечности, а вот бороться с ворами бедному Андропову, видите ли, запрещают… Все это сказки для простачков.

Намек обнаружился давно, еще в странном деле по магазинам «Океан», когда ушлые дельцы переправляли ценности за рубеж, условно говоря – в швейцарские банки. Дело было очень темное, несчастного заместителя Минрыбпрома Рытова расстреляли, судебный процесс раздробили на части и замяли. Но… известно становится постепенно, что вклады за рубежом имеют и кое-кто еще, никакого отношения к продаже икры не имеющие. Точных сведений тут, разумеется, нет, нельзя потому и назвать имена, даже предположительно, но неужели не ясно, что людям, имеющим в СССР миллионы, тут их просто-напросто некуда девать? Квартиру любовнице, машину невестке? Тьфу, ерунда, о которой даже не стоит толковать. Так куда же?

Ясно, куда. «Туда». Туда, где банки не опекаются народным контролем, туда, где работают в советских представительствах сыновья, внуки и зятья «премудрых», туда, куда после торжества «разрядки» можно будет проехаться и самому «вкладчику», чтобы насладиться наконец пахучими прелестями Парижа или Лас-Вегаса.

Когда Хрущев начал кричать о злоупотреблениях при Сталине, о гибели множества невинных людей, то главнейшей, решающей слабостью этой его линии было то, что он никак не мог ответить на простейший вопрос: ну, а вы-то сами где были? Хрущев злился, ругался, бросался в крайности, но от этого только углублялась его слабость. Смелый и решительный деятель, он так и не нашел в себе мужества сказать: да, и мы тоже виноваты, давайте же теперь вместе… Говорят, Андропов очень скромен в быту, его семья вроде бы тоже. Очень хорошо, особенно в сравнении с вороватым «маршалом», но это все же мелочь, когда речь идет о политическом деятеле, а уж о главе громадной державы – тем более. Так вот: что же, Андропов и Чебриков не ведали о том, как Галина Леонидовна собирала бриллианты, как Медунов превратил Сочи в воровской притон, как Щелоков собирал картинные галереи, что «мэр» столицы – вор и многое другое, чего мы, рядовые граждане, не знаем и знать не можем? Не доносили им обо всем этом сотрудники КГБ, явные и секретные? Ну, теперь-то, ясное дело, во всем виноват покойный Брежнев! Но почему же Андропов не выступил в свое время где следовало, не ушел на пенсию, не повел себя с ленинской, так

сказать, принципиальностью?

На все эти вопросы ему нечего ответить. Вот почему столь непоследовательно боролся Хрущев против наследия Ягоды и Берии, вот почему так вял и нерешителен Андропов в борьбе с приобретателями и валютчиками.

Нет сомнений, что воровская шайка, сложившаяся вокруг Брежнева в верхушке общества, непосредственно связана с пресловутой «разрядкой», то есть – прямо скажем – буржуазным образом быта и мышления. Вот суть. В стране и за рубежом хорошо знали покойного брежневского приближенного Иноземцева Николая Николаевича (в девичестве – Николая Израилевича), одного из серых кардиналов теневого (и подлинного!) московского руководства. Но не все знают, что последним земным деянием Иноземцева было… возвращение им в казну 16 тысяч рублей в возмещение ворованных материалов для постройки подмосковной виллы. Конечно, эти жалкие тысячи для людей порядка Иноземцева – пустяк, мелочь; важно, однако, что пришлось ему еще при жизни опозориться, уворованную мелочь вернуть.

Тут напрашивается примечательный вывод. Если все эти «иноземцевы-агентовы» имеют много денег (а они имеют), если их сынки и близкие пребывают по большей мере в заграницах, то… Много толкуют в Москве о пресловутом «бриллиантовом деле», которое как-то выплыло через потрясенную Польшу: будто некоторые лица из окружения Брежнева переводили ценности… кое-куда. Как точно известно полякам, туда же прятал свое ворованное золото нечистый Герек. Да, приходится признать, что валютные гешефты тесно повязаны с «разрядкой».

Прямым следствием брежневского разложения является кошмарное распространение в стране пьянства, а также ряда сопутствующих ему обстоятельств: плохой работе на производстве, тунеядству, распаду семейных устоев, упадку народной нравственности, росту преступности среди несовершеннолетних. Утверждают некоторые, что пьют в основном русские (украинцы, белорусы), а это, мол, тупое славянское быдло, так им и надо. Если бы! Но всякому патриоту нашего многонационального Отечества очевидно, что пьют, к сожалению, не только «русские». Ужасающий обвал пьянства затронул молдаван и грузин, латышей и армян, но особенно – непьющие ранее народы нашего мусульманского Востока. Более того, среди этих народов развивается наркомания, когда-то бытовавшая там, но с приходом советской власти резко приостановленная. Там же, в азиатских районах наблюдается ныне резкое снижение рождаемости, причем в таких пределах, о

чем всякому патриоту приходится только сожалеть. Короче, пьянство и его последствия – явление поистине «интернациональное» в нашей стране.

Может ли такое быть секретом для Андропова, вообще для кого-нибудь? Ответ очевиден: не является. Принимаются ли в последние год-два какие-либо меры в этом направлении? Принимаются. Летом 1982 года Зимянин (уже подчинявшийся тогда Андропову) дал прямое указание запретить всем средствам информации борьбу против алкоголизма, причем публично осудил превосходные статьи писателя Дудочкина и профессора Углова на эту тему. Все, кто интересуется, заметили, что с тех пор «борьба с алкоголизмом» в нашей печати и на телевидении почти совсем прекратилась. Более того. В нарушение не отмененного советского закона об ограничении продажи водки теперь этим зельем стали торговать повсюду с утра до вечера. Впервые за 30 лет в стране вдруг снизили цены на водку, новый ее «сорт» (той же сивухи с иной наклейкой) народ тут же окрестил «андроповкой», появилось множество шуток по поводу расшифровки слова «водка», самое остроумное из которых будет приведено в конце этих заметок. Раньше повышение цен на водку глубокомысленно объясняли, что это, дескать, уменьшает пьянство. Теперь не объясняют ничем. Пей, быдло, только не думай ни о чем и не рассуждай.

Советский Союз – общество по традиции сугубо идеологическое. Какие же характерные черты обнаружил Андропов в этой важнейшей у нас области? Начал он с того, что заявил вдруг, что наиболее важны в стране и нуждаются в особой, стало быть, заботе именно «малые нации». Это нечто новое в марксистско-ленинском учении по национальному вопросу. До сих пор в этом учении народы как-то не подразделялись по их численности. Получается вроде, что чукчи или лезгины должны окружаться большей заботой, чем украинцы или узбеки. Но почему? И разве до сих пор малые народности не пользовались у нас – по давней советской традиции – некоторыми привилегиями? Это теоретическое новшество оказалось настолько неловким, что, раз появившись в конце 1982 года, потом нигде ни разу официально не воспроизводилось, хотя цитаты из малочисленных публикаций Андропова появляются чуть ли не каждый день во всех газетах. Весьма характерное суждение, однако; оно стоит внимания…

В июле 1983 года состоялся наконец долгожданный Пленум по идеологии, чего не происходило ровно 20 лет. Материалы Пленума опубликованы скудно, только тексты докладов Черненко и Андропова. Оба состоят из общих слов и призывов, однако если

проявить терпение, то в этой монотонной словесности можно кое-что различить. Что же? У Черненко есть слова о «защите социалистического Отечества», о «служении социалистической Родине», отметим, что оба слова написаны с прописной. У Андропова никакого упоминания этих слов нет (хотя бы и с малой буквы), зато есть «особенности переживаемого человечеством исторического периода» (а где же классовый подход?), «единая научно-техническая политика» (что такое?), даже обращение к «другим политикам, более реалистично учитывающим положение» (к каким же, интересно?). Черненко говорил о большом значении русского языка для межнационального общения в СССР, Андропов полностью обошел этот вопрос, хотя перед тем были приняты соответствующие решения и напечатана установочная статья в «Правде». Наконец, Черненко критиковал (очень умеренно) ряд ведомств и учреждений за бездеятельность, в выступлении Андропова критика была в самой общей форме, а никаких конкретных предложений не имелось.

Казалось бы, борьба с воровством и упадком нравственности, если вести ее всерьез, должна сопровождаться общественным движением, открытым и гласным осуждением пороков. Тайная казнь нескольких несчастных завмагов общества не оздоровит. Однако именно при Андропове советская печать утратила всякую боевитость, отдельные вспышки которой проявлялись иногда даже в последние годы Брежнева. Достаточно посмотреть нынешнюю «Правду», эту неописуемо бессодержательную и пустую газету, которая, однако, подает пример всем остальным. Кому-то нужно подавить и загнать в подполье всякую свежую общественную мысль, не допустить разработки мер по врачеванию застарелых и запущенных болезней нашей родины. Во всем этом видится знакомая картина: «Молчать, руки назад!»

Очень жаль, но это все же не политическая линия. Ладно, мы помолчим, дело привычное, мы даже заложим руки за спину, как того требуют, ну а дальше что? Куда поведут наши молчаливые колонны? Никуда не ведут. Никуда. «Разрядка» пока осрамилась, а ничего другого нам, кажется, не могут предложить.

В неясной, пунктирной линии Андропова отчетливо просматривается русофобия в ее самом прямом и очевидном выражении. Разгром провинциальной «Волги», поношение Лобанова, «дело Семанова», обругивание на совещании в ЦК книги В. Белова «Лад», резкое выступление в «Правде» (дважды!) против изучения русской истории и культуры, попытки притеснить Православную церковь, полное изгнание из официального лексикона самого даже слова «русский» – все это (и

многое иное) складывается в достаточно красноречивый ряд. К этому же ряду относятся, хоть и с противоположной стороны, следующие факты: возвращение в Москву из Канады оголтелого русофоба Яковлева и его положение ближайшего советника Андропова; появление осенью 1988 года одновременно в «Вопросах литературы» и «Литгазете» руководящей статьи Ю. Лукина, где грубо осуждаются попытки изучать великих русских мыслителей В. Соловьева, Федорова и Флоренского (то, что это указание появилось в газете, многие годы поставляющей кадры для западных антисоветских и русофобских центров, особенно впечатляет); попытка задержать книгу выдающегося русского философа современности Лосева (ее издатели получили строгие взыскания); помилование группы «еврокоммунистов» в институте, которым руководил Иноземцев, а теперь Яковлев, в то время как деятелю русского направления Л. Бородину дали громадный тюремный срок.

Примечательно и то нарочитое внимание, которое Андропов проявляет к советскому еврейству. Первое гласное выступление его в качестве «президента» ознаменовалось публикацией скромного, но выразительного документа: 17 июля был награжден академик Гольданский Виталий Иосифович. Среди тысяч и тысяч награждаемых был избран именно он для первого указа Андропова. Случайность? Возможно. Но вскоре, 8 августа, наградили званием Героя четырех ткачих, одна из них из Биробиджана – Арнаполина Елена Кальмановна. Можно не сомневаться, что это действительно хорошая труженица, но почему из сотен тысяч ткачих (белорусок, узбечек, таджичек, литовок и т.д.) избрали именно ее, да еще в таком малом числе лиц? И разве евреи занимают заметную долю среди работников текстильной промышленности? И зачем было напоминать о липовой «Еврейской автономной области», где «коренные жители» составляют ничтожную долю населения, что вызывает только смех по всей стране – кстати, среди самих евреев в особенности? Не может быть никаких сомнений, что все это было сделано с явным намеком для понимающих. Что ж, намек понят и дал дополнительный отсвет на теоретическое положение о внимании к «малым нациям»…

О жизненном пути Андропова известно очень мало, а все известное – из косвенных источников. Народу и партии не удосужились сообщить даже того, что о всем надоевших космонавтах сообщается с немалыми подробностями. Напомним, что основные вехи биографий Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева народ достаточно хорошо знал еще при их жизни. Жены Хрущева и Брежнева появлялись «в свете», об их детях и зятьях

тоже все хорошо знали (каковы уж они были – другой вопрос). С любой точки зрения эта скрытность несколько настораживает. Если уж такой он скромный, зачем ему было брать на себя роль президента, обязывающую к публичности?

Отметим для объективности еще один второстепенный, но любопытный штрих. Западные «голоса» сплошь хвалят Андропова, сочувствуют его «борьбе» с некими «консерваторами», хотя никакие подробности этой «борьбы» почему-то не оглашаются. И еще: об Андропове выступили со скороспелыми сочинениями такие небезызвестные личности, как Авторханов, Рой Медведев и Янов. Оценки, данные ими Андропову, были самые восторженные. Удивительная картина: чеченец, служивший гестапо, а теперь ЦРУ, и два еврея-диссидента вдруг дружно хвалят недавнего начальника Лубянки! «Полна чудес великая природа!»

Андропов оказался явно нелюдим. Он показался было на людях, посетив московский завод, но вел себя угловато, беседовал с людьми неловко. Видимо, это стоило ему такого напряжения, что более он нигде так и не решился публично появиться. В век телевидения политическим деятелям, хочешь не хочешь, приходится показываться на экране. Поначалу показали несколько раз и Андропова. Показали и… перестали. Он оказался удивительно необаятелен даже для советских граждан, куда как не избалованных обаянием своих вождей. На парад и демонстрацию 7 ноября 1983 года Андропов не явился. Это был шок для советского народа! С середины 20-х годов вожди нашей партии и государства всегда стояли на трибунах, даже осенью 41-го. Полуживой Брежнев все же распорядился принести себя на Красную площадь за неделю до кончины. Наконец, состоялся пленум ЦК, где Андропов опять отсутствовал. Неслыханное событие в истории партии! Такого не наблюдалось более 60 лет, с тех пор, когда «завещание» парализованного Ленина зачитали на XII съезде. Но то был все же Ленин. Как бы ни относиться к нему, но он являлся создателем партии и ее признанным вождем, руководителем Октября, теоретиком и партийным публицистом. Ничего даже приблизительно схожего нет у Андропова. Надо обладать огромной уверенностью в своих силах, чтобы так попирать традиции в традиционной стране и при этом по-прежнему получать восхваления на уровне последних брежневских лет. Сказанного довольно. «Вот Он Друг Какой Андропов».

Тайна седьмая и последняя
КОНЧИНА БЕЗ ЗАВЕЩАНИЯ

Андропов умирал долго, медленно и неотвратимо. Видимо, он сам это понимал. О чем он думал, что творилось тогда в его душе, человека сильного, но совершенно безбожного, – этого мы не знаем, и узнать нам того нельзя ни из каких источников. Писал он то, что называется «стихами» (их теперь даже хвалят, и в самом деле не хуже они сочинений какого-нибудь «лауреата», даже чуть пограмотнее, но… не станем обсуждать, ибо придется задеть тут очень уж многих). Во всяком случае, мы цитировать его опубликованные «стихи» не станем. Однако лишь скажем еще раз – писание стихотворных текстов пожилым человеком точно свидетельствует о его сугубо закрытом и романтическом характере. Романтик, мы уточним, это не байроновский герой с нахмуренными бровями, а именно замкнутый мечтатель. Он мечтал всю жизнь о высшей власти. Редко, но все же иногда романтические мечты сбываются…

Получив долгожданную верховную власть, он смог очень неважно ею распорядиться. Внешняя сторона его жизни последних месяцев хорошо известна. Лекарства не помогали. Летом 1983 года здоровье Андропова продолжало ухудшаться. У него на ногах появились незаживающие язвы, усилилось дрожание рук, большую часть времени он работал в загородном доме, часто не вставая с постели. Во время визита в Москву канцлера ФРГ Г. Коля Андропов принимал его в Кремле, однако не смог без помощи двух телохранителей выйти из машины и подняться на тротуар перед Кремлевским дворцом. Кто-то из немецких корреспондентов сумел в это время сделать несколько снимков, и они были опубликованы в журнале «Шпигель» (самый тиражный тогда журнал ФРГ).

Наконец, 1 сентября Андропов провел, как потом оказалось, последнее в своей жизни заседание Политбюро. По свидетельству очевидцев, Генсек выглядел очень усталым и малоподвижным. В этот же день вечером он улетел в Крым, в отпуск. Уже через несколько дней отдыха состояние Андропова улучшилось, и он стал вполне сносно ходить. Вскоре, однако, самочувствие больного Генсека вновь резко ухудшилось. Согласно воспоминаниям Е. Чазова, начавшийся кризис был связан с трагическим случаем, произошедшим с Юрием Владимировичем во время отдыха.

«Перед отъездом из Крыма мы предупредили всех, в том

числе и Андропова, что он должен строго соблюдать режим, быть крайне осторожным в отношении возможных простуд и инфекций. Организм, почти полностью лишенный защитных сил, был легко уязвим и в отношении пневмонии, и в отношении гнойной инфекции, да и других заболеваний. Почувствовав себя хорошо, Андропов забыл о наших предостережениях и решил, чтобы разрядить, как ему казалось, больничную обстановку дачи, съездить погулять в лес. Окружение не очень сопротивлялось этому желанию, и он с большим удовольствием, да еще легко одетый, несколько часов находился в лесу.

Надо знать коварный климат Крыма в сентябре: на солнце кажется, что очень тепло, а чуть попадешь в тень зданий или леса – пронизывает холод. К тому же уставший Андропов решил посидеть на гранитной скамейке в тени деревьев. Как он сам сказал позднее, он почувствовал озноб, почувствовал, как промерз, и попросил, чтобы ему дали теплую верхнюю одежду. На второй день развилась флегмона. Когда рано утром вместе с нашим известным хирургом В.Д. Федоровым мы осмотрели Андропова, то увидели распространяющуюся флегмону, которая требовала оперативного вмешательства. Учитывая, что может усилиться интоксикация организма, в Москве, куда мы возвратились, срочно было проведено иссечение гангренозных участков пораженных мышц. Операция прошла успешно, но силы организма были настолько подорваны, что послеоперационная рана не заживала…

Мы привлекли к лечению Андропова все лучшие силы советской медицины. Однако состояние постепенно ухудшалось – нарастала слабость, он опять перестал ходить, рана так и не заживала. Нам все труднее и труднее было бороться с интоксикацией. Андропов начал понимать, что ему не выйти из этого состояния».

Вернувшись в Москву, Андропов уже не появлялся в своих кабинетах на Старой площади и в Кремле, а вскоре покинул и квартиру на Кутузовском проспекте и подмосковную резиденцию. Он отказался от ряда запланированных встреч с политическими и общественными деятелями Запада, сославшись в одном из опубликованных писем к приехавшей в Москву группе борцов за мир на «простудное заболевание».

О болезни Андропова знали, разумеется, не только читатели немецкого журнала «Шпигель» и пресловутые «борцы за мир», но и, как говорится, «вся советская страна». Очень популярен в то время был анекдот в форме диалога: «Почему Брежнев ходил и даже ездил, а Андропов не выходит из кабинета? – А потому, что тот был на батарейках, а этот – от сети…». Остроумный анекдот,

но положение «советской страны» было тогда совсем не очень веселым.

Окружению Андропова ввиду болезненного состояния главы государства приходилось хлопотать уж совершенно о необычных вещах. 1 мая и 7 ноября все советские руководители – независимо от состояния своего здоровья! – в полном составе появлялись на трибуне Мавзолея. Даже Сталин и Брежнев, годами старше Андропова и весьма болезненные в последние свои времена, этот мистический ритуал не нарушали. И вот совершенно неожиданную заботу об Андропове проявили руководители его бывшего ведомства. Председатель КГБ направляет записку в Политбюро:

> «В период проведения партийно-политических мероприятий на Красной площади выход из Кремля к мавзолею В.И. Ленина осуществляется по лестнице в Сенатской башне. Разница в уровнях тротуара в Кремле и у мавзолея В.И. Ленина более 3,5 м.
>
> Считали бы целесообразным вместо существующей лестницы смонтировать в Сенатской башне эскалатор. Просим рассмотреть.
>
> 11 мая 1983 г.
>
> *Председатель КГБ В. Чебриков».*

Рассмотрели. Решением Политбюро от 28 июля 1983 года было предусмотрено «устройство эскалатора в мавзолее В.И. Ленина». Тем более немощным был не один Андропов (не воспользовавшийся, к слову, этим «ленинским» подъемником ни разу), а фактически чуть ли не все Политбюро.

Даже сегодня, почти двадцать лет спустя, узнавать о таком горько и обидно. Так сказать, «за державу обидно»! В подземельях исторической Красной площади, этого истинного сердца великой державы, делается потаенный лифт для подъема на три с половиной метра дряхлых телес высшего советского руководства. И опять приходится с печальной объективностью отметить, что сам Андропов против этих поистине анекдотических услуг не возражал. Да, немногим все же отличался он от других коллег Брежнева.

Уже в последние месяцы жизни Андропова стало наблюдаться то позорно-бесстыдное явление, которое хорошо знакомо нынешним российским гражданам, когда от имени впавшего в немощь «гаранта Конституции» Бориса Николаевича Ельцина

выступал его пресс-секретарь: мол, президент «работает с документами», но хочет сказать то-то и то-то… У Андропова своего секретаря такого рода еще не было, но в ЦК уже в последние годы Брежнева был создан Отдел внешнеполитической пропаганды – лишняя и совершенно бессмысленная даже в аппаратном смысле инстанция, призванная исключительно для того, чтобы от имени Леонида Ильича как-то объясняться с настойчивыми западными корреспондентами в Москве. Завом там был поставлен брежневский любимец Леонид Замятин, полуеврей и пожилой интриган.

В начале ноября 1983 года этому кремлевскому баловню пришлось несладко. Вечером 6 ноября и утром 7-го он распинался на пресс-конференциях о «легком простудном заболевании Андропова» – именно такую формулу разгласили московские иностранцы по всему миру. В «простуду» Генерального секретаря не верили, разумеется, ни на Западе, ни на Востоке, ни в Советском Союзе…

Неподвижный, прикованный ко множеству всякого рода медицинских датчиков и капельниц, он продолжал упорно цепляться не только за собственную жизнь, но и за власть. Сразу после октябрьских праздников на Политбюро поступила записка Андропова с длинным наименованием: «О проведении эксперимента по расширению самостоятельности и ответственности предприятий». Коротко, суть тут была в попытке внедрения в советскую экономику какой-то доли рыночных отношений. Да, попытки такие были нужны, хотя бы в ограниченной мере, но как мелок масштаб для руководителя великой страны! «Эксперимент», то есть ограниченный на практике опыт… Расширяется не только «самостоятельность», но и «ответственность»… Перед кем же придется отвечать «самостоятельным» директорам? Да перед той же партией, конечно.

Однако даже не эти пустяковые попытки «преобразований» занимали основное внимание угасающего Андропова, а все та же бюрократическая рутина, практическая действенность которой была ничтожна. 9 декабря, о чем сообщалось в нашей печати, в Москву приехали на совещание секретари по международным и идеологическим вопросам от Центральных комитетов компартий Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Лаоса, Польши и Чехословакии. В итоге долгих словопрений секретарям «рекомендовалось» неустанно бороться с «американскими провокационными действиями», а для этого использовать следующие международные мероприятия: Чрезвычайную сессию Всемирного Совета Мира в январе 1984 года, Международную

конференцию за безъядерную Европу, Встречу европейской общественности «За безопасность и сотрудничество» в апреле 1984 года в Брюсселе, XIV конгресс Международного союза студентов в том же апреле, IV Международный конгресс движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» в июне того же года в Хельсинки и другие подобные форумы.

Ничтожные и уже в значительной мере бессмысленные действия, всему миру поднадоевшие. И опять ничего, ничего нового…

На заседании Политбюро 22 декабря, за полтора месяца до смерти Генерального секретаря, был одобрен текст выступления его же на предстоящем пленуме ЦК партии. Выступление было направлено членам ЦК. В начале речи говорилось:

«Дорогие товарищи!

К большому сожалению, в силу временных причин мне не удается присутствовать на заседании пленума… Я много думал над нашими планами, готовился выступать…» В речи Генсека утверждается, что «начали осуществляться некоторые меры по совершенствованию нашего хозяйствования, по укреплению государственной, трудовой и плановой дисциплины… Это только начало, и нельзя потерять набранный темп, общий положительный настрой на дела».

В тексте речи много старых «программных» мотивов со ссылками на Ленина о «соревновании и самодеятельности масс», руководстве «ленинскими принципами в работе», необходимости «повышения производительности труда» и других подобных словес. Составители речей Генсека не могли вырваться за рамки традиционных заклинаний. Эта не произнесенная «автором» речь, пожалуй, наиболее ортодоксальная за время пребывания Андропова на высших в партии и государстве должностях.

Через три дня «соратники» Генсека соглашаются с его предложениями по повышению партийного статуса Воротникова, Соломенцева, которых переведут на очередном пленуме из кандидатов в члены Политбюро, введут в его состав председателя КГБ Чебрикова в качестве кандидата в члены, в сан секретаря ЦК возведут Лигачева. Как видно, не слишком выдающихся деятелей выдвигал умирающий Генсек.

Уже говорилось, но это надо подчеркнуть, что Андропов был совершенно равнодушен ко всякого рода материальным благам и тем паче – к плотским удовольствиям. Это бесспорно, ибо после двадцати лет, минувших со дня его кончины, когда все же приоткрылись архивы, в том числе и потаенные, и высказалось множество самых разных свидетелей, ничего уличающего его в обратном не обнаружилось.

То же, что немаловажно, следует сказать и о его семье (для точности уж – второй семье, с которой он и прожил все годы нахождения своего у власти). Дочь Ирина работала скромным редактором в серии «Жизнь замечательных людей», где заведующим был автор этой книги. Была она очень приятной молодой женщиной и вела себя исключительно скромно, со вкусом, но неброско одевалась. Иногда, правда, ее подвозили, при опозданиях на службу, на черной «Волге», но и тут она выходила из машины за квартал до подъезда. От отца никакого «наследства» она не получила – ни в прямом, ни в «переносном» смысле. Вскоре после кончины отца она тяжело заболела и материально даже бедствовала (ее письмо о том А. Коржакову мы поместим в приложениях).

Столь же скромен был и сын, о котором тоже говорилось. Назначение послом в Грецию он получил уже после смерти отца. Там у него начались нелады с супругой, они разошлись, имея двоих детей. Игорь Юрьевич вернулся в Москву, вступил в брак с известной киноактрисой Людмилой Чурсиной. В минувшем году в газете «Совершенно секретно» она поместила краткие, но примечательные воспоминания о том периоде своей жизни.

«– Да, было и такое в моей жизни. Мы с ним познакомились у наших общих друзей – у Ольги и Владимира Ломейко. Мы оба были свободны от брака. Что же касается отца моего мужа, то я с ним вообще знакома не была. Мы с Игорем Юрьевичем встретились через несколько лет после смерти его отца. Да и когда мы с ним познакомились, я понятия не имела, какую этот молодой мужчина носит фамилию. Произойди наша встреча несколькими годами раньше и я узнала бы, чей он сын, то избежала бы этого знакомства.

Знаете, есть такая замечательная фраза: минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь! Что же до самого Юрия Владимировича, то я узнала о нем тогда много незабываемого. И прежде всего то, что он был настоящим патриотом и меньше всего думал о себе. После смерти Татьяны Филипповны, матери мужа, надо было освободить квартиру Андроповых на Кутузовском проспекте. И оказалось, что они эту правительственную квартиру даже не приватизировали, хотя в то время практически весь дом уже был приватизирован. А им стыдно было. Да и в самой квартире ничего ценного, за исключением библиотеки, не было. Стояла самая обычная советская мебель. И никаких вам «мерседесов»… В этой семье меньше всего думали о себе».

Свидетельство это, безусловно, точное, ибо подтверждается свидетельствами иными. Кстати, этот брак Игоря Юрьевича

Андропова был тоже непродолжительным и несчастливым. Ныне никаких постов не занимает, общественной деятельностью тоже не занимается. В августе нынешнего года ему подойдет пенсионный возраст – шестьдесят лет. Заметим, что сынки и дочки многих «соратников» Андропова по верхним этажам Кремля отнюдь не бедствуют в годы «перестройки» и «реформ», как благоденствовали при «социализме», так благополучно процветают и при «капитализме». Скажем лишь о двоих, чьих папаш мы часто упоминали в связи с деятельностью Андропова: сыновья Щелокова и Бобкова устроены более чем небедно. Что ж, яблоко от яблони…

Так вот, после этого краткого и, признаться, невеселого отступления вернемся к заботам брежневского Политбюро в последние месяцы и дни деятельности Генсека Андропова. Их истинные заботы были сугубо материальны. Черненко получил одобрение Андропова на принятие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О материальном обеспечении первых секретарей крайкомов, обкомов партии и председателей исполкомов краевых и областных Советов». Устанавливались очень высокие пенсии, сохранялись специальное медицинское обеспечение, автотранспорт, дачи и все такое прочее, что и до подобного повышения было немалым.

Не о стране они все заботились, а сугубо о себе и своих присных. Вряд ли умирающий Андропов этому сочувствовал, но он ничего не мог здесь возразить или поправить. И не только потому, что физически и духовно ослаб, а по отсутствию ясной и сильной стратегии. А для того, чтобы сломать сложившийся при Брежневе порок приобретательства и хапужничества, нужна была не только воля, но и ясно выраженная цель, ради которой можно было пойти на риск по крайней мере утраты власти. Имея некоторые возможности, Андропов не решился на такое.

А вскоре после его кончины герои того последнего постановления, эти самые «секретари обкомов и крайкомов», разворовали и развратили страну, а потом тихо сдали всю ее «агентам влияния». Нет никаких сомнений, что последний Генсек тоже несет за все это свою немалую долю политической ответственности.

О последних днях Андропова сохранились любопытные свидетельства генерала Д. Волкогонова, тогда заместителя начальника Главного политуправления Советской армии, строгого ревнителя марксистско-ленинской чистоты, но вскоре одного из самых крутых «антикоммунистов». От такого резкого изменения состояний он вскоре скончался, но человек был разносторонний и многое знал и видел. Он писал в своей

последней работе об Андропове: «Даже лежа в Кунцеве, генеральный секретарь требовал, чтобы ему докладывали самые важные текущие документы, на которых он делал пометы, писал резолюции, ставил задачи аппарату. Например, находясь в отпуске по болезни в феврале 1983 года, Андропов одобрил проект постановления, принятый затем на Политбюро, «О сооружении на Поклонной горе памятника Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». Затем несколько раз интересовался: когда проведут конкурс на лучший монумент перед зданием музея на Поклонной горе? Сам знаю, был членом жюри, сколько проводилось этих конкурсов! Но мысль большинства авторов памятника не шла дальше солдата или женщины с мечом… Мне думалось и раньше, и теперь считаю, что ничего нельзя было придумать лучше светлого храма как символа великой веры людей России в свою свободу, независимость и процветание Родины.

Андропов, уже находясь на стационарном лечении в Кунцевской больнице ДК, незадолго до своей смерти поддержал предложение председателя КГБ Чебрикова о закрытии Мавзолея Ленина для проведения очередных работ по бальзамированию тела вождя. Его нисколько не смущало, что со сталинских времен наблюдение и контроль над большевистскими идеологическими мощами по-прежнему осуществляют спецслужбы.

Андропов был инициатором «активизации работы с иностранными корреспондентами, находящимися в СССР». Сейчас, говорил Генсек, по имеющимся данным, в Москве находится 341 иностранный корреспондент. Мы можем и должны влиять на формирование информации, которую они передают в свои страны. Сразу же определил, кто может возглавить работу: Громыко, Чебриков, Замятин.

Иногда решения принимал довольно неожиданно. Так, например, Русская Православная Церковь, разгромленная Лениным и почти добитая Сталиным, давно ставила вопрос о возвращении ряда храмов, превращенных большевиками в склады, клубы, музеи, гаражи. Однажды Андропов, между прочим, сказал: снова получил письмо от иерархов Православной Церкви. Думаю, надо вернуть им Даниловский храм. Реплики лидера всегда расценивались у большевиков как «указания» генерального секретаря. Вскоре состоялось решение Политбюро о «передаче (не возвращении!) Даниловского монастыря в пользование Московской патриархии».

Подобными шагами Генсек поддерживал среди советской интеллигенции, зарубежных журналистов репутацию «просвещенного консерватора» или «либерального чекиста».

Андропов угасал, но его «сочинения» публиковались солидными тиражами, как и «сочинения» Леонида Ильича и его «соратников». Ныне, возвращаясь к этим богато изданным книгам, становится грустно за то время и за граждан страны той эпохи. Опять и опять типографии загружались печатанием текстов, на которое тратилось громады бумаги, вырубались оскудевшие русские леса, а что же это было? Вот перечень только некоторых из глав: «Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс» (выступление в Москве в апреле 1982 г.) и другие, подобные же, темы речей и докладов на самых представительных заседаниях и совещаниях. Естественно, что содержание этих выступлений, прошедшее «доводку» в отделе пропаганды ЦК, было глубоко ортодоксальным и почти совсем не несет личностного отпечатка.

Словно своеобразное «завещание» прозвучала теоретическая статья Андропова в журнале «Коммунист» № 3 за 1983 год «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». В ней, правда, звучат в основном старые, традиционные мотивы о неисчерпаемости и творческом характере марксизма, развитии «социалистической демократии» и необходимости повышения общественной дисциплины, порядка и все такое прочее и подобное, что уже давным-давно набило тяжкую оскомину нашему народу.

* * *

Здесь самое время напомнить, что Андропов был в душе поэтом, отчего всегда очень интересовался вопросами идеологическими. Как же обстояло в этой области с его личными вкусами и действиями в самые последние времена его абсолютного правления? Теперь у нас есть возможность осветить по крайней мере два случая такого рода, причем из источников вполне достоверных.

Уже говорилось, что руководство западных держав чрезвычайно внимательно следило за внутренними делами в СССР и всех странах социалистического лагеря. В особенности за нашими идеологическими процессами, справедливо полагая, что именно в этой сфере особенно повлиять на граждан данных стран в нужном им направлении. В особенности, разумеется, на широкие слои тамошней интеллигенции. Центром таких изучений сделались сразу после войны Соединенные Штаты, где были созданы целые научные (или псевдонаучные) институты по

разработке данных проблем, издавались многие труды и т.п.

Одного из этих авторов следует представить – Джон Данлоп, коренной американец, «восп», придерживавшийся даже несколько сочувственных взглядов в отношении русской идеи (заметим, в противоположность большинству «советологов», которые все сплошняком были еврейскими выходцами из России или Восточной Европы, хотя прикрывались английскими псевдонимами). Данлоп начал в восьмидесятые годы с книг о Солженицыне, а в 1983 году издал обратившее на себя широкое внимание исследование «Лики современного русского национализма». Через пару лет он публикует новую пространную книгу «Новый русский национализм» (под грифом Гуверовского центра войны и мира в Стенфордском университете – очень престижное учреждение в США).

Для нас особенно интересно то, что такие центры и такие исследования были тесно связаны с информацией от западных спецслужб, ибо въезд подобным авторам в Советский Союз был, разумеется, заказан, а сообщений в нашей печати на этот счет было ничтожно мало. Вот почему сведения и суждения Данлопа о тогдашних, по его выражению, «русских националистах» андроповского времени чрезвычайно интересны для понимания событий с западной стороны Атлантики. Цитируем:

«В 1981 году отмечалось 100-летие со дня смерти Достоевского, и «Наш современник» использовал эту годовщину для того, чтобы расставить некоторые важные, как ему казалось, политические акценты. Особенно заметной была статья Вадима Кожинова в № 11 за 1981 год. В этом спорном эссе Кожинов развил некоторые идеи, некогда высказанные «евроазиатами» и советским ученым Львом Гумилевым, и подробно остановился на значении Куликовской битвы, 600-летие которой праздновали в 1980 году. Как и годовщина смерти Достоевского, память о Куликовской битве имеет для националистов огромное символическое значение. В статье Кожинов предлагает свою трактовку этой великой битвы XIV века, которую, кстати, он рассматривает как решающую борьбу между «многонациональным Российским государством» и «агрессивной космополитической армадой», представлявшей «темные силы» мира того времени. Стрелы Кожинова были нацелены не в татаро-монголов, а в андроповцев, которые начали серьезно претендовать на власть. (Через несколько месяцев андроповцы отплатили ему той же монетой, и притом – с лихвой.)

Такую же атаку на андроповскую коалицию провел глашатай русского национализма Сергей Семанов в книжной рецензии, помещенной в № 7 за 1981 год. Анализируя книгу о троцкизме,

выпущенную издательством «Молодая гвардия» в 1979 году, он писал: «Троцкизм открыто объявлял себя сторонником «революционной агрессивности», требовал, чтобы страна победившего пролетариата несла на «красных штыках» революцию в другие страны. Свою ориентацию на «революционную войну» Советской России с международным капитализмом Троцкий не раз пытался подкреплять практическими действиями. В 1919 году он рекомендовал направить 30—40 тысяч всадников в Индию…».

Здесь же содержалось едва прикрытое осуждение интервенции в Афганистан и других советских военных авантюр за рубежом.

В другом месте Семанов изливал гнев на «элитизм» троцкистов в прошлом и настоящем: «Править обществом якобы во имя народа должна троцкистская элита «избранных». А народная масса – это «муравьи революции», как писал сам Л.Д. Троцкий (Бронштейн). Их удел – жить в рамках казарменного общества, быть послушными…».

Режим Хафизуллы Амина в Афганистане, который «упразднил» религию, уничтожал духовенство, осквернял мечети в стране, где 90 процентов населения верующие мусульмане, приводится как образчик современного троцкизма, наряду с «красными кхмерами» Кампучии, которые «вырезали более трех миллионов жителей своей страны, создавая «новое общество».

Семанов явно имел в виду «троцкистов» у себя дома. Для него андроповцы являлись смесью евреев и лишенных своего национального лица русских, предлагающих России самоубийственный путь, хотя она и без того заплатила страшную цену за фанатизм 20—30-х годов. И в этом плане вторжение в Афганистан виделось ему как первый шаг к окончательному самоуничтожению русской нации. (И андроповцы тоже вспомнили о Семанове уже через несколько месяцев.)».

Остановимся на нашей скромной публикации далекого уже 1981 года. «Троцкистов» мы поносили при всяком удобном случае, намекая на космополитических советников в брежневско-андроповском руководстве, и только. События в несчастном Афгане мы воспринимали как рок судьбы, который надо разрешить всеми способами, в особенности военными. Никакого намека на дела в Афгане в данной заметке не только не содержалось – такого не было у нас всех даже в мыслях. Придется процитировать кусочек из упомянутой статьи:

«Коммунистам всегда было чуждо искусственное противопоставление национальному интернационального. «… Подлинно национальные идеи… – говорил Ф. –Энгельс, – в то же

время всегда являются и подлинно интернациональными идеями».

Нельзя быть последовательным интернационалистом, пренебрегая интересами своего народа. В.И. Ленин писал: «Интернационализм на деле – один, и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы,* такой же линии, и *только ее одной,* во *всех* без исключения странах»,

Антинародная сущность троцкизма всегда проявлялась в полном пренебрежении к интересам трудящихся. Звучит дико, но бедствия и тяготы народных масс вызывали… радость у приверженцев Льва Троцкого. Еще в речи на IX съезде партии он провозгласил: «Разруха, уничтожавшая и разбивавшая все на своем пути, вместе с тем очищала путь для нового строительства…».

Троцкий открыто объявлял себя сторонником «революционной агрессивности», требовал, чтобы страна победившего пролетариата несла на «красных штыках» революцию в другие страны. Свою ориентацию на «революционную войну» Советской России с международным капитализмом Троцкий не раз пытался подкреплять практическими действиями. Так, в 1919 году он рекомендовал направить 30—40 тысяч всадников в Индию, чтобы «дать прямой толчок восстанию угнетенных масс»… Ленинская партия, разумеется, отвергла эту авантюру.

После высылки Троцкого из СССР происходит примечательное преобразование его взглядов по вопросам войны. Теперь он из ультравоинственного демагога превращается в… пораженца! Он пророчествует, что война, в которую будет неизбежно втянут Советский Союз, завершится его гибелью. «Можем ли мы, – писал Троцкий, – ожидать, что Советский Союз выйдет из предстоящей великой войны без поражения? На этот откровенно поставленный вопрос мы ответим так же откровенно. Если война останется только войной, поражение Советского Союза неизбежно. В техническом, экономическом и военном отношении империализм несравненно сильнее. Если он не будет парализован революцией на Западе, то он сметет социальный строй, рожденный Октябрьской революцией».

Поминать русофобские суждения Троцкого мы все очень тогда любили, ибо выражался он на эти темы весьма круто, а цитировать приблизительно схожие высказывания Энгельса, Маркса или тем паче Ленина было никак невозможно, ибо отрицательный комментарий к ним исключался полностью

(либералы-космополиты, напротив, любили цитаты о «нации рабов»). Вот по такому нехитрому принципу и строилась та скромная статья, которой мы все не придавали особого значения. Но подозрительный ум Андропова или Бобкова «со товарищи» решили совсем по-другому. Каким-то неведомым образом запахи из их лубянской кухни перенеслись за океан, а там и попали к Данлопу, он их и озвучил. А для нашего главного сюжета важно отметить лишь, что и накануне кончины Андропов не забывал о «русистах».

Какое он придавал значение этому идейно-политическому сюжету, видно из недавно опубликованных записей покойного уже поэта Феликса Чуева. Дарования его были не слишком блестящи, но прославился он на весь мир стихотворением 1969 года, опубликованным в «Молодой гвардии», о Сталине. Он предлагал создать грандиозный Мавзолей Победы в таких вот страстных строках:

Пусть, кто войдет, почувствует зависимость
От Родины, от русского всего.
Там посредине наш Генералиссимус
И Маршалы великие его.

С тех пор ничего подобного Чуеву опубликовать не удалось, сам ли он осторожничал, редакторы ли стояли на страже, неведомо, да и неважно. Но те строки не забывались. В том числе, как оказалось, и тайным «поэтом» Юрием Владимировичем. И вот произошло нечто немыслимое: Генсек в больнице вспомнил вдруг не слишком уж знаменитого тогда Чуева и объявил о своей симпатии к нему. Вся писательская Москва о том немедленно узнала, о чем автор свидетельствует с полной ответственностью. А Чуев описал этот невероятный в истории советской литературы случай точно и даже очень остроумно. Не пожалеем места на цитируемый отрывок из малотиражного журнала, ибо это не только развлечет читателя, но и даст ему точное описание быта и нравов тогдашнего Союза писателей, а также весьма тонких ходов Андропова.

ПОХВАЛА АНДРОПОВА

Может быть, я и сам бы не поверил в достоверность того, о чем сейчас расскажу, если бы это не произошло со мной. Но все, что было вокруг, поведение и облик людей, одинаковых во все

времена, вызывают у меня снисходительную улыбку…

В конце 1983 года в перерыве заседания Пленума московских писателей ко мне подошел один из секретарей правления Союза писателей СССР Олег Шестинский:

– Старик, я написал о тебе статью…

Я удивился – с чего бы? Обычно меня либо ругали, либо – в последние годы старались не упоминать.

– У тебя такой читатель… – продолжал Шестинский.

– Какой?

– Не прикидывайся! Твои стихи похвалил один большой начальник.

А я и в самом деле ничего не знал и спросил:

– Кто?

– Член Политбюро… Сказать страшно… Генсек партии Андропов.

Подошел Владимир Фирсов:

– Учти, у Шестины нюх, как у енота!

Я решил, что это обычный писательский розыгрыш, и не очень поверил услышанному. Но встретил Егора Исаева – он тоже тогда был секретарем и тоже говорит:

– Милый ты мой человече, где ты, вообще сказать, бродишь? Тебя все ищут! Пойдем ко мне в кабинет, я тебе кое-что сообщу!

В кабинете в присутствии своего помощника Юрия Дудина Егор Александрович торжественно произнес:

– Твоим стихам дал высокую оценку Юрий, вообще сказать, Владимирович Андропов. Мне об этом сообщили товарищи Зимянин и Стукалин. Мы будем думать о большой, вообще сказать, ответственной работе для тебя. А сейчас тебя ждет Георгий Мокеевич Марков!

И я двинулся по коридору к первому секретарю правления, члену ЦК, депутату и дважды Герою. Тоня, его секретарша, встретила меня в приемной:

– Что было, что было! Позвонил Маркову Андропов и спросил о тебе: «У вас есть такой поэт? Передайте ему мой новогодний привет и пожелания творческих успехов!»

Я открыл дверь в кабинет Маркова. Георгий Мокеевич встал из-за стола и пошел мне навстречу. Я поздоровался и сказал, что семнадцать лет состою в Союзе писателей, а впервые в кабинете первого секретаря.

– Феликс Иванович, – укоризненно сказал Марков, – я так люблю ваши стихи!

Мы сели за стол, и Георгий Мокеевич внимательно и участливо стал расспрашивать меня о том, как я живу, в чем нуждаюсь. Тут бы и попросить что-нибудь, квартиру например. Но

не так себя воспитал и ответил, что все у меня нормально.

– А как с изданием книг? – спросил Марков.

В том году я шагал по полосе везения, и в издательстве «Художественная литература» готовился однотомник моих избранных стихотворений, что не так часто удается поэтам при жизни. Уже прошла верстка, и это было до высочайшей похвалы, о которой, кстати говоря, в разговоре не упоминалось. Я сказал об этом однотомнике.

– Но у вас, наверно, наберется и на два тома? – спросил Марков. – Выйдет однотомник, а вслед за ним и двухтомник. Напишите заявление…

Эйфория продолжалась полтора месяца. Из «Правды» позвонил заведующий отделом поэзии СП. Кошечкин:

– Что-то давно ты у нас не печатался!

А все, кто меня недолюбливал, а то и вовсе не здоровался, возлюбили настолько, что стали раскланиваться издалека.

Я попал в число непременных участников писательских выступлений перед партийным активом, что для меня было не очень удобно по времени, ибо эти выступления были, как правило, в выходные дни, когда я мог позаниматься творчеством, ибо служил в издательстве, куда надо было ходить, читать, править и редактировать чужие рукописи. Я пытался отказываться от этих выступлений, нажимая на то, что в афише и без меня достаточно имен, но тщетно. Мне отвечали:

– Именно вас и просили!

На середину февраля 1984 года мне назначили встречу в ЦК КПСС, вероятно, с одним из секретарей ЦК. Но в этот день Ю.В. Андропов уже лежал в Колонном зале.

Один из моих знакомых, работавших в ЦК, упрекал меня, что я не сообщил ему об этой похвале, – он бы, дескать, ее «раскрутил». А в мае на всесоюзном совещании молодых писателей, где я был одним из руководителей поэтического семинара, я поговорил с Б.И. Стукалиным, заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС.

– Борис Иванович, дело прошлое, но интересно узнать подробности.

– Андропов вызвал Зимянина и меня и стал говорить о вас. У него на столе лежала книга ваших стихов. Дело пахло как минимум Государственной премией…

Позже я узнал, что Андропов сам писал неплохие стихи. Может, что-то ему понравилось из моих стихов. Позже от одного из его заместителей по КГБ я услышал и такое:

– О, это был ваш ангел-хранитель! Когда над вами сгущались тучи, он давал указание вас не трогать.

Так что эта похвала, похожая на розыгрыш, не была случайной.

А вся история закончилась через полгода письмом из издательства «Художественная литература», сообщавшем, что в связи с отсутствием бумаги, возможностями издательства и тем, что только что вышел мой однотомник, собрание сочинений в двух томах издано не будет. Занимался этим делом, верней, подведением черты под похвалой, заместитель председателя Госкомитета по печати РСФСР Лев Шапкин. С тех пор, когда мы встречаемся, он подходит ко мне, улыбаясь и говоря:

– В связи со смертью Ю.В. Андропова ваш двухтомник издан не будет!».

Не правда ли, сколь характерен для эпохи брежневско-андроповского времени данный эпизод! Угасающий в больнице всесильный Генсек делается персонажем трагикомического фарса в Союзе писателей! Ясно, что задумывал старый глава Лубянского ведомства, – показать на примере скандального, но совершенно, в общем-то, безобидного Феликса Чуева, что он сам, мол, «патриот» и даже «сталинист», но… поймите же меня правильно, я прямо не могу… Ну, как бы поняли этот его очень уж сложный ход в реальной жизни, никто не знает, но завершить очередную комбинацию с «русистами» рок ему не позволил…

А вот о его истинных вкусах, «для души», так сказать, поведал его лечащий врач в последние месяцы жизни, академик Академии медицинских наук А. Чучалин. В отличие от придворного кремлевского лекаря Чазова он не был посвящен во властные интриги, его свидетельство – это наблюдения непредвзятого человека, то есть вполне объективные. А сообщил этот медик нечто весьма любопытное именно из области идеологии. Он сообщил в ответ на вопрос о своих высокопоставленных пациентах:

«О Брежневе и Черненко рассказывать нечего. В последние месяцы своей жизни они уже не могли ни говорить, ни думать. Андропов же в больнице сохранял ясный ум, хотя у него отказали печень, почки, легкие, и мы применяли внутривенное питание. Двое охранников ухаживали за ним, как за малым ребенком: перестилали кровать, переносили Генсека с места на место. Видеть Андропов мог только одним глазом, но читал много – около четырехсот страниц в день. В последние дни охранники переворачивали ему страницы – сам не мог… Он просматривал практически все литературные журналы. Как-то раз я вошел к нему и увидел, что он читает «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы в журнале «Дружба народов».

Мимолетное сообщение врача о читательском выборе

умирающего Андропова дорогого стоит! Сочинение барда Окуджавы в прозе есть чистейшее литературное дилетантство, причем откровенно и злобно русофобское. Конечно, имевший плохое гуманитарное образование Генсек мог этого и не понимать, но… В 1979 году скандальный писатель Владимир Бушин опубликовал большую статью в популярном журнале «Москва», где дотошно разобрал это самое «Путешествие дилетантов» и показал не только историческую пошлость автора, но его антирусские (чуть прикровенные) выпады. Статья наделала много шума, возник литературный скандал. Андропов не мог всего этого не знать. Теперь-то понятно, что именно и кого именно он любил в глубине своей темноватой души.

* * *

Заключая жизнеописание Юрия Владимировича Андропова, нам придется погрузиться исключительно в медицинские темы. Увы, именно эта наука стала господствующей в последние годы правления престарелых и немощных вождей Советского Союза. Но именно вокруг медицинских диагнозов, средств лечения и лекарственных препаратов сосредоточились в ту пору главнейшие политические интриги в Кремле. О медицинском интриганстве чуть позже, а пока выскажем мнение обо всей этой возне выдающегося русского врача, далекого от околокремлевских разборок, который высказал на этот сюжет очень существенное суждение морально-этического плана.

Знаменитый советский хирург академик Б.В. Петровский утверждал, что тяжелобольной человек может заниматься литературой, научной работой, но никак не серьезной государственной деятельностью. «Не только работоспособность, решения, но и взгляд на мир Божий зависят от состояния здоровья в значительно большей степени, чем кажется. Думаю, что связь между состоянием здоровья главы государства и его решениями, его управлением страной, безусловно, существует». Поэтому Петровский решительно осуждает сохранение Брежнева как главы государства и партии в последние годы его жизни. Он осуждал также и избрание на высший государственный пост Андропова, который в прошлом был энергичным и деловым человеком, но на пост главы государства был избран в разгар тяжелой и практически смертельной болезни. «С моей точки зрения, – писал Петровский, – назначение Андропова на высокий пост было антигуманным, чрезвычайно опасным и для него

самого, и для государства. Но в нашей стране в соответствующий период никто по своей воле от власти не отказывался».

Поправим почтенного Академика медицины лишь в одном. Нет, судорожное цепляние за власть есть отнюдь не только российско-советское явление. Оглянемся на современную Америку, где грязно опозоренный президент Клинтон не ушел в отставку, хотя над ним потешался или негодовал весь мир. А судорожные интриги вице-президента Гора на последних выборах в тех же Соединенных Штатах? Нет, не надо нам приписывать все людские пороки и считать, что только нам они свойственны. В этом смысле и Брежнев, и Андропов, и Клинтон с Гором одинаковы.

Андропов продлевал жизнь только с помощью сильнодействующих лекарств. А вокруг его смертного одра росли и множились политические страсти. О них подробно и со знанием дела поведал лейб-медик Чазов. Предоставим же ему возможность подробно высказаться в последний раз в нашей книге.

«Однажды он спросил, смотря мне прямо в глаза: «Наверное, я уже полный инвалид, и надо думать о том, чтобы оставить пост Генерального секретаря». И, видя мое замешательство, продолжил: «Да, впрочем, вы ведь ко мне хорошо относитесь и правды не скажете».

Его преследовала мысль – уйти с поста лидера страны и партии. Я сужу и по тому разговору его с Рыжковым (в то время секретарем ЦК КПСС), случайным свидетелем которого я оказался. Почему он позвонил самому молодому секретарю ЦК, для меня и сегодня загадка. В разговоре он вдруг спросил Рыжкова: «Николай Иванович, если я уйду на пенсию, какое материальное обеспечение вы мне сохраните?» Не ручаюсь за точность фразы, но смысл ее был именно таков. На другом конце провода Рыжков, по моему впечатлению, настолько растерялся, что, видимо, не знал, что ответить. И Андропов закончил разговор словами вроде: «Вы там подумайте о том, что я сказал». Однако, насколько я знаю, продолжения этого разговора не было. Да и со мной он больше не обсуждал проблем отставки.

И опять вопрос о судьбе страны. Что произошло бы, если бы Андропов появившуюся у него мысль об уходе претворил в реальность? Несомненно, он бы определил и назвал своего преемника. Учитывая завоеванный к тому времени авторитет, его мнение было бы решающим в определении фигуры Генерального секретаря ЦК КПСС. Ясно одно, что это был бы не Черненко.

Между тем разговоры о тяжелой неизлечимой болезни Андропова шли уже не только в ЦК и КГБ, но и в широких кругах.

Они воспринимались по-разному. По крайней мере, мне казалось, что большинство сожалело, что век Андропова как лидера был короткий. В него поверили, при нем появилась надежда, что страна воспрянет от спячки, в которую впала в последние годы. Но, может быть, я пристрастен.

В этой ситуации произошел случай, который можно оценивать по-разному, но он возмутил меня, да и всех, кто длительные годы обеспечивал здоровье и работоспособность Андропова. Мне позвонил Чебриков, председатель КГБ, которого я хорошо знал, и попросил заехать к нему. В новом здании КГБ вежливый секретарь Чебрикова тут же проводил меня в его новый кабинет, который своей официальной помпезностью разительно отличался от уютного кабинета Андропова в старом здании.

Чебриков был явно смущен, растерян и не знал, как начать разговор. Думаю, что играло роль то, что он знал уровень наших отношений с Андроповым. «Знаете, Евгений Иванович, я получил официальное письмо от сотрудников КГБ, в котором они пишут о недостатках в лечении Андропова и требуют моего вмешательства в обеспечение процесса лечения. Вы поймите меня правильно. Я знаю, как доверяет вам Юрий Владимирович, знаю ваши отношения и понимаю, что вы делаете все для его спасения. Но у меня есть официальное письмо, и я должен был вас познакомить с ним». И он показал мне письмо, которое, к моему удивлению, было подписано людьми, совсем недавно высказывавшими восхищение тем, что нам удалось так долго сохранять работоспособность Андропова. Будь это в 1937 или 1952 годах, такое письмо было бы равносильно смертному приговору.

Стараясь сдержать свое возмущение, я ответил, что не собираюсь отчитываться перед двумя сотрудниками КГБ, подписавшими письмо и ничего не понимающими в медицине. Если необходимо, я, как член ЦК, где и когда угодно – на Пленуме ли ЦК или в печати – могу рассказать или представить в письменном виде всю ситуацию, связанную с болезнью Андропова, в том числе и причины обострения болезни. Кроме того, сотрудники КГБ, присутствующие на консилиумах, знают мнение ведущих ученых страны о характере болезни и проводимом лечении. Они знают мнение и ведущего специалиста США, профессора Рубина, с которым встречались. Кроме того, они следят за каждым шагом и действием профессоров и персонала. И еще, продолжал я, для меня Андропов значит больше, чем для всех ваших перестраховщиков, пытающихся проявить не могу понять что – то ли заботу, то ли бдительность – или свалить свои промахи на нас. Другой бы врач, ученый моего уровня, сказал бы вам, что если считаете, что мы недостаточно активно работаем,

что мы не правы, то приглашайте других. Но я этого не сделаю, потому что 18 лет Андропов был моим пациентом, он верит мне, а я ему. И я был бы подонком, если бы в эти последние дни его жизни я не был бы с ним.

Чебриков молча выслушал мою резкую тираду и, зная хорошо меня, мой характер, понял всю глубину моего возмущения. Видимо, где-то внутри у него появилось сожаление, что он поднял вопрос о письме. Кто знает, а может быть, я изменю своим принципам и сделаю достоянием всех членов Политбюро и ЦК тот факт, который знали очень немногие, в частности он и я, факт, что дни Андропова сочтены.

«Считайте, что этого разговора не было, – заключил он, – а письмо я уничтожу. И еще: ничего не говорите Андропову». Не знаю, уничтожено ли это письмо, о котором я рассказал лечащему врачу, некоторым членам консилиума, или лежит в архивах КГБ, но оно заставило меня задуматься о необходимости информировать руководство страны о возможном неблагоприятном исходе болезни.

Когда я обсуждал с Андроповым проблемы, связанные с его болезнью, и спросил, с кем бы в случае необходимости я мог бы доверительно обсуждать появляющиеся организационные или политические вопросы, он, не задумываясь, ответил: «С Устиновым». Меня это вполне устраивало, так как с Устиновым у меня давно сложились дружеские отношения. Он, как и Андропов, был моим давним пациентом. Я позвонил Устинову и попросил встретиться со мной. Он предложил приехать к нему в Министерство обороны. Когда я въехал во двор министерства и по широким, «дворцовым» лестницам поднялся на второй этаж, в большой кабинет министра обороны, где все – от интерьера до картин на стенах – дышало стариной, я не думал, что мне придется часто бывать здесь в последние месяцы жизни Андропова.

Мне казалось, что наши официальные заключения о болезни Андропова должны были бы насторожить членов Политбюро, и поэтому я был крайне удивлен тем, что мое сообщение и заключение о тяжести прогноза было для Устинова как гром среди ясного неба. «Знаешь, Евгений, я знал, что Юрий тяжело болен, но что в такой степени, не представлял. Ты предпринимай все, чтобы сохранить его. Знаешь, что это значит сейчас для страны? А что делать – надо подумать. Давай встретимся втроем – ты, я и пригласим Чебрикова».

Тогда я не знал, почему нам надо встречаться втроем, почему именно с Чебриковым. Только потом я уяснил, что нужен был, во-первых, свидетель наших обсуждений состояния здоровья

Андропова, во-вторых, человек, близкий к Андропову и Устинову, и в-третьих, человек, руководивший такой мошной системой, как КГБ, и имевший достаточно обширную информацию.

В это время в Кунцевскую больницу, где находился Андропов, для диспансеризации был госпитализирован Горбачев. Андропов, узнав об этом, попросил его зайти. Я предупредил Горбачева о тяжести состояния Андропова и плохом прогнозе заболевания. Он был вторым человеком в Политбюро, который знал, что дни Генерального секретаря сочтены. Как и Устинов, Горбачев, который в ЦК был ближе всех к Андропову, тяжело переживал сказанное».

Разберем эти подробные свидетельства словоохотливого придворного лекаря. Ясно, что вокруг умирающего Андропова он выполнял не только врачебные обязанности… Нетрудно сообразить, какие. Ясно из его же собственных сообщений, что был доверенным лицом Андропова, причем с давних пор. Он подробно извещал главу Лубянки о состоянии здоровья Брежнева, что не имел права делать ни по врачебной этике, ни, тем паче, по партийной дисциплине. Однако делал.

Чазов поддерживал группу явных сторонников Андропова в Кремле – Устинова и Чебрикова. В эту же группу входил, хоть и на вторых ролях, молодой выдвиженец Андропова – Человек-с-пятном, будущий могильщик Советского Союза. Чазов, как он сам свидетельствует, был между всеми ими неким «челноком», причем выполнял свои немедицинские обязанности втайне. Но «старики» в Политбюро – Черненко, Тихонов и другие – тоже вели как-то свою линию, хотя мемуаров о том не оставили. Как бы то ни было, но наследником Андропова мерзкий Горбачев не стал. Причем нельзя тут не обратить внимания на обстановку совершенно беспринципных интриг вокруг умирающего Генсека. Все – и он тоже – думали не об огромной державе и ее народе, а обеспокоены были только своими мелкими честолюбивыми страстями.

А теперь опять вернемся к скромным сообщениям лечащего врача Андропова академика Чучалина. Он рассказывает о чисто личной стороне своего высокопоставленного пациента, и отсюда ясно видно, сколь одиноким был Генсек и как тяжело прощался он с жизнью.

«Однажды он сказал мне: «Доктор, даже близкие не верят, что могу так много читать. Начните с любого места уже прочитанной мной страницы, и я воспроизведу ее полностью». Я поверил ему на слово…

– Андропов смотрел телевизор?

– Обычно информационные программы «Время» и «Новости».

У него в палате стоял видеомагнитофон. Один раз я застал его смотрящим какой-то фильм про Джеймса Бонда. Генсек страшно смутился….

– Андропов наверняка знал о своей близкой смерти. Был ли он удручен?

– Он всегда умел держать себя в руках. Апатию у него вызывали звонки членов Политбюро. Они брались за трубку обычно после своих заседаний и просили Андропова дать согласие по тому или иному решению. В эти моменты Генсек очень напоминал свои портреты, висевшие тогда во многих кабинетах. Он становился мрачным и насупленным. Так было и в тот день, когда позвонивший ему член Политбюро сообщил о решении построить памятник Победы. Андропов сказал, что денег в стране на это сооружение нет. Да и проекта он не видел. Однако принцип демократического централизма никто не отменял, и Андропов согласился. Правда, заставил всех членов Политбюро сдать подарки, стоявшие в их кабинетах, в фонд памятника. И сам сделал то же самое.

– Вы говорили с ним о политике?

– Нет. Андропов больше говорил о живописи – он любил передвижников. Читал свои стихи, посвященные жене. Никакого раскаяния по поводу того, что он сделал в политике, у него не было».

Новый 1984 год никакого улучшения здоровья Андропову, как и ожидалось, не принес. Однако он пытался даже участвовать в так называемой «предвыборной кампании» в Верховный Совет СССР, чьим депутатом он должен был бы стать. Он даже поручил своему аппарату подготовить ему предвыборную речь. Разумеется, уже не могло быть никакой возможности Андропову выступить лично перед избирателями, как это полагалось по советской традиции еще со времен Сталина. Андропов предполагал, что его речь будет зачитана вместо него одним из членов Политбюро… Это уже начинало походить на будущие ельцинские времена – руководство страной из клиники.

Последний свидетель, который рассказал о последних днях Юрия Владимировича, был один из его верных сподвижников. Рассказ этот, как нам представляется, достоверен. Георгий Арбатов вспоминал: «В начале января я видел его в последний раз… Мне как-то позвонил один из помощников Андропова и сказал, что тот просит в связи с подготовкой речи приехать к нему в больницу. В палате он почему-то сидел в зубоврачебном кресле с подголовником. Выглядел ужасно. Я понял: умирает. Говорил он мало, а я из-за неловкости, незнания, куда себя деть, просто чтобы избежать тягостного молчания, беспрерывно что-то

рассказывал. Когда уходил, он потянулся ко мне, мы обнялись. Потом я узнал, что в эти дни у него побывало еще несколько человек, которых он давно знал, с которыми долго работал».

В конце января состояние здоровья Андропова резко ухудшилось. Ослабление его организма приняло быстрый и необратимый характер, все средства медицины и усилия врачей оказались бессильны. 9 февраля 1984 года в 16 часов 50 минут Юрий Владимирович скончался в больничной палате, задолго перед этим потеряв сознание.

…Хорошо помню эти дни, которые я проводил в писательском Доме творчества в Переделкино. В пятницу 10 февраля с утра по всем каналам телевидения и радио не сообщено было ничего. Однако «знатоки» информационных шифровок обратили внимание, что утренняя хохмаческая программа «Опять двадцать пять» была без всяких объяснений отменена. А затем уже любому стало понятно – зазвучали минорные мелодии Рахманинова, Чайковского, Шопена. Только в середине дня было объявлено: Юрий Владимирович Андропов скончался. Тут же все писатели разбились на кучки по взаимным политическим (и национальным) объединениям и обсуждали кандидатуру возможного наследника. Назывались имена Черненко, Устинова, Горбачева – в основном их.

А в это же время в Москве на Старой площади кипела неведомая нам работа. О ней позже рассказал Е. Лигачев, совсем недавно переведенный Андроповым из Томска, где он был Первым секретарем, в ЦК партии. «Официальная шифровка о смерти Андропова поступила в Томский обком только утром. Но я в это время уже подлетал к Москве, – когда летишь с востока на запад, выкраиваешь время… В то же утро в кабинете Зимянина мы писали некролог. Было нас человек пять-шесть, среди них, помню, Замятин, Вольский, помощник Андропова, кто-то еще. Когда написали об Андропове – «выдающийся партийный и государственный деятель», кто-то из присутствующих засомневался: «Не слишком ли мы преувеличиваем роль Андропова? Генсеком он работал совсем немного времени, всего лишь год с небольшим». Но я возразил: «Дело не во времени, не в сроках, а в результатах, в тенденции развития».

Ну, некролог, дело важное, слов нет, однако основное решение о наследнике советского престола принимали совсем иные товарищи. Об интригах в Кремле непосредственно после кончины Андропова рассказал все тот же осведомленный доктор Чазов.

«Я искренне оплакивал смерть Андропова. И не только с позиций человека, близко знавшего и дружившего с ним. Я

понимал, как, может быть, немногие, как много он мог сделать для страны и народа. Сделать страну еще сильнее, а главное, заставить ее встряхнуться, начать поиск новых подходов к развитию. Понимал и то, что среди руководителей нет ему равного по широте взглядов, знанию жизни, твердости в проведении своей политики и в то же время политической осмотрительности и дипломатической хитрости.

Наши беседы с Устиновым, его заверения, что мнение Андропова о фигуре Горбачева известно не только ему, позволяли мне предполагать, что именно он, и это было бы логично, придет на смену Андропову. На следующий день, хотя, возможно, это было и 11 февраля, к нам в спецполиклинику на Грановского заехал Устинов. Всегда общительный, веселый, разговорчивый, он при встрече со мной выглядел на этот раз смущенным и несколько подавленным.

«Знаешь, Евгений, – заявил он без всякого вступления, – Генеральным секретарем ЦК будет Черненко. Мы встретились вчетвером – я, Тихонов, Громыко и Черненко. Когда началось обсуждение сложившегося положения, я почувствовал, что на это место претендует Громыко, которого мог поддержать Тихонов. Ты сам понимаешь, что ставить его на это место нельзя. Знаешь его характер. Видя такую ситуацию, я предложил кандидатуру Черненко, и все со мной согласились. Выхода не было». Он ни словом не упомянул о Горбачеве, о том, что надо было бы узнать мнение других членов Политбюро. Я всегда верил Устинову, считая его честным и откровенным человеком. Но в этот момент мне показалось, что он чуть-чуть кривит душой. Видимо, на встрече четырех старейших членов Политбюро он понял, что ни Черненко, ни Громыко, ни тем более Тихонов не поддержат его предложение в отношении кандидатуры Горбачева. В этой ситуации его наиболее устраивала кандидатура Черненко. Больной, к тому же по характеру мягкий, идущий легко на компромиссы, непринципиальный Черненко вряд ли мог противостоять настойчивому, сильному и твердому Устинову, возглавлявшему военно-промышленный комплекс. Да и другие участники этого своенравного сговора понимали, что при больном Черненко они не только укрепят свое положение, но и получат большую самостоятельность, которой у них не было при Андропове. Это особенно касалось Председателя Совета Министров Тихонова».

Кремлевские интриги закончились, стороны, как говорится, «пришли к соглашению». Советские граждане, а вместе с ними и весь мир узнали это из следующего сообщения: председателем похоронной комиссии Юрия Владимировича Андропова избран

Константин Устинович Черненко… Все всем стало понятно – он и есть наследник, ибо покойный Генсек накануне партийной официальной коронации тоже занимал эту странную должность после кончины дорогого Леонида Ильича. А за день до этого публичного сообщения, а именно 10 февраля в 11 часов утра состоялось заседание Политбюро. Все уже было предрешено заранее состоявшимися осторожными переговорами между членами партийного ареопага (о чем рассказал Чазов). Заседание открыл Черненко, тут же поднял руку Тихонов и предложил в Генсеки его кандидатуру. Все высказались «за», а особенно горячо Михаил Сергеевич…

Тут уж никак не удержаться, чтобы не процитировать набросок стихотворного сочинения Андропова, сохранившийся в его бумагах:

Мы бренны в этом мире под луной.
Жизнь только миг. Небытие – навеки.
Кружится во Вселенной шар земной.
Живут и исчезают человеки.

Ну, не станем судить очень уж строго эти самодеятельные строки («Луна» пишется с маленькой буквы, а «вселенная» с прописной). Но не может быть ни малейших сомнений, что человек, да еще в пожилом возрасте находившийся, написавший для себя такие строки, должен быть абсолютно одиноким и замкнутым, которому не с кем поделиться.

Наконец, вот любопытная подробность: в тот же день часов в пять вечера в правлении Союза писателей появилась заплаканная Ира Андропова. Пришла она к тогдашнему секретарю Союза по оргделам Киму Селехову. Этот в прошлом мелкий комсомольский работник, весьма далекий от прозы и поэзии, был прямым представителем КГБ в Союзе, это даже не очень-то скрывалось. Ира принесла заявление, что отец никаких дневников и воспоминаний не оставлял, так что если в печати появится нечто подобное – заранее объявляется фальшивкой. Юрий Владимирович знал, к кому направить свою дочь в писательскую организацию… Впрочем, ничего подобного нигде до сих пор не появилось.

Всю жизнь молчал и при полном молчании ушел из жизни…

* * *

Жизнеописание Юрия Владимировича Андропова закончено. Как водится, надо подвести итоги. Ранее мы предоставили слово всем его главнейшим коллегам, которые публично высказывались, из числа тех, кто с ним так или иначе соприкасался по делам или лично. Однако осталось несколько деятелей, так сказать, «второго плана», которые тоже высказали свою оценку личности и деятельности Андропова. Мы считаем наиболее существенные отрывки этих высказываний привести.

Начнем выстраивать высказывания мемуаристов, расположив их по значимости занимаемой должности во время нахождения Андропова на высших государственном и партийном постах (ноябрь 1982 – февраль 1984). Николай Иванович Рыжков, в 1982–1985 годах секретарь ЦК КПСС по промышленности, так высказался на вопросы корреспондента:

«Существует мнение, будто Андропов сразу начал готовить вас для будущего премьерства. Так ли это?

Что касается планов Юрия Владимировича относительно меня, то мне об этом ничего не известно. Со мной ни о каких своих планах в отношении меня он ни разу не говорил. А встречаться с Андроповым приходилось почти каждую неделю – или он вызывал, или у меня появлялись вопросы. Это – встречи вдвоем, о совещаниях я не говорю. Его отношение ко мне было хорошим. В экономике он умел очень быстро и точно схватывать ее политическую направленность, помогали жизненный опыт и колоссальная информация, которой он владел, работая председателем КГБ.

О характере же поиска говорит, например, такой вот эпизод. Однажды Андропов спрашивает: что такое совместное предприятие (СП), вы что-нибудь знаете об этом? Я сознался, что практически ничего не знаю. А он говорит, что в тех реформах, которые предстоит проводить, от СП не уйти, поэтому поинтересуйтесь, мол, что это такое. После я тщательно изучил, что делалось у нас в 20-е годы с концессиями, как они рождались, как потом умирали. Кстати, их у нас было немного, шестьдесят с небольшим, хотя расчет был на масштабную работу. Был даже создан Комитет по концессиям.

Николай Иванович, а когда вы познакомились с Горбачевым?

Примерно через месяц после того, как я стал секретарем ЦК, меня вместе с Горбачевым пригласил Андропов. До этого Михаила Сергеевича я знал плохо: был раза два-три на совещаниях по сельскому хозяйству и легкой промышленности, которые он вел. Но эти отрасли не входили в сферу моих обязанностей в Госплане СССР, ими занимались другие. В

Госплане СССР ко мне стекались общегосударственные проблемы из сводных отделов – финансы, план, ресурсы, наука… Телефонные разговоры с ним тоже были редки. Запомнился только один, когда пришлось поругаться… И вот Андропов нас свел и сказал, давайте работайте вместе. Горбачеву он порекомендовал заниматься не только аграрным комплексом, но и экономикой. На меня же, как на Секретаря ЦК, выходили Госплан СССР, Госснаб СССР, Госкомтруд СССР, ЦСУ СССР, Госкомцен СССР… И мы стали работать вместе». (Из книги Н.И. Рыжкова «Возвращение в политику». М., 1998).

Об Александре Яковлеве, человеке невероятно извилистой судьбы, одном из главных разрушителей изнутри Советского Союза, уже говорилось. В своих пространных мемуарах, изданных на исходе 2000 года, он дает развернутую оценку Андропову. Она сугубо отрицательная. Однако надо иметь в виду, что всегда лгавший Яковлев запоздало «отмежевывается» от непопулярного ныне Андропова, хотя именно тот вернул его в Москву из почетной политической ссылки в Канаде.

«Наиболее раздражающим моментом в Канаде был шпионский синдром. Сразу же после войны убежал к канадцам военный шифровальщик Гузенко. Приговоренный у нас к расстрелу, он до самой своей смерти скрывался где-то под крышей канадской контрразведки. Наша резидентура имела указание выяснить, где находится Гузенко, чтобы как-то привести приговор в исполнение. Он нанес большой ущерб государству, передав канадцам более 200 шифротелеграмм из Москвы по военной линии.

С тех пор в Канаде была установлена практика высылать за шпионаж из посольства или из других советских организаций хотя бы одного человека в год. А то и больше. Каждый раз все это сопровождалось упреками Москвы в адрес посольства в том, что оно что-то недоработало, что не имеет влияния и т.д. Иными словами, КГБ искал виновников собственных провалов.

Особенно неприятным событием была высылка в 1979 году сразу тринадцати сотрудников посольства. Москва полезла на стену. Я попросил Трюдо о встрече. Было воскресенье. Принял он меня в своей резиденции. Готовился к какой-то встрече, одевался. Трюдо, отвечая на мои взволнованные восклицания, уныло произнес:

– Господин посол, возможно, меня обманывают, а возможно, и вас. Посмотрите нашу видеопленку на этот счет.

Это было беспрецедентное предложение. Потом мне рассказывали, что в Москве оно вызвало переполох. Далее Трюдо,

улыбаясь, добавил:

– Назовите мне имена, кого мы напрасно высылаем, я немедленно верну их обратно.

– Могу перечислить все тринадцать.

Трюдо засмеялся.

– Я – тоже.

Центр (читай – КГБ) запретил мне просматривать пленку. Понятно, что КГБ не захотел, чтобы посол узнал действительные причины и подробности провала и сообщил об этом в Москву. После этого я направил предложения, как реконструировать аппарат посольства, чтобы впредь не ставить развивающиеся советско-канадские отношения под нелепые удары. Резидент КГБ сказал мне, что я зря послал эту телеграмму. Он, видимо, получил какие-то вопросы на этот счет. А через неделю мне принесли сверхсекретную телеграмму от имени Андропова с обвинением, что я «недооцениваю задачи советской разведки на североамериканском континенте».

Возможно, Андропов и Крючков были раздражены тем, что я послал пространную телеграмму, да еще по самому «верху», о том, что мне рассказал Айван Хед, помощник Трюдо, по поручению премьера. А подробности были довольно пикантные, ставящие Крючкова и его службу в достаточно глупое положение. Хед рассказал о том, что столик, за которым шел разговор между нашим и канадским контрразведчиком, прослушивался, что канадец, которого вербовали, действовал по поручению канадских спецслужб, что одна симпатичная женщина из нашего посольства пыталась «сблизиться» с канадским министром. Он сообщил также о системе сигналов советских разведчиков и многое другое.

Потом я узнал, что резидентура в посольстве была против этой злополучной операции, но Крючков настоял на ней, однако никакого наказания за провал и сломанную по дурости судьбу многих людей не понес.

После телеграммы Андропова все встало, казалось бы, на свои места. Должна была сработать традиция. Если крупный провал в разведке – виноват посол. Я засобирался домой. Жене сказал, чтобы готовилась. Но телеграммы об отзыве так и не поступило.

Секретарь ЦК Борис Пономарев, пролетая позднее через Канаду, рассказал мне, что на заседании Политбюро Андропов, докладывая об этом случае, заявил, что посол плохо справляется со своими обязанностями. Но тут бросил реплику Суслов: «Яковлева послом в Канаду не КГБ направлял». Этого было достаточно. Суслов тщательно опекал партийную номенклатуру и

ревниво относился к вмешательству в ее дела. Андропов, по словам Пономарева, не мог скрыть своей растерянности, плюхнулся в кресло на полуслове. Суслова боялись гораздо больше, чем Брежнева». (Из книги А.Н. Яковлева «Омут памяти». М., 2000).

Тут надо сделать некоторые пояснения, чтобы выявить то достоверное, что скрывается за сомнительными словесами Яковлева. Это касается тончайших взаимоотношений в высших партийно-государственных верхах. Прежде всего то, что Андропов несколько пасовал перед Секретарем ЦК по идеологии, а по сути вторым человеком в Политбюро М. Сусловым. Да, Михаил Андреевич Суслов, женатый на еврейке, остро не любил наследие Сталина, однако он был сугубым марксистом-ленинцем и осторожные космополитические связи Андропова, о чем он, конечно, был осведомлен, никак не одобрял. Со своей стороны, Андропов тоже о том догадывался или даже знал. Однако он никогда не пытался противиться Суслову (во всяком случае, открыто). И то, что в частном случае с канадским эпизодом Яковлева Андропов не посмел возражать Суслову, есть факт достоверный. Напомним, что только после кончины Суслова смог усилить свое влияние в верхних эшелонах Кремля Юрий Владимирович. И его советники тоже.

Следующий свидетель по интересующему нас предмету – Афанасьев Виктор Григорьевич, главный редактор газеты «Правда», центрального органа партии и государства, занимал он эту ключевую в идеократической стране должность с 1976 по 1989 год, то есть продержался на этом посту долее всех его предшественников. Был он личностью весьма своеобразной в партийной верхотуре. Даже внешне: носил и на службе, и на парадных мероприятиях «клубняк» (по тогдашним понятиям – костюм приталенный с яркими пуговицами), открыто увлекался молодыми секретаршами, которых увозил на казенную дачу на казенной же машине, либеральничал на словах, но при этом числился философом и партийным идеологом, членом ЦК КПСС.

Конечно, как в этом убедится читатель, был он человеком неглубоким, никак на Канта и Гегеля не тянул, об Андропове ничего впечатляющего не сказал, но именно потому мемуарный отрывок его и интересен. Каковы были тогда партийные философы и партийные идеологи, такова была и верхушка тогдашней Коммунистической партии. Воспоминательный отрывок Афанасьева интересен именно точкой зрения среднего партаппаратчика, которую он и высказал, будучи именно таким типажом. Ничего-то он в происходящих событиях глубинно не понимал, хотя был человеком русским, коренным, с Урала, из

рабочей, семьи, мне доводилось с ним не раз беседовать, он все четко понимал, включая и еврейское окружение Брежнева (об Андропове мы, естественно, не говорили), но… глубинного понимания вопросов политики у него не было. Что отчетливо видно из приводимого отрывка его мемуаров.

«Ю.В. Андропов, заступив на пост Генсека 12 ноября 1982 года, вызвал меня к себе. Войдя в кабинет, я прямо спросил: «Юрий Владимирович! Остаюсь в «Правде» или искать другую работу?» Он столь же прямо ответил: «Работайте. Вы нужны «Правде», а «Правда» нужна вам».

На нашу встречу отводилось 30 минут. Проговорили же около двух часов. Дважды приносили кофе со знаменитыми кремлевскими баранками – большими, легкими и необычайно вкусными. Юрий Владимирович пил томатный сок.

Четкий график работы Ю.В. (так называли его в ЦК) был нарушен. В приемной ждали министры и другие крупные деятели. Из себя выходил Андрей Андреевич Громыко, легендарный и грозный министр иностранных дел, член Политбюро. А мы все говорили и говорили. О газете, о печати в целом, о положении в стране, которое он оценил как крайне тревожное. Его особенно беспокоили неурядицы в экономике, упадок трудовой дисциплины, коррупция, которая, как он сказал, зацепила и часть правящей верхушки. Тревожило Андропова состояние национальных отношений, о которых он, бывший шеф КГБ, знал куда больше, чем кто-либо другой. Заняться этими отношениями он так и не успел. Поинтересовался Юрий Владимирович и моим мнением о целом ряде людей, главным образом о руководителях газет и журналов. Сожалел о том, что в силу недостатка времени не может серьезно заняться средствами массовой информации, которые он называл четвертой властью (первые три – законодательная, исполнительная и судебная). Ю.В. обратил внимание на мой спортивный вид, спросил, какими видами спорта занимаюсь. Слегка удивился, что я квалифицированный водный лыжник, президент Всесоюзной федерации воднолыжного спорта. Посочувствовал, когда я сказал ему, что на водных лыжах покалечился больше, чем на войне: дважды ломал руки, четыре раза – ребра, а в 1979 году сломал позвоночник.

Говорили мы и о предстоящей в 1984 году Олимпиаде в Лос-Анджелесе. Он посчитал неразумным бойкот Московской Олимпиады 1980 года американцами, сказав, что мы такой глупости не допустим и направим свою команду в Америку.

К сожалению, его желание не сбылось. 9 февраля 1984 года Ю.В. Андропова не стало. К власти пришел К.У. Черненко,

который внешнеполитическими делами не занимался и отдал их на откуп Громыко. А этот не любил Америку. В результате советские спортсмены на Олимпиаду не полетели. Большая трагедия для спортсменов, готовившихся не один год к самому большому и славному празднику спорта.

Андропов был человеком высокой культуры. Он прекрасно знал литературу, писал в молодости хорошие стихи. Мог наизусть читать произведения классиков.

Кстати, со стихами Андропова была связана любопытная история. Во времена правления Брежнева тогдашний первый секретарь комсомола Тяжельников разыскал в родном городе Генсека Днепродзержинске многотиражную газету «Знамя Дзержинки». В ней в 1935 году была напечатана заметка о студенте металлургического института Брежневе с красноречивым заголовком: «Имя его – большевик». «Я не могу себе представить, – писал автор заметки, – откуда у этого человека столько энергии и трудоспособности. До последнего месяца он работал директором вечернего металлургического рабфака. Нагрузка большая и тяжелая. Он же учится в нашем институте. Он же – лучший группарторг… И он же лучше всех на курсе защитил свой дипломный проект…

Уйдя на производство, молодой инженер Леонид Брежнев обещал дать многое. И он даст… Потому что он выкован из крепкого материала».

Заметка получила «второе рождение»: обошла всю центральную и местную печать. Генсек был доволен, а Тяжельников получил должность заведующего Отделом пропаганды ЦК партии.

С избранием Андропова на пост Генсека Тяжельников усердно занялся поиском стихов нового лидера в Карелии, где Андропов начинал свою партийную карьеру и баловался стишатами. Узнав об этом, Ю.В. рассердился и быстренько отправил Тяжельникова послом в Румынию. Терпеть не мог Андропов подхалимов и угодников. Мудрость, порядочность, осторожность, здравомыслие – таковы присущие ему высокие человеческие качества.

И еще было у него уважение к людям труда, к рабочим, ко всем тем, кто честно живет на свою зарплату. Он «придумал» дешевую водку, которую любители питья, а в России их немало, любовно прозвали «андроповкой». Стоила она на полтинник дешевле, чем «Столичная» или «Московская». Благодарные потребители «андроповки» с теплым юмором расшифровали слово «водка» аж в двух вариантах. Первый – «Вот Он Добрый Какой Андропов». Второй – «Вот Она Доброта Коммуниста

Андропова».

Генсек пытался навести порядок в нашем полухаотическом хозяйстве, укрепить трудовую дисциплину. Благое намерение! Но методы, которые применялись в этом отношении, были, мягко говоря, не очень красивыми. Суть вот в чем. По всей Москве рассеялись сотни, а может быть, и тысячи контролеров, ревизоров для того, чтобы проверять, кто в рабочее время стоит в магазинах, смотрит кино, приводит себя в порядок в парикмахерской и т.д. Сограждан буквально отлавливали. Понятно, что это унизительно и оскорбительно для человека».

Вот так вспоминал об Андропове главный редактор газеты, которую основал Владимир Ильич Ленин в 1912 году. Тогда и долгие годы позже она, эта газета, имела грандиозное влияние, но уже при своем главном редакторе Афанасьеве ее политическое воздействие на советское общество существенным образом упало. Произошло это, разумеется, от крупных социальных причин, но не обошлось и без пресловутой «роли личности в истории». Афанасьев был типичным отпрыском застойной эпохи, хотя вовсе не худшим из своих коллег по ЦК КПСС. Он был в душе либералом и чурался жестких мер. А без них, как показала история, порядок в стране невозможно было навести. И не навели его.

Любопытно привести оценку, данную Андропову известным историком, в прошлом советским «диссидентом» Роем Медведевым. Политический путь того был весьма извилистым, с шестидесятых годов всячески выступал против тогдашнего партийно-государственного руководства, а с началом «перестройки» опять вернулся к марксистским идеалам. Деятельность Андропова, с ведомством которого у него имелись, так сказать, трения, он оценивает в общем и целом без пристрастия, которым обыкновенно грешат разного рода профессиональные антисоветчики. (См. Рой Медведев. Генсек с Лубянки. М., 1993).

«В 1983 году следственный изолятор КГБ в Лефортово был переполнен, также как и Бутырская тюрьма. Но большая часть заключенных относилась не к диссидентам. Здесь было немало недавних государственных чиновников, крупных чинов милиции и прокуратуры, работников управлений внешней торговли и внутренней таможенной службы. В тюрьме оказалось немало партийных и советских работников среднего уровня, сидевших рядом с заправилами «черного рынка» и подпольными миллионерами. Андропов не был готов к глубоким и существенным преобразованиям в хозяйственном механизме. Он не помышлял о рынке и даже об ограничении функций Госплана

и Госснаба. Тем более не был готов он к изменениям в советской политической системе, он не строил никаких планов расширения демократии и гласности. Он не был реформатором, и его предложения во всех областях не шли дальше небольших улучшений и экспериментов, для которых вряд ли даже подходит слово реформа. Но он искренне старался наладить более эффективную работу народного хозяйства и облегчить все еще трудную жизнь основной массы населения страны. Кое-какие сдвиги в экономике можно было отметить уже в 1983—1984 годах. Не собирался Андропов менять и внешнюю политику. Он развил в этой области значительную активность и проявил большую гибкость, чем ожидали от него западные эксперты. Было очевидно, что Юрий Владимирович искренне стремится к мирному решению спорных вопросов, чтобы остановить все более опасную и обременительную для страны гонку вооружений. Однако он не был готов идти для этого на те уступки и компромиссы, которые сделали бы возможным серьезные соглашения с Западом.

Андропов умер, не дожив до семидесятилетнего возраста и не выполнив большей части тех дел, которые намечал. Но все же для отведенных ему судьбой пятнадцати месяцев он сделал немало. Конечно, в Москве и в провинции имелось немало роскошно обставленных квартир и особняков, где весть о кончине Андропова очень обрадовала их обитателей. Но, как мы уже писали, большинство людей искренне скорбели и сожалели о его смерти, и эти люди продолжают помнить короткий, но важный для нашей истории и поучительный период его правления».

Нам эта опенка кажется односторонней и узкой. Медведев был и остался либералом-космополитом, поэтому он не воспринимал действия Андропова с «русистами» и не мог определить истинную направленность андроповских помощников и советников. Историк, очевидно, нарушил тут научную объективность и совсем обошел вниманием этот немаловажный вопрос.

Приведем также итоговые суждения другого известного историка и одновременно политического деятеля, бывшего генерала-политработника Д. Волкогонова. О нем уже не раз говорилось. О его кривом пути, о внезапном переходе в пожилом уже возрасте из «коммунистов» (в кавычках) в антикоммунисты (тут уж точно без кавычек). Но скажем о главном: Волкогонов был первым, кто извлек из недр секретнейших партийно-советских архивов подлинные документы и объективно опубликовал их. Кроме того, и это весьма существенно, он был первым, кто дал общую оценку деятельности Генсека Андропова на основе им же

опубликованных материалов. Это, безусловно, интересно.

«Генсеки КПСС в СССР имели значительно большую власть, чем президент США и его коллеги на Западе. Американский президент, например, ограничен сроками пребывания в Белом доме волею конституции, конгресса, прессом общественного мнения; Генсеки же в СССР – фактически «абсолютные» вожди – могли находиться у власти неограниченное время, обычно до самой своей кончины. К тому же однопартийный Верховный Совет послушно штамповал, «утверждая» любые решения, которые были приняты в Политбюро. Я сам много лет был депутатом Верховного Совета России и помню, что некоторые сессии (а они созывались обычно два-три раза в год) проходили за несколько часов! Послушно и «единодушно» сотни людей поднимали руки, порой даже не уяснив, за что они голосуют…

Андропов уделял немалое внимание работе постоянных комиссий, создаваемых при Политбюро. Достаточно часто заседали такие комиссии по Китаю, Польше, Афганистану. До избрания Генсеком Андропов лично руководил работой двух первых комиссий. В августе 1983 года, когда Юрий Владимирович еще сам вел заседания Политбюро, по его предложению была создана еще одна комиссия – по Ближнему Востоку. Андропов сразу же посоветовал Устинову, Громыко, другим членам этой комиссии: продолжая оказывать эффективную военную помощь Сирии, другим дружественным арабским режимам, «не допустить нашего непосредственного ввязывания» в застарелый конфликт в этом регионе…

Личное большое внимание Андропов уделял отношениям СССР с Китаем. После трагических событий на затерянном острове Даманский Советский Союз резко увеличил количество своих войск в Забайкалье и в Сибири, разместил несколько соединений, при согласии Улан-Батора, в Монголии. Две величайшие азиатские державы, имеющие самую длинную совместную границу в мире, обладающие ядерным оружием, настороженно и подозрительно вглядывались друг в друга. Москва не в состоянии была отделаться от комплекса: Соединенные Штаты могли больше всего выиграть от противоборства в Азии двух гигантов.

Андропов сам лично несколько раз инструктировал высокопоставленных лиц, участвующих в вялотекущих советско-китайских переговорах, проходящих то в Москве, то в Пекине. Генеральный секретарь понимал, что страна не в состоянии вынести бремя фантастической по объему ракетно-ядерной, а затем и космической гонки с США, бесконечной войны в Афганистане, брожения в социалистических странах Восточной

Европы, где располагались основные сухопутные военные силы СССР, плюс к этому – военное противостояние с миллиардным Китаем… Андропов на заседании комиссии Политбюро по Китаю предлагал изыскивать возможности и пути нормализации отношений с великим соседом…

За короткий срок своего правления Андропову не удалось вернуть страну даже к брежневскому куцему «детанту». Классовое мышление диктовало: борьба за паритет, ни в чем не уступать, при возможности добиваться преимущества.

Когда советская делегация собралась в октябре 1983 года ехать на подготовительную встречу в Хельсинки по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружения в Европе, Политбюро, с благословения Андропова, дало директиву поддержать идею о взаимном неприменении силы, но «не соглашаться на раскрытие военной деятельности государств». Как когда-то нас смертельно пугала идея «открытого неба», предложенная Д. Эйзенхауэром, так потом долгие годы, вроде бы и соглашаясь на осуществление определенных мер доверия, мы не хотели идти на эффективный взаимный контроль».

Нет слов, суждения и оценки покойного ныне Д. Волкогонова довольно-таки водянисты, простоваты и даже скучны. Так, но он все же выразил ту точку зрения, которая разделялась в ту недавнюю пору (а это середина девяностых годов, пик временных успехов «реформаторов») значительным числом наших граждан, увлеченных соблазнами либеральных «преобразований». Так было, но теперь уже безнадежно ушло, и навсегда.

И, наконец, последняя из итоговых оценок деятельности Юрия Владимировича. Речь идет о довольно экзотической фигуре, вдруг и на короткий миг появившейся на советско-российской политической сиене. Речь идет о Болдине Валерии Ивановиче, неприметном московском журналисте, который стал сперва помощником Секретаря ЦК по сельскому хозяйству Горбачева. Отсюда стремительно взлетел в самый кремлевский верх, став в 1990—1991 годах формально членом Президентского совета, а по сути «серым кардиналом» при Горбачеве. Получилось почти по пословице: каков «кардинал», таков и его «серый» коллега. Оба слетели с политической авансцены в приснопамятном августе 1991 года, и навсегда. Оба в бессрочной отставке написали воспоминания. Небольшой отрывочек из мемуаров Болдина представляет определенный интерес в сюжете «операция Горбачев» в исполнении Андропова.

«Когда хоронили Брежнева, не плакал никто, кроме родственников. И ко времени прощания уже не было вопроса, кто придет на смену Брежневу. Наш не избалованный информацией

народ давно понял, что усопших заменяют те, как правило, кто возглавляет комиссию по похоронам. А там сказано все четко – Андропов.

Впрочем, эта ясность была лишь у тех, кто не очень знал кухню «возведения на трон». Перед окончательным решением о преемнике была короткая, но яростная схватка претендентов. Ближайшая правая рука Брежнева – член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Черненко с командой своих приближенных и тех, кто боялся крутых перемен, заявили о себе. Готовился сговор приближенных по выдвижению на первую роль К.У. Черненко. Однако против бывшего шефа КГБ Ю.В. Андропова, являвшегося в то время фактически вторым лицом в партии, идти было, как полагали, трудно и небезопасно. О сговоре стало известно Андропову раньше, чем все разошлись по квартирам. Поэтому сторонники Черненко, смирившись, отступили, а Константин Устинович получил в благодарность должность второго секретаря – того, кто ведет Секретариат ЦК.

Пленум ЦК единодушно поддержал избрание Ю.В. Андропова Генсеком. Был он, как я уже говорил, вторым человеком в партии, после смерти М.А. Суслова вел Секретариат ЦК. До этого много лет работал председателем КГБ СССР. Как личность незаурядная, имел обширные связи в кругах интеллигенции, военных. Широко был известен в компартиях стран социалистического содружества, одно время работал послом в Венгрии, а позже курировал отдел, занимавшийся связями с партиями этих государств. Имел хорошие контакты и с рядом международников, послов, дипломатических работников, первых лиц в ЦК компартий республик, крайкомах и обкомах КПСС. Назначение его Генсеком не вызвало особой неожиданности. Более того, многие увидели в этом возможность навести порядок в стране, подтянуть дисциплину, развернуть борьбу с преступностью. Но было немало испугавшихся. После Пленума ЦК, избравшего Андропова Генсеком, М.С. Горбачев ходил веселый и торжественный, как будто избрали его. А вечером, когда я зашел к нему с документами, не удержался и сказал:

– Ведь мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров, и наши позиции совпадают.

Из воспоминаний Горбачева хотелось бы привести лишь одно – о разговоре с ним во время приезда Юрия Владимировича на отдых на Кавказ. За «рюмкой чая» они говорили о том, что снедало печалью многих, – о положении в Политбюро, состоянии здоровья его членов, и прежде всего Брежнева. Было это в середине 70-х годов.

– Нельзя Политбюро ЦК формировать только из людей преклонного возраста, – сказал тогда Горбачев Андропову. – У хорошего леса всегда должен быть подлесок.

– Потом, – вспоминал Горбачев, – когда избрали меня в Политбюро ЦК, Андропов, поздравляя, сказал:

– Ну что, «подлесок», давай действуй».

Как именно действовал этот взращенный Андроповым «подлесок» и к каким страшным последствиям для страны и народа шестилетнее правление привело, этого уже объяснять никому не нужно. Но напомнить об этом исключительно важном эпизоде в многообразной деятельности Юрия Владимировича мы считаем небесполезным.

* * *

О нашей собственной оценке деятельности Андропова уже не раз говорилось ранее на всем протяжении данного рассказа, повторяться нет никакого смысла. Но вот о чем попытаемся высказать мнение в итоге всего. Сейчас в моде сравнивать нынешних деятелей современной России, ее руководителей прежде всего с именами известных деятелей нашего исторического прошлого. Попробуем это проделать и мы.

Ленина с русскими правителями сравнивать нельзя. Ни с великими князьями, ни с царями или императорами всероссийскими. Он настолько, если припомнить слова Лермонтова, «дерзко презирал земли чужой язык и нравы», да, так, ибо коренная историческая Россия ему всегда, с юности до кончины, была именно чужой. Он глубоко презирал се, не скрываясь, ибо был всегда человеком прямым и цельным, а Православие прямо-таки ненавидел до лютости (в равной, впрочем, степени, как Троцкий или Бухарин).

Зато со Сталиным все ясно и споров не вызывает. Он есть некоторое подобие Ивана IV Грозного или в еще большей степени Петра Великого. Как к ним ни относись, но деятели они были крупные, оставив в народной памяти значительный и, в общем, положительный след.

Царь Никита, истеричный и мятущийся, у кого добрые порой помыслы и даже положительные начинания перемежал с нелепейшими «преобразованиями», доходившими до пределов трагикомических, а порой и просто зловредных. Точь-в-точь как император Павел Петрович.

Леонид Ильич в целом удивительно точно напоминает за всю

эпоху своего долгого правления императора Николая I, если только отбросить солдатскую суровость Николая Павловича, которая, впрочем, была сугубо внешней. Оба они, действительно, по-своему желали блага своему народу и искренне, по-отцовски относились к нему. Оба предпочитали умеренность и сдержанность, не любили крутых поворотов и решений, о преобразованиях чего-то там подумывали, комиссии разного рода учреждали, но… до конца дней каждого из них ни на какие реальные меры так и не решились. Оба создали истинный «застой» в политике, а после них с неизбежностью назревала эпоха реформ (уже без кавычек). В первом историческом случае надлежащие преобразования проводили русские деятели, православные патриоты, во втором… понятно кто. Вот почему результаты «реформ» в обоих случаях получились прямо противоположными. Но это уже не вина Николая или Брежнева.

О ничтожном Черненко даже не станем тут вспоминать.

Горбачева можно и должно сравнить с его точным историческим прототипом – Алексашкой Керенским. Это даже доказательств не требует. Но вот что любопытно и поучительно: один убежал из Зимнего дворца, переодевшись в женскую одежду, а второй вернулся из своей роскошной берлоги в Форосе, прикрывшись юбкой супруги и платьицем внучки. Оба остались в истории как жалкие ничтожества. И последнее в их общей судьбе: Керенского, прожившего полвека на чужбине, несколько раз «оскорбляли действием», а его истерических вызовов «к барьеру» презрительно не принимали. Горбачева тоже уж не раз били по морде. Он не то что о сатисфакции не заикнулся, но даже сдачи не пытался дать. Ну, ударят его еще не однажды…

Ну, а что же наш герой, как он в этом ряду смотрится? С кем на русском историческом поле можно уподобить Юрия Владимировича Андропова? Вопрос очень непрост, а ответ затруднителен.

Сперва о бесспорном. Да, он правил державой недолго, чуть более, нежели Черненко. Но их по этому сугубо внешнему сходству никак нельзя уподоблять! Любимец Брежнева «Костя» был ничтожный кремлевский царедворец, и только, тут и говорить не о чем. Ни до, ни во время своего правления он ничем, буквально ничем себя не проявил. Совсем обратное впечатление оставил в исторической памяти Андропов. Так что на внешние обстоятельства не станем тут ссылаться.

Первым вспоминается царь Алексей Михайлович Тишайший. Он даже некие осторожные преобразования начал. Аналог с Андроповым вроде бы напрашивается, но… Царь-то Украину воссоединил с исторической родиной, Амур при нем осваивали, а

этот что? Нет, сравнение никак не соответствует масштабам содеянного.

Тогда, может быть, Александр Первый? Он тоже начал с осторожных попыток реформ, но ничего не довел до конца. Вроде сходство есть, но уж слишком поверхностное. Первый поэт России не зря сказал об этом императоре: «Он взял Париж, он основал Лицей». Император Юрий Владимирович ни Парижа не взял и никакого Лицея не основал, даже не помышлял о таких высоких материях. Нет, и тут сравнение никак не может быть построено убедительным образом.

С Александром Вторым, либеральным преобразователем, и Александром Третьим, принципиальным консерватором, Андропов никак не может быть сопоставлен именно по отсутствию у него принципиальной линии.

Значит… Значит, следует подобрать для Юрия Владимировича историческое подобие рангом пониже. И тут сразу нашелся точнейший образ, причем довольно знаменитый – Александр Христофорович Бенкендорф. Да-да, тот самый, из пушкинских времен, тоже много занимавшийся поэтами, хотя сам стихов, в отличие от Юрия Владимировича, не сочинял.

Сходство между обоими очень значительное, и оно прежде всего в главном направлении их деятельности – держать в полном повиновении подданных огромной империи, бдительно наблюдать за любыми проявлениями вольномыслия и не допускать даже в зародыше открытых народных возмущений. И наблюдали, и не допускали, и весьма успешно, и не один год эту свою важнейшую государственную обязанность выполняли. Оба были нерусского происхождения, хотя верой и правдой служили укреплению устоев Государства Российского, а каким уж оно было в их времена – другой вопрос, но не ими же ни Российская империя, ни Советский Союз созидались. Оба были замкнуты и немногословны, публичности чурались и всячески сторонились. Оба немало секретов оставили. Бенкендорф в 1816—1818 годах состоял в масонской ложе «Соединенных Друзей», но из нее вышел. Андропов был выдвиженцем Отто Куусинена, связанного, что вероятно, со шведским масонством, но никаких следов от этого до сих пор не выявлено.

Как они похожи, не правда ли!

Есть, разумеется, и отличия, они несущественны, но объективности ради скажем и о них. Бенкендорф участвовал в нескольких войнах, причем принимал непосредственное участие в боях. Ну, Андропов в годы Великой Отечественной в боевых действиях не замечен… Бенкендорф в январе 1926 года подал Николаю Первому, только что взошедшему на престол, после

декабристского мятежа записку «Об устройстве внешней полиции». Именно он стал создателем и первым шефом знаменитого в нашей истории Корпуса жандармов. Что бы о нем ни судачили, но покой России его офицеры и солдаты оберегали почти сотню лет, а за это долгое время основные направления деятельности и само устройство Корпуса оставалось приблизительно такое же, как и при Александре Христофоровиче. Андропов принял Комитет государственной безопасности уже в сложившемся виде и ничего принципиально нового в его деятельность и устройство не внес.

Итак, различия в жизни и деятельности их обоих существуют, но сходство, безусловно, преобладает. Их уподобление в исторической панораме будем считать более или менее доказанными.

Что осталось в памяти народной от Бенкендорфа? Очень немного – разного рода анекдоты, сплетни да море разливанное всяческих пустых пересудов про его подлинные и в особенности мнимые отношения с Пушкиным. Прямо скажем, что без Александра Христофоровича тысячи так называемых «пушкинистов» остались бы без работы, а он, давно почивший, их уже вторую сотню лет питает. Как говорится, исполать им так и далее.

А Андропов? Кто его помнит, часто ли говорят о его планах или свершениях? Не много и не часто. Как нет у нас до сих пор обстоятельной истории Корпуса жандармов, так и не написана, даже в первом приближении, история ЧК—ГПУ—КГБ. Зато про Андропова до сих пор помнят и охотно рассказывают разного рода смешные анекдоты. Некоторые мы уже упомянули, вот, например, еще один. Генсека Андропова спрашивают: «Юрий Владимирович, пора начинать весенний сев, но будет ли оттепель? – Будет оттепель или нет, не знаю, а пока надо все равно сажать, сажать и сажать…». Смешно, хоть и мрачновато.

Но главная память об Андропове в ином. При нем впервые после смерти Сталина была в 1983 году снижена цена на водку. Все поколение тогдашних русских мужчин, включая автора данной книги, запомнят это событие до конца дней своих грешных. Запомнят и следующее. Каких только названий не имел этот любимый народом напиток! «Московская», «Столичная», «Особая», «Лимонная», «Посольская». А при Андропове на этикетке было написано просто: «Водка». Нельзя не признать, коротковато. Народ расшифровывал это наименование так:

Вот
Он
Друг

Какой
Андропов.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Документ № 1. О ценностях относительных и вечных

Документ № 2. За разработку актуальных проблем идеологической борьбы

Документ № 3. Письмо И. Шевцова секретарю ЦК КПСС М. Суслову

Документ № 4. Письмо в ЦК КПСС по поводу альманаха «Метрополь»

Документ № 5. Этническая Россия и СССР. Дилемма господства

Документ № 6. Сделать все для мира

Документ № 7. Пресечь враждебные проявления «Русизма»

Документ № 8. Современное обличье старого врага

Документ № 9. История и сплетня

Документ № 10. «Некритически относился к антисоветской деятельности»

Документ № 11. «Пламенные революционеры» и их певцы

Документ № 12. «Всю жизнь молчал и при полном молчании ушел из жизни… А вдруг выздоровеет?!»

Документ № 13. Письмо Ирины Юрьевны Андроповой начальнику Службы безопасности Президента РФ А.В. Коржакову

Документ № 1
О ценностях относительных и вечных

«Все на свете относительно» – сегодня это выражение сделалось расхожим. Оно бытует не только в разговорном обиходе, но и в сочинениях, претендующих почитаться серьезными и теоретическими. Не так давно Ю. Манн опубликовал статью, носящую несколько академический заголовок – «К спорам о художественном документе» («Новый мир», 1968, № 8). Среди других автор высказывает следующую мысль: «Идея относительности пронизывает сегодня все научное мышление. Современный человек знает, что нет такой научной истины, которая бы не имела теневых сторон, и нет такого абсурдного предположения, которое бы не скрывало в себе долю истины. Эта идея не минула и людей, далеких от научного мышления, выражающих ее в своих понятиях: все на свете коловратно». Отметим попутно это несколько высокомерное противопоставление «научного мышления» мышлению людей, выражающихся «коловратно». Нам представляется, что научное мышление не может быть абсолютизировано как наиболее совершенное перед всяким иным (например, художественным). Впрочем, не это здесь самое существенное.

Итак, любое явление, согласно Ю. Манну, по меньшей мере двухмерно. Но, сделав один шаг, надо идти дальше. И по логике вещей справедливо заключить, что всякое явление (или суждение) многомерно, что можно повернуть его так и этак и все зависит от точки зрения субъекта. Этот «плюрализм» в содержании понятий – вещь чрезвычайно удобная для использования. Любой конкретный факт можно растянуть как угодно, вместить туда любое содержание, хотя бы и противоречивое. А как же иначе: нам четко разъяснили, что частица истины есть в любом абсурдном предположении. Ведь все на свете относительно…

Однако Ю. Манн все же делает одно исключение из всеобщей относительности в мире. Вот оно: «Говорят, что сама неопределенность является стимулом развития сегодняшнего знания и что с критерием неопределенности следует подходить к любому явлению.

Может быть. Только – не к фашизму».

Слава богу, фашизм все же выделен из бесконечности «многомерных» явлений, которые можно рассматривать с одной и с другой стороны, причем выделен весьма энергично и категорически. С этим нельзя не согласиться. Уж кому-кому, но

нам-то, гражданам Советского Союза, понесшим в борьбе с гитлеризмом ни с кем не сравнимые жертвы и страдания, нам ли не знать этой самой «безотносительности» фашизма! Однако встает вопрос: неужели в мире существует только одно явление, которое невозможно повернуть и так, и этак? Неужели не найти в мире истин, которые не содержат в себе «теневых сторон» или «абсурдных предположений»? Ну, а как быть с таким, например, чувством, как материнская любовь? Или верность своей родине? Социалистической родине? А мужество? Самоотверженность? Да полно, неужто найдется много людей, которые могут признать все это двухмерным и многомерным? Нет, высокие достоинства человеческой души не относительны, они вечны, как и сама жизнь, и останутся таковыми всегда.

Ну хорошо, а разве некоторые другие явления с тем же суффиксом «изм», они что ж – тоже все относительны? Конечно, среди бесчисленного количества современных «измов» слишком много таких, где «теневых сторон» столько, что они сливаются в одну общую мрачную тень, а что касается «абсурдных предположений», то… То лучше не продолжать! Словом, здесь я мог вполне согласиться с Ю. Манном, если бы не одно немаловажное обстоятельство. Опять-таки: неужто абсолютно все «измы» относительны? Например, коммунизм? Или, скажем, капитализм? У меня нет ни малейших сомнений в том, что Ю. Манн признает безотносительность этих понятий в их современном значении. Стало быть, можно предположить, что само суждение о всеобщей относительности в мире является несостоятельным? По нашему глубокому убеждению, дело обстоит здесь именно так.

Теперь самое время поспешить с необходимой оговоркой: возражая против безусловной относительности всех явлений и понятий, я подчеркиваю, что речь идет о духовной и общественной сфере человеческой жизни. Ни в коей мере я не предполагаю вторгаться в естествознание или в область физико-математических дисциплин. Более того. Я охотно признаю относительность за мертвой материей. И если строгий читатель позволит сделать это признание в форме шутки, то вот: возьмем полено. Самое обыкновенное полено – разве оно не относительно? Ведь им можно, с одной стороны, истопить печь, а с другой – сделать из него дубинку, оружие, как известно, оборонительное и наступательное, предмет, весьма нужный участникам журнальных дискуссий. А вот известный папа Карло из того же самого полена вырезал смешного и веселого человечка, который уже столько лет доставляет совсем уж безотносительную радость нашим детям. Мы, стало быть, уже перешли в

многомерность. Нет, приходится признать, что полено и в самом деле относительно…

«Многомерность» в подходе к любым предметам и явлениям может стать очень удобным методом в полемике с оппонентом. С одной стороны, все правильно и хорошо, а вот с другой… Не вчера сложился классический в этом смысле оборот: «Да, конечно, но…». Сложился не вчера, однако в сегодняшней нашей литературно-критической практике применяется очень уж часто. Подобный метод удобен, нельзя не признать: здесь и снисходительная уважительность к оппоненту – ее иной неискушенный читатель примет за «объективность», но здесь же и строгая решительность выводов – во имя «научного мышления», конечно!

Вот пример, типичный в этом роде. В статье М. Лобанова «Просвещенное мещанство» («Молодая гвардия», 1968, № 4) шла речь, среди прочего, о толстовском Тушине. Автор сделал вывод: «Такие люди спасли Россию. И не в них ли – воплощение исторического и морального потенциала народа. И не здесь ли наша вера и надежда?» А ранее М. Лобанов рассказал о скромном сельском шофере, неприметном и даже застенчивом, который, однако, принес с войны изрядное количество наград. Этот шофер и толстовский Тушин ставились в параллель как образы схожих между собой людей, психологические черты которых являются весьма типичными для русского народного характера. Казалось бы, что здесь можно возразить? А главное – что тут страшного?

Однако критик А. Дементьев усмотрел в этом целую порочную концепцию и сурово выговорил автору («Новый мир», 1969, № 4). Вот каким образом пытается истолковать этот эпизод новомировский полемист. Он пишет: «Ну что ж. Конечно, Тушины – прекрасные люди, особенно в противопоставлении разного рода карьеристам и лжецам, трусам и бахвалам, и родина наша, которой не раз приходилось отстаивать свою честь и независимость от нашествия внешних врагов, многим им обязана». Казалось бы, здесь в пору и закончить, ибо смысл суждения ясен: «Тушины – хорошие, благородные люди». Но ведь все ценности в мире, как известно, относительны… И далее у А. Дементьева следует классическое «с другой стороны»: «Но (!) разве исторический и моральный потенциал русского народа не воплотился также (?!) в Радищеве и декабристах, революционерах-разночинцах и большевиках?» Помилуйте, при чем здесь это «также»? Ведь, говоря о Тушине, М. Лобанов вовсе не имел в виду социальную принадлежность толстовского героя как офицера российской императорской армии времен 1805 года. Речь шла об ином: о психологическом типе Тушина и его

характерности для нашего народа. И можно, в свою очередь, спросить А. Дементьева: а разве не имелось Тушиных среди декабристов? Революционеров-разночинцев? Большевиков? Да сколько угодно. Реальных персонажей такого рода можно, что называется, указать перстом. Вряд ли А. Дементьев станет против этого возражать. Хотя кто знает? Ведь всегда можно сказать: а с другой стороны…

Как бы то ни было, но А. Дементьев продолжает далее наставлять проштрафившегося в его понятии критика: «Но можно не сомневаться, что наши современники – советские воины и труженики – при всем том, что они многими чертами могут напоминать Тушина, все же являются новым – советским – воплощением народного характера». Простите, но кто говорил обратное? Наши нынешние Тушины все сплошь советские люди и иными быть не могут. А вот то, что они «многими чертами» походят на толстовского героя, так это уж точно. Походят, ибо Лев Толстой выразил те черты национального характера нашего народа, которые являются вечными – в том смысле вечными, в каком это можно сказать о самом народе.

Об этом справедливо напомнил нам недавно писатель В. М. Кожевников. Лев Толстой, говорил он, «раскрывает временно скрытое, но главное в Тушине. Во время боя Тушин представляется самому себе «огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра». Тушин ощущает себя богатырем, гигантом, и это соответствует смыслу и делу его подвига и безмерно возвышается над теми чертами, которые составляют только как бы одеяние характерных черт, но не самую суть героического характера».

Три с половиной века тому назад ничем дотоле не знаменитый костромской крестьянин завел отряд захватчиков в непроходимые лесные дебри, погубил их там и погиб сам. Неизмеримо изменилось все с тех пор на нашей Родине: давно уж нет детей боярских и кабальных холопов, окольничих и кормленщиков, губных старост и целовальников. И династия Романовых исчезла, и сама царская власть тоже. И на Руси давно уже утвердился самый передовой в мире социальный строй. Спрашивается, неужели в связи со всеми этими переменами подвиг Ивана Сусанина стал для нас «относителен»? Так и полагали некоторые сверхреволюционные товарищи, которые в свое время сняли памятник, стоявший в Костроме. Можно, конечно, попытаться вымарать Сусанина из реестра героев отечественной истории на том основании, что он был «монархист». Но ведь и современник Сусанина – вождь крестьянской войны Иван Болотников выступал за «доброго»

царя. Можно и рассказать на тему сусанинского подвига скабрезный анекдот: мол, заблудился старик…

Можно. Но, как говорил Чехов, не нужно. Потому не нужно, что подвиг крестьянского сына Ивана Осиповича Сусанина относится к числу тех самых ценностей, которые вечно остаются народными святынями – именно святынями, независимо от того, причисляется ли тот или иной народ к числу религиозных или атеистических. И глумиться над подобного рода нетленными ценностями так же дурно, как и плевать на могилу.

И если уж искать преемственность в историческом наследстве, то надо признать, что бескорыстное мужество Ивана Сусанина, его готовность к самопожертвованию продолжились в деятельности лучших из декабристов, народовольцев или партизан Великой Отечественной. И не будет преувеличением заключить, что крестьянин костромского села Домнино, живший в эпоху феодализма, останется для нас дорогим и близким. И думаю, останется таковым вечно. А как известно, из анекдотов и брюзгливого глумления никогда еще ничего путного не произрастало. Вот почему подвиг Ивана Сусанина всегда ценил и будет ценить наш народ.

«…Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой своей не погубит».
«Злодей! – закричали враги, закипев. —
Умрешь под мечами!» – «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь!
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

Стихи эти написал известнейший поэт-декабрист Кондратий Федорович Рылеев. Он же, как все знают, не был ни славянофилом, ни «почвенником», а принадлежал к числу дворянских революционеров. Дума Рылеева «Иван Сусанин», которую я цитировал выше, была опубликована в 1823 году и перепечатана без всяких изменений в 1825 году – то есть тогда, когда автор ее стал одним из руководителей тайного революционного общества. Добавим, что дума эта бессчетное число раз переиздавалась за годы советской власти. Эту оговорку я намеренно делаю для тех критиков, которые избрали специальностью винить своих оппонентов в «заклинании духов». Остается добавить, что эта рылеевская дума была любимым

стихотворением Александра Ульянова – и сам он своей непреклонной и скромной самоотверженностью разве не сродни многочисленным нашим Сусаниным, старым и новым?

Расщепление ясных и определенных понятий под предлогом относительности всего сущего дает необычайный простор для субъективных или уж вовсе произвольных толкований любого явления. С легкой руки некоторых писателей, драматургов и кинорежиссеров в последние годы распространился метод аллюзии, намека, подтекста, причем последний приобретает порой столь самодовлеющее значение, что и самый текст становится вроде бы ни к чему. Слово в таком тексте-подтексте, и впрямь, делается «многомерным», ибо, помимо своего прямого смысла приобретает еще иные, зыбкие, зашифрованные значения, порой понятные только посвященным.

Это «подмигивание» посвященным со страниц литературного журнала, с киноэкрана или театральной сцены делается у нас чуть ли не признаком хорошего тона в искусстве. Мы, мол, с тобой, дорогой читатель (зритель), отлично понимаем, что к чему, но… Суть подобного рода аллюзионного творчества очень глубоко и точно определил критик П. Палиевский: «идея клоуна». На практике подобная «модель» осуществляется следующим способом: «Дергунчик с искусственной улыбкой, умеющий страшно хохотать, если почувствует, что аудитория к этому готова, или плакать, размазывая краски по щекам, но всегда с тревожным, остановившимся взглядом, – есть настоящий символ этого направления. Он улавливает внешность, меняет личины; предлагает эстетическое оправдание и форму для последовательного отрицания и кочевряжества. В какой бы роли он ни выступал, к какой бы «концепции» ни присоединялся, основная его задача остается везде одинаковой: сообщить ощущение, что мир – это цирк. Кругом обыватель, способный только плодиться и есть; он топчет своих же мыслителей, но ты, которому я подмигиваю, ты единственный, случайно попавший рядом с этим боровом справа, мы-то с тобой понимаем друг друга… «Боров» при этом должен чувствовать то же самое» (см. сб. «Искусство нравственное и безнравственное». М., 1969, стр. 196).

Авторы подобного рода «цирковых» сочинений особенно любят обращаться к истории – старой или новой, все равно.

Нет ни малейшего смысла искать в рассуждениях этих освещение конкретной исторической реальности – не для того подобные сочинения пишутся. Вряд ли следует, например, изучать реальную биографию Чаадаева по известной книжке А. Лебедева. Автора увлекало там отнюдь не стремление

обстоятельно и точно изложить фактический материал, а совсем иные, собственные идейные задачи, относящиеся к явлениям, очень отдаленно связанным с жизнью и взглядами философа. И этот основательно выпотрошенный Чаадаев становился под пером автора лишь оболочкой, которую он фаршировал по своему вкусу.

При чем же здесь сложный и своеобразный философ, чьи искания получили в книжке крайне одностороннее и упрощенное объяснение?..

Что ж, аллюзионные истолкования нынче в моде. Задача, которую ставят перед собой их адепты, совершенно отчетлива, если об этом говорить прямо: Россия, мол, всегда, испокон веков пребывала во тьме, мраке, невежестве, реакции, косности, тупости и т.д. И только некоторые «европейски образованные» интеллектуалы-мыслители (в каком веке – неважно, ведь и время, и все прочее относительно, вы не забыли?), так вот только несчастные и никем не понятые интеллектуалы в кромешном том мраке зажигали свою одинокую свечу и…

Нет ничего более оскорбительного для нашего народа, чем подобное толкование его роли в истории (и не только в истории, выразимся так). С подобной точки зрения народ – «быдло», которое надо силком тащить за вихор в рай, изобретенный иным решительным интеллектуалом. Какая уж тут любовь к народу, в которой так часто клянутся любители обличать «мрак и невежество» русской истории? Если и есть тут любовь к кому-нибудь, то только уж к своему брату «интеллектуалу». Что ж, такая точка зрения не нова. Она звучала и раньше: вспоминается истерическая реплика одного из героев горьковской пьесы: «Культурные люди всех стран, соединяйтесь!»

Пьеса эта недвусмысленно называется «Враги».

Добавим, что литераторы и публицисты аллюзионного способа письма гневаются совсем не на Ивана IV, обличают отнюдь не Николая I, а, прикрываясь всем этим псевдоисторическим реквизитом, метят свои обличительные молнии – чаще намеком, а иногда и напрямую – совсем в иные эпохи, иные социально-политические отношения.

Еще в минувшем году журнал «Молодая гвардия» задался целью рассмотреть проблему взаимосвязи исторической науки с современной литературной жизнью. Начало разговора было положено выступлением доктора исторических наук М.А. Алпатова, которое так прямо и озаглавлено: «Письмо историка писателю» (1969, № 9). Тема была поставлена важная – об осмыслении современной эпохи советской литературой. В письме имеется ряд полезных и важных суждений и фактов. Чрезвычайный интерес представляет, например, рассказ М.А.

Алпатова о соотношении чеховского «человека в футляре» Беликова и его жизненного прототипа – инспектора таганрогской гимназии Дьяконова. Сюжет этот дает столь большую пищу для размышлений, что, несомненно, требует специального разговора.

Однако мне представляется, что в письме уважаемого коллеги содержится меньше познавательного материала, чем можно было ожидать. Прежде всего несколько настораживает самый тон и слог письма. Как-то странновато читать, когда серьезный специалист заявляет о себе в таком стиле: «Я тоже вооружен всей современной арматурой глубинного анализа». При чем здесь «арматура»? И какое отношение она имеет к «глубинному» анализу? Да и вообще, вряд ли следует обращаться к своему адресату в таких, например, выражениях: «Дорогой мой сосед, товарищ писатель», «ничего не попишешь», «чудной мы народ» и т.п. Впрочем, главное тут не в неудачной стилистике. Очень жаль, что в пространном письме уважаемого историка слишком много места отводится общим словам и понятиям и явно недостаточно показаны те конкретные проблемы, по которым нынче ведутся серьезные споры в профессиональной среде гуманитариев наших, хоть бы и в той же исторической науке. Некоторые из этих спорных проблем в письме лишь намечены.

Когда же М.А. Алпатов делает экскурсы в старую русскую историографию, то некоторые его оценки не могут не вызвать решительных возражений. В самом начале письма автор бросает ироническое определение: «дворянские Геродоты». Кто же это имеется в виду? Оказывается, «Карамзин, Погодин и иже с ними». Бог с ним, с М.Н. Погодиным, оставим его. Но как можно выразиться в таком тоне о Н.М. Карамзине! Карамзине, который был не только серьезным и оригинальным историком, но и крупным писателем, кому Пушкин посвятил «Бориса Годунова»! Или, далее, как можно походя окрестить Сергея Михайловича Соловьева «историком-либералом»? Подобная аттестация применима к Т.Н. Грановскому или Н.И. Кареву, тем более – к П.Н. Милюкову, но Соловьев слишком велик, чтобы уместиться в узкие рамки столь упрощенных определений.

Между тем о проблемах современной советской историографии можно рассказать много полезного и поучительного. Вот пример. В минувшем десятилетии среди историков прошла очень интересная дискуссия об экономических особенностях предреволюционной России. Дискуссия эта, как и все серьезные и полезные обсуждения, совершалась без ажиотажа, без апелляции к «общественности» и прочих излишеств, которые только мешают уяснению истины. Спор шел о том, была ли

Россия к рубежу 1917 года в полуколониальной зависимости от западных держав или нет. В 20-х годах сложилась и долгое время господствовала та точка зрения, что Россия была-таки полузависимым государством, неспособным к самостоятельному развитию, которое вели на поводу «передовые» капиталистические страны. Некоторые же наиболее решительные товарищи, не мудрствуя лукаво, полагали, что Россия была просто-напросто колонией, и все тут. Спор велся долго. История его заслуживает особого рассказа, ибо аргументы сторон были чрезвычайно интересны. Здесь, к сожалению, нет места подробностям, но итог дискуссии оказался таков: общими усилиями многих крупнейших наших специалистов было установлено – на основании громадного фактического материала, обобщенного в фундаментальных монографиях и сборниках, – что Россия в начале нашего века полуколонией и тем более колонией не являлась. При этом, разумеется, русский историк не станет отрицать того очевидного факта, что в ту пору Россия подвергалась чужеродным влияниям самого различного свойства и происхождения, а царизм и русская буржуазия, вкупе со своими департаментами, Думой и Учредительным собранием, оказались помехой на историческом пути страны. И справедливо погребены народом. Мне думается, что научная дискуссия такого характера представляет не только академический интерес.

Сказанное – лишь пример, один из многих. Видимо, сведения такого рода были бы для писателей (и почему только для писателей?) весьма полезны. К сожалению, в последнее время в нашем гуманитарном мире слишком уж сузилась специализация. Многие гуманитарии ныне весьма смутно представляют себе, что делается за пределами их профессионального цеха. Даже чисто человеческое общение совершается подчас в тех же узких рамках: музыканты – с музыкантами, литераторы – с литераторами и т.д. Все это печально и огорчительно, но, думается мне, совсем не безнадежно. Надо чаще знакомить друг друга с проблемами, стоящими перед каждым «цехом», с теми, разумеется, проблемами, которые имеют общегуманитарный интерес.

Задача эта имеет, как мне кажется, исключительное значение. В эпоху, когда в капиталистическом мире происходит размыв и распад духовных ценностей, сознательно провоцируемый некоторыми вполне определенными силами, когда пресловутая «относительность» понятий распространяется на сферу нравственности и сегодня очень заметна в таких проявлениях, как «сексуальная революция», «хипписотство» и прочая, и прочая, – в этих условиях на советскую гуманитарную интеллигенцию ложится моральный долг противоборства всему этому

разрушительному потоку.

Необходимо, чтобы наша интеллигенция была в курсе дела всех современных достижений, чтобы она хорошо овладела бесценными богатствами, накопленными своим народом и народами всего мира в прошлые века. Увы, среди некоторых наших гуманитариев нет-нет да и прозвучит: а зачем нам вникать во всякие там тонкости, копаться в библиотечной и архивной пыли, главное – правильные убеждения, а уж по этой части мы… Трудно представить себе более пагубное самоограничение. И здесь нельзя не вспомнить поистине мудрое ленинское указание, сделанное создателем нашего Советского государства в самом расцвете своей деятельности: учиться.

Литературные музы всегда были любимейшими в России. О литературных спорах всегда знало все общество и внимательно следило за ними. Литературные новинки, периодика, пресса – все это находило и находит самый широкий круг горячо заинтересованных лиц, причем лиц весьма разного социального положения, образования и пр.

Случайность ли это? Нет, разумеется. Интерес к нынешним литературным процессам есть нечто вроде процентов на огромный вклад, сделанный великой русской и советской литературой, есть добрая традиция народного уважения к музе, которая подарила Отечеству и всему миру Пушкина и Достоевского, Толстого и Чехова, Горького и Блока, Шолохова и Леонова. Это дань уважения, накопленная великой литературой, которая всегда твердо стояла на родной почве, жила жизнью народа, его радостями и бедами и при этом поднималась до таких высот духа, куда, прямо скажем, и не заглядывали нынешние и минувшие авангардисты.

Сегодня заметен также иной процесс. Симптомы его проявляются в следующем. Молниеносно разошлись мемуары маршала Советского Союза Г.К. Жукова и генерала армии С.М. Штеменко, изданные огромными тиражами (огромными даже для нашей страны). Необычным для своего жанра спросом пользовались и быстро исчезли с прилавков книги В.Л. Янина о берестяных грамотах или Л.Н. Гумилева о хазарах. Берестяные грамоты? Какие-то хазары, которые «погибоша» бог весть когда? Но все эти книги распроданы, и появись новое издание любой из них, не хватит и его. А ведь ни один из названных авторов или мемуаристов ни в чем не пытается потрафить дурному вкусу иного читателя, не стремится чем-то его позабавить. Но вот еще более разительные примеры: недавно были немалыми тиражами изданы сборники документов по истории советских пограничных войск, обзор документов о переговорах СССР, Англии и Франции

в 1939 году – работы сугубо, казалось бы, специальные, сухие, трудночитаемые. И что же? Попробуйте сегодня спросить их в магазинах…

Ныне наблюдается повышенное общественное внимание к тем произведениям (в любой гуманитарной области), где содержится основательный и, главное, подлинный фактический материал. Вот почему неизвестно, что предпочтет сегодняшний читатель – сборник документов о войне или роман на военную тему, стенограмму партийного съезда или повесть на историко-партийный сюжет. Но речь идет не только о предметах чисто исторического жанра. Широкой популярностью пользуются работы наших социологов – вопреки тому, что этим работам порой не хватает глубины (а порой избыточна глубокомысленность), читатель как бы авансирует своим вниманием социологию. Даже такая наука, как экономика, казалось уж совсем не избалованная общественным вниманием, и то в своих лучших работах – специальных работах! – встречает повышенный читательский интерес.

Сосредоточим, однако, свое внимание на истории. Вне всякого сомнения, историческая наука имеет сейчас самые благоприятные условия для своего подлинного расцвета, дело здесь за самими историками. И важнейшим из этих условий является огромный (и возрастающий!) всенародный интерес к изучению отечественного прошлого. Современный советский человек ныне справедливо ощущает себя наследником своих предков, законным и благодарным продолжателем их дела в строительстве и созидании нашего великого государства.

«Старь новизну держит» – эту народную мудрость можно узнать не только из плакатов Общества охраны памятников истории и культуры. Нет, уважение к прошлому, далекому или близкому, пронизывает ныне всю нашу общественную жизнь. Все мы были свидетелями, сколь торжественно и вместе с тем как искренне и – не побоимся этого слова – трогательно отмечал наш народ четверть века Великой Победы. Разве можно было без душевного волнения смотреть на пожилых соотечественников, надевших в тот день старые боевые награды на свои не слишком-то модные пиджаки! Да, трогательно. Но не только. А кроме того, в высокой степени поучительно. Вот он, лучший способ воспитывать молодежь на реальном положительном примере. В нашем обществе превыше всего ценятся заслуги перед Родиной. В нашем обществе скромный труженик в дни мира и войны – вот подлинный герой, окруженный народным почетом и уважением, и не по чьему-то там приказу или указанию, а в силу здорового народного чувства, родившегося далеко не вчера. И если идеалы

нашей партии и государства согласны с народными представлениями о человеческих ценностях – разве это не лучшая похвала нашей партии и государству?

Конечно, кое-кому это не нравится. Конечно, кое-кто хотел бы нарушить это органическое единство нашего народа с нашим социалистическим государством. Ну что ж, известно, откуда звучат эти вкрадчивые «голоса». Темные силы мира настойчиво пытаются любыми способами ослабить наше государство, посеять рознь и вражду среди советских народов. Вот почему монолитность нашего многонационального Отечества и дружбу наших народов надобно хранить и оберегать как зеницу ока. И уместно заметить здесь, что долг всей нашей патриотической интеллигенции состоит в том, чтобы беречь как свое величайшее национальное достояние эту монолитность нашего общества и давать решительный отпор любым попыткам разложения и подмыва общественных устоев, нам присущих.

Ощущение преемственности поколений в деле строительства и защиты Родины есть лучшая основа для патриотического воспитания граждан, в особенности молодых. И здесь хотелось бы подчеркнуть, что в охране и сбережении нуждаются не одни лишь памятники далекого прошлого, не только традиции и обычаи, идущие из глубины веков, но и то, что было создано в последние пять десятилетий, и в особенности наша Великая Революция. Ибо эта Великая Революция есть также наше бесценное национальное достояние. И мы, советские граждане, гордясь творениями древних мастеров Новгорода и Еревана, Киева и Самарканда, нашей великой литературой и музыкой, подвигом народа, освоившего гигантские пространства Европы, Азии и Америки, славой Бородина и Сталинграда, – гордимся Великой русской революцией, открывшей новую эпоху в судьбе Родины и всего мира. Да, и всего мира.

Нельзя не гордиться народом, свершившим небывалую в истории революцию, народом, который босиком и куда уж как без приварка создал гигантскую индустрию, народом, чьи сыны с гранатой ложились под вражеские танки, шли на таран, закрывали собой амбразуры. (Последним, кстати сказать, может похвалиться только наша Советская Армия.) Отсюда вытекает важнейший ценностный критерий применительно к общественным явлениям, ныне происходящим, и притом, смею думать, критерий безотносительный; способствует ли то или иное явление делу укрепления нашей государственности или нет. Вот в чем вопрос. А ответ на него в каждом конкретном случае можно дать вполне определенный. И разговоры об относительности всего сущего вряд ли окажутся здесь убедительными.

«Старь новизну держит»… Но ведь давно ли нам пытались внушить нечто совсем иное. Известный в свое время «левый» публицист С. Третьяков – он был, увы, далеко не одинок в подобных настроениях – писал: «В отношении к старью полезно не забывать: старье – навоз, но не пища» («ЛЕФ», 1923, № 2. Слова эти были набраны жирным шрифтом, столь важными они казались автору и редакции!). Что же разумел сей радикальный публицист под старьем? Энергичное и категорическое указание следовало сразу же. В «старье» зачислялись: драматургия Островского, поэзия Некрасова, музыка «Могучей кучки», творчество передвижников. Ну, а что относили сии новаторы к разряду «старья» из современной им культуры? Пожалуйста, ответ и на это давался рядом: Владимир Блюм назвал торжественно отмеченный в ту пору юбилей великого русского певца Леонида Витальевича Собинова «оскорбительной чепухой». Следует добавить, что все эти весьма «левые» товарищи поносили не только русское культурное наследство и наличные ценности русской культуры. В том же номере журнала «ЛЕФ» (другие, право же, не лучше, и напомнить об их содержании стоит, но это уже особый разговор), так вот, в том же номере лингвист Г. Винокур оценил начавшуюся тогда в Советской России гигантскую работу по созданию письменности у бесписьменных народов как «массовое производство туземных Кириллов и Мефодиев».

Нигилистический разгул по отношению к культурному достоянию нашего прошлого был, к сожалению, довольно-таки моден среди части интеллигенции в 20-е годы. Стоит ли говорить, что все подобные извращения находились в глубочайшем противоречии с ленинскими указаниями о бережном отношении ко всем духовным богатствам, накопленным человечеством. Тогдашние бойкие поборники всего «левого» в искусстве старательно избегали даже поминать известное высказывание В.И. Ленина на этот счет в речи на III съезде комсомола. Этих (и подобных) ленинских слов они не вспоминали. Зато страницы журналов «ЛЕФ» и «На посту» буквально пестрели трескучими цитатами Троцкого, и цитаты эти заключались в торжественные рамки и набирались самым крупным шрифтом. Поистине трудно переоценить тот вред, который причинил развитию нашей культуры троцкизм, во главу угла своей «теории» поставивший глубочайшее отвращение к нашему народу, его опыту, традициям, обычаям, его истории.

Истории нашего народа в ту пору особенно досталось. В этой связи я не могу не возразить своему уважаемому коллеге А.Н. Сахарову, участнику нашей дискуссии. В его содержательной

статье дается, в частности, высокая оценка работам М.Н. Покровского, известного историка, наиболее активная деятельность которого пришлась как раз на 20-е годы. Покровский и его последователи установили в ту пору подлинную монополию в исторической науке, весьма сурово расправляясь со всеми инакомыслящими. Покровский и его «школа» поставили перед всей историей России жирный знак минус и размашисто переписывали эту историю по принципу «от противного». Так, в деятельности великого преобразователя России Петра I Покровский усмотрел только пьянство да сифилис. В его очерках русской истории (которые правильно было бы назвать очерками антирусской истории) почти не упоминались Суворов и Кутузов, Севастопольская эпопея 1854–1855 годов и многие иные лица и события, ставшие (и оставшиеся!) священными для всякого гражданина-патриота.

Наша партия пресекла эти нигилистические извращения в советской исторической науке, и сам Покровский в конце жизни (он умер в 1932 году) частично признал свои заблуждения. Нельзя, однако, забывать об этих заблуждениях, только хорошая память сможет предохранить нас от повторения подобных же ошибок в будущем. История всегда была и остается теснейшим образом связанной с политикой. Относительно того же Покровского уместно напомнить: видимо, не случайно он вместе со своим другом Бухариным в критические дни заключения Брестского мира стал одним из руководителей антиленинской фракции «левых коммунистов». Тех самых «левых коммунистов», которые готовы были пойти на гибель нашей страны и советской власти во имя призрачной надежды на то, что Россия послужит спичкой для костра грядущей мировой революции. Как видно, отношение к прошлому и настоящему органически связано.

Теперь ясно видно, что в деле борьбы с разрушителями и нигилистами перелом произошел в середине 30-х годов. Сколько бранных слов обрушено было задним числом на эту историческую эпоху! Любителям вздыхать о «золотом веке», который якобы царил в литературно-художественных салонах 20-х годов, всем тем, кто кроме этих самых салонов и видеть ничего не хочет в нашей культуре и народной жизни, – всем им полезно напомнить, что именно после принятия нашей Конституции, которая законодательно закрепила огромные социальные сдвиги в стране и в обществе, возникло всеобщее равенство советских граждан перед законом. И это было гигантским нашим достижением. Навсегда исчезло подразделение людей на различные категории при поступлении на работу, на государственную службу, в армию, при приеме в учебные заведения. Все честные трудящиеся нашей

страны отныне и навсегда оказались слитыми в единое и монолитное целое. Мне кажется, что мы еще до сих пор не осознали всю значимость гигантских перемен, случившихся в ту пору.

Эти перемены оказали самое благотворное влияние на развитие нашей культуры. Модернистским извращениям был положен предел. Глумлению над прошлым Родины и ее народа уже более не оставалось шансов на успех. Поистине символичным для тех лет стал известный плакат: советский танкист в шлеме, поднимаясь из танковой башни, смотрит вдаль, приложив ладонь ко лбу, а за ним, в глубине плаката, возвышается знакомая фигура бородатого и широкоплечего васнецовского богатыря с тем же жестом руки, с тем же настороженным и смелым взглядом… Плакат этот – о тех самых танкистах, которые грудью встретили вскоре страшную вражескую лавину. И опять-таки не случайно, что в тревожные дни ноября 1941 года нам напомнили об Александре Невском и Дмитрии Донском, Козьме Минине и Дмитрии Пожарском, Александре Суворове и Михаиле Кутузове. Поистине, прошлое и настоящее неразрывны!

Однако нет-нет да возникают рецидивы брюзгливого нигилизма в нашей нынешней литературно-критической практике. Конечно, у сегодняшних разрушителей не тот размах, что прежде, да и условия нашей жизни изменились не к их выгоде. Но вирус, как видно, живуч. Не так уж давно появилась печально знаменитая статья, в которой многие факты нашего давнего и недавнего прошлого походя объявлялись легендами. Сколько было шума, какие разгорелись страсти! А отчего? А оттого лишь, что одному столичному литератору довелось продемонстрировать свою «смелость» в области истории. И «Аврора», мол, не стреляла 25 октября 1917 года, и того не было, и этого… Не хочу возвращаться к тем уже отшумевшим баталиям, но все же почитаю себя обязанным напомнить читателям: в фундаментальных академических исследованиях советских историков давно и безусловно установлено, что выстрел из носового орудия «Авроры» был! Был! И штурм Зимнего дворца, и баррикада из поленьев на Дворцовой площади, и даже такая забавная деталь тех незабываемых дней, как женский ударный батальон, неудачно пытавшийся спасти Керенского, – все это были подлинные исторические обстоятельства. И что из того, что в иных наших романах и в особенности кинофильмах этот штурм показан бутафорски и просто неверно? Кстати говоря, уж если речь зашла о фильмах, то позволительно будет сказать, что из всех известных мне кинолент на сюжеты революции наиболее произвольным обращением с реальными фактами отмечена

известная картина С. Эйзенштейна «Октябрь». Но наши нынешние скептики почему-то никак этой темы не касаются. А жаль. Вот уж где широкое поле для обличения всяких ошибочных «фактов» и «легенд».

* * *

Сейчас в нашей стране сложились необычайно благоприятные условия для неспешного и глубокого осмысления и изучения прошлого и настоящего в жизни Отечества. Мы покончили с суровым догматизмом давно минувших лет и с легкомысленным шараханьем времен не столь уж давних. Что ж, перефразируя слова Ф. Достоевского, можно сказать, что мы даром времени не теряли. Народы нашей страны за полвека, минувшие со времен Великого Октября, изрядно накопили всякого опыта. В нашей истории бывало, что враг подходил к Москве, случалось, что и самую Москву заполоняли в оные времена высокомерные и презрительные иноземцы. Но недаром записано в старой русской летописи, записано тогда, когда на берегах Москвы да Яузы стояли еще непроходимые леса: «погибоша аки обре…».

Наша советская интеллигенция не зря именуется ныне народной интеллигенцией. Наша задача – хранить и оберегать вечные ценности народного бытия, активно участвовать в великом деле созидания самого справедливого общества на земле – коммунизма. Именно в этом мне видится профессиональный долг всей отечественной гуманитарии.

«Молодая гвардия», 1970, № 8

Документ № 2
За разработку актуальных проблем идеологической борьбы

В июне сего года в идеологические учреждения была разослана обширная докладная записка с грифом «Проект», подготовленная Академией общественных наук, на тему: «Особенности идеологической борьбы на современном этапе и некоторые актуальные проблемы идеологической работы КПСС». Авторы – тов. Иовчук М.Т. и группа профессоров и преподавателей академии.

В «проекте» идет речь о множестве самых разнообразных проблем (это целая книга в 116 стр.): о социалистическом соревновании, о составе депутатов местных Советов, об экономических и производственных вопросах, о борьбе с пьянством и хулиганством, о воспитании детей в семье и т.д., но по существу обойдена главная идеологическая проблема современной действительности, как ее формулировал XXIV съезд КПСС: борьба буржуазной и социалистической идеологий в условиях построения коммунизма, которая приобретает особые, специфические черты в развитом социалистическом обществе в период разрядки международной напряженности. На первой странице «проекта» авторы вспоминают слова из отчетного доклада съезду о «незатухающей идеологической войне», но они не видят (или не хотят видеть) этой самой войны в ее конкретных проявлениях сегодня.

В «проекте» множество общих фраз и положений, но слишком мало конкретных фактов, почти нет имен. Получается, что идеологически опасными фигурами являются чуть ли не исключительно Фишер, Гароди и некоторые другие ревизионисты. Однако всем практическим идеологическим работникам известно, что влияние названных персонажей ничтожно как среди западной, так и, тем более, среди советской интеллигенции. Эти жалкие фигурки не стоят бумаги, что тратится на их критику, более того – преувеличенное внимание только делает выгодную рекламу этим отщепенцам.

Какие же имена следует назвать, если говорить о вредных и, к сожалению, влиятельных врагах нашей идеологии? Это прежде всего Сахаров и Солженицын, чьи «сочинения» размножаются «самиздатом», транслируются днем и ночью по разного рода «голосам», печатаются за рубежом и контрабандой провозятся в СССР. Нельзя закрывать глаза, что идеи технократии,

конвергенции, интеллигентского авангардизма, «либерального», «гуманного» социализма находят некоторую почву в определенных слоях населения, в частности среди интеллигенции. Антисоветизм в «сочинениях» Сахарова, Солженицына, Жореса и Роя Медведевых, Лидии Чуковской, Максимова, Галича и др. часто выступает под видом «антисталинизма», причем спекулятивно искажаются решения XX съезда КПСС. Опасность с этой стороны нельзя недооценивать! Например, пошлые, проникнутые откровенным антисоветизмом «песни» Галича размножаются ныне многочисленными магнитофонными лентами и получили, к сожалению, некоторую популярность среди части советской молодежи, в особенности – среди студенчества. Наша печать не дает отпора «идеям» Сахарова, Галича и К°, а между тем каждый вечер немало наших граждан слушают по зарубежному радио их грязное поношение нашего социального строя. Советские люди нередко спрашивают: как могут благополучно жить в Москве Сахаров, или Лидия Чуковская, или Рой Медведев – эти профессиональные антисоветчики?..

К сожалению, в тексте «проекта» острейшие эти политические проблемы обойдены, как если бы их не существовало.

Порой принципиальные вопросы идеологической работы подменяются какой-то странной игрой «в технику». Например, ставится в образец один райком, вооруженный электронно-счетной машиной (стр. 49—50). Именно за это, то есть за использование машины, а не за передовые показатели в производстве, не за успехи в коммунистическом воспитании трудящихся. Этот глубокомысленно поданный эпизод мог бы быть смешным, и только, если бы в нем не проглядывалась опасная тенденция недооценки идейной стороны дела, подмены ее разного рода техническими новациями – тенденция, демагогически ссылающаяся на научно-техническую революцию.

В «проекте» правильно говорится об опасности, которую представляют собой средства информации, оказавшиеся в руках враждебных или оппортунистических элементов. В 1968 г. в Чехословакии это получило классическое выражение. Но разве только в Чехословакии и только в 1968 г.? Или авторам «проекта» не известно о крупных идеологических ошибках, вскрытых партией в АПН, на телевидении, критика в адрес журналов «Спутник», «Юность», «РТ» и др.? В этой связи странно читать о «повышенном спросе» на книги Розанова, Леонтьева, С. Булгакова, Бердяева, Соловьева, славянофилов (стр. 89). По данным Всесоюзной книжной палаты эти книги за годы Советской власти не издавались ни разу! Вот пример «борьбы» со вчерашним

днем!

В разделе «Марксистско-ленинское образование трудящихся СССР в современных условиях» т. Иовчук и его группа не поставили важнейшую проблему изучения истории нашей партии. Лишь в перечне многих иных проблем упомянут «популярный (?) курс истории КПСС». Подобный подход не может не вызвать удивления. Многие поколения членов партии, советских людей получали идейную закалку, изучая историю КПСС. Теперь некоторые товарищи пытаются подменить эту тему разными новомодными предметами социологического характера. Но при этом из поля идеологического воздействия выпадают славная история наших пятилеток, коллективизация и особенно – борьба партии с троцкизмом, тема, имеющая ныне необычайную политическую актуальность. Сегодня партийные кадры явно недостаточно изучают исторический опыт КПСС. К сожалению, авторы «проекта» следуют той же тенденции.

Известно, какую опасность представляет собой в настоящее время реакционная идеология сионизма. Однако авторы «проекта» рассматривают сионизм лишь в плане международном или внешнеполитическом. Это неверно. Сионистская агентура в нашей стране ведет активную идеологическую работу. Эта антисоветская работа предполагает объектом отнюдь не только граждан еврейского происхождения. За последние несколько лет за границу уехало около 30 членов Союза писателей, значительное число членов других творческих союзов (художников, композиторов, журналистов, кинематографистов). Деятельность этих перебежчиков и тех, кто их выдвигал и поддерживал, имела воздействие на граждан всех национальностей СССР. Ядовитые идеи абстрактного гуманизма, пацифизма, конфликта поколений, очернительства всех оттенков и т.д. – все это в изобилии прокламировалось в «произведениях» режиссера Калика, поэтов Бродского и Бетаки, писателей Коржавина и Свирского и многих иных. Однако лица, их пропагандировавшие, не были призваны к ответу. Например, поэт Б. Слуцкий совсем недавно давал «партийное поручительство» за Наума Коржавина. Коржавин отбыл в Израиль, а Слуцкий по-прежнему занимает видное положение в ССП.

Весной нынешнего года в Ленинграде органами КГБ была раскрыта сионистская деятельность профессора Педагогического института, члена ССП Е.Г. Эткинда. Характерно, что литературные его выступления неоднократно подвергались острой идейной критике, однако это не мешало Эткинду процветать, печататься в «Литературной газете», воспитывать своих многочисленных аспирантов и сотрудников в откровенно

националистическом духе.

Проблема борьбы с сионистской идеологией ныне является проблемой внутриполитической, но авторы «проекта» не хотят замечать очевидного.

Данной теме посвящен раздел «Вопросы интернационального и патриотического воспитания». Однако о пропаганде идей советского патриотизма говорится бегло и вскользь. Особенно «не повезло» военно-патриотической работе, эти проблемы почти не затронуты. Между тем представляется неоспоримым, что в современных условиях эта тема не может быть недооцененной.

Как видно, в документе, составленном группой т. Иовчука, многие важные, принципиальные проблемы идеологической борьбы оказались обойденными или затушеванными. Гораздо хуже, что в «проекте» есть ложные ориентиры, которые могут только дезорганизовать идеологическую работу партии.

Прямой недобросовестностью отмечено толкование работ писателя М. Лобанова, которому приписывается странный тезис о «загадочности русского народа» (?). Характерно, что в приведенной сноске на книгу Лобанова не указана страница. И не случайно – таких слов в книге нет. Отдельные положения в статьях Лобанова вызвали оживленное обсуждение, были как положительные, так и критические высказывания. Авторы «проекта» вправе присоединиться к любой точке зрения, но в данном случае настораживает нарочитость обвинений.

Нельзя не поддержать авторов «проекта», когда они критикуют идеализацию Тимура, атаманов Запорожской Сечи и т.п. Сюда можно бы добавить неумеренные восторги генералом Скобелевым, армянским царем Давидом Сасунским, смехотворные утверждения о том, что Киевская Русь была «украинской» (последняя точка зрения получила распространение в беллетристике, но до сих пор не встретила отпора в печати). Все это так, хотя вопрос этот в сегодняшней идеологической работе в общем решен, сторонники идеализации царей и ханов получили уже должный отпор. Обличая идеализацию царицы Тамары, авторы «проекта», как и в некоторых других случаях, стреляют уже в простреляннные мишени. Но опять-таки обратим внимание на другое: непосредственно за перечнем «личностей, которые сыграли реакционную роль в историческом развитии», стоит имя… писателя Солоухина! Авторы документа утверждают, что его книге «Черные доски» присуще «воспевание старины» и «патриархально-крестьянский характер с религиозной окраской» (стр. 78). Тут следует разобраться.

Вряд ли «Черные доски» есть лучшее произведение известного писателя, критические замечания тут были бы

правомерны. Но при чем здесь «воспевание старины»? Солоухин пишет о древнерусских иконах, высказывает свои суждения (не бесспорные) о древнерусском искусстве, справедливо выступает против хамского пренебрежения к памятникам прошлого (что получило широкую поддержку советской общественности) и т.д. Однако в названной работе нет «воспевания старины» хотя бы потому, что в повести вообще не идет речь о прошлом. Особенно следует подчеркнуть, что в этом и других произведениях Солоухина нет никакой «религиозной окраски», автор – несомненный атеист, о чем он не раз высказывался вполне определенно и недвусмысленно. Совершенно непонятен упрек писателю в «патриархально-крестьянских настроениях». Солоухин – типичный горожанин, и не по прописке, а по характеру своего творчества, его описания природы, деревни это именно взгляд горожанина, то есть извне, а не изнутри.

Очевидной натяжкой является толкование статьи С.Н. Семанова «О ценностях относительных и вечных», опубликованной в 1970 г. Автору, известному историку, приписывается мысль, будто «историческое прошлое каждого народа, составляющее его национальную гордость, можно оценивать только в «одномерном» определении. Оно не может быть оценено «под знаком относительности». Патриотические чувства вечны, нетленны и неизменны» (стр. 78). Как видно, в отрывке есть несколько закавыченных слов, которые выглядят как цитаты. Но опять-таки сноска на страницы отсутствует, и опять не случайно. В статье С.Н. Семанова таких выражений нет. Он нигде не пишет, что патриотические чувства вечны и т.п. В своей статье он лишь выступает против «расщепления ясных и определенных понятий под предлогом относительности всего сущего», таких, например, как верность социалистической родине, капитализм, коммунизм (см. «Молодая гвардия», 1970, № 8, стр. 312, 309).

Итак, имена Солженицына, Сахарова, Максимова, Коржавина, Лидии Чуковской, Эткинда и других лиц, чья «деятельность» оказывает (в отличие, скажем, от пустоцветов вроде Фишера или Гароди) чрезвычайно вредное воздействие на некоторую часть советских граждан, в особенности среди интеллигенции и молодежи, – эти имена группой т. Иовчука даже не упомянуты. Их место заняли Лобанов, Солоухин и Семанов. Конечно, к этим советским авторам могут быть те или иные претензии. Они высказывались в печати, хотя подбор оппонентов и тут небезынтересен. Солоухина, например, бранил уехавший в Израиль антисоветчик Свирский, Лобанова – ныне уволенный из ИМЛИ и редколлегии «Нового мира» критик А. Дементьев, Семанова – В. Пискунов, отстраненный от работы за

политическую нечистоплотность, и т.д. Однако – и это главное – названные авторы не подавали заявлений о перемене подданства, не давали «интервью» для буржуазной прессы, не распространяли свои сочинения в «самиздате» или за рубежом. Это советские интеллигенты, безусловно стоящие на позициях советской государственности и социалистической идеологии.

Отмеченный выше «подбор критикуемых авторов» в сильнейшей степени характерен: вольно или невольно (а в политике это, как известно, все равно) т. Иовчук и его группа пытаются указать на некоторых патриотически настроенных литераторов чуть ли не как на главную опасность в современной идеологической борьбе. Вызывает недоумение и тот немаловажный факт, что в документе, составленном в июне 1974 г., цитируются произведения 1968—1970 гг., то есть опубликованные четыре-шесть лет назад. В этой связи упомянутый «подбор критикуемых авторов» кажется еще более нарочитым. В то же время конкретные проявления воздействия буржуазной идеологии на советское население по существу затушевываются.

СПРАВКА
о книгах серии «Пламенные революционеры»

С 1968 г. в Издательстве политической литературы издается биографическая серия «Пламенные революционеры». В серии вышел ряд книг, способствующих делу коммунистического воспитания и освещению истории КПСС, русского и международного революционного движения.

Однако следует признать, что в последние годы редакция серии утратила правильный политический критерий к подбору авторов, снизила принципиальную требовательность, что привело с неизбежностью к серьезным политическим огрехам.

В 1971 г. вышла в свет книга Б. Окуджавы «Глоток свободы» (о Пестеле). Вскоре она была переиздана под тем же названием в издательстве НТС «Посев»; факт не случайный, ибо книга Б. Окуджавы политически двусмысленна и содержит оскорбительные для советского строя намеки. В 1971 г. была издана книга В. Аксенова о большевике Л. Красине, в 1974 г. ее переиздали, хотя книга не содержит ничего нового, что и отмечалось в печати (см. «Вопросы литературы», 1973, № 10 и др.). Зато книжка В. Аксенова удостоена снисходительной похвалы в антисоветской печати, а именно за то, что он «осмелился пустить в священные жилы Ленина электрическую кровь» (см. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 4 ноября 1975 г.). В

1970 г. вышла книга А. Гладилина о Робеспьере, а в 1974 г. – о народовольце И. Мышкине. Все названные литераторы хорошо известны советской общественности и широкому кругу читателей как лица, склонные к политическому фрондерству, далекие от активной общественной деятельности, сочинения которых изобиловали грубейшими идейными ошибками. Наконец, никто из названных авторов-беллетристов никогда не занимался историко-революционной тематикой и вообще историей, к тому же А. Гладилин не знает французского языка, не имеет необходимого образования для занятия темами, которые ему доверили.

Однако привлечение названных авторов, к сожалению, не может быть признано случайной ошибкой, от которой, как известно, никто не застрахован, а определенной тенденцией редакции серии. В 1972 г. вышла книга писателя В. Войновича о Вере Фигнер. В 1973 г. эта ничем не примечательная, слабая книга была переиздана. В том же году В. Войнович был исключен из Союза писателей за сочинение грязных пасквилей, порочащих наш народ и строй, а ныне активно участвует в антисоветской деятельности, в частности, в пресловутом журнале «Континент». В 1973 г. была выпущена книга писателя В. Корнилова о рабочем-революционере Викторе Обнорском. В следующем году В. Корнилов передал свои клеветнические сочинения за рубеж, а в 1975 году опубликовал грязный пасквиль «Без рук, без ног» в том же «Континенте»; теперь там же появились его стихи откровенно антисоветского содержания.

Чем объяснялось привлечение этих авторов в Политиздат? Трудно ответить, ибо оба они никогда не занимались историко-революционной тематикой, не имеют даже специального образования. В. Корнилов – скромный поэт-переводчик, а В. Войнович неоднократно подвергался критике в советской печати за нечеткие и просто неверные идейные акценты.

В 1975 г. была издана книга Р. Орловой о Джоне Брауне. Р. Орлова давно известна в литературных кругах как деятельница весьма сомнительного свойства, она супруга исключенного из Союза писателей Л. Копелева, известного своими антисоветскими сочинениями, которые ныне публикуются в буржуазной печати. Кроме того, Р. Орлова – теща (мать жены) известного «диссидента» П. Литвинова, уехавшего в 1974 году на Запад и развившего там бурную деятельность враждебного Советскому государству характера. В апреле 1976 года А. Гладилин уехал с израильской визой, а еще раньше в № 7 «Континента» появилась его грязная «повесть» о Москве и москвичах. До этого его слабые и политически аморальные сочинения вышли в «Политиздате»

полумиллионным тиражом.

Наконец, в 1976 г. ряд книг серии подвергся серьезной критике за идеологические промахи, сурово критиковались, в частности, книга Ю. Трифонова «Нетерпение» и книга Ю. Давыдова.

В подборе названных авторов прослеживается очевидная тенденция редакции (зав. редакцией тов. Новохатко В.Л.) привлечь к делу издания так называемых «левых» литераторов с сомнительной политической биографией. Немаловажно и то, что авторские гонорары в серии очень велики, а тиражи громадны. Литературная общественность давно уже обращала внимание на этот очевидный факт, но та же линия продолжается.

В силу специфических причин (Издательство ЦК КПСС) серия «Пламенные революционеры» в известной мере ограждена от критики в печати. Нездоровые настроения редакции должны, однако, стать предметом партийного рассмотрения.

Обе записки были составлены С.Н. Семеновым в 1974 и 1975 годах и переданы Председателю Роскомиздата Н.В. Свиридову и Секретарю Московского горкома КПСС В.Н. Ягодкину.

Документ № 3
Письмо И. Шевцова секретарю ЦК КПСС М. Суслову

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
товарищу СУСЛОВУ М.А.

Уважаемый МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ!

В конце 1975 г. в приложении к журналу «Огонек» была отпечатана моя книжечка «Сполохи» о выдающемся советском художнике П.Д. Корине. Книжечка еще находилась в типографии, а просионистские круги на Западе уже облаяли ее и ненавистного им автора. К травле реакционной сионистской пропаганды я уже привык, и ее выпады меня не очень волнуют (статьи Б. Гверцмана в «Нью-Йорк таймс», Г. Шапиро в «Интернешнл геральд трибюн» и т.д.). Одновременно те же круги распространили слух, что якобы из-за книжки Шевцова лишился своего поста главный редактор «Огонька» А. Софронов. Не удивило меня и то, что зарубежные сионисты «откликнулись» на еще не вышедшее в свет произведение: агентуры у них достаточно, работает она активно и оперативно. Удивил меня результат этой «оперативности»: в угоду известным западным кругам «Сполохи» так и не увидели света.

Я обратился к тов. Софронову с просьбой объяснить мне, какой криминал обнаружен в моей книжке, что послужило причиной не выпускать ее в свет? Не приказ же западных сионистов, а, очевидно, что-то другое. Однако «что-то другое» оказалось неубедительным и несостоятельным, лишенным элементарной логики. Весь криминал книжки сводится к тому, будто, говоря о творчестве и жизни П.Д. Корина в 30-е годы, я преувеличил трудности, с которыми художнику пришлось сталкиваться, упомянув в негативном плане имена Авербаха и Бескина.

Все прояснилось: вот, оказывается, где собака зарыта, – Бескин и Авербах! Еще во время редактирования книжки член редколлегии «Огонька» И. Долгополов советовал мне не упоминать имена Авербаха и Бескина. Я не согласился, ссылаясь на факты истории. И вот результат: отпечатанный тираж книжки идет под нож. И дело тут, конечно, не в том, что я упомянул о травле Корина в 30-е годы, – факт этот общеизвестен, об этом много писалось, – дело в Авербахе и Бескине, которых, оказывается, нельзя упоминать в негативном плане. Но тот же «Огонек» совсем недавно печатал статьи Ю. Прокушева о травле Есенина, а перед тем – статьи В. Воронцова, Колоскова и Макарова о травле Маяковского, – в

статьях назывались многие имена тех, кто «приложил руку» к травле великих русских советских поэтов, в том числе имена все тех же Авербаха и Бескина. Авторы упомянутых статей цитировали злобную писанину хулителей великих поэтов, говорили резко и прямо. Я же очень деликатно, робко упомянул Авербаха и Бескина, и, тем не менее, именно это послужило поводом запретить выход в свет уже отпечатанной книжки. Не исключено и такое: издай я эту книжечку под псевдонимом, и никаких вопросов и сомнений ни у кого не возникло бы. Все дело в авторе. Начатая много лет тому назад травля меня сионистскими кругами продолжается, открыто, грубо, цинично, – травля на уничтожение. И хотя из винтовок по мне не стреляют пока, как стреляют в Нью-Йорке по советским гражданам, мне от этого не легче: здесь применяют иное, более жестокое оружие. Как и чем можно объяснить тот факт, что меня, автора 17книг, не принимают в Союз писателей, в то время как десятки литераторов, не имеющих за душой ни одной книги, приняты в члены ССП? На последнем секретариате Московской писательской организации, рассматривавшем вопрос о моем приеме в ССП (в четвертый раз), с истеричной речью выступил В. Катаев. Он просто поставил ультиматум: если примете Шевцова в союз, я выйду из союза, ноги моей здесь не будет. Требование Катаева было удовлетворено: мне отказали в приеме в ССП. А спустя месяц после этого В. Катаев опубликовал в «Юности» статью, в которой с гордостью заявил, что он воспитал «двух молодых гениев» (слова Катаева) советской литературы – В. Аксенова и А. Гладилина. Но не успел номер «Юности» со статьей Катаева дойти до читателей, как эти «два молодых гения» советской литературы заявили о своем желании уехать в Израиль. Кстати, или совсем не кстати, накануне выезда Гладилина в Израиль «Детгиз» выпустил в свет книгу Гладилина, а не пустил ее под нож, как поступили с моей книжкой, и автору, т.е. Гладилину, выдали, так сказать, «в добрый путь» свыше 5000 рублей гонорара. Такая трогательная забота о сионистах особенно резко контрастирует на фоне травли патриотов-коммунистов. Это не последний пример травли и дискриминации, которой я подвергаюсь систематически и повсеместно. В том же «Огоньке» из-за «Сполохов» отложена публикация моего очерка о Русском народном оркестре А. Полетаева, на неопределенное время отложена моя командировка в Алжир, без которой я не могу закончить трилогию «Набат», первая книга которой вышла в 1975 г. Тема трилогии – советский человек за рубежом, пролетарский интернационализм и братская помощь советских людей народам, сбросившим иго колониализма.

О капиталистических миссионерах написаны десятки романов,

повестей, поэм. А где книги о благородной миссии советских людей, работающих за рубежом? Их нет. Так почему же мне, старому коммунисту, автору 17 книг, отказывают в праве написать такую книгу? Кто мне может ответить на этот и подобные вопросы?

Я прошу Вас, уважаемый Михаил Андреевич, принять меня хотя бы на десять минут.

С глубоким уважением:

И. Шевцов
3 апреля 1976 г.

Шевцов Иван Михайлович. Москва, 127276, ул. Комарова, д. 1, кв. 28. Телефон: 218-10-14.

К сожалению, не могу приложить к настоящему письму книжечку «Сполохи», т.к. в издательстве мне не дали ни одного экземпляра, и у меня не сохранилось даже копии этого злополучного очерка о Павле Корине.

Документ № 4
Письмо в ЦК КПСС по поводу альманаха «Метрополь»

В альманахе «Метрополь», кроме открытых антисоветчиков, диссидентов и полудиссидентов, выступили весьма известные советские писатели – Аксенов, Искандер, Битов, Вознесенский, Ахмадулина, Липкин, Лиснянская, Арканов, Розовский… Зададимся вопросом: а чем же вызвано их участие в альманахе, их, чьи книги издаются и переиздаются, чьи имена не обделены вниманием критики, кому предоставляются для выступлений самые громадные залы. Кто чаще других говорит, якобы от имени советской литературы, в зарубежных аудиториях. Семен Липкин опубликовал в «Метрополе» стихотворение «В пустыне», об очередном еврейском исходе.

Идем туда, где мы когда-то были,
чтоб ныне праотеческие были
преображали правнуки в мечты.
Нам кажется, что мы на месте бродим,
однако земли новые находим,
не думая достичь мечты.

Не думаю, чтобы удел «исхода» и смены родины соответствовал сущности советского патриотизма. Однако удивляться нечему, все логично, потому что Липкин еще десять лет назад опубликовал в советской прессе стихотворение «Союз И». Я хорошо помню его главный рефрен: «Человечество быть не сумеет без народа по имени „и“… Приведу выдержку из инструкции Министерства просвещения Израиля: „Педагогический секретариат. Отдел основного общественного воспитания: «Евреи в Советском Союзе и мы“ (материал для общественного часа).

Вопрос: Что олицетворяет чувство принадлежности к еврейству? Ответ: Сборы у синагог… слушание передач «Голос Сиона» в диаспоре. Призыв к протестам, письмам… Урок заканчивается декламацией «Союза И» С. Липкина на иврите…». Когда в конце прошлого года я выступал на вечере поэзии в Государственном музее Маяковского, мне пришло в форме записок от учителей средних школ несколько вопросов, среди них были и такие: «В свою прошлую поездку по Соединенным Штатам поэт А. Вознесенский с успехом выступал в организациях американской

сионистской молодежи, за что даже получил звание почетного гражданина Лос-Анджелеса. Считаете ли вы этически возможным для советского поэта выступления в подобных аудиториях?» Андрей Вознесенский не раз декларировал суть искусства, независимую от отечества. В стихотворении «Василъки Шагала» он прямо пишет: «Родины разны, но небо едино. Небом единым жив человек». В этом же стихотворении, обращаясь к Шагалу, Вознесенский, весьма двусмысленно играя словами, призывает художника: «Ах, Марк Захарович, нарисуйте непобедимо синий завет…». И словно бы услышав этот призыв, Шагал нарисовал «непобедимо синий завет» – расписал кнессет – парламент в Тель-Авиве.

Одним из авторов альманаха «Метрополь» является стихотворец Генрих Сапгир. Стихи его в начале шестидесятых годов широко были представлены в разного рода диссидентских «синтаксисах», потом – и до сих пор – он регулярно печатался и печатается на Западе в откровенно антисоветских изданиях. А у нас этот литератор благополучно издает книги для детей в издательстве «Детская литература» и является одним из составителей «Букваря», изданного миллионными тиражами, «Букваря», уникального в том смысле, что в нем есть немало стихов Сапгира и впервые в истории нашего школьного дела нет стихов Александра Пушкина. А ведь до войны были! Как же можно такому человеку доверять дело, с которого начинается познание родины и родной русской литературы!

Надо сказать, что за последнее время вообще немало исторических, литературоведческих и филологических изысканий выходит в свет с идеями, родными и близкими сионизму в самом широком смысле слова. Печально известны в этом смысле исторические «исследования» поэта Олжаса Сулейменова, с его постоянным определением еврейского народа, как «главного народа»… Это ли не льет воду на мельницу тех, кто говорит о мессианской роли Израиля в судьбах человечества! Надо сказать, что Сулейменов последователен в пропаганде аналогичных взглядов. В одной книге его стихотворений есть поэма «От января до апреля», вроде бы о Ленине, хотя большая часть ее посвящена страданиям еврейского народа, несмотря на то, что в последние десятилетия после того, как сионизм показал свои зубы, разговор об этих страданиях становится бестактным по отношению к народу Палестины. Повествование ведется Сулейменовым на таком примитивном «литературно-историческом» уровне:

Евреи злые, евреи знали,
что не евреи Христа распяли!

Скрывали хитрые, все принимали,
все понимая, миру давали
взамен Христа других богов,
а им за тех богов – Голгофу!

Не буду говорить об этой поэме подробно – в ней много политически наивного и поэтически беспомощного, процитирую только отрывок, в котором речь идет о Ленине. Вот каким изображает Ленина Сулейменов:

Его таким нарисовал Андреев —
его один бы бог не сотворил.
Арийцы принимали за еврея
его, когда с трибуны говорил.
Он знал, он видел, оставляя нас,
что мир курчавится, картавит и смуглеет (?)

(Это что – мир становится семитским, что ли? – Ст. К.)

Мир был совсем иным в последний час,
в последний час
короткой жизни Ленина.
Приходится порой простые мысли
доказывать всерьез, как теоремы.
Он, гладкое поглаживая темя,
смеется хитро, щуря глаз калмыцкий.
Разрез косой ему прибавил зренья,
он видел человечество евреев…

Изобразить Ленина в образе вождя, поддерживающего сионистские идеи о «человечестве евреев», – это уж слишком! Нет, не таков был он, страстный борец против Бунда и всякогонационализма, в том числе и еврейского, сторонник естественной исторической ассимиляции евреев в тех народах, где они живут.

В 1977 году в большой серии «Библиотеки поэта» – популярном издании вышла книга стихотворений Эренбурга. Эренбург – поэт сложный. Много раз менявший свои убеждения и написавший за свою долгую жизнь много всего разного. Не все из того, что он написал, конечно, заслуживает переиздания. Особенно стихи, продиктованные поэту его сионистскими иллюзиями и убеждениями. Так зачем же в таком случае составителю Б.

Сарнову надо было включать в книгу, а издательству издавать следующее стихотворенье Эренбурга, написанное в 1922 г.?

Когда замолкнет суесловье,
В босые тихие часы,
Ты подыми у изголовья
Свои библейские весы.

Запомни только, сын Давидов,
Филистимлян яне прощу.
Скорей свои цимбалы выдам,
Но не разящую пращу.

Ты стой и мерь глухие смеси,
Учи неистовству, пока
Не обозначит равновесья
Твоя державная рука…

Стихи, полные сионистской фразеологии, сознания избранничества, гордыни и религиозного национализма, настолько близкого шовинизму, что их вполне можно, допустим, рекомендовать для чтенья в частях нынешней израильской армии, «сыновей Давида», которые учатся неистовству»!

А давайте заглянем в сборник «Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников», изданный «Советским писателем» в 1973 г, и щедро нафаршированный всякого рода размышлениями об «избранничестве». «Мы чувствовали себя сильными, ловкими, красивыми. Был ли это так называемый мелкобуржуазный индивидуализм, актерская жизнь воображения, „интеллектуальное пиршество“ фармацевтов и маклеров? Нет, не был. Наши мечты сбылись. Мы действительно стали „управителями“, „победителями“, владетелями шестой части земли… Эдуард Багрицкий принадлежал к поколению и классу победителей» (А. Адалис). Странно, что классом победителей здесь названы не рабочие и крестьяне – а фармацевты и маклеры! В этой же книге есть воспоминания Бабеля, в которых говорится следующее:

«Я ловлю себя на мысли, что рай будущего, коммунистический рай будет состоять из одесситов, похожих на Багрицкого. Из верных, умных, веселых товарищей, лишенных корысти. Какими легкими соседями будем мы тогда окружены, как неутомительна и плодотворна будет жизнь».

Неважно, что все эти весьма тенденциозные рассуждения написаны в тридцатые годы, – важно, что они переизданы в семидесятые, что это кому-то было нужно – рассуждения о

«коммунистическом рае из одесситов» и о победе на шестой части земли «маклеров и фармацевтов». Нельзя в наше время в новых исторических условиях вытаскивать на свет эти уже обветшавшие идеи, так же, пожалуй, как нецелесообразно уже автоматически перепечатывать кое-что в книгах самого Багрицкого, отдавшего при всей своей революционности и таланте щедрую дань сионистским заблуждениям. Разве можно сейчас читать без недоумения следующие, допустим, строфы из поэмы «Февраль»?

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа…
Я много бы дал, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которой седой спиралью
Спадают пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной,
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками.

Не бескорыстной интернациональной радостью – за первые демократические победы революции, а хмельной националистической гордыней обуреваем герой этой поэмы, проповедующей насилие и буржуазный истерический анархизм. Поэму Багрицкого напечатали за полвека миллионными тиражами! Так же как и его стихи, оправдывающие любой террор и в корне противоречащие гуманистической традиции русской классики: «Оглянешься – а кругом враги, руку протянешь – и нет друзей, но если век скажет: солги! – солги. Но если век скажет: убей! – убей».

Кстати, я написал статью об идейной борьбе в поэзии двадцатых годов, где поднимаю все вышеизложенные проблемы, – и вот уже несколько лет не могу ее опубликовать, так же как не могу опубликовать антисионистские стихи, написанные после поездок на съезд писателей Палестины, в Ирак и в Египет.

Да что говорить о нашей прессе, о наших издательствах, о наших статьях и стихах! Достоевского полного собрания сочинений издать не можем – дойти до семнадцатого тома несколько лет тому назад и остановились в недоумении перед «Дневником писателя», в котором гениальный Достоевский уже фактически сто лет тому назад разглядел цели и суть тогда еще нарождающегося сионизма и писал, глубоко проникая в тайну его могущество: «А безжалостность к низшим массам, а падение

братства, а эксплуатация богатого бедным, – о, конечно, все это было и прежде и всегда, но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель. Стало быть, не даром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, не даром они движут капиталами, не даром же они властители кредита и не даром, повторю это, они же и властители всей международной политики»…

Издание собрания сочинений задержано, и нет особенной надежды, что возобновится, если принимать в расчет нашу уступчивость по отношению к сионизму в области литературы. А о собрании сочинений Блока я уж и не говорю. Все предыдущие собрания выходили с купюрами, там, где Блок касался проблем еврейства и русофобства, – купюр этих около полусотни. Совершенно уверен в том, что собрание сочинений, готовящееся к столетнему юбилею Блока, появится в том же обрезанном виде. А что же появляется у нас в необрезанном виде? Размышления Гейне, работающие на идею мессианства, на прославление «избранного» народа, на националистическое высокомерие. Вот несколько мыслей из Собрания сочинений (М., 1959 г.).

Еврейство – аристократия, единый бог сотворил мир и правит им, все люди – его дети, но евреи – его любимцы, и их страна – его избранный удел. Он монарх, евреи его дворянство и Палестина экзархат божий».

Или: «Мне думается, если бы евреев не стало и если бы кто-нибудь узнал, что где-то находится экземпляр представителей этого народа, он бы пропутешествовал хоть сотню часов, чтобы увидеть его и пожать ему руку…». Или: «…В конце концов Израиль будет вознагражден за свои жертвы признанием во всем мире, славою и величием»… Что это такое, как не националистические религиозные заблуждения, издавая которые громадным тиражом без комментариев, мы фактически работаем на сионизм, проповедуемый устами Гейне – крупного поэта вообще, но в данном случае маленького обывателя, находящегося в шорах иудаизма. Издание классиков – тоже политика. Но почему в результате этой политики почти расистские откровения Гейне мы популяризируем, в проницательные размышления Достоевского по этому поводу (мирового классика покрупнее, чем Гейне), которые работали бы в борьбе с сионизмом на нас, а не против нас, мы держим под спудом… Почему?

О многом еще можно было бы написать: о русофобстве как о форме сионизма – примеров более чем достаточно, о том, что в самые сложные и трудные, казалось бы, капиталистические страны чаще всего наш Союз писателей посылает людей,

кокетничающих с диссидентством, что и подтвердилось фактом появления «Метрополя», о том, что эти люди заботятся не столько о пропаганде советской литературы, сколько о собственной рекламе, о собственных изданиях, о собственной популярности, а за все это приходится платить уступками в самом главном – в сознании своего патриотическою долга перед родиной.

Ст. Куняев, февраль 1979 г.

Документ № 5
Этническая Россия и СССР. Дилемма господства

ETHNIC RUSSIA IN THE USSR. PERGAMON PRESS. N.Y. 1980

Коллективная монография, подготовленная группой американских советологов, трактует разнообразные вопросы этнической проблемы в СССР.

Являясь самой многочисленной и ведущей в экономическом и политическом отношениях этнической группой в СССР, русские тем не менее испытывают в силу существующей идеологии двойственность в своем статусе, и, по утверждению Е. Олуорта, «русские остаются этнически недоразвитым народом» (с. 34). В политическом отношении русский этноцентризм (национализм) начал использоваться для укрепления советского марксистского государства со времен Ленина. При Сталине провозглашенный им «новый советский русский этноцентризм» стал основой «социалистического патриотизма». В то время, как он так и не отказался от марксистской символики, его утверждение того, что ленинизм является высшим достижением русской и мировой культуры, можно рассматривать как признание приоритета национальных ценностей над марксистскими» (с. 57). Поэтому неудивительно, что в Москве в 1947 г., в то время, когда в ней не было памятников ни Марксу, ни Ленину, был воздвигнут монумент Юрию Долгорукому. Далее Ф. Бархгори, профессор политологии Йельского университета, определяет четыре вида современного русского национализма: «неосталинистский», «псевдославянофильский», «черносотенный» (сверхконсервативный) и «неославянофильский» (с. 57). К «неославянофилам», группе, резко отличающейся от остальных трех националистических направлений, автор относит А. Солженицына и Владимира Осипова. По мнению американского профессора, именно «неославянофильское» направление в русском национализме представляет с точки зрения советского руководства наибольшую опасность для марксистско-ленинской идеологии».

К «неосталинистскому» направлению в русском национализме тяготеют многие деятели культуры. Автор приводит имена таких писателей, как Сергей Семанов, Чалмаев и Владимир Солоухин, выступивших во второй половине 60-х гг., наряду с другими авторами, с многочисленными статьями

антилиберального и антизападного характера (с. 58). Из этой тройки наиболее просталинскую позицию занимал Семанов, чья самая известная публикация по национальному вопросу «О ценностях относительных и вечных» появилась в журнале «Молодая гвардия» (август 1970). Эта статья «была, конечно, сталинистской по стилю, тону и содержанию, хотя, в соответствии с нормами послесталинской эры, имя диктатора не было упомянуто. Семанов подтвердил большинство из основных тезисов сталинской историко-военно-патриотической пропаганды» (с. 58). Развитием подобной неосталинской концепции неосталинского советского русского этноцентризма стала вышедшая в 1977 г. книга статей и очерков Семанова «Сердце Родины».

Общим для неосталинистов и псевдославянофилов является отрицание ими западной культуры. Однако последние отличаются от первых «более позитивным отношением к традиционным ценностям дореволюционного прошлого, к которым неосталинисты, как, например, Семанов или покойный писатель-догматик Вс. Кочетов, остаются равнодушными или даже враждебными» (с. 59). Представители этого направления Солоухин и Чалмаев имеют общее в своей идеологии с Солженицыным и Осиповым. «Однако в отличие от последних псевдославянофилы стараются публично не пропагандировать вклад христианства в русскую национальную жизнь». Чалмаев в двух сенсационных статьях в журнале «Молодая гвардия» «Великие ожидания» и «Неизбежность» призвал к возврату к русской национальной гордости. С похвалой отозвался он о таких русских консервативных мыслителях, как К. Леонтьев, В. Розанов. И хотя Чалмаев рассчитывал на то, что станет скорее одним из ведущих пропагандистов режима, чем его критиком, но его слишком откровенная и громогласная позиция по тем вопросам, которых официальная пропаганда предпочитала не касаться, сделала его удобной мишенью и для либералов, и для идейных ортодоксов. Далее автор пишет, что «существуют свидетельства того, что и в определенных кругах элиты, и среди низших слоев общества получают распространение тенденции к национализму с шовинистической и антисемитской окраской». Питательной почвой для подобных настроений отчасти служат мифы о «мировом еврействе», борющемся за мировое господство… Эти мифы, экспортированные из России в Германию, сыграли существенную роль в утверждении гитлеровской национал-социалистической идеологии» (с. 60). Автор обращает внимание на относительную свободу для выражения антисемитских настроений. Приводит пример с публикацией антисионистского и

антитроцкистского романа И. Шевцова «Во имя отца и сына». На Западе некоторые считают, что «Солоухин, Чалмаев и известный художник Илья Глазунов являются замаскированными агентами высокопоставленных советских политиков-антисемитов» (с. 6).

Среди западных ученых нет единства в вопросе о том, возможно ли в рамках советской системы существование сознательного русского национализма. Профессор истории Мичиганского университета Роман Шпорлюк считает, что нет, а Шейла Фицпатрик, доцент истории Колумбийского университета, считает такое идейное сосуществование допустимым. Как она полагает, «самым чувствительным политическим аспектом русского националистического чувства могут стать возможные ограничения прав нерусских этнических групп. Но до сих пор подобная угроза кажется лишь гипотетической, а не реальной проблемой, хотя ситуация может в корне измениться с увеличением общей доли нерусских в населении СССР. В настоящее время русофильство среди интеллигенции кажется властям самой безобидной из национальных проблем… Русское крестьянство, количественно постоянно уменьшающееся, более заинтересовано в телевизорах и в возможности найти работу в городе своим детям, чем в поддержке исконно русских традиций, которое оно, по мнению интеллигенции, представляет» (с. 68).

В борьбе двух идейных начал – национализма и научного коммунизма – активное участие приняли и литераторы. В монографии приводится описание дискуссии, которую вызвало появление книги О. Сулейменова «Азия». В ней автор выступил с позиций русофобии и подчеркивал особую значимость еврейского народа. Другим проявлением этой идейной борьбы стала ностальгия по русской старине в так называемой «деревенской прозе». Направленная против отрицательных дегуманизирующих последствий НТР, эта проза пыталась воскресить традиционные моральные ценности русского крестьянина. Доцент русской литературы Д. Денлоп особо выделяет среди «деревенской прозы» произведения В. Распутина, которого он вместе с В. Войновичем считает наиболее обещающими прозаиками в современной России (с. 33—34). «Распутин с удивительной откровенностью затрагивает некоторые чувствительнейшие аспекты советской политики. Он не скрывает своего отвращения к борьбе правительства с религией и к соответствующему уничтожению такого гигантского количества церквей. Политику насильственной коллективизации он считает «противоестественной радикальной мерой» (с. 34). По мнению Д. Денлопа, «писателей деревенской темы следует рассматривать как неотъемлемую часть большого явления – русского

национального движения» (с. 34). Поэтому отсюда проистекает их близость к двум добровольным обществам – охраны памятников и охраны природы.

Целый раздел «Взаимосвязь религии и национального чувства» посвящен анализу религиозных аспектов этнического фактора. Подчеркивая несовместимость атеистической марксистско-ленинской идеологии с религиозными догматами, американский религиозный деятель Мирсон пишет, что «в России секуляризм является политикой тоталитарного государства, подразумевающей существование обязательной для всех секулярной культуры и конформистского типа секулярного человека» (с. 106). Автор связывает деятельность различных диссидентских групп, включая издателей нелегального журнала «Вече», с тягой части населения к национально-историческому прошлому, к религиозной культуре. Для некоторых из них национальная принадлежность неотделима от русского православия. Влияние христианской идеологии, несомненно, сказывается в целом на возрождающемся в России националистическом патриотизме, одним из главных постулатов которого является признание «марксизма, пришедшего с Запада, виновником всех бед страны». По мнению автора, «возникновение русского националистического патриотизма, националистического движения внутри господствующей в империи этнической группы свидетельствует о том, что бремя империи становится невыносимым для русского народа. Для сохранения ее в коммунистической форме русской нации пришлось пожертвовать своей свободой, своей верой, своей культурой и, наконец, материальным благополучием граждан» (с. 111). Автор видит в русском национализме «не национальную идентичность великого народа, ответственного за свою историю, а подавленное национальное чувство подчиненной этнической группы, бессильной освободить себя от ига угнетателей» (с. 112). Однако в отличие от остальных националистических движений, борющихся за выход наций из существующего единого многонационального государства, русские националисты в своем большинстве выступают за проведение политики «подлинной» русификации, свободной от коммунистической идеологии (с. 112).

Как полагает Мирсон, «в свете все большего разочарования в ленинизме значительная часть русского населения оказывается восприимчивой к идеалам русского национально-патриотического движения» (с. 112). Основным идеологическим союзником этого движения становится, конечно, русская православная религия. В этом плане показателен рост интереса к

историческому прошлому, который проявляется и в деятельности Всероссийского общества охраны памятников, и в неожиданной популяризации малоизвестных деятелей прошлого, таких, например, как оригинальный мыслитель XIX века Н.Ф. Федоров с его идеями подлинной христианской любви, ведущей к всеобщему братству.

Неославянофильские тенденции заметны в работах многих маститых и молодых советских писателей, которые печатаются в журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Новый мир», «Литературная Россия», «Наш современник» и сборнике «Контекст». Автор делает вывод о том, что процесс слияния националистических тенденций с христианскими будет продолжаться и в будущем.

Далее в книге рассматривается вопрос о создании так называемой «единой советской нации». Здесь приводятся различные точки зрения. Так, профессор политологии Нью-Йоркского университета О. Федышин считает, что процесс формирования нового этнического образования будет совпадать в значительной степени с процессом русификации: «Тщательное изучение советских авторитетных источников дает основание утверждать, что у нерусских национальных ценностей и традиций нет будущего» (с. 152). Р. Рязак из Колумбийского университета полагает, что «советское руководство в интересах своего собственного выживания должно обеспечить деятельность русской этнической группы по всему Советскому Союзу, а для этого ему необходимо поддерживать у русских чувство национальной гордости, выраженное в удовлетворении быть «первым среди равных» (с. 167).

По мнению профессора русистики В. Медыша, «по мере того, как набирает темп русификация малых народностей, РСФСР все в большей степени становится синонимом СССР» (с. 196). Преподаватель Колумбийского университета С. Байэлер считает, что «влияние русской этнической группы в политическом процессе страны слишком преувеличивается западными экспертами». «До сих пор большим политическим весом обладают местные нерусские элиты» (с. 198). Кроме Байэлер «двойственность советской политики в национальном вопросе» отмечает и редактор журнала «Сервей» Л. Лабедз (с. 201). Дилемма, стоящая перед советским руководством, продолжает Лабедз, заключается в том, как интегрировать все национальности в СССР, используя приемы русификации, и в то же время не допустить роста русского национализма.

Профессор социологии Нью-Йоркского университета Б. Денич в параграфе, озаглавленном «Дилемма доминирующей

этнической группы», указывает на сложность поддержания межнационального баланса в Советском Союзе: «Из-за русского национального преобладания идея подлинной советской федерации оказывается нереальной. С другой стороны, чтобы избежать ухудшения ситуации, проводится курс на подавление движения за возрождение традиционных и религиозных символов русского этноцентризма, потому что последнее может привести к дальнейшему «отчуждению» русской культуры от нерусских национальных групп. По иронии судьбы многонациональный грим Советского Союза оказался барьером на пути либерализации советского общества. Прежняя «тюрьма народов» оказалась тюрьмой также и для самих русских» (с. 320).

Документ № 6
Сделать все для мира [1]

Дипломатическая война скрыта от глаз наблюдателей. Но это война, и в ней есть свои сражения, свои герои и свои жертвы. И так же, как в сражении на поле боя, все в конечном счете определяют люди, их морально-политические и деловые качества. Боевая техника, оружие, какими бы совершенными они ни были, не могут воевать сами по себе. Все дело в том, в чьих руках они находятся, чьим интересам служат.

О дипломатической предыстории Второй мировой войны написано немало – историками, публицистами, писателями. Все новые и новые публикации документов и свидетельства очевидцев подтверждают верность нашего внешнеполитического курса тех предгрозовых лет. В этом ряду, несомненно, выделяется книга И. Андросова «На перекрестке трех стратегий», повествующая о международном кризисе лета 1939 года, этом прологе Второй мировой войны.

Страшная истребительная война стояла у порога Европы. Конечно же, и в тридцать девятом люди учились и работали, любили и растили детей. Но в тиши дипломатических кабинетов сроки этой войны уже назывались. Наше государственное руководство знало об этом, понимал это советский народ. С тревогой наши люди всматривались в день завтрашний.

Разумеется, на Западе и сейчас хорошо помнят трагический опыт истории Второй мировой войны. Профессиональные защитники капиталистического общества порой неплохо изучают историю, знают факты. Но они сознательно занимаются их подтасовкой, сознательно лицемерят, сознательно закрывают глаза на подробности.

Новая книга содержит популярный и в то же время достаточно полный рассказ о внешней политике Англии и Франции. Мюнхенский сговор создал у руководителей этих стран надежды на возможность дальнейшего мирного сотрудничества с фашистской Германией. Чемберлен и Даладье надеялись, что отныне германская агрессия будет направлена только на Восток, хотя даже самый общий взгляд на внешнеполитический механизм нацизма показывал: гитлеровцы готовы пойти на любой пакт и разорвать любое соглашение в зависимости от своих тактических военных замыслов. В марте 1939 года войска фашистской Германии заняли Чехословакию, не обращая внимания на то, что ее границы после мюнхенской сделки были гарантированы

правительствами Англии, Франции, Германии и Италии. Затем гитлеровская Германия вынуждает Литву подписать соглашение о передаче немцам Мемельской области. Заключается германо-румынское соглашение, превращающее Румынию в аграрно-сырьевой придаток Германии. И в том же марте Германия нагло потребовала от Польши передачи ей Данцига и «прав» на «польский коридор». Правительство Чемберлена с большим опозданием признало, что «политика умиротворения провалилась».

Только тогда начинается постепенный и еще нерешительный поиск дипломатами Англии общих с СССР позиций. Воздерживаясь от действительного сотрудничества с Советским Союзом, английское правительство все же боялось оттолкнуть от себя возможного союзника. Кроме того, англо-советские контакты оно стремилось использовать как сродство давления на Германию. «Я должен признаться в своем глубоком недоверии к России, – писал Чемберлен. – Я не верю в ее боеспособность даже сдержать эффективное наступление». Нацистское руководство, в свою очередь, было неплохо информировано о настроениях английского правительства. Военное столкновение СССР с Германией являлось конечной целью английской внешней политики. Советские предложения о пакте трех держав отвергались. Предлагалось, чтобы в случае вовлечения Англии и Франции в войну Советский Союз оказал им немедленную военную помощь. Но при этом совсем не упоминалось, на какую помощь мог бы рассчитывать СССР со стороны Англии, Франции, если бы он оказался вовлеченным в войну, выполняя предложенные ему обязательства в отношении стран Восточной Европы. Не считая себя в достаточной степени готовой к войне с Советским Союзом, Германия начала дипломатическое маневрирование. Она стремилась полностью реализовать возможности, таившиеся в антисоветизме англо-французских правителей. С апреля 1939 года «третий рейх» азартно играет картой советско-германского сближения. Нацистское руководство успешно использовало антикоммунистический козырь в игре против правящих кругов западных стран, в то же время стремясь сорвать советские усилия по созданию системы коллективной безопасности.

Немало интересных страниц книги посвящено рассказу о германской дипломатии, о механизме ее создания и работы; вскрыта ее классовая сущность, тесно связанная с геополитикой, теорией «избранного народа». Но, пожалуй, наибольший интерес для читателя представляет предыстория подписания советско-германского пакта о ненападении.

Искусство советской дипломатии сорвало планы мюнхенцев по развязыванию войны между Германией и СССР. Когда стало ясно, что англо-франко-советские переговоры обречены и создать фронт коллективной безопасности не удастся, Советское правительство вынуждено было принять германское предложение о заключении торгово-кредитного соглашения, а затем и договора о ненападении.

Автор объективен в изложении этой очень сложной темы. В книге показано, с какой осторожностью, с какой оглядкой шло наше правительство на переговоры с Германией. Но пойти на такие переговоры все же пришлось… Этого требовала безопасность нашей державы.

Англия и Франция, сорвав переговоры с СССР, вели секретные переговоры с фашистами. Летом того же года милитаристская Япония напала на Монгольскую Народную Республику. Красная армия вела тяжелые бои с японской армией. Но до последнего часа, используя буквально все возможности, СССР стремился к союзу с Англией и Францией. Германский посол Шуленбург 3 августа 1939 года, то есть незадолго до приезда Риббентропа в Москву, записал в своем отчете: «Мое основное впечатление таково, что Советское правительство в настоящий момент полно решимости заключить соглашение с Великобританией и Францией, если они пойдут ему навстречу». Но этому активно противились Даладье и Чемберлен. Заключение англо-франко-советского соглашения не входило и в планы Белого дома. Соглашение не было достигнуто не потому, что СССР пошел на заключение договора о ненападении, как утверждают фальсификаторы истории, наоборот, договор был заключен именно потому, что были сорваны московские переговоры. СССР подписал с Германией лишь пакт о ненападении, а не о союзе. Он был готов продолжить переговоры с Англией и Францией.

Советско-германский договор был подписан в Москве 23 августа 1939 года. Его содержание, как отмечает автор книги, советская дипломатия разработала с особой тщательностью. Статьи договора с исчерпывающей определенностью и абсолютной ясностью отнимали у агрессора всякую возможность чем-либо оправдать нападение на СССР. Обе договаривающиеся стороны обязались воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не должна поддерживать ни в какой

форме эту третью державу. Правительства обеих договаривающихся сторон обязались информировать друг друга по вопросам, затрагивающим их общие интересы.

Договор был подписан сроком на десять лет. Советское правительство не пошло дальше обязательств, налагавшихся такого рода документами. Германская делегация предложила открыть договор пышной преамбулой о «дружбе» двух стран. На это И.В. Сталин ответил: «Советское правительство не может внезапно представить народу заверения о дружбе после того, как нацистское правительство на протяжении шести лет поливало его ведрами грязи». ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта. Значение договора состояло прежде всего в том, что он серьезно подорвал единство внутри агрессивного фашистского блока, а это не могло не отразиться на ходе готовившейся войны. Например, в Японии 25 августа на заседании кабинета премьер Хиранума заявил, что «заключение пакта о ненападении между СССР и Германией противоречит антикоминтерновскому соглашению. Правительство решило прекратить линию на усиление антикоминтерновской «оси» между Японией и Германией… и ликвидировать прежние планы». Японский кабинет во главе с Хиранумой, выступавший застрельщиком совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа подать в отставку. Книга «На перекрестке трех стратегий» является убедительным ответом тем западным историкам, которые сейчас задним числом дают советы, как должно было вести себя Советское правительство в те суровые годы.

Пакт о ненападении был договором о поддержании мира между двумя странами. Мудрый шаг Советского правительства явился серьезным ударом по мюнхенской политике правительств Англии, Франции и США. Подписание пакта с Советским Союзом вызвало сильнейшее недовольство сил реакции, делавших ставку на немедленную войну против СССР. Особенно беспокоила самых твердолобых гитлеровцев возможность влияния пакта на настроения в широких массах немцев. Как отмечал в своем дневнике начальник генерального штаба германской армии генерал Гальдер, Гитлер во время совещания признал, что «пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Это пакт с сатаной, – заявил он, – чтобы изгнать дьявола». Он же требовал разъяснения для членов фашистской партии, что пакт является временной мерой и не меняет враждебного отношения к СССР.

Для советской дипломатии был очень актуален вывод В.И. Ленина, сделанный им в 1918 году: «Все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира».

Внешнеполитическая победа стратегии Советского Союза была закономерна. СССР с позиций марксистско-ленинской науки подходил к оценке экономических и социально-политических реальностей и потребностей развития международных отношений.

«История, – говорил Л.И. Брежнев, – жестоко наказала «умиротворителей», которые отвергли все предложения Советского правительства о коллективном отпоре фашистским агрессорам. Вопреки прогнозам и надеждам, господствовавшим тогда в Лондоне, Париже и Вашингтоне, фашистская Германия начала Вторую мировую войну нападением не на СССР, а на капиталистические страны Европы». Говоря о книге «На перекрестке трех стратегий», к сожалению, нельзя обойтись без замечаний. Первые две главы, повествующие о предыстории вопроса, несколько затянуты, перегружены второстепенным материалом. Их так и хочется скорее перелистать, чтобы перейти к сути интереснейшего исторического сюжета. Жаль, что нет карт, пояснений справочного характера. Но особенно обидно за ряд фактических погрешностей. Не «Дранх нах Остен», а «дранг», не Габино, а Гобино, не Гамолен, а Гамелен, не фон Ломберг, а фон Бломберг, по-русски принято писать не «форан-офис», а «Форин Оффис» и т.д. Этот упрек нужно адресовать вместе с автором и издательству.

Книга Игоря Андросова представляет несомненный интерес для широкого круга читателей. Воспитание интереса к отечественной и мировой истории, гордости за свою Советскую Родину, за советский народ – это важнейшие средства на пути к формированию патриотического мировоззрения у каждого советского человека. Книга вносит свой вклад в это важнейшее дело.

С. Семанов
«Молодая гвардия», 1981, № 2

Документ № 7
Пресечь враждебные проявления «Русизма»

Одной из форм борьбы за права человека являлось русское национальное движение, возродившееся как нормальный русский патриотизм в годы войны с фашистской Германией. Годы «оттепели» способствовали необратимым изменениям в общественной и духовной жизни. Возникает интерес к трудам дореволюционных историков – Н.М. Карамзина, В.Н. Татищева, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, а также к произведениям русских философов – дореволюционных и эмигрантов – В. Соловьева, Н. Бердяева, В. Франка, И. Ильина, Г. Федотова и др. Все это способствовало созданию в 1964 г. на национально-православной основе тайной организации – «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа» (ВСХСОН), в которую вошли несколько студентов Ленинградского университета. Во главе ее встал Игорь Огурцов. К моменту ликвидации организации в ней насчитывалось 26 человек. Из материалов следствия члены организации узнали, что их раскрытию способствовал донос одного из ее участников – Александра Педона.

Объединительным центром русского национального направления в начале 1970-х годов был журнал «Вече», редактором которого стал Владимир Осипов, историк по образованию, один из зачинателей поэтических чтений на площади Маяковского в Москве. Осиповым было отредактировано девять выпусков журнала, но разногласия среди сотрудников «Веча» привели Осипова к сложению полномочий редактора. В декабре 1974 г. он был арестован. В качестве свидетелей на суде выступали члены редколлегии журнала. В. Осипов получил 8 лет строгого режима.

Но русское национальное движение привлекало все новых сторонников, о чем свидетельствуют публикуемые документы.

№ 1

Записка КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС

о суде над членами «Всероссийского социал-христианскогосоюза освобождения народа»[2]

16 апреля 1968 г.
Секретно

ЦК КПСС

В декабре 1967 года Ленинградским городским судом к различным срокам лишения свободы были осуждены главари антисоветской организации, именовавшей себя «Всероссийским социал-христианским союзом освобождения народа» (сокращенно «ВСХСОН»), ОГУРЦОВ И.В., ВАГИН Е.А., САДО М.Ю. и АВЕРИЧКИН Б.А.

С 14 марта по 5 апреля с. г. в г. Ленинграде проходил судебный процесс над остальными семнадцатью участниками этой организации.

К уголовной ответственности были привлечены: ПЛАТОНОВ В.М., 1941 года рождения, член ВЛКСМ, ассистент кафедры африканистики восточного факультета Ленинградского государственного университета; ИВАНОВ Н.В., 1937 года рождения, беспартийный, ассистент кафедры истории искусства исторического факультета Ленинградского государственного университета; УСТИНОВИЧ С.С., 1938 года рождения, беспартийный, инженер Ленинградского центрального проектно-конструкторского бюро; БОЧЕВАРОВ Г.Н., 1935 года рождения, беспартийный, старший конструктор Центрального конструкторского бюро «Строймаш»; КОНОСОВ М.Б., 1937 года рождения, беспартийный, дежурный слесарь аварийной службы управления «Ленгаза», БУЗИН Ю. С, 1936 года рождения, беспартийный, старший инженер Центрального научно-исследовательского института топливной аппаратуры; МИКЛАШЕВИЧ А.А., 1935 года рождения, беспартийный, старший инженер Центрального научно-исследовательского института топливной аппаратуры; НАГОРНЫЙ В.И., 1943 года рождения, член ВЛКСМ, инженер Ленинградского института точной механики; ЗАБАК О.П., 1941 года рождения, член ВЛКСМ, техник Ленинградского института точной механики и оптики; БАРАНОВ Ю.П., 1938 года рождения, беспартийный, инженер-электрик I Ленинградского медицинского института; ШУВАЛОВ О.Н., 1938 года рождения, беспартийный, механик Ленинградского института точной механики и оптики; СУДАРЕВ А.И., 1939 года рождения, беспартийный, инспектор Ленинградского отделения «Интуриста»; ИВЛЕВ А.Г., 1938 года рождения, беспартийный, старший инженер Всесоюзного научно-исследовательского института нефтехимических процессов; а также выпускники ленинградских вузов БОРОДИН Л.И., 1938 года рождения, беспартийный; ИВОЙЛОВ В.Ф., 1939 года рождения, беспартийный; ВЕРЕТЕНОВ В.Ф., 1936 года рождения, беспартийный, и КОНСТАНТИНОВ С.В., 1943 года рождения, член ВЛКСМ, работавший к моменту ареста в различных городах

нашей страны…

Суд приговорил: ПЛАТОНОВА В.М. к 7 годам лишения свободы, ИВАНОВА Н.В., ИВОЙЛОВА В.Ф., БОРОДИНА Л.И. к 6 годам лишения свободы каждого, КОНОСОВА М.Б. к 4 годам лишения свободы, УСТИНОВИЧА С.С. к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы, БУЗИНА Ю.С., БАРАНОВА Ю.П., НАГОРНОГО В.И., МИКЛАШЕВИЧА А.А. к 3 годам лишения свободы каждого, БОЧЕВАРОВА Г.Н., ВЕРЕТЕНОВА В.Ф. к 2 годам и 6 месяцам лишения свободы каждого, ИВЛЕВА А.Г., СУДАРЕВА А.И. к 2 годам лишения свободы каждого, ЗАБАКА О.П., ШУВАЛОВА О.Н. к 1 году лишения свободы каждого и КОНСТАНТИНОВА С.В. к 10 месяцам лишения свободы. С зачетом срока предварительного следствия ЗАБАК, ШУВАЛОВ и КОНСТАНТИНОВ из-под стражи освобождены.

Приговор был воспринят присутствовавшими в зале с одобрением.

Данные о практической враждебной деятельности участников «ВСХСОН» в ходе судебного процесса не получили широкой огласки. Отдельные слухи о нем, распространившиеся за рубежом, являлись домыслами буржуазных корреспондентов, которые, вследствие продвинутой заранее через возможности Комитета госбезопасности в западную прессу выгодной для нашей страны информации, не имели сенсационного значения.

В период судебного разбирательства как в зале суда, так и в городе Ленинграде никаких эксцессов не было.

Управлением Комитета госбезопасности по Ленинградской области совместно с общественными организациями города проводится необходимая работа по предупреждению возможных нежелательных проявлений. [3]

Председатель
Комитета Госбезопасности
АНДРОПОВ

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 247. Л. 22-25. Подлинник.

№ 2

Записка КГБ СССР в ЦК КПСС
об антисоветской деятельности Иванова А.М. и Семанова С.Н.

28 марта 1981 г.
Совершенно секретно

ЦК КПСС

Краткое содержание. Отдельные представители интеллигенции, прикрываясь заботой о сохранении русских национальных традиций, занимаются активной антисоветской деятельностью. В этой связи Комитетом госбезопасности принято решение о привлечении к уголовной ответственности Иванова А.М. и пресечении враждебной деятельности связанных с ним лиц.

В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя «русистами». Под лозунгом защиты русских национальных традиций они по существу занимаются активной антисоветской деятельностью. Развитие этой тенденции активно подстрекается и поощряется зарубежными идеологическими центрами, антисоветскими эмигрантскими организациями и буржуазными средствами массовой информации. Спецслужбы противника усматривают в ней дополнительную возможность для подрывного проникновения в советское общество.

Серьезное внимание этой среде уделяют официальные представительства капиталистических государств в СССР. Заметную активность, в частности, проявляют посольства США, Италии, ФРГ, Канады. Их сотрудники стремятся иметь контакты среди так называемых «русистов» с целью получения интересующей информации и выявления лиц, которых можно было бы использовать во враждебной деятельности.

Согласно документальным данным, противник рассматривает этих лиц как силу, способную оживить антиобщественную деятельность в Советском Союзе на новой основе. Подчеркивается при этом, что указанная деятельность имеет место в иной, более важной среде, нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя в глазах общественного мнения так называемые «правозащитники».

Изучение обстановки среди «русистов» показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организационную форму.

Опасность прежде всего состоит в том, что «русизмом», т.е. демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за «спасение русской нации», прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя.

Еще в 1968 году в Ленинграде были осуждены стоявшие на позициях «русизма» Огурцов, Вагин и другие участники

нелегальной антисоветской организации, которые готовили вооруженное свержение Советской власти и установление в стране так называемого «социал-христианского режима».

В 1975 году к уголовной ответственности был привлечен Осипов, который в нелегально издаваемых им журналах протаскивал «русистские» идеи, содержавшие в конечном итоге призыв к изменению существующего в нашей стране государственного строя.

В настоящее время в поле зрения органов госбезопасности находится житель г. Москвы, старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института оборудования для печатных изданий Иванов А.М. Он неоднократно допускал высказывания террористического характера, активно проводил антисоветскую агитацию, пытался создать враждебную группу для распространения листовок, за что дважды привлекался к уголовной ответственности. В обоих случаях он признавался невменяемым и по определению суда направлялся на принудительное лечение. Являясь единомышленником упомянутого выше Осипова, Иванов активно сотрудничал в нелегально издаваемых им антисоветских журналах. После осуждения Осипова он сам активно занимается нелегальным изготовлением и распространением антисоветских материалов. Он, в частности, является автором пасквилей «Логика кошмара» и «Рыцарь неясного образа», изображающих историю КПСС и Советского государства как «непрерывную цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществленных людьми, мечтавшими только о сохранении своей личной власти», и возводящих клевету на видных деятелей партии и Советского государства…

Иванов слывет «борцом за русское дело», что обеспечивает ему свободный доступ в дома творческой интеллигенции, в частности художника Глазунова.

К «русистам» причисляют себя и разного рода карьеристы и неудачники, отдельные из которых нередко скатываются на путь антисоветской деятельности. Прикрываясь демагогическими рассуждениями «о защите русской истории и культуры», они заявляют «о перерождении Советской власти, об отрыве партии от масс, об отсутствии противодействия сионистским тенденциям и в конечном счете неспособности нынешней государственной структуры управлять политическими, социальными и общественными процессами». Некоторые носители подобных взглядов берут под сомнение даже сам факт исторической необходимости Великого Октября.

Ранее ЦК КПСС докладывалось… о деле члена КПСС

Рыжикова, сотрудника редакции журнала «Человек и закон». Он был установлен как автор ряда документов, в которых с позиций защиты русских традиций по существу выдвигалось требование чистки аппарата ЦК КПСС, якобы засоренного сионистами и им сочувствующими.

В настоящее время главный редактор журнала «Человек и закон», член КПСС Семанов С.Н. в своем окружении распространяет клеветнические измышления о проводимой КПСС и Советским правительством внутренней и внешней политике, допускает злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства. По оперативным данным, он пропагандирует необходимость борьбы с государственной властью и заявляет, что кончился «период мирного завоевания душ. Наступает революционный период… Надо переходить к революционным методам борьбы… Если мы не будем сами сопротивляться, пропадем». Вокруг Семанова группируются лица, которые либо разделяют его взгляды, либо не дают ему по разным причинам достойного отпора.

В связи с изложенным представляется необходимым пресечь указанные враждебные проявления с тем, чтобы предупредить нежелательные процессы, которые могут возникнуть в результате деятельности антисоветских элементов, прикрываемой идеями «русизма».

Учитывая эти обстоятельства, Комитет госбезопасности имеет в виду привлечь к уголовной ответственности Иванова А.М. Что касается Семанова, то представляется необходимым рассмотреть вопрос об освобождении его от должности главного редактора журнала «Человек и закон». Решение о его уголовной ответственности будет принято в зависимости от хода следствия по делу Иванова. Одновременно предполагается осуществить профилактические мероприятия в отношении их единомышленников, не склонных к разоружению, и лиц заблуждающихся.

Сообщается в порядке информации». [4]

Председатель Комитета
Ю. АНДРОПОВ

ЦХСД. Ф.5. Оп.84. Д.1011. Л. 31-35. Подлинник.

№3
Записка отдела административных органов ЦК КПСС об освобождении С.Н. Семанова от занимаемой

должности

22 апреля 1981 г.

Секретно

ЦК КПСС

С согласия Отделов пропаганды и административных органов ЦК КПСС Семанов С.Н., допускавший серьезные ошибки в работе, приказом Министра юстиции СССР № 120/к от 17 апреля 1981 года освобожден от обязанностей главного редактора журнала «Человек и закон». [5]

Зам. зав.
Отделом административных органов
ЦК КПСС
В. ГЛАДЫШЕВ

ЦХСД. Ф.5. Оп.84. Д.1011. Л.36. Подлинник.

№4
Записка КГБ СССР в ЦК КПСС
об антисоветской деятельности С.Н. Семанова

[К документу приложены три справки:

1. Резолюция: «Тов. Ермолаевой К. Г.*4* Просьба ознакомить секретарей ЦК КПСС (Указание тов. Боголюбова К. М.*5* . А С. Аветисян. 5 августа 1981 г.».

2. Резолюция: «Ознакомить секретарей ЦК КПСС + тт. Савинкина, Тяжельникова*6* ».

3. Резолюция: «Ознакомить секретарей ЦК КПСС. Капитонова И.В. – прошу переговорить со мной. Андропов. 6 августа 1981 г.».

Помета: «Т. Смольскому П.А.*7* (лично) согласно договоренности. И. Капитонов. 9 августа 1981 г.». Документ завизировали: А.П. Кириленко, К.В. Русаков, М.С. Горбачев, В.И. Другов*8* , Е.М. Тяжельников, П.А. Смольский.]

4 августа 1982 г.

Секретно

Комитетом государственной безопасности СССР в 1981 году по признакам ч. 1 ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) было возбуждено уголовное дело в отношении

Иванова А.М. (ЦК КПСС информирован [6]).

На предварительном следствии и в судебном заседании Иванов, признав себя виновным в систематическом изготовлении и распространении сочинений, содержащих клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, показал, что отдельные враждебные действия им совершены в результате подстрекательства со стороны члена КПСС Семанова С.Н. [7]

В ходе расследования уголовного дела на Иванова Семанов допрашивался в качестве свидетеля, однако вел себя неискренне, изворачивался, пытался уклониться от дачи правдивых показаний, но под давлением неопровержимых улик вынужден был признать, что действительно приобретал у Иванова за деньги указанный антисоветский сборник [8]. Другие компрометирующие его факты… Семанов отрицал. В суд он не явился, заручившись справкой о болезни.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда 24 июня 1982 года вынесла частное определение в отношении недостойного поведения Семанова и постановила направить это частное определение в Московское отделение Союза писателей РСФСР для принятия мер.

О недопустимости антиобщественного поведения Семанов в июле 1981 года предупреждался также Комитетом госбезопасности СССР. Ему было предложено прекратить провокационную обработку отдельных представителей творческой интеллигенции, которым он внушал идею якобы назревшей необходимости создания всякого рода «самочинных комитетов общественности» по борьбе с коррупцией и воровством.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета
В. ФЕДОРЧУК

ЦХСД. Ф.5. Оп. 84. Д.1011. Л. 40—41. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Цуканов Г.Э. – помощник Генерального секретаря ЦК КПСС.
2. Карпещенко Е.Д. – начальник секретариата КГБ СССР.
3. Аветисян СП. – зам. зав. общим отделом ЦК КПСС.
4. Ермолаева К.Г. – зав. сектором общего отдела ЦК КПСС.
5. Боголюбов К.М. – первый зам. зав. общим отделом ЦК КПСС, с 1982 г. зав. общим отделом ЦК КПСС.

6. Савинкин Н.И. – зав. отделом административных органон ЦК КПСС, член ЦК КПСС; Тяжельников Е.М. – зав. отделом пропаганды ЦК КПСС.

7. Смольский П.А. – зам. зав. отделом оргпартработы ЦК КПСС.

8. Другов В.И. – первый зам. зав. отделом административных органов ЦК КПСС.

Публикация Зои Водопьяновой, Тамары Домрачевой, Гаэля Муллека

Документ № 8
Современное обличье старого врага

В советской науке история борьбы с теорией и практикой троцкизма подразделяется на три основных периода. В 1903—1917 годах троцкизм противостоял марксизму-ленинизму, будучи разновидностью международного меньшевизма; в 1917—1927 годах он уже действовал как оппортунистическое течение внутри нашей и ряда других коммунистических партий. Наконец, с начала тридцатых годов троцкизм превращается из внутрипартийного в открыто антикоммунистическое течение; сегодня его сторонники выступают в союзе с силами самой махровой реакции, занимают откровенно антисоветские позиции, по существу смыкаясь с силами международного империализма и сионизма. Последнему, наименее изученному периоду и посвящена новая работа М.И. Басманова.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» подчеркивается необходимость «своевременно давать достойный отпор идеологическим диверсиям империализма и его приспешников. Вести последовательную борьбу против любых форм оппортунизма и ревизионизма». Недостаток фактического материала в пропагандистской, воспитательной работе подобен недостатку снарядов во время боя. В житейской практике слова «убежденность» и «вера» иногда воспринимаются как одно и то же. Однако различительная грань между ними есть, и весьма четкая. Вера основывается на слепом поклонении, почитании без глубокого осмысления. Большевистская убежденность предполагает опору на изучение всех фактов истории, на научные знания, и притом не только книжные, вопросов марксистско-ленинской теории и практики, социалистического и коммунистического строительства. С таким оружием коммунисты непобедимы.

Поэтому столь ценна книга, где подробно рассматривается, как Троцкий «развивал» в 30-е годы свою «теорию перманентной революции», подробно излагается деятельность троцкистского «IV Интернационала», вскрываются причины некоторого оживления троцкизма в 60-е и 70-е годы. Показано отношение троцкистов к реальному социализму, коммунистическому, рабочему и национально-освободительному движению, к борьбе за мир и разоружение. Особое место в книге отведено деятельности троцкистов накануне и в годы Второй мировой войны, для оценки

которой слово «предательская» звучит слишком мягко.

Коммунистам всегда было чуждо искусственное противопоставление национальному интернационального. «—… *Подлинно* национальные идеи… – говорил Ф. Энгельс, – в то же время всегда являются и подлинно интернациональными идеями».

Нельзя быть последовательным интернационалистом, пренебрегая интересами своего народа. В.И. Ленин писал: «Интернационализм на деле – один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы,* такой же линии, и *только ее одной,* во *всех* без исключения странах».

«Космополитизм в «теории» Троцкого, – отмечает М.И. Басманов, – проявился прежде всего в изображении такого развития мировых революционных событий, когда ни один национальный отряд международного рабочего класса не может рассчитывать на успешный исход своей борьбы». «Сохранение пролетарской революции в национальных рамках может быть только временным», – писал Троцкий в книге «Перманентная революция». За многие годы своего существования троцкизм не выдвинул ни одной положительной программы государственного строительства. Неприязнь к государству использовалась и используется троцкистами для доказательства, что они «выше национальных программ» и что «необходимо мыслить общемировыми или же общеевропейскими категориями…». Свой антисоветизм троцкисты подкрепляют тезисом о невозможности строительства социализма в одной стране. «Завершение социалистической революции в национальных рамках немыслимо», – писал Троцкий в 1930 году. Через два года он добавляет: «Завоевание власти немецким и европейским пролетариатом есть задача более реальная и близкая, чем построение замкнутого и самодовлеющего общества в границах СССР».

В 30-е годы в Европе поднимает голову и рвется к власти фашизм. Интересы рабочего класса, всех трудящихся требуют укрепления единства, совместных действий в борьбе с фашизмом, троцкисты проповедуют неизбежность превращения буржуазной демократии в фашизм. Более того. В 1938 году Троцкий проповедует: «Программа защиты демократии в развитых странах является реакционной программой». Он допускал возможность ведения борьбы за демократию лишь в колониальных странах.

Троцкисты мешали объединению антифашистских сил, созданию Народного фронта. Троцкий провокационно заявлял:

«Народные фронты, с одной стороны, фашизм – с другой являются последними политическими ресурсами империализма в борьбе против пролетарской революции». Совершенно очевидно, кому это было на руку. Буржуазные противники Народного фронта запугивали непролетарские слои «красной опасностью». Троцкий же вел атаку с псевдолевых позиций, обвиняя коммунистов в «отказе от революционной программы действий», призывал к «немедленному установлению диктатуры пролетариата». Ультралевая фраза помогала фашизму, отпугивала непролетарские слои нелепым ультиматумом «коммунизм или фашизм». Ведь именно под шумиху борьбы с «коммунистической опасностью» фашизм душил революционное движение.

Троцкий заботился о пополнении своего идеологического багажа. Он рекомендовал, например, своим сторонникам «идти на учебу» к фашизму, призывал штудировать книгу Гитлера «Моя борьба», речи Муссолини, а также применять использовавшиеся фашистами методы срыва и разгона рабочих собраний «в целях закаливания кадров».

В 1937—1938 гг. Троцкий ратовал за то, чтобы «брать уроки» у иезуитов, которых он превозносил за «агрессивность и воинствующую организованность». Гитлер со своей стороны также проявлял интерес к троцкистской публицистике и говорил, что «многому научился у Троцкого». Иному читателю покажется подобное чем-то невероятным, но это так и было в действительной политической жизни. Тем и сильна книга М.И. Басманова, что в ней приведен необычайно богатый фактический материал.

Антинародная сущность троцкизма всегда проявлялась в полном пренебрежении к интересам трудящихся. Звучит дико, но бедствия и тяготы народных масс вызывали… радость у приверженцев Льва Троцкого. Еще в речи на IX съезде партии он провозгласил: «Разруха, уничтожавшая и разбивавшая все на своем пути, вместе с тем очищала путь для нового строительства…».

Троцкий открыто объявлял себя сторонником «революционной агрессивности», требовал, чтобы страна победившего пролетариата несла на «красных штыках» революцию в другие страны. Свою ориентацию на «революционную войну» Советской России с международным капитализмом Троцкий не раз пытался подкреплять практическими действиями. Так, в 1919 году он рекомендовал направить 30—40 тысяч всадников в Индию, чтобы «дать прямой толчок восстанию угнетенных масс»… Ленинская партия,

разумеется, отвергла эту авантюру.

После высылки Троцкого из СССР происходит примечательное преобразование его взглядов по вопросам войны. Теперь он из ультравоинственного демагога превращается в… пораженца! Он пророчествует, что война, в которую будет неизбежно втянут Советский Союз, завершится его гибелью. «Можем ли мы, – писал Троцкий, – ожидать, что Советский Союз выйдет из предстоящей великой войны без поражения? На этот откровенно поставленный вопрос мы ответим так же откровенно. Если война останется только войной, поражение Советского Союза неизбежно. В техническом, экономическом и военном отношении империализм несравненно сильнее. Если он не будет парализован революцией на Западе, то он сметет социальный строй, рожденный Октябрьской революцией».

Кровью более 20 миллионов своих сынов и дочерей заплатил советский народ за Победу, равной которой по значимости в истории не было. Мир был спасен от реальной угрозы фашистского закабаления. Мир радовался победе.

Но в одном лагере с недобитыми нацистами оказались троцкисты. Кощунственно оскорбляя память погибших, американский троцкист Шахтман и его сторонники заявили, что жертвы были напрасными, а результаты войны не те, которых следовало ожидать. Шахтман заявил даже, что после войны на смену фашистскому рабству пришло «новое рабство», еще более тяжкое.

Закономерно возникает вопрос: каковы же стратегические цели троцкистов, какова их «конечная цель»? Каково «идеальное социалистическое общество» по их представлениям? Нет, не случайно сами они говорят об этом предельно расплывчато, сознательно размывая понятия, а чаще просто предпочитают помалкивать.

Цель марксистов-ленинцев – создание общества социальной справедливости, в котором наиболее полно удовлетворяются растущие материальные и духовные потребности трудящихся. Троцкизм же является теорией и практикой элитарной. Править обществом якобы во имя народа должна троцкистская элита «избранных». А народные массы – это «муравьи революции», как писал сам Л.Д. Троцкий (Бронштейн). Их удел – жить в рамках казарменного общества, быть послушными, беспрекословно подчиняться и, не пикнув, умирать за «великие идеи». Троцкизм опасен, коварен, многолик. Он легко меняет маски, легко приспосабливается, лавирует, маскируется.

Уже давно международная плутократия поняла, что наилучшая тактика борьбы с социализмом – использование

мелкобуржуазных движений и сил махровой реакции, прикрывающихся социалистскими вывесками и словесной шелухой. Гитлеровцы ведь тоже называли свою партию «социалистической». А сегодня в Италии активно действуют организации, занимающиеся убийствами прогрессивных политических деятелей, и среди них – «красные бригады» («красные»!).

Режим Амина в Афганистане «упразднял» религию, уничтожал духовенство, осквернял мечети (и это в стране, где более 90 процентов населения – верующие) – под прикрытием фраз о воинствующем материалистическом атеизме!

В Кампучии «красные кхмеры» (опять «красные»!), следуя установкам Мао, вырезали более трех миллионов населения своей страны, создавая «новое общество».

В Китае уже многие годы существует элитарная военно-бюрократическая клика. Люди, шумно клянущиеся в своей верности марксизму, ничего принципиально общего с ним не имеют.

Вспомним слова В.И. Ленина: «Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т.п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»… В политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому выгодны* эти взгляды, эти предложения, эти меры».

Книга «В обозе реакции» окажет большую помощь пропагандистам, студентам, историкам, слушателям системы партийной и комсомольской учебы – всем, кто интересуется вопросами истории, современной политики и идеологической борьбы. Она поможет овладеть богатейшим фактическим материалом. А это необходимо, чтобы вести наступательную борьбу с классовыми врагами, решать величественные задачи строительства нового общества.

С. Семанов
«Наш современник», 1981, № 7

Документ № 9
История и сплетня

В этом романе много, даже слишком много разговоров. Диалоги занимают чуть ли не половину текста. Вот три кратких отрывка, взятые наугад:

«—Что скажете, Иван Павлович?..

– Отлично, Антон Иванович!»

«– У нас совсем нет средств, Александр Васильевич?

– Надежды на новый заем слабы, Петр Николаевич».

«– Но кто его купит здесь, в Крыму, Андрюша?

– У меня миллиончиков двенадцать, поделимся по-братски. А, Владимир Зенонович?»

Назовем имена собеседников: Иван Павлович – белогвардейский генерал Романовский; Антон Иванович – генерал Деникин, его не надо представлять; Александр Васильевич – это Кривошеин, сподвижник Столыпина, а потом «премьер-министр» у Врангеля; Петр Николаевич – сам Врангель, тоже хорошо известный; Андрюша – пресловутый генерал-бандит Шкуро и, наконец, Владимир Зенонович – генерал Май-Маевский, бывший руководитель «Добровольческой армии».

Прямо скажем, роман Марка Еленина «Семь смертных грехов» необычен по составу действующих лиц. Тут представлены едва ли не все деятели белогвардейского движения. И представлены с немалыми подробностями. Автор скрупулезно, со вниманием к частностям, излагает биографии не только хорошо известных читателям Деникина и Врангеля, но и их сподвижников – генералов Слащева, Кутепова, Маркова, Туркула, Шатилова, полковника Нежинцева – знаменитейшего корниловца – и многих, многих иных из того же крута.

В последние годы заметно растет интерес к отечественной истории – как среди читателей, так и среди литераторов. Немыслимыми ранее тиражами расходятся мемуарные, эпистолярные, документальные и другие сочинения, посвященные самым разнообразным темам и эпохам. Значительны достижения в классических жанрах художественного освоения прошлого – историческом романе, повести.

В русской классике и лучших образцах советской литературы история – давняя и недавняя – постигалась прежде всего через изображение народной жизни во всей ее полноте. Эта традиция идет от Пушкина через Льва Толстого к Шолохову, а затем и к лучшим произведениям последних лет. В центре внимания

русской классики всегда стоял народ в его сердцевинной сути – неважно, выступал ли он в виде прохожего человека в заячьем тулупчике на обочине дороги или в качестве главных героев «Тихого Дона». Обращаясь к прошлому, русские классики, а также современные писатели, пытающиеся продолжить их уроки, как бы запрашивают историю о настоящем и будущем своего народа, всего мира.

Вне сомнений, некоторым авторам история представляется совсем иначе, прежде всего как верхушечные интриги, определяющие судьбы громадного большинства людей. Тут тоже есть приметные и характерные ориентиры – «Королева Марго», например…

Марк Еленин обращается к четко определенному – и хронологически, и социально – сюжету: агония Белого движения в Крыму с весны по ноябрь 1920 года, действующие лица – генералы, князья, статские и иные советники, бароны, гвардейские офицеры и т.п. Плохо это или хорошо с точки зрения глубинного постижения истории? Того самого периода истории, которым ограничил себя автор? Ни хорошо, ни плохо, важен итог: насколько виден за всем этим глубинный смысл великой революции.

Самое время напомнить: понятие народности есть не паспортная принадлежность героя. Всем известна знаменитая сцена из «Войны и мира», когда молодая «графинюшка», воспитанная эмигранткой-француженкой, вдруг начинает русскую пляску – да так, что все (и автор романа тоже!) изумляются: откуда, мол, взялось? А оттуда, из народных корней. Значит, не в анкете дело.

Припоминается, с другой стороны, и нечто тоже давно-давно знакомое. «Негодная, – воскликнул виконт, бросая к ногам маркизы кошелек с золотом. – О, я не могу вас пронзить шпагой, тысяча чертей, но вы – исчадие ада», и т.д. Прямо скажем, на иного читателя все это действует впечатляюще: виконт, коварная маркиза, кошелек с золотом, шпага, целая тысяча чертей, наконец, ад кромешный – и все это в одной фразе! Интересно ведь, ибо ни виконтов, ни кошельков с золотом обыденный читатель в жизни своей не видывал. А ну-ка, дальше там что, как…

Иной читатель страсть как обожает такого рода литературу. Появился такой читатель не сегодня. Вспомним горьковскую Настю из пьесы «На дне», представительницу весьма своеобразного рода занятий. Она тоже ведь любила читать «Роковую любовь», где пылал страстью «незабвенный друг мой Рауль». И действительно, не заманчиво ли следить

незатрудненным мысленным взором за виконтами, маркизами, гофмаршалами, группенфюрерами – как их там еще…

Да, имеется еще немалый спрос на литературу «из жизни виконтов». Читатель-обыватель любит следить за головоломными интригами коварных властителей, манипуляциями с толстенными пачками денег, переходящими из рук в руки, умопомрачительными соблазнительницами, немыслимыми злодеями.

Книга Марка Еленина – как раз о злодеях.

Да, сколь ни удивительно для нашей литературы, но это так, ибо за редчайшими исключениями все действующие лица повествования предстают в самых мрачных и мерзостных красках. Бесчисленные генералы, бароны, гвардейцы и прочая, и прочая – все до одного предатели, интриганы, двурушники, подлецы, пьяницы, лихоимцы и т.п., лишенные всех человеческих, даже простейших, самых обыденно-житейских чувств и мыслей. Если один персонаж что-то обещает другому, то тут же следует авторская подсказка: обманывает. Если говорят о любви, значит, ненавидят, о бескорыстии – значит, замышляют какой-то гешефт, если мечтают, то о чем-то грязном и корыстном. И так последовательно во всем произведении – настойчиво, целенаправленно.

Почти все герои романа – подлинно существовавшие лица, и о каждом из них рассказывается какой-нибудь анекдот или сплетня. И оказывается в итоге, что белогвардейские генералы и полковники воюют не столько с красными, сколько злоумышляют друг против друга. С особым тщанием описываются всякого рода финансовые аферы, эта мало знакомая современному читателю область «деятельности» раскрывается обстоятельно и с вниманием к подробностям.

В повествовании превеликое множество всякого рода зверских сцен. Убийства, грабежи, изнасилования, пьяные оргии, сумасбродства наркоманов, перестрелки и драки обезумевших и потерявших человеческий облик существ. С особым пристрастием к такого типа подробностям описаны ужасы белой эвакуации из Крыма.

Переполненные палубы, давка и теснота, старики и старухи под осенним дождем, отчаяние и припадки, а также всякого рода скверности и низости (православный священник спит в трюме с девкой и ругается с паствой и т.п.). Тут чувствуется даже какое-то сладострастие – в живописании чужих страданий и слез. Подобное равнодушие к людскому горю – пусть даже к людям, лишенным авторского сочувствия, – граничит с нравственной жесткостью, идущей вразрез с традициями нашей литературы. Где

же тут заинтересованное желание понять, осмыслить, научиться чему-то хотя бы из чужого и ложного опыта?..

Рассмотрим теперь историческую, фактическую подоснову этого повествования. Нельзя не признать: автор изучил обширный круг литературы по своей теме. Кстати говоря, круг этот необычайно велик. Оказавшись не у дел, в эмиграции, огромное множество бывших белых – от «вождей» до самых рядовых капитанов и поручиков – написали свои воспоминания. Они достаточно известны в научной литературе. Мемуаристика эта носила крайне пристрастный, нервный характер. Сводились личные счеты, продолжались взаимные обвинения, наносились печатные оскорбления друг другу, выплескивалось наружу все порочащее противников (нередко и придуманное). В этом обилии взаимных обвинений и просто дрязг в избытке можно отыскать всякого рода злачный, а то и пикантный материалец.

Некоторые сцены в романе точно изложены по воспоминаниям А.И. Деникина «Очерки русской смуты» (убийство генерала Романовского в Константинополе и др.). Много почерпнуто из «Записок» П.Н. Врангеля, часто идет прямой пересказ этих воспоминаний, названных в романе почему-то «дневником». Используются и даже перелагаются целые эпизоды из многих иных, гораздо менее известных произведений белогвардейской мемуаристики. Например, биография последнего командира дроздовской дивизии А.В. Туркула излагается по его книге «Дроздовцы в огне» (Белград, 1937), а некоторые подробности из истории «героев» марковской дивизии – по двухтомнику «Марковцы в боях и походах за Россию» (Париж, 1962, 1964). Сообщаются даже некоторые подробности из воспоминаний матери генерала Врангеля, опубликованных И.В. Гессеном в 20-х годах в Берлине [9]. Широко использованы и воспоминания Александра Вертинского, опубликованные уже в Советском Союзе (например, многие сцены с генералом Слащевым), хотя сам Вертинский, пробывший всю врангелевскую эпопею в Крыму, в романе не упомянут.

Словом, литературные источники использованы многочисленные, хотя дело не обошлось и без ошибок. Назовем лишь некоторые. Известный А.В. Кривошеин был не «министром земледелия», а главноуправляющим главного управления землеустройства и земледелия – это ведомство получило статус министерства уже после уход Кривошеина (26 октября 1915 года). Один из героев сделался действительным статским советником и тем самым почти догнал по чинам своего отца генерал-майора, говорится в авторском тексте; «почти» тут совершенно излишне и свидетельствует о неуверенности автора в предмете: названный

гражданский чин по Табели о рангах точно соответствовал генерал-майору. Деникина дразнили не «царь Антон», а «царь Андрон», об этом много писалось у нас в 20-х годах, например М.Н. Покровским. На Крым (по-тогдашнему – Таврическую губернию) не распространялась власть гетмана Скоропадского. Петербургский институт горных инженеров почему-то называется «привилегированным» и т.д.

Итак, автором за источник взяты белогвардейские мемуары. Источник, что и говорить, своеобразный, переполненный ненавистью, истерией и проклятиями. Если строить повествование на этом материале, то действие неизбежно замкнется в пределах белогвардейской верхушки, – именно этот круг и очерчен в названных мемуарных источниках. Ну а что за его пределами? Как жили и о чем думали в ту пору рабочие севастопольских заводов? Крестьяне, батраки и скотоводы Крыма? Об этом в романе нет даже намека.

«Народ» представлен только в лице денщиков или домашней прислуги – и все они тоже, как на подбор, жадные, злые, туповатые и подловатые. Солдаты, казаки и младшие офицеры (негвардейцы и добровольцы), которые и составляли преобладающую часть врангелевской армии, не показаны совсем, если не считать «массовых» сцен мародерства или потасовок. А ведь множество из этих людей, если не большинство, были втянуты в дело белых по воле случая, порой случая несчастного (вспомним не только Григория Мелехова – ведь и Михаилу Кошевому пришлось полгода провоевать в армии атамана Краснова).

О том, что происходило за пределами белогвардейского Крыма, сообщается лишь в нескольких абзацах справочного характера. Например, о знаменитейшей битве под Каховкой, где прославили свои имена будущие маршалы Советского Союза В.К. Блюхер и Л.А. Говоров, а также о назначении М.В. Фрунзе на Южный фронт и важнейших планах советского руководства – обо всем этом в совокупности говорится в 17 (семнадцати) строках журнального текста.

Да, разумеется, нельзя упрекать произведение за то, чего в нем нет. Не привлекло, стало быть, внимание автора, и все тут. На нет и суда нет. Значит, цель была поставлена именно такая: показать разложение белогвардейщины и тем самым – ее историческую обреченность. Против этого трудно возражать. И разложение, и обреченность – очевидные исторические факты. Но перед нами все же не дневник очевидца, а попытка создания художественного произведения, тут и спрос иной. Разложение разложением, но к чему смаковать грязь и кровь, размазывать все

это в трех журнальных книгах? Какая же тут может быть задача и цель?

Обреченность белогвардейщины – тема далеко не новая в советской литературе и искусстве. Память сразу же подскажет имена Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Михаила Булгакова. Неплохой список! Так вот: генералы Деникин и Романовский выведены в «Тихом Доне», генерал Марков подробно показан в «Хождении по мукам», а в пьесе «Бег» дано прямое изображение Крыма при Врангеле, то есть та же тема, что у Марка Еленина. Невозможно, конечно, сравнивать текущую беллетристику с литературной классикой. Мы и не собираемся сравнивать в данном случае природу художественности, глубину образов, язык. Речь идет лишь о том, что сравнительно легко выделить из сугубо художественного пласта, то есть о самом жизненном материале, положенном в основу.

У Шолохова, А. Толстого и Булгакова изображены – с необычайной художественной силой! – многие темные стороны белогвардейщины: расправы с пленными, разгульное пьянство, изнасилования. Но разве хоть где-нибудь можно увидеть у названных писателей равнодушие к изображаемому? И разве в «Тихом Доне» тот же генерал Деникин не показан как противник умный и сильный? И разве герои «Бега» только пьянствуют и скандалят, а не размышляют мучительно о судьбах родины и своем собственном неудавшемся пути?

Нагромождая ужасы, словно бы любуясь всем этим кромешным безумием, Марк Еленин низводит трагедию до анекдота, «хохмы».

Вспомним опять-таки «Тихий Дон», сцену отступления, безнадежного бегства Белой армии, казачьего унтер-офицера, измученного, с обмороженными руками, который посреди всеобщего распада тащит с несколькими такими же усталыми людьми тяжелые пушки. «Жизни решусь, а батареи не брошу!» – говорит он. Решимость и стойкость этого обреченного человека не могут не вызвать сочувствия. «Никому не нужный Тушин», – точно и горько определил его характер П.В. Палиевский.

Легко представить в этой связи, как подобную картину описал бы Марк Еленин. Ясно, что казак с обмороженными руками оказался бы сифилитиком, пьяницей и грабителем, а пушки тащил бы лишь затем, чтобы продать их на ростовской толкучке. Трагедия исчезла, остается еще один ком пахучей грязи.

Есть ли все же в этом романе среди мерзкого людского месива хоть какие-то герои, вызывающие авторскую симпатию? Есть. Их так немного, что можно рассмотреть каждого. Заметим,

что все эти герои – вымышленные, рожденные, так сказать, авторским воображением. Безусловно положительным является доктор Аркадий Львович Вовси – эпизодический герой, врач, «маленький человечек, словно гномик, появившийся из расщелины». О нем говорится скупо: «Никого у него не было на земле, он мог пристать к любому берегу». Герой случайно «пристал» к берегам крымским, лечит старого князя Белопольского. Когда в Крыму ненадолго установилась советская власть, «бывших» стали арестовывать, увели и Белопольского, ему, как и другим, грозил расстрел. Тогда доктор Вовси побеседовал со следователем ВЧК, человеком, по словам автора, «достаточно доброжелательным и интеллигентным», и старого князя сразу выпустили; следователь сказал на прощанье обрадованному старику, что доктор Вовси, мол, за него поручился…

Намечается вроде бы интересная линия, да и герой любопытен, но… Мелькнув в начале романа, доктор Вовси вскоре исчезает из поля зрения автора: пропал при белых, а почему, как – подробности не сообщаются. Жаль, интересный характер оказался не развернут.

Старому князю Белопольскому тоже уделено мало места, слова он произносит стертые и тусклые, на уровне школьных учебников, свое «славянофильство» отстаивает вяло и нудно. Зато много говорит другой положительный герой, профессор истории Шебеко – «ученик гениального Ключевского» (несколько преувеличена авторская характеристика В.О. Ключевского, но это уж дело вкуса). Шебеко либеральничает по поводу русской истории, в которой, мол, волю «диктовали нам татары, немцы, японцы», дважды обыгрывается летописное: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет (хотя в летописи говорится другое: «а наряду в ней нет», – о чем ученик Ключевского не мог не знать); так всегда, мол, было и будет, ничего хорошего не случалось, да и ждать не приходится…

Названные «положительные» герои ничего не говорят (не задумываются?) о судьбах России на ее великом историческом переломе. Зато обстоятельно и вполне определенно высказался на ключевые темы другой герой – сын историка Шебеко, бывший присяжный поверенный (адвокат то есть), а затем темный гешефтмахер. Рассуждения его о понятиях Россия, родина заслуживают внимания.

«И что такое вообще Россия? Огромная империя, распластавшаяся по всему глобусу? Где, кто и когда определил ее границы? То, что мы когда-то отобрали у турок? У австрияков? И отдали япошкам? Объясните! Где начинается и где кончается

отчизна? В границах моего поместья? Его у меня нет. За стенами петербургского особняка?.. Все это фикция! Родина там, где мы живем и трудимся. Там, где мы кормимся, где нам дают хлеб насущный… Интеллигенции не за что бороться. Математик может разрабатывать свои теоремы в какой угодно стране. Я способен проводить скупку-продажу панамских акций в Индии, а индийских на Шпицбергене. Росли бы при этом мои прибыли, все остальное – начиная со свободы! – мы себе купим. А квасной патриотизм – во что он только не вырождался! И в славянофильство, и в шовинизм, и в «Союз русского народа»…».

Разумеется, не стоят внимания глумливые рассуждения гешефтмахера, все это не ново и очень хорошо нам знакомо. Но вот что примечательно: на всем протяжении довольно пространного повествования никто – ни все остальные герои, ни автор – не опровергает вышеприведенных рассуждений, им **ничего** не противостоит: дескать, сам разбирайся, читатель!

Потребитель литературы «из жизни виконтов» обожает все новомодное. Сейчас, например, стали много писать о масонстве, – пожалуйста, в романе Марка Еленина несколько раз поминаются масоны (и один раз даже «жидомасоны»). Никакой оценки масонству не дается: кто они, хороши, плохи ли – автор не поясняет, просто помянуты, и все тут.

Кружится, кружится хоровод уродов и нелюдей, представляющих собой, по мысли автора, всю старую Россию. В последних строках книги приводится итоговое суждение, что революция выбросила за границу «всю мерзость старой России, весь этот сор, всю гниль». Оптимистический, так сказать, конец: так им и надо! И неловко тут даже вспоминать, что в понятие «сора» и «гнили» зачисляются, стало быть, Шаляпин и Рахманинов, Анна Павлова и Бунин, Малявин и Куприн, тот же Вертинский, наконец. Трагедия этих талантливых художников заключалась в непонимании глубинных основ нашей народной революции. Но народ всегда отделял их и им подобных от генерала-грабителя Шкуро или от белогвардейцев, творивших массовые расправы.

Когда милиционер ловит вора, применяя физическую силу, – это не трагедия. Трагедия – это судьба Григория Мелехова, Даши и Кати, булгаковских героев, потерявших путь и ориентиры в жизни. Трагедия – это общая судьба народа на крутом историческом изломе. Пусть это будет оптимистическая трагедия, пусть решение находится положительное, трагедия все равно остается. И вряд ли справедливо и благородно превращать трагическое прошлое в кунсткамеру.

«Наш современник», 1981, № 11

Документ № 10
«Некритически относился к антисоветской деятельности»

Спасибо журналу «Источник». Только из публикации «Пресечь враждебные проявления «русизма» (№ 6, 1994 г.) я узнал, что с должности главного редактора журнала «Человек и закон» я был снят по предложению председателя КГБ Ю. Андропова, который считал, что «Семанов С.Н. в своем окружении распространяет клеветнические измышления о проводимой КПСС и советским правительством внутренней и внешней политике, допускает злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства». За этими грозными фразами кроется обвинение в «русизме», т.е. в русском традиционном мировоззрении.

Секретная записка Ю. Андропова в ЦК КПСС датирована 28 марта 1981 г. 17 апреля того же года меня сняли с работы. Что же случилось потом? В августе 1981 г. КГБ арестовало А.М. Иванова, автора многих «самиздатовских» работ, моего отдаленного знакомого. В марте 1982 г. меня привезли в Лефортово, допрашивали два дня, устроили очную ставку с Ивановым, всячески угрожали. Все предъявленные мне обвинения я отрицал.

В июне состоялся суд над Ивановым. Он признал свою вину и получил «мягкий» приговор: год строгой изоляции (он уже отбыл его к тому времени в тюрьме) и пять лет ссылки. Судебная коллегия под диктовку КГБ направила «частное определение», касающееся меня (на суде оно не оглашалось). В итоге долгого разбирательства в писательской организации Москвы я получил строгий выговор с занесением в партийную карточку. Меня снова изгнали с работы – уже из скромного «Альманаха библиофила» и из Педагогического института им. Ленина, где я долгие годы преподавал, изгнали со всех общественных должностей, негласно лишили права работать и печататься. Так продолжалось три года.

Предлагаю вниманию читателей «Источника» копию частного определения, которую я самолично перепечатал на машинке парткома Московской организации СП с разрешения тогдашнего парторга В.И. Кочеткова. Прошу также опубликовать материалы «Радио Свобода» – сам я с ними познакомился совсем недавно.

Сергей СЕМАНОВ

Частное определение

Копия

24 июня 1982 г. судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда под председательством Богданова В.В. в открытом судебном заседании установила:

москвич, научный сотрудник Иванов Анатолий Михайлович признан виновным в том, что, будучи враждебно настроенным к существующему в СССР общественно-политическому строю, в 1971 – 1981 гг. умышленно в целях подрыва Советской власти систематически производил антисоветскую агитацию путем распространения, размножения среди широкого круга лиц сочинений, содержащих клеветнические измышления против советского общественно-политического строя.

Иванов А.М. признал себя виновным в написании и распространении журнала «Вече», собственных работ «Рыцарь неясного образа», «Логика кошмара».

Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что одним из лиц, с которым Иванов А.М. поддерживал постоянные отношения, являлся член Московского отделения Союза писателей Семанов Сергей Николаевич, которого интересовали работы, статьи Иванова А.М., его участие в «Вече» и сам журнал. Регулярно с 1971 по 1974 гг. Иванов А.М. передавал Семанову С.Н. экземпляры каждого из 10 выпусков, а Семанов за полученный экземпляр платил Иванову от 10 до 15 руб.

В 1977—1978 гг. Иванов передал Семанову написанные им антисоветские пасквили «Рыцарь неясного образа» и «Логика кошмара».

Как видно из материалов уголовного дела, статья «Логика кошмара» написана Ивановым под влиянием идей Семанова, который их высказывал в беседах и разговорах с Ивановым.

В судебном заседании установлено, что Семанов, имея влияние своим авторитетом на Иванова, в своих беседах с ним по существу подстрекал Иванова к изготовлению и распространению клеветнических документов в отношении отдельных членов Союза писателей. Одним из таких документов является изготовленный Ивановым текст «По поводу письма Куняева»[10], подписанный им «Василий Рязанов». Текст был размножен во многих экземплярах и разослан членам Союза писателей по списку, составленному Семановым (данное письмо не вменялось Иванову в вину по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР).

Иванов на следствии и в суде показал, что Семанов, зная о

наличии у него вызова на постоянное жительство в Израиль, настоятельно рекомендовал реализовать вызов, выехать за границу и начать там выпускать журнал, подобный «Вече».

В судебное заседание Семанов, вызванный в качестве свидетеля, по болезни не явился. В соответствии со ст. 286 УПК РСФСР показания Семанова, данные им в ходе предварительного расследования, были оглашены на судебном заседании. На очной ставке с Ивановым 24 марта 1982 г. Семанов подтвердил, что ему было известно об участии Иванова в издании нелегального машинописного журнала «Вече», что в журнале помещались статьи Иванова под псевдонимом «Скуратов», что от Иванова получал экземпляры всех выпусков журнала и за каждый платил по 10– 15 руб.

Семанов также показал, что после прочтения очередного выпуска он его уничтожал. Такое заявление Семанова подтверждает, что ему была понятна антисоветская направленность журнала. Остальные обстоятельства Семанов отрицал.

Материалы предварительного и судебного следствия не дают основания коллегии полагать, что Иванов умышленно оговаривает Семанова, тем более, что факты, о которых давал показания Иванов, как в отношении конкретных обстоятельств, так и в отношении конкретных лиц, нашли объективное подтверждение в суде. И Иванов, и Семанов показали, что отношения между ними были нормальные, доверительные, неприязни и вражды между ними не было.

Судебная коллегия признает указанные выше фактические действия Семанова подтвержденными материалами предварительного и судебного следствия.

Все вышеприведенные обстоятельства свидетельствуют о недостойном поведении Семанова, кандидата исторических наук, члена ССП и состоящего в рядах КПСС, который не только некритически относился к антисоветской деятельности Иванова, с которым длительное время поддерживал тесные отношения, но по существу своими разговорами и советами поощрял противоправную деятельность Иванова.

Судебная коллегия находит, что изложенные факты недостойного поведения Семанова должны стать предметом обсуждения Московского отделения Союза писателей и его партийной организации.

Копию частного определения направить первому секретарю Московской писательской организации Ф.Ф. Кузнецову, секретарю парторганизации В.И. Кочеткову для обсуждения и принятия мер по отмеченным в определении вопросам в

отношении Семанова С.Н.

28 июня 1982 г.

И. о. председателя
Московского городского суда
Л.К. МИРОНОВ

№2
РАДИО СВОБОДА:
МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА

15 октября 1982 года
РС 164/82
АРЕСТ СЕРГЕЯ СЕМАНОВА
Ю. Вишневская

По неподтвержденным сообщениям, в начале августа 1982 г, в Москве был арестован [11] Сергей Николаевич Семанов, историк, журналист, редактор, литературный критик. И, что самое удивительное, – номенклатурный работник. Ибо Семанов был арестован по политическому обвинению и содержится в Лефортовской тюрьме КГБ.

Официальная биография Семанова такова: Сергей Николаевич Семанов родился 13 января [12] 1934 г. в Ленинграде. Окончил исторический факультет Ленинградского университета. Печатался в различных советских изданиях, начиная с 1956 г. Длительное время работал в научных учреждениях. Автор книг «Макаров», «Памятник „Тысячелетие России“, „Сердце Родины“ (сборник литературно-критических статей), „Тихий Дон“: литература и история», «18 марта 1921», «Брусилов», «Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года». Автор ряда работ по русской истории и истории русской Гражданской войны 1918—1920 гг. Кандидат исторических наук. С 1969 г. – заведующий редакцией серии «Жизнь замечательных людей» издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». В ноябре 1976 г. [13] утвержден главным редактором научно-популярного журнала Министерства юстиции СССР «Человек и закон». Член коллегии Министерства юстиции СССР [14]. Член КПСС.

Начиная с июня (№ 6) 1981 г. Семанов перестал возглавлять редакцию журнала «Человек и закон», причем, насколько это известно, не по своей воле, несмотря на то, что в бытность его главным редактором в журнале помимо статей, посвященных правовому просвещению широких народных масс, регулярно публиковались разного рода «разоблачения» западного образа

жизни при отсутствии, с другой стороны, материалов с критикой каких бы то ни было явлений советской действительности. В момент своего ареста Семанов возглавлял один из отделов издательства «Молодая гвардия».

Неофициально Семанов известен в качестве одного из столпов т. н. «эстаблишментской правой» (пользуясь выражением эмигрантского исследователя этого феномена Александра Янова), одним из крупнейших теоретиков «национал-большевизма» (сводящегося, по сути дела, к соединению традиций крайне правых учений дореволюционной России с традициями сталинизма, прежде всего, позднего сталинизма периода печально известной «борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом»). Славе такой Семанов обязан одной из своих статей, опубликованных в журнале «Молодая гвардия». Тогда в статье Семанова «О ценностях относительных и вечных», в которой интеллигенция прежде всего увидела попытку оправдания сталинского «великого террора», в частности, говорилось:

«Теперь ясно видно, что в деле борьбы с разрушителями и нигилистами перелом произошел в середине 30-х годов [15]. Мне кажется, что мы еще до сих пор не осознали всю значимость гигантских перемен, случившихся в ту пору. Эти перемены оказали самое благотворное влияние на развитие нашей культуры».

В той же статье Семанов объявил Октябрьский большевистский переворот 1917 г. (который, к слову сказать, в среде «диссидентской правой» считается результатом деятельности иностранцев и инородцев, венгров, евреев, латышей, китайцев) «бесценным национальным достоянием», «великой русской революцией, открывшей новую эпоху в судьбе Родины и всего мира».

Эта статья Семанова произвела целую бурю в «самиздате», где тогда, в 1970 г. еще не было разделения на диссидентов «правых» и «левых», «западников» и «националистов». В частности, в то время еще всеми диссидентами почитаемый историк-марксист Рой Медведев посвятил «Молодой гвардии» и Семанову значительную часть «Политического дневника» № 75 за декабрь 1970 г. По сведениям Роя Медведева, в числе других авторов, писавших свои статьи с критикой «Молодой гвардии» в редакции ряда советских журналов, были Феликс Кузнецов (ныне первый секретарь правления Московской писательской организации) и Раиса Лерт (ныне последний не арестованный член редколлегии свободного самиздатского журнала «Поиски»). Однако ни «Новый мир» статью Кузнецова, ни «Вопросы

литературы» статью Лерт, ни какой-либо другой советский журнал какую-либо критическую статью на эту тему не опубликовал. Статья Лерт увидела свет два года спустя в сборнике «Новый колокол», в Лондоне [16]. А Кузнецов, хотя и гораздо позже, но все-таки дождался своего часа: именно с его статей в «Вопросах литературы» и «Литературной газете» начался официальный поход на «неославянофилов» и «национал-коммунистов» в советской историографии и истории литературы [17].

Мало кому, однако, известно, что Семанов отнюдь не всегда был тем поборником «идеи русской великодержавности», каким он представился автору «Трактата о прелестях кнута».

Так, еще в 1957 году Семанова таскали в Ленинградское КГБ по делу т. н. «Союза коммунистов», и он категорически отказывался дать какие бы то ни было угодные следствию показания, валя свои «не знаю» и «не помню» на опьянение. Уже после суда Семанов писал письма в лагерь одному из осужденных по этому делу Борису Пустынцеву (кстати, единственному из них не коммунисту, а либералу) [18].

В декабре 1966 г. Семанов в соавторстве с другим кандидатом исторических наук В. Старцевым опубликовал в «Новом мире» Твардовского «вольнодумную» рецензию на книгу «ветерана комсомола» А.Н. Ацеркина, за что был удостоен разноса на страницах «Комсомольской правды» [19].

Переворот в мировоззрении Семанова странным образом совпал с моментом его переезда из Ленинграда в Москву и назначением на ответственный пост в издательстве ЦК комсомола. Именно с этого момента Семанов начинает регулярно публиковаться в «Молодой гвардии» и становится одним из вождей «охранительного направления» в советской исторической науке, продолжая одновременно делать карьеру.

Тем не менее, отдалившись в силу вышеизложенного от своих старых друзей, Семанов по всему сблизился с диссидентами совершенно другого направления.

11 августа 1981 г. в Москве был арестован представитель крайне первого [20], т.е. безрелигиозного и расистского, крыла русского национального движения Анатолий Михайлович Иванов (известный в «самиздате» под многозначительным псевдонимом М. Скуратов – в честь знаменитого сподвижника Ивана IV Грозного Малюты Скуратова).

В декабре того же года поступили сообщения, что по делу Иванова вызываются на допросы в КГБ или называются в ходе допросов к тому времени уже полгода как бывший главный редактор журнала «Человек и закон» С.Н. Семанов и два

сотрудника редакции этого же журнала, недавно удостоенный высшего в СССР звания «Народный художник СССР» личный портретист Л.И. Брежнева Илья Глазунов, работник Генштаба Советской армии и два сотрудника КГБ. В середине апреля 1982 г. стало известно, что Иванов дает «откровенные» показания. 13 мая был арестован первый из «свидетелей» по делу Иванова (Скуратова) – бывший политзаключенный Леонид Бородин.

Пока еще невозможно распознать, чем вызван арест Семанова: какими-нибудь из ряда вон выходящими «разоблачениями» Иванова или – что может быть гораздо страшнее – продолжением его спора с Феликсом Кузнецовым другими средствами. И в том, и в другом случае подобный неожиданный арест бывшего члена коллегии Министерства юстиции СССР есть происшествие сенсационное. Такое развитие событий не может не потревожить и тех, кто не разделяет ни взглядов «национал-коммуниста» Семанова, ни воззрения ортодоксального коммуниста Кузнецова.

Ведь в конце концов, при всех самых фантастических слухах, распространяемых в связи с делом Иванова – Бородина – Семанова, нет ни одного, который в конце концов не сводился бы к тому, что все арестованные по этому делу посажены в тюрьму за высказывание неортодоксальных убеждений.

«Источник», 1996, № 2.

Документ № 11
«Пламенные революционеры» и их певцы

Как-то по телевидению (сошлемся для точности – вторая программа 20 апреля) показывали пересмешки на современные темы, и два неизвестных мне актера исполнили частушку, достойную упоминания в печати. У нас, мол, недавно было выгодно бранить Запад, чем и занимались некоторые наши видные деятели, – затем припев:

Кто ж они? Сейфуль-Мулюков,
Цветов, деловой мужик,
Зорин, вроде б от науки,
И, конечно, Боровик.

Затем, напевали далее актеры, у нас опять нашлись исполнители: «Кто ж они: Сейфуль-Мулюков» и т.д. А если вдруг опять вскоре придется бранить Запад, и тогда найдутся деятели: «Кто ж они?.. И, конечно, Боровик».

Смешно, остроумно, а главное – точно. Как насчет ближайшего будущего – не знаем, но о прошлом и настоящем все правильно: из Савла в Павлы (или наоборот). Но если Святой Апостол Павел в многочисленных своих посланиях постоянно порицал свое прошлое в обличии грешника Савла, то нынешние-то и ухом не ведут. Другие тут заботы и терзания.

Ну, то политика, а у нас заметки о литературе. Правда, о «литературе», которая выпускалась в сугубо «политическом» издательстве. Да еще в каком!

Двадцать лет назад управлял партийной идеологией в Советском Союзе известный ныне демократ А.Н. Яковлев. Имелось в его непосредственном подчинении издательство ЦК КПСС «Политиздат», а в оном с 1968 года появилась книжная серия «Пламенные революционеры». Цель ее была внешне проста – воспевать героев насильственной перекройки мира, начиная от Робеспьера и Марата до Дзержинского и «всесоюзного старосты» Калинина. Ну, ничего вроде бы особенного, мало ли такого добра выпускалось в наших издательствах?.. Но у Яковлева план был свой, особый и весьма неожиданный, как теперь можно с очевидностью разглядеть.

Кто же стали портретистами галереи «Пламенных…», кому доверили это почетное и небезвыгодное задание? Назовем имена авторов, издавших там не по одной книжке: В. Долгий, Э.

Миндлин, Б. Костюковский и С. Табачников (соавторы), Л. Славин и др.

Да, был спрос, нашлось и предложение. Кто разрабатывал поворот рек, кто БАМ или снос российских деревень, а кто-то воспевал Крупскую и Коллонтай. По Марксу, это и есть общественное разделение труда. Тут же оговоримся – в серии попадались и подлинно серьезные произведения, например, Ю. Давыдова, очень интересного и недооцененного у нас исторического писателя. Но это, подчеркнем, исключения. Однако важно и другое: большинство тех авторов не витийствовали тогда на литературных сбеговках и не либеральничают теперь задним числом. Каковыми были, таковыми и казались.

Ну, а другие, кто не воспевал «пламенных», но жил и работал в ту же тягучую брежневскую пору, – мы-то безгрешны, что ли? Полезно в таких случаях спросить прежде всего с самого себя. Так вот: в 1961-м, совсем еще молодым автором, издал я в столичном «Учпедгизе» книжку с характерным названием: «Во имя народа. Очерк жизни и борьбы Александра Ульянова». Воспел я до небес несчастного юношу, который хотел учредить мировое счастье с помощью бомб, начиненных отравленными пулями, а бомбы те надлежало бросить среди бела дня на многолюдном Невском проспекте…

Ужасно это, как я сейчас понимаю, да разве я один! Тогда же, в самом конце пятидесятых, многие молодые интеллигенты полагали совсем иначе, того же держался и я. Опять спрошу: бранить нас за это или пожалеть? Но главное в ином: именно так я тогда и думал, а не играл роль. Поветрие было такое в обществе, род социальной болезни, и я тоже его перехворал. Неприятно мне теперь эту первую свою книгу в руки взять, но твердо скажу: совесть моя спокойна, ибо писал, как думал. Смешно и глупо было бы сейчас притворяться, что ничего не помню и не ведаю я о сентиментальном терроризме.

Кто бросит в меня камень? Солженицын? Согласен принять удар из штата Вермонт, хотя и далековато оттуда до Москвы… Ну а кто еще? А ведь сейчас появился целый пучок людей, бывших членов Союза писателей и даже КПСС, что возвращаются сюда «из-за бугра» на сверкающих колесницах, мечут громы и молнии, разоблачают и получают. Вот о них-то и пойдет далее речь.

Самая беспристрастная область гуманитарных знаний – библиография. Вот уж истинно тут ничего «не вырубишь топором», хотя попытки такие предпринимались неоднократно. Даем ниже объективную библиографическую справку в хронологическом, как положено, порядке:

1970. Гладилин А. Евангелие от Робеспьера.
1971. Окуджава Б. Глоток свободы. Повесть о Пестеле.
Аксенов В. Любовь к электричеству. Повесть о Красине.
1972. Войнович В. Степень доверия. Повесть о Вере Фигнер.
1973. Войнович В., указ. соч., 2-е изд.
Корнилов В. Сказать не желаю. Повесть о В. Обнорском.
1974. Гладилнн А. Сны Шлиссельбурга. Повесть о Мышкине.
Аксенов В., указ. соч., 2-е изд.
1975. Орлова Р. Поднявший меч. Повесть о Джоне Брауне.
Поповский М. Побежденное время. Повесть о Н. Морозове.

Продолжим справку: тиражи тут обыкновенно достигали двухсот тысяч, авторский гонорар – наивысший для той поры. Поскольку серия выходила под знаком ЦК КПСС, то все книги были вне воздействия критики – о них либо молчали, либо скучновато хвалили. Кажется, только автор этих строк решился покритиковать в печати книгу Аксенова, причем никак не касаясь вопросов идеологии, а именно за «небрежение к солидной основательности, свойственной жанру», за «историческую приблизительность» («Вопросы литературы», № 10, 1973). Несмотря на сугубую академичность упреков, тут же мне стал возражать друг и коллега автора А. Гладилин, хотя и он соглашался, что книга «грешит беглой исторической разработкой» и ее «нельзя причислить к шедеврам биографического жанра».

Ну, о каких-либо «шедеврах» относительно данного книжного ряда не стоит даже поминать. Литературно-исторический уровень всех сочинений весьма невысок, куда уж. Некоторым исключением является книга покойной Р. Орловой: специалист по литературе США, она составила обстоятельное жизнеописание американского революционера прошлого века Джона Брауна, хотя искусственный «революционный пафос» и здесь до неприятности чрезмерен (в середине семидесятых подобного уже не требовалось).

А все остальные… Не хочу и не буду употреблять никаких осудительных слов, довольно их слышим мы ныне вокруг, но нельзя объективно не признать, что авторы чертили эти свои произведения «одной левой», кое-как, явно полагая их чем-то для себя второстепенным. Сейчас, когда все мы дожили наконец до относительной свободы слова, да и роль «пламенных» в судьбе несчастной России стала очевидной, составить литературный фельетон на данный сюжет легче легкого. Вот почему и не станем этого делать – бить лежачего. Книги самых известных писателей в этом ряду – Аксенова, Войновича и Гладилина – настолько

безнадежно слабы, что в том может убедиться всякий непредубежденный читатель: книжного добра этого полно в любой библиотеке.

Это особенно хорошо видно на примере даровитого Булата Окуджавы, которому выпала обязанность воспеть маниакального цареубийцу – Пестеля. Уж как ему не хотелось выражаться прямо! И отвлечений много напридумывал, и главным по сути персонажем сделал некоего вымышленного чиновника из мелких и молодых, и замолчал многие весьма мрачные обстоятельства в заветах героя. Пришлось автору прибегнуть к разного рода намекам («аллюзиям»): мол, Россия – страна деспотическая, так было, так и пребудет вовеки. Не станем тут запоздало пенять по поводу намеков и иносказаний, многим приходилось тогда так поступать (и автору этих строк тоже, другого выхода подчас не имелось). Но в итоге получилась не биография Пестеля, а именно некая сумма намеков. Тут же произошел непредвиденный казус: книгу Окуджавы переиздало издательство «Посев» с ясными политическими намерениями. Возник у нас небольшой идеологический скандальчик. Окуджаве пришлось осторожно покаяться в «Литгазете», и дело замяли. Эпизод, прямо скажем, характерный для данного сюжета.

К намекам прибегали многие авторы «пламенных». Почему, например, из сонма «ленинской гвардии» Аксенов выбрал именно Красина? Да ясно. В ту пору во главе «диссидентов» шли потомки той самой «гвардии»: сын Якира, внуки Красина и Литвинова. Они настойчиво требовали от брежневского руководства причитающейся им доли «революционного наследства», Аксеновский кукиш в кармане был тогда понятен всем, кому предназначался.

У нас о серии «Пламенных…» писали редко и тускло. Но вот за рубежом немногие отклики бывали порой весьма двусмысленны. Едва успел Аксенов испечь книжку о Красине (деятеле, к слову сказать, до сих пор непроясненном), как откликнулась американская русскоязычная газета «Новое русское слово». Автор рецензии А. Даров с простодушной прямотой писал: «Как и читателям СССР, Василий Аксенов известен в эмиграции по «Апельсинам из Марокко», а также потому, что он – сын Евгении Гинзбург… Если сравнить с другими авторами бесконечной «ленинианы» – Аксенов все же единственный, осмелившийся пустить в священные жилы Ленина электрическую кровь… Но больше всего он, кажется, любит апельсины, и они у него хороши, которые из Марокко» (4 ноября 1975 года).

Комплименты тут весьма заданные («сын Евгении Гинзбург») и даже вынужденные. Не станем спорить, но отметим как нечто

бесспорное: за годы долгой уже «перестройки» ни один московский кооператив не переиздал тех самых «Апельсинов…», хотя они только и занимаются перепечатками. И правильно, прогорели бы начинающие предприниматели.

Итак, отвлечемся от эстетики, ибо она тут изначально слабо представлена, но вот о подборе «пламенных» авторов нельзя не сказать, ибо в этом – вся суть примечательной книжной серии.

Рассмотрим дело, как говорили древние, «без гнева и пристрастия». Выше помянуты в библиографическом перечне десять книг восьми известных авторов. Из этих восьми шестеро вскоре после выхода своих книг в издательстве ЦК КПСС (напомним: Аксенов, Войнович и Гладилин по два раза) выехали «за бугор». Корнилов и Окуджава за ними не последовали, но верность коллегам сохраняли. Весьма примечательно тут соседство партийных ортодоксов (смотри выше) с этими самыми «диссидентами» в рамках одной книжной редакции. Отчего же, почему именно они, эти последние, были допущены к столь богатой фирме, а не иные-прочие?

Вот, скажем, так называемые «славянофилы», тоже ведь находившиеся в явной оппозиции к господствующей идеологии, где они тут? Нет их. Беспристрастно отметим, что такие известные тогда и сейчас авторы, как В. Кожинов. М. Лобанов, Ю. Лощиц и О. Михайлов, много занимались русской литературой и историей прошлого века. И даже более углубленно, чем Аксенов с Гладилиным. Почему же их тогда «не привлекли» к столь прибыльному сотрудничеству?

Ну, ладно, «славянофилов» тогда резко бранили в официальной печати, чему пример подал сам А.Н. Яковлев. Но ведь имелись еще и те, кто не исповедовал резких суждений, назовем двух весьма известных – Л. Аннинский, И. Золотусский. Тоже ведь не пригласили их в «пламенную» серию, хотя они – признанные знатоки русского XIX века, как, добавим, и В. Лакшин. Почему же? Или этих имен не слыхали хозяева серии? «Тайна сия глубока есть».

Что же, с другой стороны, влекло Аксенова, Гладилина и всех прочих в партийную серию, кроме житейски вполне понятного сребролюбия? Трудно даже предположить, чтобы, к примеру, Золотусский, автор биографии Гоголя, или Лобанов, автор биографии драматурга Островского, вдруг одновременно сочиняли бы жизнеописания современников своих героев – декабристов и разбуженного ими Герцена. Очень это выглядело бы странным.

Конечно, у Аксенова и иных «пламенных» сочинителей духовная и даже генетическая связь с «революцией» имелась. Ведь

создал же один автор сентиментальных романсов молитвенное песнопение про «комиссаров в пыльных шлемах» как о своей единственной любви. Ну, не в том даже дело, что шлемы те и кожанки не только пылью были испачканы, а еще кое-чем. Любопытно тут противоречие: комиссары те не очень-то жаловали авторов сентиментальных песенок, как отвлекающих «массы» от идеалов «мировой революции», и на практике поступали с ними довольно круто. Но факт есть факт: «Синий троллейбус» и многое прочее в том же роде сочинил поклонник приснопамятной «единственной гражданской» – одного из самых страшных бедствий в истории России. Родство с жестоким Пестелем тут, несомненно, обнаруживается.

Слов нет, участие «диссидентов» в изданиях ЦК КПСС было типичным «браком по расчету», причем с обеих сторон. Странноватое это «сожительство» продолжалось относительно недолго, но оно в высшей степени характеристично и заслуживает общественного внимания. Самое время о нем напомнить, учитывая необычайную активность некоторых бывших авторов и их поклонников в Москве.

Дальнейшая судьба певцов «пламенных» хорошо известна. Гладилин совершил особенно примечательную перепрыжку: от кассы ЦК КПСС прямо к сейфу радио «Свобода», где жалованье выплачивают службы… как бы сказать полегче… ну, антикоммунистические. И от такого перепада давлений не лопнули сосуды у «молодого писателя» на шестом десятке, крепкий, видать, мужик, как раньше на Руси выражались – хват. А никому не нужную серию «пламенных» вскоре потихоньку прикрыли: «перевоспитывать» добрым дедушкам от ЦК было уже некого, а неблагодарные «внуки» разлетелись кто куда.

Заканчивая наши заметки, вспомним их начало. Кто не так давно воспевал «пламенных революционеров», предтеч и творцов «Октября»?

Ясно кто: Базиль Аксенов
И Гладилин, крепкий хват,
И Войнович, без препонов,
И, естественно, Булат.

Наступили иные времена, соратников Ленина и Сталина теперь модно ругать, исполнители кто же? «Ясно кто: Базиль Аксенов» и т.д. А вдруг победит на очередных выборах Нина Андреева? Значит, опять воскреснет «пламенная» книжная серия. А певцы кто?

Ясно кто.

С. СЕМАНОВ
«Литературная Россия», 1991 г., 2 августа

Документ № 12
«Всю жизнь молчал и при полном молчании ушел из жизни… А вдруг выздоровеет?!»

С *составителем первой биографии Андропова «Юрий Владимирович» (М., «Столица», 1995) писателем Сергеем СЕМАНОВЫМ беседует Петр ПАЛАМАРЧУК.*

– Сергей Николаевич, вы – тертый калач в жизнеописаниях. И не только потому, что долгие годы заведовали знаменитой серией «ЖЗЛ» и сами выпустили там две биографии русских военачальников: адмирала Макарова и генерала Брусилова. Более проницательные читатели давно распознали, что ваши хитроумные «комментарии» к шолоховским книгам прославляют не столько названного автора, сколько былое величие России и ее служилых сословий, в первую голову казачества.

Но теперь вы, пользуясь этим опытом, взялись за задачу совершенно загадочную. Начать с того, что когда искусствовед В.И. Сергеев создавал в той же «ЖЗЛ» биографию Андрея Рублева, о котором почти что ничего жизнеописательного не известно, – это был действительно подвиг художничества. Однако сколь же искуснейшим приходилось быть вам, буквально вычислявшему биографию деятеля, вся жизнь которого прошла на наших глазах – но документально ничем, кроме газетной шелухи, не подтверждена? Ведь, описывая происхождение героя, вам пришлось прибегнуть к свидетельству разве что… Гоголя о Чичикове!

— Интересный вопрос. Да, как и уважаемый коллега Валерий Николаевич Сергеев, я никогда не видел своего «героя». Телевизор, конечно, не в счет – там и Гайдар выглядит, как подадут. Однако я не только был современником Андропова, но и находился под большим воздействием его силового поля. Оно было сугубо отрицательным, поэтому и оказывало мощное впечатление.

– Прежде чем перейти собственно к содержанию вашего труда, один «злой» вопрос. Что вас заставило покинуть руководство «ЖЗЛ» – не исчерпанность ли самого жанра? Сейчас, после нескольких неловких преемников, чуть было не загубивших более чем полувековую серию, она вроде бы возобновилась. Вышла, например, добротная работа М. Вострышева о Патриархе Тихоне. Только позволительно усомниться: а захотел ли бы он сам видеть

свое житие в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», где основателем серии значится М. Горький (хотя на самом деле учредил ее куда раньше Ф. Павленков), и вообще называться не Святым Новомучеником, а «замечательным человеком»? Я не раз слышал от вас в разговорах, что деятели – и отнюдь не безгрешные – наших дней не менее достойны своих биографий. Так, может, пора уже заводить новую серию, что-то наподобие «Жизни замечательных пролаз», в которой первою книгой и станет ваше произведение?

— Безусловно против издания биографий «пролаз». Возьмем хотя бы нынешних «банкиров» (хотя никакие они не банкиры, а просто ворюги). Имен не называю, а то еще в суд потащат, с их-то миллиардами… Кто бы уж ни был отец-основатель Ротшильд, с ними его не сравнишь. Разве только в том смысле, что большинство, возможно, его отдаленные потомки по плоти и духу. Тут я, конечно, имею в виду зачинателя династии Мейера.

– Помнится, при посещении Рыбной слободы на Волге, в первом неравном браке бывшей за Щербаковым, а во втором – за Андроповым, я был поражен следующим изобразительным рядом. В великолепном, совершенно столичного уровня краеведческом музее экспозиция начиналась с древнерусских икон, а оканчивалась в мемориальной комнате местного недолгого жителя Андропова его серыми брюками с красным лампасом. «Господи! – подумалось тогда. – Неужели и вся наша история такова?» Вы в своей книге, хоть и весьма коротко, касаетесь обстоятельств жизни тех, кто нами десятилетиями беспросветно правил. Ужли мы достойны были только тех чудищ?

— Ну, я не согласен с пошлым присловием, что каждый народ заслуживает своего правительства. На эту тему, кстати, много вариаций: каждый народ заслуживает таких инородцев, которых имеет; всякий муж – своей жены и так далее до бесконечности. А так ли уж благородны американские президенты? Вот Джон Кеннеди – божок нашей полуинтеллигенции в свое время. Теперь-то ясно, что это был плейбой, да и только, распутничал на ранчо и виллах, а за его «правлением» стояла группа помощников. Именно в них и стреляли, целя в него, заговорщики. Не могу не добавить одну воспоминательную подробность: в кабинете Олега Попцова оный портрет висел. Тогда он был еще комсомольским работником и писателем-соцреалистом, а теперь во главе российского теле. Каков герой, таковыми тамошние передачи.

– Вы сумели вычленить из множества слухов (которые до чрезвычайности достойно отвергли за покуда-что-неподтвержденностью) единственно те из андроповских деяний, что стоят вероятия. Дня меня, как тоже скромного летописца

минувшей эпохи, наиболее разительным открытием было ваше утверждение, что чрезвычайно ловко и коварно взобравшийся на самый верх всесильный руководитель Лубянки не знал, что ему далее делать. То есть он не имел никакой положительной программы преобразований – кроме разве бестолкового хватания шатающихся по улицам людей и выяснения, где кто работает. Неужели долголетний возглавитель наиболее изощренной тайной полиции не удосужился загодя подумать о том, зачем и куда он карабкается?

– Совершенно точно: никакой положительной программы он не имел. Возможно, это самое доказанное положение в моей скромной работе. Всю жизнь оголтело рвался к власти, а получив ее в огромной империи, не ведал, куда употребить. Облавы в банях и кинотеатрах никак уж нельзя назвать политикой. И не случайно он от этого сам же вскоре отказался.

– Как прозаика, меня подкупают ваш мягко-иронический тон и одновременно едкие подколки (чего стоит определение «одна из вдов писателя А. Ф-ва»). Вы также очень умело отвергаете обвинения во всяких «анти-», которые неумехи-писаки обычно берут как полено в руки в доказательство своего собственного существования. Все выверено точно: недаром автор был долголетним редактором наиболее тиражного и одновременно корректного журнала «Человек и закон» (пять миллионов до «перестройки» – не шутка). Но позвольте уж в качестве сотрудника по цеху попросить расширить вашу характеристику, которую в книге поневоле пришлось сократить, – и рассказать, каковы были взгляды вашего героя на текущую российскую словесность?

— Ну, все, что о том известно достоверного, я привел в самом тексте. Он любил Евтушенко с Шатровым и брюзжал покойному Георгию Маркову, что у нас преувеличивают значение «деревенской прозы» Это предельно характеристично.

– Скоро мы перейдем «на личности». Но сперва несколько каверзных уточнений:

а) зачем этот кокетливый подзаголовок «Зарисовки из тени» – чтобы мы поверили в вашу скромность?

б) «слабый и безыдейный» в вашем толковании Маленков – а ведь в последнее время появилось несколько публикаций о том, что это был далеко не такой простой партийный чинуша: дескать, предусмотрел многие послабления простому люду, а потом даже, как рассказывают, кончил певцом в церковном хоре – но ведь мог запросто встать во главе наиболее могущественной сверхдержавыXXвека?

в) вы славите К. Черненко за употребление слова «Родина» с

прописной буквы – между тем как это правописательное уродство было учреждено Сталиным лишь после второй мировой, когда «Бог» упорно печатался со строчной – и никогда не признавалось русскими людьми старой доброй выучки, чтившими Святую Русь отнюдь не посредством грамматики?

г) никак не соглашусь, что газеты времен Андропова были бессодержательны (стр. 89), – они, напротив, в отличие от невкусных брежневских каждый день раскрывались с ощущением живейшего ужаса: а ну как еще чего-то куда-то повернут?

д) в конце предпоследней страницы – к чему Брежнев объявлен живым еще лишних четыре дня?

— Нет, «из тени» – ибо я находился вдали от Андропова, но в его довольно страшноватой «тени».

На безрыбье и рак, известно что. Спасибо Константину Устиновичу, что Родину почитал хотя бы в грамматике. А о дате кончины Брежнева – тут явная опечатка.

– Теперь уж и самые вопросы по анкете. Но ведь вы сами даете к ним повод: книга чуть ли не на треть рассказывает о личных распрях с ее главным персонажем. Так что, начнем с вашего собственного революционного прошлого: правда ли, что первое свое «дело» вы перебыли еще в середине пятидесятых в Петрограде чуть ли не вместе с нынешним главой русской службы радио «Свобода» Юрием Гендлером?

— Это не совсем точно, по делу моего университетского товарища Гендлера я не проходил. Вскоре об этом будут опубликованы кое-какие документы.

– Еще одно существенное, как представляется, дополнение. Вы исключительно нейтрально поминаете того человека, который нынче распетушился в качестве квасно-кудашливого славянолюба, но тем не менее спроворился на следствии заложить вас с потрохами (уж простите, спрашиваю это в качестве того, кого его откровения тоже задели). Это что – христианское всепрощение? Не лучше ли было благодарно назвать – вы это начали, но оборвали на самом начале – тех, кто во время опалы вас не чурался и продолжал любить и принимать по-прежнему, как художник Юрий Селиверстов?

— На эту тему я объясняться не хочу. Не забывайте, что этот человек получил свое.

– Ваше «дело русистов» недаром было опубликовано по архивным документам, в приложении к «Родине» – журнале «Источник». Делая передачу об обоих изданиях по тому же радио «Свобода», мне довелось подсказать нынешним радетелям возвращения в светлые времена застоя не только левым, но и почвенникам: а вот такого вам не желательно?

– Ну, это уж ваши дела. Помните: «Ты сказал».

– Ваше отношение к дискуссии в альманахе «Вече» (1994, № 52) между неким С. Николаевым, в своей статье «Молодая гвардия» русского возрождения» прославлявшим основателей «русистов» как единственных защитников Отечества в 60—70-е годы, и резким возражением Евгения Вагина, в то же время боровшегося с марксизмом не словом, а делом?

— Опять же это дела Вагина; а я отвечаю только за написанное мною.

– Случайно встретивши философиню Ренату Гальцеву в ИНИОНе в день смерти вашего антигероя, я услыхал от нее глубоко душевное, хотя внешне и не очень православное: «Значит, Бог Россию не забыл!» На последней странице книги вы произносите две ключевые фразы, которые мы вынесли в заголовок беседы: «Всю жизнь молчал и при полном молчании ушел из жизни… А вдруг выздоровеет?!». Существует ли возможность еще одного воплощения…

— Рената была тогда совершенно права. Ну – а вдруг выздоровеет? Долгая и достаточно бурная жизнь убедила меня, что на свете, по Божьему попущению, возможно все что угодно. Какой Платон мог бы предполагать, что во главе великой русской армии станет Троцкий или что возможна бесчеловечная «шоковая хирургия»? Но ведь случилось же.

Благодарю за острые и веселые вопросы.

Январь 1996 г.

Литературная Россия», 1996, 2 февраля

Документ № 13
Письмо Ирины Юрьевны Андроповой начальнику Службы безопасности Президента РФ А.В. Коржакову

Я был счастлив помочь дочери Юрия Владимировича Андропова, хотя в обязанности службы это не входило.

А. Коржаков

Начальнику службы охраны Президента России
Коржакову А.В.

Уважаемый Александр Васильевич!

Простите, необходимость заставляет меня обратиться к Вам, человеку, которому, вероятно, знакомы проблемы нашей семьи и, надеюсь, помнящему Юрия Владимировича, моего отца.

Просьба моя такова. Долгие годы я наблюдалась в медицинских учреждениях бывшего 4-го Управления при Минздраве СССР. Я инвалидIIгруппы. Медицинский персонал и те лекарства, которые я принимаю, возможны только в тех учреждениях, где я лечилась прежде, что, соответственно, может быть засвидетельствовано врачами.

Сейчас ставится вопрос на комиссии о моем дальнейшем обслуживании в Медицинском центре при Правительстве Российской Федерации (поликлиника ПМЦ, Сивцев Вражек). Вопрос о моем пребывании в поликлинике (новый пропуск мне не выдан, пользуюсь временным) тянется уже несколько месяцев. Мне неловко тревожить Вас по такому частному поводу, но для меня это жизненно важный вопрос. Прошу Вас по возможности внимательно отнестись к моей просьбе.

С уважением
И. Андропова

Александр Коржаков. Борис Ельцин: от рассвета до заката.
М., 1997.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991.

Шебаршин Л.В. Рука Москвы. М., 1992.

Чазов Евгений. Здоровье и власть. М., 1992.

Медведев Р.А. Генсек с Лубянки. М., 1993; второе издание, М., 1999.

Шахназаров Г. Цена свободы. М., 1993.

Медведев В.А. В команде Горбачева. М., 1994.

Волкогонов Дмитрий. Семь вождей, т. 2. М., 1995.

Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. М-, 1995.

Семанов Сергей. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. М., 1995.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995.

Воротников В.И. А было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.

Казначеев Виктор. Последний Генсек. М., 1996.

Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. М., 1996.

Крючков В.А. Личное дело, т. 1—2. М., 1997.

Шаронин Вячеслав. КГБ – ЦРУ. М., 1997.

Минутко И.А. Бездна (Миф о Юрии Андропове). М., 1997.

Яковлев Александр. Омут памяти. М., 2000.

notes

Примечания

1

Рецензия на кн.: Игорь Андросов. На перекрестке трех стратегий. М., «Молодая гвардия», 1979

2

К документу приложена справка с резолюцией: «Ознакомить секретарей ЦК». Документ завизировали: А.П. Кириленко, М.А. Суслов, Б.Н. Пономарев, К.В. Русаков, А.Н. Шелепин, М.В. Зимянин.

3

Имеется помета: «Тов. Брежнев Л.И. ознакомился. 17 апреля 1968 г. Г.Э. Цуканов1 ».

4

Имеется помета: «С. Семанов освобожден от занимаемой должности. О чем сообщено тов. Карпещенко Е.Д.2 13 апреля 1981 г. С. Аветисян3 ».

5

Имеется помета: «В архив. Доложено. 23 апреля 1981 г. С. Аветисян».

6

См. документ № 2

7

...

8

Имеется в виду «Вече»

9

Кстати, Марк Еленин все время подчеркивает немецкое происхождение Врангеля, генерал даже ругается по-немецки, это сопровождается грубоватыми комментариями. Но из источников известно, что тот был из обрусевших шведов, а мать его происходила из родовитой русской фамилии.

10

В феврале 1979 г. С.Ю. Куняев, секретарь Московского отделения СП, направил письмо в ЦК КПСС, в котором говорил о сионистском влиянии в идеологии

11

Ошибка: С.Н. Семанов арестован не был.

12

Неточность: 14 января.

13

Неточность: в декабре 1975 г.

14

Семанов членом коллегии Минюста никогда не состоял.

15

…

16

Раиса Лерт. Трактат о прелестях кнута. // Новый колокол. Лондон. 1972. С. 55-74

17

Феликс Кузнецов. Вечно живые заветы (наследие революционных демократов и проблемы методологии современной критики) // «Вопросы литературы». 1979. № 12. С. 101—145. Он же. Родословная нашей идеи (революционно-демократическая критика и современность) // «Литературная газета». 22.10.1980. С. 4

С.Н. Семанов к этому делу не привлекался. Осужденному Б. Пустынцеву отсылал в лагерь книжные бандероли

19

А. Мильчаков, А. Безыменский. Кто же преувеличивает? // «Комсомольская правда», 24.3.1967. С. 2.

Видимо, следует читать: «крайне правого»